

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

2(84)
2026

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

ТЕМА НОМЕРА:

«Проблемы эффективности частноправового регулирования общественных отношений»

Правовой статус государственного учреждения: баланс публичных и частных норм при оценке эффективности использования бюджетных средств

О некоторых проблемах эффективности регулирования жилищных отношений и правовых позициях Конституционного Суда РФ в сфере жилищного права

Новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве и новые проблемы теории и практики

Основания, случаи и юридические факты, влекущие возникновение общей собственности

Договорные модели в рыбном хозяйстве

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издаётся с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);
доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

ЮДИН
Андрей Владимирович

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:
Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor (Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor (Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor (University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

6 Предисловие к выпуску

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 8 **Ананьева А.А.**
Проблемы эффективности правового регулирования транспортно-экспедиционных услуг в контексте законодательных изменений
- 19 **Бажина М.А.**
Статус собственника груза в перевозочных правоотношениях
- 26 **Беляева О.А.**
Договорные модели в рыбном хозяйстве
- 34 **Васькевич В.П., Молчанов Е.В.**
Гарантии защиты прав собственника при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд
- 42 **Виниченко Ю.В.**
Эффективность правового регулирования отношений из факта бесхозяйности имущества
- 50 **Гимадрисламова О.Р.**
Сравнительный анализ эффективности частноправовых и публично-правовых механизмов обеспечения конфиденциальности информации
- 64 **Гонгало Б.М., Бандо М.В.**
О некоторых проблемах эффективности регулирования жилищных отношений и правовых позициях Конституционного Суда РФ в сфере жилищного права
- 72 **Кузнецова О.А.**
Основания, случаи и юридические факты, влекущие возникновение общей собственности
- 82 **Кулаков В.В.**
Инфраструктурные гражданско-правовые договоры: к постановке проблемы
- 89 **Лескова Ю.Г., Ванин В.В.**
Предметный подход к формированию правового статуса субъекта блогерской деятельности
- 96 **Михайлова Е.В.**
Способы возмещения имущественного вреда, причиненного государству
- 104 **Морозов С.Ю.**
Новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве и новые проблемы теории и практики

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

6 Introduction to the issue

PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS
OF PRIVATE-LAW REGULATION
OF SOCIAL RELATIONS

- 8 **Ananyeva A.A.**
Problems of Legal Regulatory Effectiveness for Freight Forwarding Services in Light of Legislative Reforms
- 19 **Bazhina M.A.**
Cargo Owner's Status in Carriage Legal Relationships
- 26 **Belyaeva O.A.**
Contractual Models in Fisheries
- 34 **Vaskevich V.P., Molchanov E.V.**
Guarantees of Property Owners' Rights Protection in the Expropriation of Land for State and Municipal Needs
- 42 **Vinichenko Yu.V.**
The Effectiveness of Legal Regulation for Relations Involving Ownerless Property
- 50 **Gimadrislamova O.R.**
Comparative Analysis of the Effectiveness of Private and Public Law Mechanisms for Ensuring Information Confidentiality
- 64 **Gongalo B.M., Bando M.V.**
Some Issues of the Effectiveness of Regulating Housing Relations and the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Sphere of Housing Law
- 72 **Kuznetsova O.A.**
Grounds, Cases and Legal Facts Leading to the Emergence of Co-Ownership
- 82 **Kulakov V.V.**
Infrastructure Civil Law Contracts: Framing the Issue
- 89 **Leskova Yu.G., Vanin V.V.**
Conceptualization of the Institution of Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution
- 96 **Mikhailova E.V.**
Methods of Compensating for Property Damage Caused to the State
- 104 **Morozov S.Yu.**
New Changes in Freight Forwarding Legislation and New Challenges in Theory and Practice

111 Рузанова В.Д.
Вопросы систематизации отечественного
гражданского права в досоветский период:
доктринальный анализ

122 Серова О.А.
Правовой статус государственного
учреждения: баланс публичных
и частных норм при оценке эффективности
использования бюджетных средств

129 Соловых С.Ж.
Процессуальные гарантии защиты прав сторон
арбитражного судопроизводства в условиях
цифровизации экономического правосудия

138 Тужилова-Орданская Е.М.
Участие государства в хозяйственных
обществах: проблема эффективности
правового регулирования

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

145 Желудков М.А.
Инжиниринг цифрового контроля за опасными
формами поведения человека для общества
при предупреждении преступности

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

155 Колесниченко О.В.
Трендовые видео в социальных сетях и на
видеохостингах: проблемы определения
правового режима с позиции права
интеллектуальной собственности

165 Монастырский Ю.Э.
Согласованное избрание применимых норм
в судах и арбитраже Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

178 Григорьев В.Н., Пастухов П.С., Тарасов А.А.
О концепции как форме представления
результатов научного исследования
в докторской диссертации
профессора О.А. Зайцева

185 Корсаков К.В.
Свойства (признаки) уголовного наказания
как института уголовного права

111 Ruzanova V.D.
Issues of the Systematization of National Civil
Law in the Pre-Soviet Period:
A Doctrinal Analysis

122 Serova O.A.
Legal Status of a Government Institution:
Balancing Public and Private Norms
in Assessing the Effectiveness
of Budgetary Fund Usage

129 Solovykh S.Zh.
Procedural Guarantees for the Protection of
Parties' Rights in Arbitration Proceedings Amidst
the Digitalization of Economic Justice

138 Tuzhilova-Ordanskaya E.M.
State Participation in Business Entities:
Addressing the Effectiveness
of Legal Regulation

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

145 Zheludkov M.A.
Digital Control Engineering of Dangerous
Human Behaviors for Public Safety
and Crime Prevention

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

155 Kolesnichenko O.V.
Trending Videos on Social Networks and
Video Hosting Platforms: Problems
of Determining the Legal Regime from the
Perspective of Intellectual Property Law

165 Monastyrskiy Yu.E.
The Agreed Selection of Applicable Law in the
Courts and Arbitration of the Russian Federation

CRIMINAL LAW SCIENCES

178 Grigoriev V.N., Pastukhov P.S., Tarasov A.A.
On the Concept as a Form for Presenting
the Results of Scientific Research
in Professor O.A. Zaitsev's
Doctoral Dissertation

185 Korsakov K.V.
Characteristics (Features) of Criminal Punishment
as an Institution of Criminal Law

EN

195 **Машовец А.О.**
Стандарты доказанности и формальные
средства доказывания в уголовном процессе:
обзор научного наследия А.В. Смирнова

207 **Попова Е.М.**
Цифровые права как предмет хищения:
дискуссионные вопросы в уголовно-правовой
доктрине и способы их разрешения

Трибуна молодого ученого

217 **Алимгафарова А.Р.**
Трансформация гражданско-правового
договорного регулирования
предпринимательских отношений
под влиянием банкротных рисков

226 **Анисимова А.С.**
Правовая определенность как гарант прав
и свобод личности в правовом государстве

233 **Зимасова А.А.**
К вопросу о формировании внутреннего
убеждения судьи при принятии решения
об избрании или продлении меры
пресечения в досудебном производстве

242 **Ступин П.А.**
Трансформация реквизита добросовестности
в приобретательной давности
в судебной практике

195 **Mashovets A.O.**
Standards of Proof and Formal Means
of Proving in Criminal Proceedings:
A Review of A.V. Smirnov's Scientific Legacy

207 **Popova E.M.**
Digital Rights as an Object of Theft:
Debates in Criminal Law Doctrine
and Their Resolution

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

217 **Alimgafarova A.R.**
Transformation of Civil Law Contract
Regulation of Entrepreneurial Relations
under the Influence of Bankruptcy Risks

226 **Anisimova A.S.**
Legal Certainty as a Guarantor of Individual
Rights and Freedoms in a Rule-of-Law State

233 **Zimasova A.A.**
On the Formation of a Judge's Inner Belief
when Deciding on the Application
or Extension of Pre-Trial Measures of Restraint

242 **Stupin P.A.**
The Transformation of the Criterion
of Good Faith in Acquisitive Prescription
in Judicial Practice

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию номер журнала объединен сквозной идеей, которая в последние годы приобретает не просто теоретическую, но остроактуальную практическую значимость. Речь идет об эффективности частноправового регулирования – категории, долгое время остававшейся в тени догматического анализа, однако сегодня требующей переосмысления в условиях цифровизации, экономических сдвигов и пересмотра роли государства в имущественном обороте. Традиционная цивилистика исходила из презумпции, что частное право, основанное на диспозитивности и автономии воли, саморегулируется достаточно эффективно. Однако, как показывают исследования последних лет, простая констатация наличия нормы недостаточна. Эффективность следует измерять соотношением между поставленной законодателем целью и реально достигнутым результатом, между заложенными стимулами и действительным поведением участников оборота.

В номере представлены статьи, охватывающие широкий спектр направлений современной цивилистики. Рассматриваются проблемы эффективности регулирования жилищных отношений в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ (Б.М. Гонгалов, М.В. Бандо). На историческом материале проводится доктринальный анализ вопросов систематизации отечественного гражданского права в досоветский период (В.Д. Рузанова). Исследуется проблема эффективности правового регулирования участия государства в хозяйственных обществах (Е.М. Тужилова-Орданская) и анализируется баланс публичных и частных норм при оценке эффективности использования бюджетных средств в правовом статусе государственного учреждения (О.А. Серова). Предлагаются процессуальные гарантии защиты прав сторон арбитражного судопроизводства в условиях цифровизации экономического правосудия (С.Ж. Соловых). Подвергается критике эффективность правового регулирования отношений из факта бесхозяйности имущества (Ю.В. Виниченко). Разграничиваются основания, случаи и юридические факты, влекущие возникновение общей собственности (О.А. Кузнецова). Обосновывается выделение инфраструктурных договоров как особого вида гражданско-правовых обязательств (В.В. Кулаков). Предлагается предметный подход к формированию правового статуса субъекта блогерской деятельности (Ю.К. Лескова, В.В. Ванин). Анализируются новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве и порождаемые ими проблемы теории и практики (С.Ю. Морозов), а также проблемы эффективности правового регулирования транспортно-экспедиционных услуг в контексте законодательных изменений (А.А. Ананьева).

Проблематика договорного регулирования и защиты прав в условиях экономической нестабильности раскрывается в исследованиях, посвященных отраслевой специфике и трансформации правовых институтов. Исследуются

договорные модели в рыбном хозяйстве (О.А. Беляева) и статус собственника груза в перевозочных правоотношениях (М.А. Бажина). Особое внимание уделяется механизмам защиты прав: рассматриваются гарантии защиты прав собственника при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд (В.П. Васькевич, Е.В. Молчанов), проводится сравнительный анализ эффективности частноправовых и публично-правовых механизмов обеспечения конфиденциальности информации (О.Р. Гимадрисламова), анализируются способы возмещения имущественного вреда, причиненного государству (Е.В. Михайлова). Завершают тематический блок работы, посвященные видоизменению классических цивилистических конструкций под влиянием современных вызовов: трансформации гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений под влиянием банкротных рисков (А.Р. Алимгафарова) и трансформации реквизита добросовестности в приобретательной давности в судебной практике (П.А. Ступин).

Многие авторы приходят к выводу, что классические механизмы гражданского права требуют не просто модернизации, а смены методологического подхода – перехода от формально-юридического анализа к функциональному, от констатации правоспособности к оценке реальных экономических возможностей субъекта. В работах, опубликованных в этом номере, зафиксированы болевые точки правовой системы и предложены варианты доктринального осмысления новой реальности.

Выражаю искреннюю благодарность всем авторам за глубокий анализ проблем. Надеюсь, что предложенные статьи будут полезны как научному сообществу, так и правоприменителю, ищущему эффективные решения в эпоху перемен.

*Тужилова-Орданская Елена Марковна, член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF PRIVATE-LAW REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

Научная статья

УДК 347.4

DOI 10.33184/pravgos-2026.2.1

Original article

АНАНЬЕВА Анна Анатольевна

Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
Москва, Россия,
annaslast@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2018-991>

ANANYEVA Anna Anatolyevna

Russian State University of Justice named
after V.M. Lebedev,
Moscow, Russia

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННЫХ УСЛУГ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATORY EFFECTIVENESS FOR FREIGHT FORWARDING SERVICES IN LIGHT OF LEGISLATIVE REFORMS

Аннотация. В статье исследуются новеллы, введенные Федеральным законом от 7 июня 2025 г. № 140-ФЗ в правовое регулирование транспортно-экспедиционной деятельности, принятие которого было обусловлено резким ростом рынка услуг перевозки грузов при отсутствии механизмов, препятствующих перемещению изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных предметов и вещей. При этом указанный закон содержит ряд системных изъянов, снижающих его частноправовую эффективность, в частности он породил коллизию между публичной обязанностью экспедитора раскрывать информацию о грузе и его частноправовой обязанностью соблюдать конфиденциальность. Это требует осмысления реформы транспортно-экспедиционных услуг, в том числе с учетом баланса частных и публичных интересов как одного из ключевых средств обеспечения эффективности правового регулирования транспортной деятельности. Цель исследования состоит в оценке влияния реформы 2025 г. на правовую природу договора транспортной экспедиции, его функциональную роль в системе транспортных обязательств и на механизмы обеспечения договорной дисциплины. Для достижения цели использованы формально-юридиче-

Abstract. The article examines the novelties introduced by Federal Law No. 140-FZ of June 7, 2025, into the legal regulation of freight forwarding activities. The adoption of this law was driven by a sharp growth in the cargo transportation services market in the absence of mechanisms preventing the movement of items and substances withdrawn from civil circulation or subject to restricted circulation. At the same time, this law contains a number of systemic flaws that reduce its private law effectiveness; in particular, it has created a conflict between the forwarder's public duty to disclose information about the cargo and his private law duty to maintain confidentiality. This necessitates a reconsideration of the reform of freight forwarding services, including taking into account the balance of private and public interests as one of the key means of ensuring the effectiveness of legal regulation of transport activities. The purpose of the study is to assess the impact of the 2025 reform on the legal nature of the freight forwarding contract, its functional role in the system of transport obligations, and the mechanisms for ensuring contractual discipline. To achieve this goal, the study employs formal-legal (reconstructing the content of Federal Law

ский (реконструкция содержания Федерального закона от 7 июня 2025 г. № 140-ФЗ и соотнесение его с нормами ГК РФ и Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ), сравнительно-правовой (сопоставление прежней и новой редакций регулирования договора экспедиции и административной ответственности), а также системно-структурный (рассмотрение договора экспедиции в связке с иными транспортными и организационными договорами и с государственной цифровой инфраструктурой ГИС ЭПД, платформой «ГосЛог», реестром экспедиторов) методы исследования. Результаты: договор транспортной экспедиции трансформируется из преимущественно частного-правового инструмента в комплексный договор с выраженной публично-правовой нагрузкой: вводятся реестр экспедиторов, обязательный электронный документооборот, локализация данных и оборотные штрафы. Реформа усиливает договорную дисциплину за счет многоуровневой системы стимулов и санкций, но одновременно порождает проблемы исполнимости отдельных обязанностей экспедитора, коллизии между конфиденциальностью коммерческой информации и публичными интересами безопасности, а также смещает центр тяжести регулирования в сторону публичного контроля, что ставит задачу доктринального осмысления новых моделей балансирования частных и публичных интересов.

Ключевые слова: договор транспортной экспедиции, транспортно-экспедиционная деятельность, электронный документооборот, реестр экспедиторов, ответственность экспедитора, договорная дисциплина

Для цитирования: Ананьева А.А. Проблемы эффективности правового регулирования транспортно-экспедиционных услуг в контексте законодательных изменений / А.А. Ананьева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 8–18.

No. 140-FZ of June 7, 2025, and correlating it with the norms of the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 87-FZ of June 30, 2003), comparative-legal (comparing the previous and new versions of the regulation of the forwarding contract and administrative liability), as well as systemic-structural (examining the forwarding contract in conjunction with other transport and organizational contracts and with the state digital infrastructure – GIS for Electronic Transport Documents, the GosLog platform, and the register of forwarders) research methods. Results: the freight forwarding contract is transformed from a predominantly private law instrument into a complex contract with a pronounced public law burden: a register of forwarders, mandatory electronic document management, data localization, and turnover fines are introduced. The reform strengthens contractual discipline through a multi-level system of incentives and sanctions but simultaneously creates problems with the enforceability of certain forwarder duties, conflicts between the confidentiality of commercial information and public security interests, and shifts the focus of regulation towards public control, which poses the challenge of doctrinal understanding of new models for balancing private and public interests.

Keywords: freight forwarding contract, freight forwarding activities, electronic document management, register of forwarders, forwarder's liability, contractual discipline

For citation: Ananyeva A.A. Problems of Legal Regulatory Effectiveness for Freight Forwarding Services in Light of Legislative Reforms. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 8–18. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.1.

ВВЕДЕНИЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ТРАНСПОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Проблема эффективности правового регулирования остается одной из узловых в отечественной доктрине гражданского и предпринимательского права. Применительно к сфере транспорта она приобретает особую остроту, поскольку транспортный комплекс страны функционирует на стыке публичных и частных интересов, обеспечивая как национальную экономику и безопасность, так и индивидуальные потребности участников

торгового оборота. В классической трактовке эффективность нормы права определяется соотношением между достигнутым социальным результатом и той целью, которую законодатель ставил, вводя данную норму [1, с. 22]. Для транспортного договорного права этот критерий конкретизируется следующим образом: насколько те или иные договорные конструкции способны обеспечить стабильность, управляемость и надлежащее исполнение обязательств в транспортной цепочке, охватывающей множество субъектов, транспортных режимов и документарных практик.

В научной литературе высказывается мнение, согласно которому добиться реализации экономических функций договора при низком уровне договорной дисциплины невозможно, равно как и обеспечить высокий уровень дисциплины при неэффективных экономических параметрах договоров [2, с. 14]. Это суждение приобретает особое значение для договора транспортной экспедиции: исторически данный договор отличался значительной диспозитивностью и гибкостью, обеспечивая участникам оборота широкие возможности для индивидуализации условий организации перевозки. Однако именно эта гибкость порождала риски оппортунистического поведения, непрозрачности грузовых потоков и ухода недобросовестных участников от ответственности.

Принятый в 2025 г. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О транспортно-экспедиционной деятельности" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 140-ФЗ)¹ знаменует новый этап в развитии правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности. Этот закон вносит поправки в Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»² (далее – Закон № 87-ФЗ), затрагивает КоАП РФ и ряд транспортных уставов, вводя принципиально новую регуляторную архитектуру отраслевых отношений. Настоящая статья ставит целью системный анализ этих новелл в контексте эффективности частноправового регулирования транспортно-экспедиционных отношений и доктрины договорной дисциплины.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ДОГОВОРНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Перечень услуг, которые могут составлять предмет договора транспортной экспедиции, является открытым. В него входят как основные (организация перевозки, заключение

договора перевозки), так и дополнительные (таможенное оформление, хранение, погрузка-выгрузка, страхование) услуги. Именно открытость предмета обусловила широкое распространение данной договорной формы и одновременно систематические трудности с ее квалификацией и отграничением от смежных конструкций.

В доктрине давно обозначены спорные вопросы природы договора транспортной экспедиции. Одни авторы усматривают в нем сходство с такими договорами, как поручение, комиссия, агентирование, возмездное оказание услуг, и рассматривают как разновидность одного из названных договоров или их конгломерат [3, с. 413]. Другие настаивают на самостоятельности данного обязательственного типа, подчеркивая специфику его предмета и особый субъектный состав [см., например: 4; 5; 6]. Судебная практика придерживается гибкой позиции: если предметом договора является не перевозка груза, а организация такой перевозки, правоотношения сторон квалифицируются по нормам гл. 41 ГК РФ.

Исследователи неоднократно обращали внимание, что структура гл. 40 ГК РФ и отсутствие четкого законодательного определения понятия «перевозка» порождают дискуссии о системе транспортных договоров и моменте их заключения, что, в свою очередь, осложняет обеспечение договорной дисциплины [7, с. 37]. Данная проблема усиливается в связи с существованием многозвенных логистических цепочек, в которых договор экспедиции тесно переплетается с договорами перевозки, хранения, агентирования и аутсорсинга.

Договор транспортной экспедиции занимает особое место в системе транспортных обязательств. С.Ю. Морозов убедительно показывает, что договор перевозки в современных условиях перестает быть «одиноким» договором и включается в сложную систему договоров, опосредующих как само перемещение груза, так и информационное, операторское, экспедиционное и иное сопровождение перевозочного процесса [8, с. 94]. Экспедитор при этом выступает интегральным звеном: он одновременно взаимодействует с перевозчиком, владельцами инфраструктуры, таможенными органами, страховщиками и конечным клиентом.

В этой многозвенной конструкции нарушение обязательств любым из участников

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 3, ст. 2999.

² Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1), ст. 2701.

влечет, как правило, недостижение конечной цели – доставки груза. По мнению специалистов, транспортные правоотношения образуют сложный комплекс внутренних и внешних связей, при этом развитие внутренних организационных связей предопределяется надлежащим исполнением внешних договоров перевозки [9, с. 371]. Именно поэтому договорная дисциплина, понимаемая как стимулируемый при помощи санкций особый правовой режим исполнения обязательств [10, с. 11], приобретает ключевое значение для функционирования всей транспортной системы.

Сложившийся до 2025 г. правовой режим договора транспортной экспедиции отличался дуализмом: с одной стороны, диспозитивность и широкий предмет создавали почву для гибкого удовлетворения разнообразных коммерческих запросов; с другой – фрагментарность правового регулирования, размытость обязанностей экспедитора в части проверки грузов и отсутствие каких-либо требований к статусу экспедитора порождали значительные правовые риски.

СИСТЕМНОСТЬ РЕФОРМЫ 2025 ГОДА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Закон № 140-ФЗ реализует концепцию поэтапного введения новелл: первый этап вступил в силу с 1 сентября 2025 г., второй – с 1 марта 2026 г., третий, финальный, вступит в силу с 1 сентября 2026 г. Такой подход обеспечивает хозяйствующим субъектам разумный переходный период и сигнализирует о намерении законодателя осуществить глубокую трансформацию отрасли, а не ограничиться точечными правками.

В концептуальном отношении реформа преследует две взаимосвязанные цели: 1) обеспечение безопасности грузовых перевозок путем введения контрольных и репрессивных механизмов в отношении экспедиторов; 2) цифровизация документооборота и создание единой государственной информационной среды в сфере транспортно-экспедиционной деятельности. Обе цели в той или иной мере ограничивают традиционный принцип частноправовой автономии сторон договора экспедиции, замещая его публично-правовыми стандартами и регуляторными требованиями.

Одной из принципиальных новелл является законодательное закрепление государственной политики в сфере транспортно-экспедиционной деятельности и определение компетенции уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Минтранса России). Это принципиально меняет позиционирование Закона № 87-ФЗ в системе источников права: из рамочного акта, конкретизирующего нормы гл. 41 ГК РФ, он превращается в инструмент государственного регулирования отраслевого рынка. Для практики договорной работы это означает, что содержание и исполнение частноправового договора экспедиции напрямую обусловлены требованиями подзаконных актов Минтранса (включая стандарты ЭДО, форматы данных, регламенты реестра), принятие которых становится систематическим и динамичным. Данное обстоятельство в полной мере соответствует концепции О.А. Красавчикова о договорной дисциплине как установленном в правовых формах порядке становления и реализации договорных отношений, соблюдение которой стимулируется, гарантируется и обеспечивается государством [11, с. 12].

С 1 марта 2026 г. транспортно-экспедиционной деятельностью вправе заниматься только организации и индивидуальные предприниматели, сведения о которых включены в реестр уведомлений о транспортно-экспедиционной деятельности. В реестре фиксируются: наименование и реквизиты экспедитора (ОГРН, ИНН, контактные данные, адрес регистрации), виды оказываемых услуг, территория деятельности, а также максимальная страховая сумма ответственности. Принципиально важно, что Закон № 140-ФЗ вводит квалификационные и репутационные требования к участникам рынка.

С частноправовой точки зрения введение реестра создает новую систему координат для стороны, заключающей договор экспедиции: клиент приобретает законный интерес в проверке реестрового статуса экспедитора до заключения договора. В противном случае возникает правовой риск того, что исполнение по договору, заключенному с лицом, не включенным в реестр, не повлечет для него полноценной правовой защиты (в том числе в части применения ограниченной ответствен-

ности экспедитора, установленной ст. 7 Закона № 87-ФЗ). В доктрине высказывалась мысль, что договор является главным правовым средством организации и управления рыночными производственными процессами [12, с. 12], однако эта функция реализуется лишь тогда, когда его стороны отвечают установленным законом стандартам деловой репутации и профессиональной компетентности.

Одной из ключевых новелл первого этапа реформы является детализация обязанностей экспедитора применительно к двум принципиально различным моделям его деятельности: 1) экспедитор, фактически принимающий груз (физическое лицо по отношению к грузу); 2) экспедитор-посредник, не принимающий груз к перевозке.

Согласно новым нормам экспедитор, принимающий груз, обязан: выдать клиенту экспедиторскую расписку; предпринять организационные меры по выявлению предметов и веществ, изъятых из оборота или ограничено оборотоспособных; выдать складскую расписку лишь после подтверждения отсутствия в грузе запрещенных предметов; заключить договоры, необходимые для организации перевозки, от своего имени (за исключением договоров перевозки и хранения, которые заключаются от имени клиента).

Экспедитор, не принимающий груз, обязан заключить договоры для организации перевозки от имени клиента по доверенности либо от своего имени, предоставить клиенту оригиналы или копии таких договоров. При этом обязанность по выявлению запрещенных предметов закон распространяет и на эту категорию, что создает очевидное практическое затруднение: экспедитор-посредник, физически не контактирующий с грузом, лишен объективной возможности выполнить данную обязанность в полной мере³.

До представления клиентом полной информации о свойствах груза, условиях его перевозки и иных сведений, необходимых для исполнения договора, экспедитор лиша-

ется права приступать к исполнению своих обязанностей. Кроме того, основанием для приостановления является выявление в ходе организационных мер запрещенных или ограниченных в обороте предметов.

С точки зрения гражданско-правовой квалификации данное правило устанавливает новое основание для правомерного неисполнения обязательства – своеобразный «контрольный стоп», при наступлении которого экспедитор не только вправе, но и обязан воздержаться от исполнения. Это существенно отличается от общих оснований для приостановления встречного исполнения по ст. 328 ГК РФ. В данном случае речь идет не о непредоставлении встречного исполнения клиентом, а о нарушении им специальных информационных обязанностей, прямо установленных законом. В договорах экспедиции это влечет необходимость включения специального раздела о порядке взаимодействия сторон при неполноте или недостоверности информации о грузе, процедуре «запроса уточнений», распределении расходов при вынужденной остановке перевозки и механизмах возложения ответственности за убытки, вызванные приостановлением исполнения по вине клиента.

При выявлении в составе груза предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота или ограничено оборотоспособных, в отношении которых у клиента отсутствует специальное разрешение, экспедитор обязан незамедлительно в течение четырех часов с момента обнаружения проинформировать уполномоченный орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность. Этот срок имеет пресекательный характер и не может быть изменен договором.

Данная обязанность представляет собой выраженный элемент публично-правового регулирования, встроенный в механизм частноправового договора. Экспедитор, по существу, приобретает функции агента публичного правопорядка, что кардинально меняет его статус как стороны договора: из сугубо коммерческого посредника он превращается в субъект, несущий публичные обязательства перед государством, юридически взаимосвязанные с его частноправовыми обязательствами перед клиентом.

³ Korpusprava.com. Изменения в Законе о транспортно-экспедиционной деятельности 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://news.korpusprava.com/analytics/3-osen-2025/zakon-transportno-ekspe-2025-obyazannosti-shtrafy-goslog/> (дата обращения: 03.04.2026).

С 1 сентября 2025 г. на экспедитора возложена обязанность в течение трех лет со дня окончания исполнения договора хранить на территории Российской Федерации информацию о заключенных договорах транспортной экспедиции, сторонах этих договоров, привлекаемых лицах, свойствах грузов, фактах приема, обработки, погрузки, хранения, разгрузки, передачи и выдачи грузов, маршрутах следования, видах транспорта, а также иную информацию, размещаемую в информационных системах при оказании экспедиционных услуг.

Требование хранить данные исключительно на серверах, расположенных на территории России, представляет собой разновидность нормы о локализации данных, применяемой ранее в отношении персональных данных, а теперь распространенной и на коммерческую информацию в сфере транспортной экспедиции. Данное требование имеет прямое гражданско-правовое значение: договоры экспедиции с иностранными элементами (трансграничные перевозки, иностранные клиенты) теперь требуют специального регулирования в части хранения информации и трансграничной передачи данных.

Экспедитор обязан предоставлять информацию уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами. Порядок взаимодействия экспедитора с этими органами определен постановлением Правительства РФ от 29 августа 2025 г. № 1318⁴.

Среди наиболее значимых новелл – обязанность экспедитора обеспечить реализацию требований к оборудованию и программно-техническим средствам в своих информационных системах для проведения оперативно-разыскных мероприятий. По существу, это означает подключение баз данных экспедитора к пункту управления ФСБ России с возможностью непрерывного мониторинга. Подобное требование не име-

ет аналогов в прежнем законодательстве о транспортно-экспедиционной деятельности и ставит под вопрос соблюдение конфиденциальности коммерческой информации клиентов, которую экспедитор обязан защищать в рамках договорных обязательств.

Возникающая коллизия между публичной обязанностью экспедитора раскрывать информацию и его частноправовой обязанностью соблюдать конфиденциальность ставит перед теорией гражданского права сложный вопрос о приоритете норм. В отечественной доктрине этот вопрос применительно к транспортным отношениям специально не исследовался – он требует самостоятельного осмысления, в том числе с учетом баланса частных и публичных интересов, являющегося, по мнению ряда ученых, одним из ключевых средств обеспечения эффективности правового регулирования транспортной деятельности [13, с. 87].

С 1 сентября 2026 г. все экспедиторские документы формируются в электронном виде через государственную информационную систему электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД). В электронный формат переводятся также транспортные накладные и иные сопроводительные документы для автомобильного, железнодорожного и авиационного транспорта. Обязательный ЭДО создает для договора транспортной экспедиции принципиально новый документарный контекст. Отныне надлежащее исполнение договора неразрывно связано с его встроенностью в государственную цифровую инфраструктуру. Любое отступление от требований ЭДО, в том числе применение неаккредитованного оператора или неверный формат документа, становится основанием для оспаривания надлежащего исполнения и возникновения деликтных и договорных рисков.

С введением ГИС ЭПД договор транспортной экспедиции утрачивает прежний статус исключительно двустороннего инструмента: государство фактически становится «третьей стороной» договорного процесса, обеспечивая фиксацию, хранение и контроль экспедиторских документов в реальном режиме. В исследованиях в области цифровизации транспортных систем обосновывается,

4 Об утверждении Правил взаимодействия экспедитора с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 29.08.2025 № 1318 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 35, ст. 5236.

что благодаря ГИС ЭПД электронный перевозочный документ приобретает статус юридически значимого, а каждый документ формируется в формате файла обмена (титула), обеспечивающего прослеживаемость всей цепочки операций [14, с. 6016].

Платформа «ГосЛог» призвана реализовать принцип «единого окна» для участников рынка: через нее осуществляются регистрация в реестре, обмен экспедиторскими документами, взаимодействие с государственными органами. Такая централизация имеет двойственный эффект: с одной стороны, она снижает транзакционные издержки и минимизирует риски документарных ошибок; с другой – порождает системный риск зависимости всего коммерческого оборота в сфере экспедиции от бесперебойной работы государственной IT-инфраструктуры и сохранности накапливаемых данных.

Параллельно с Законом № 140-ФЗ разработан и принят законопроект о внесении изменений в КоАП РФ (дополнение ст. 11.14.3 новыми составами)⁵. Введение оборотных штрафов в сфере транспортно-экспедиционной деятельности представляет собой существенный сдвиг в концепции административной ответственности на транспорте. Прежде этот инструментарий применялся преимущественно в сфере антимонопольного регулирования и защиты персональных данных; распространение его на транспортно-экспедиционную отрасль свидетельствует о законодательном признании системного, а не единичного вреда, который может причинить деятельность недобросовестного экспедитора.

Для частноправовых договорных отношений такая система ответственности формирует стимулы к строгому соблюдению публично-правовых обязанностей: риск оборотного штрафа многократно превышает типичные суммы договорных санкций за нарушение условий конкретного договора экспедиции. Это перемещает «центр тяжести» ответственности экспедитора в публично-правовую пло-

скость и ставит перед доктриной вопрос о сочетании этих двух систем ответственности.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ЭКСПЕДИЦИИ: ОЦЕНКА РЕФОРМЫ

Говоря об эффективности реформы 2025 г., следует признать, что она решает ряд застарелых проблем. Во-первых, реестр экспедиторов создает механизм входного контроля на рынке, устраняя возможность деятельности анонимных «однодневок» и существенно снижая риск недобросовестного поведения лиц, лишенных профессиональной репутации. Во-вторых, обязательный ЭДО ликвидирует феномен «бумажных» документарных злоупотреблений и создает прослеживаемую доказательственную базу при разрешении споров. В-третьих, локализация данных обеспечивает юрисдикционный контроль за информацией о грузопотоках, имеющей стратегическое значение.

Вместе с тем реформа содержит ряд системных изъянов, снижающих ее частноправовую эффективность. Прежде всего, различие между «фактическим экспедитором» (принимающим груз) и «экспедитором-посредником» (не принимающим груз) создает диспропорцию: второй не может в полной мере исполнить обязанности по проверке груза, и эта фактическая невозможность исполнения закрепляется законом без адекватного механизма ее разрешения. Налицо нарушение принципа надлежащего правового регулирования, требующего обеспечения реальной исполнимости вводимых обязательств.

Принципиальным недостатком реформы является то, что она в значительной степени смещает договор транспортной экспедиции из сферы частного права в гибридную зону публично-частного регулирования. Экспедитор несет перед клиентом гражданско-правовые обязанности (обеспечение сохранности груза, соблюдение сроков, возмещение убытков) и одновременно публично-правовые обязанности (раскрытие данных государству, проверка груза, информирование правоохранительных органов). Между этими обязанностями неизбежно возникает коллизия: обязанность обеспечить конфиденциальность

⁵ Заключение Комитета ГД ФС РФ по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 755710-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2026).

договорных данных конкурирует с обязанностью раскрыть их по требованию ФСБ; обязанность приступить к исполнению в согласованный срок – с обязанностью приостановить его при неполноте данных о грузе.

Следует согласиться с В.С. Говорушкиной в том, что в большинстве современных государств законодательное регулирование направлено не на установление приоритета частных либо публичных интересов, а на поиск баланса между ними [15, с. 22], и в продолжение признать, что одним из важнейших инструментов эффективности правового регулирования транспортной деятельности является поддержание баланса публичных и частных интересов субъектов соответствующей деятельности. С этой точки зрения реформа 2025 г. вызывает закономерные опасения: она ориентирована прежде всего на реализацию публичных интересов (безопасность, контроль, фискальная прозрачность) при недостаточном внимании к частноправовым интересам участников рынка.

Несмотря на критику отдельных положений реформы, следует признать, что в части укрепления договорной дисциплины она дает существенный позитивный эффект. Само понятие договорной дисциплины как стимулируемого при помощи санкций правового режима, включающего соблюдение требований нормативных актов, технических правил, норм деловой этики и выработанных самими хозяйствующими субъектами правил поведения [12, с. 12], получает в реформе 2025 г. новое инструментальное наполнение. Регистрационная система, ЭДО и система оборотных штрафов совместно создают многоуровневые стимулы к надлежащему исполнению договорных обязанностей.

Особого внимания заслуживает транспортная услуга, которая традиционно сопровождается оказанием комплекса сопутствующих услуг, учитывающих безопасность перевозки [16, с. 79]. Нормативное «уплотнение» требований к организации экспедиторской деятельности, включая проверку грузов, контроль документооборота, хранение данных, фактически конкретизирует содержание стандарта профессиональной заботливости, которым должен руководствоваться

профессиональный участник рынка при исполнении договора.

Практическое освоение новелл Закона № 140-ФЗ требует переработки типовых форм договоров транспортно-экспедиционных услуг, применяемых участниками рынка. В частности, типовые договоры должны быть дополнены следующими элементами.

Прежде всего, необходимо включение в договор раздела о статусе экспедитора и его реестровых данных: наименование, дата и номер записи в реестре уведомлений, виды услуг согласно реестру. Клиент, в свою очередь, должен получить право на проверку актуальности реестровых сведений до и в ходе исполнения договора с указанием последствий исключения экспедитора из реестра (расторжение, переход к иному экспедитору и т. д.).

Необходимо также включение расширенных заявлений и гарантий клиента о свойствах груза: полная и достоверная информация о наименовании, составе и характеристиках груза; заявление об отсутствии в его составе предметов и веществ, изъятых из оборота или ограниченно оборотоспособных, либо о наличии соответствующих специальных разрешений. За нарушение данных заявлений целесообразно предусмотреть специальную ответственность, покрывающую все убытки экспедитора (включая штрафы, расходы на приостановление исполнения, затраты на взаимодействие с правоохранительными органами).

Договор экспедиции нового поколения должен содержать полноценный раздел об электронном документообороте: указание на используемый оператор ГИС ЭПД, порядок подписания документов (УКЭП или УНЭП), вид применяемых доверенностей (МЧД), порядок хранения электронных документов и доступа к ним сторон. Отдельного внимания требует оговорка о «технической неисправности» ГИС ЭПД: при недоступности системы по не зависящим от сторон причинам необходимо предусмотреть временный переход на бумажный документооборот с последующей легализацией в ЭДО (если это будет допущено Минтрансом).

Параллельно договор должен регулировать вопросы локализации персональных

данных клиента и коммерческой информации о грузе: подтверждение экспедитором хранения всей информации на серверах в Российской Федерации, порядок уведомления клиента в случае принудительного раскрытия данных государственным органам, гарантии экспедитора по недопущению передачи данных третьим лицам.

Договор транспортной экспедиции не существует изолированно, он встроен в сложную цепочку договорных связей, включающую договоры перевозки, операторские соглашения, договоры об использовании транспортной инфраструктуры, договоры об организации перевозок. Эффективность правового регулирования транспортно-экспедиционных отношений неразрывно связана с нормативной качеством всей этой системы.

В научной литературе обоснован вывод, что договор перевозки в современных условиях перестает быть «одиночным» и включается в сложную систему договоров, при этом сбой в исполнении любого из сопряженных договоров влечет неисполнение конечной цели перевозки [8, с. 95]. Реформа 2025 г. в полной мере учитывает этот системный характер: разграничение между «принимающим» и «непринимающим» экспедитором, требование к соответствию используемых IT-систем государственным стандартам, интеграция с платформой «ГосЛог» – все это проявления единой концепции «сетевого управления перевозками» посредством договорного права.

Введение Законом № 140-ФЗ новых требований к экспедиторам, несомненно, повлечет изменения в судебной практике разрешения споров из договоров экспедиции. Прежде всего, суды, вероятно, ужесточат стандарт осмотрительности профессионального экспедитора: субъект, подключенный к ГИС ЭПД, обладающий реестровым статусом и оснащенный системами контроля грузов, а *proigi* способен предотвратить многие нарушения. Следовательно, ссылка экспедитора на незнание свойств груза или непредвиденность ситуации будет восприниматься судами со значительно большим скептицизмом, чем прежде.

Во-вторых, документирование в ГИС ЭПД создает новую доказательственную базу: электронные перевозочные документы, за-

фиксированные в государственной системе, имеют повышенную юридическую силу в сравнении с традиционными бумажными документами, что ставит перед судами вопрос об их доказательственном значении в делах о ненадлежащем исполнении. Опыт разрешения споров с применением данных ГИС ЭПД отечественной судебной системе еще предстоит выработать, однако аналитики единодушно предсказывают, что он будет тяготеть к формированию более высоких стандартов ответственности экспедитора⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законом № 140-ФЗ проведена наиболее масштабная реформа транспортно-экспедиционного законодательства за последние двадцать лет. Ее проведение диктовалось объективными потребностями рынка: ростом грузопотоков, усложнением логистических цепочек, цифровизацией транспортной отрасли и потребностью государства в контроле за оборотом особых категорий товаров.

Вместе с тем оценка реформы через призму эффективности правового регулирования частноправовых отношений на транспорте позволяет выявить как ее достижения, так и существенные проблемы. К несомненным достижениям следует отнести введение реестровой системы доступа на рынок, стандартизацию документооборота посредством ЭДО, детализацию обязанностей экспедитора и введение разумных стимулов к соблюдению договорной дисциплины. К числу проблем – несоразмерно высокую публично-правовую нагрузку на договор экспедиции, создающую угрозу частноправовой автономии сторон; нерешенность вопроса об исполнимости ряда обязанностей для экспедиторов-посредников, а также потенциальную коллизию между конфиденциальностью коммерческих данных клиента и обязанностью экспедитора открыть их для государственного мониторинга.

В конечном счете значение реформы 2025 г. для отечественного договорного

6 Inmarlegal.ru. Договор транспортной экспедиции: риски и практика [Электронный ресурс]. URL: <https://inmarlegal.ru/press/publications/transportnoe-pravo/dogovor-transportnoj-ekspedicii/>. (дата обращения: 04.04.2026).

права определится тем, насколько успешно правоприменительная практика выработает механизмы балансирования частных и публичных интересов в этой сфере и насколько доктрина гражданского права сумеет предложить системные инструменты для разрешения неизбежных коллизий. Договор транспортной экспедиции превращается из сугубо частнопроводного инструмента организации

перевозки в комплексный регуляторный механизм, функционирование которого неотделимо от государственной цифровой инфраструктуры и публично-правовых стандартов безопасности. Это ставит перед цивилистической наукой новые задачи, решение которых предопределяет эффективность правового регулирования транспортно-экспедиционных отношений на ближайшее десятилетие.

Список источников

1. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 280 с.
2. Цветков И.В. Договорная работа : учебник / И.В. Цветков. – Москва : Проспект, 2015. – 270 с.
3. Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ТК Велби, 2003. – Т. 2. – 848 с.
4. Андреева Н.А. Правовое регулирование договора транспортной экспедиции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.А. Андреева. – Москва, 2008. – 171 с.
5. Морозов С.Ю. Договор транспортной экспедиции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.Ю. Морозов. – Ульяновск, 2003. – 174 с.
6. Вайпан В.А. Юридическая природа договора транспортной экспедиции и проблемы его правоприменения / В.А. Вайпан // Право и экономика. – 2015. – № 6. – С. 34–44.
7. Бажина М.А. Договоры перевозки грузов и транспортной экспедиции в России и Германии: сравнительная характеристика : монография / М.А. Бажина ; ред. В.С. Бельх. – Москва : Проспект, 2016. – 104 с.
8. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров / С.Ю. Морозов. – Москва : Норма, 2011. – 351 с.
9. Орданский М.С. Избранные труды : сборник научных трудов / М.С. Орданский. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 474 с.
10. Кондрашов С.В. Договорная дисциплина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Кондрашов. – Москва, 2009. – 30 с.
11. Красавчиков О.А. Договорная дисциплина: сущность и основные компоненты / О.А. Красавчиков // Договорная дисциплина в советском гражданском праве : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск : Изд-во Свердловского юридического института, 1985. – С. 4–27.
12. Цветков И.В. Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / И.В. Цветков. – Москва, 2006. – 50 с.
13. Хотько О.А. Наука транспортного права: междисциплинарные связи, перспективные направления развития / О.А. Хотько // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2025. – № 2. – С. 84–91.

REFERENCES

1. Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Effectiveness of Legal Norms. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1980. 280 p.
2. Tsvetkov I.V. Contractual Work. Moscow, Prospect Publ., 2015. 270 p.
3. Sergeev A.P., Tolstoy Yu.K. (eds.). Civil Law. 4th ed. Moscow, TK Velbi Publ., 2003. Vol. 2. 848 p.
4. Andreeva N.A. Legal Regulation of the Contract of Freight Forwarding. *Cand. Diss.* Moscow, 2008. 171 p.
5. Morozov S.Yu. Freight Forwarding Contract. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2003. 174 p.
6. Vaypan V.A. The Legal Nature of the Freight Forwarding Contract and the Problems of its Enforcement. *Law and Economics*, 2015, no. 6, pp. 34–44. (In Russian).
7. Bazhina M.A.; Belykh V.S. (ed.). Freight Carriage and Freight Forwarding Contracts in Russia and Germany: Comparative Characteristics. Moscow, Prospect Publ., 2016. 104 p.
8. Morozov S.Yu. The System of Transport Organizational Agreements. Moscow, Norma Publ., 2011. 351 p.
9. Ordansky M.S. Selected Works. Bashkir State University Publ., 2011. 474 p.
10. Kondrashov S.V. Contractual Discipline. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2009. 30 p.
11. Krasavchikov O.A. Contractual Discipline: Essence and Main Components. *Contractual Discipline in Soviet Civil Law. Interuniversity Collection of Scientific Papers.* Sverdlovsk Law Institute Publ., 1985, pp. 4–27. (In Russian).
12. Tsvetkov I.V. Contractual Discipline in Entrepreneurial Activity. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 50 p.
13. Khotsko O.A. Transport Law Science: Interdisciplinary Connections, Promising Directions of Development. *Journal of the Belarusian State University. Law*, 2025, no. 2, pp. 84–91. (In Russian).
14. Kobozeva N.G. Development of the Transport Systems Within the Framework of the Introduction of the Digital State Information System "Electronic Transportation Documents". *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2023, vol. 13, no. 12, pp. 6009–6018. (In Russian).

14. Кобозева Н.Г. Развитие транспортных систем в условиях внедрения цифровой государственной информационной системы «Электронные перевозочные документы» / Н.Г. Кобозева // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 6009–6018.

15. Говорушкина В.С. Обеспечение баланса публичных и частных интересов как средство обеспечения легитимности права / В.С. Говорушкина // Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты : материалы международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 3–4 ноября 2017 г. / отв. ред. Т.А. Червякова. – Минск : БГУ, 2018. – С. 22–23.

16. Тужилова-Орданская Е.М. Договор перевозки пассажира как правовое средство удовлетворения имущественных потребностей граждан в свете доктрины Н.А. Барина об имущественных потребностях и правовых средствах их обеспечения / Е.М. Тужилова-Орданская, А.Р. Муратова // Власть Закона. – 2015. – № 1. – С. 76–81.

15. Govorushkina V.S. Ensuring a Balance of Public and Private Interests as a Means of Ensuring the Legitimacy of Law. In Chervyakova T.A. (ed.). *The Effectiveness of Legal Regulation at the Current Stage: Theoretical, Historical and Sectoral Aspects. Proceedings of the International Scientific Conference of Students, Master and Postgraduate Students, Minsk, November 3–4, 2017*. Belarusian State University Publ., 2018, pp. 22–23. (In Russian).

16. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Muratova A.R. Passenger Carriage Agreement as a Legal Means of Satisfying the Property Needs of Citizens in Light of N.A. Barinov's Doctrine on Property Needs and Legal Means of Ensuring Them. *The Power of Law*, 2015, no. 1, pp. 76–81. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьева Анна Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyeva Anna Anatolyevna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 20.04.2026. The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья
УДК 347.763
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.2

Original article

БАЖИНА Мария Анатольевна
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
mashsol@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1237-0052>

BAZHINA Maria Anatolyevna
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia

СТАТУС СОБСТВЕННИКА ГРУЗА В ПЕРЕВОЗОЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

CARGO OWNER'S STATUS IN CARRIAGE LEGAL RELATIONSHIPS

Аннотация. На практике собственники груза сталкиваются с ситуацией, когда в силу существующих положений транспортного законодательства они не вправе предъявлять требования, вытекающие из договора перевозки грузов, к перевозчикам в случае утраты, повреждения или порчи груза. С экономической точки зрения это нарушает баланс интересов участников перевозочного процесса. В этой связи представляется актуальным изучение правового положения собственника груза при его перевозке с учетом норм действующего законодательства и судебной практики. Цель: рассмотреть с теоретической и правоприменительной (на основе анализа судебной практики) точек зрения возможность собственника груза предъявлять перевозчику требования, связанные с утратой, недостатками или повреждением груза. Методы: сравнительно-правовой метод использовался для иллюстрации существующего нормативно-правового регулирования прав собственника на национальном уровне по различным видам транспорта и на международном уровне; методы обобщения и анализа позволили сформулировать выводы, имеющие практическое значение применительно к теме исследования. Результаты: исследовано правовое положение собственника груза в перевозочных отношениях и даны предложения по совершенствованию транспортного законодательства.

Ключевые слова: собственник груза, претензия, иск, перевозчик, ответственность

Для цитирования: Бажина М.А. Статус собственника груза в перевозочных правоотношениях / М.А. Бажина. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 19–25.

Abstract. In practice, cargo owners frequently encounter situations where, due to existing provisions of transport legislation, they are unable to assert claims arising from the cargo carriage contract against carriers in cases of loss, damage, or deterioration of the cargo. From an economic perspective, this undermines the balance of interests among participants in the carriage process. In this regard, it is pertinent to examine the cargo owners' legal status during its transportation, taking into account the norms of current legislation and judicial practice. Purpose: to explore, from both theoretical and practical (through analysis of judicial practice) viewpoints, the possibility for cargo owners to assert claims against carriers related to loss, shortage, or damage to the cargo. Methods: the comparative legal method is employed to illustrate the existing regulatory framework regarding owners' rights at the national level across various modes of transport, as well as at the international level. The methods of generalization and analysis facilitate the formulation of conclusions of practical significance in relation to the research topic. Results: the article examines the cargo owners' legal status in carriage relationships and presents proposals for the improvement of transport legislation.

Keywords: cargo owner, claim, lawsuit, carrier, liability

For citation: Bazhina M.A. Cargo Owner's Status in Carriage Legal Relationships. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 19–25. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.2.

**ПРАВОМОЧИЯ СОБСТВЕННИКА ГРУЗА
В КОНСТРУКЦИИ ДОГОВОРА
ПЕРЕВОЗКИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)**

Вопрос о правовом статусе собственника груза в транспортном законодательстве, а также в научной литературе был решен однозначно: наличие или отсутствие права собственности на груз не имеет значения для реализации договора перевозки. Так, Г.Ф. Шершеневич, анализируя дореволюционное законодательство, посвященное перевозкам грузов железнодорожным транспортом, указывал, что «в торговом деле отправление товаров происходит почти всегда через приказчиков или иных лиц вспомогательного персонала». Соответственно, нельзя автоматически именовать данных лиц отправителями с точки зрения конструкции договора перевозки груза, так как в юридическом смысле отправителем является «тот, от имени которого сдается груз к перевозке» [1, с. 212]. При этом в целом для договора перевозки было безразлично, какое юридическое отношение к грузу имеет отправитель. Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что неважно с точки зрения последствий, связанных с договором перевозки, принадлежит ли груз отправителю или он отправляет чужие вещи.

Преимущество положений в отношении определения правомочных лиц в рамках договора перевозки грузов сохранялась в советский период. Так, ст. 94 Устава железных дорог Союза ССР, утвержденного постановлением СНК СССР от 10 февраля 1935 г. № 232, прямо запрещалась передача права на предъявление претензий и исков другим организациям или лицам. Исключением из этого правила были случаи, когда отправитель передавал такое право получателю или получателю – отправителю, а также случаи передачи права на предъявление претензий и исков учреждениям, предприятиям и организациям, входящим в систему того же ведомства, к которому принадлежит получатель или отправитель груза. Переуступочной надписи на документах не требовалось.

В ст. 169 Устава железных дорог Союза ССР от 6 апреля 1964 г.¹ также сохранился ограниченный круг лиц (грузоотправитель и грузо-

получатель), имеющих право на предъявление претензий перевозчику по требованиям, вытекающим из договора перевозки грузов.

В ст. 135 Федерального закона «Транспортный устав железных дорог Российской Федерации» от 8 января 1998 г. № 2-ФЗ² (далее – ТУЖД) тоже обозначен ограниченный круг лиц, которые вправе предъявлять требования перевозчику. Позднее в ст. 120 Устава железных дорог (далее – УЖТ РФ) были перечислены виды требований и указан перечень лиц, которые вправе предъявлять претензию перевозчику.

Описанное выше ограничение характерно не только для железнодорожного законодательства. Подобного рода нормы сформулированы и в нормативных правовых актах, регулирующих перевозки другими видами транспорта. Так, в ч. 3 ст. 39 УАТ РФ содержится ограничение по субъектному составу в отношении лиц, которые вправе предъявлять претензии перевозчикам. В ст. 125 ВК РФ содержится перечень лиц, имеющих право на предъявление требований в случае нарушения договора воздушной перевозки груза.

Таким образом, действующее законодательство сохранило сложившийся подход, согласно которому в конструкции договора перевозки грузов не учитывается такой юридический факт, как наличие права собственности на тот или иной груз. В этой связи интересным представляется рассуждение М.И. Брагинского и В.В. Витрянского о праве на предъявление претензии перевозчику. В работе, посвященной транспортным обязательствам, авторы указывают на особенность ст. 135 ТУЖД, в которой содержалась довольно странная норма о праве грузоотправителя и грузополучателя передать другим лицам свои права на предъявление претензий и исков перевозчику. При этом данная норма фактически вводила запрет на такую передачу указанных прав, но предусматривала вполне четкий механизм передачи такого права на предъявление претензии, а именно путем оформления договора поручения или доверенности. Однако ученые-правоведы обратили внимание на то, что юридически значимые действия совершаются поверенным по договору поручения или представителем по доверенности исключительно

¹ Об утверждении Устава железных дорог СССР (с изм. на 28.04.1995) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003480?section=status> (дата обращения: 12.03.2026).

² Транспортный устав железных дорог Российской Федерации (с изм. на 06.07.2001) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9056228> (дата обращения: 12.03.2026).

но от имени доверителя (представляемого), сохраняющего таким образом свои права на предъявление претензий и исков перевозчику. Исходя из этого был сделан вывод о фактическом отсутствии такого права [2].

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 ноября 1998 г. № 18 «О некоторых вопросах судебной практики арбитражных судов в связи с введением в действие Транспортного устава железных дорог Российской Федерации» рассмотрен вопрос о том, кто вправе предъявлять к перевозчику требования, вытекающие из договора перевозки. Высший Арбитражный Суд РФ указал, что с процессуальной точки зрения истцом по делу будет грузоотправитель или грузополучатель, заключивший договор поручения или выдавший доверенность. Ненадлежащее оформление договора поручения или доверенности влекло за собой возврат искового заявления по п. 2 ч. 1 ст. 108 АПК РФ в соответствующей редакции. Впоследствии, при подготовке нового УЖТ РФ, из содержания ст. 135 ТУЖД была исключена указанная норма, в настоящее время в ст. 120 УЖТ РФ ее нет.

Рассматривая вопрос о наличии или отсутствии прав собственников груза на предъявление требований к перевозчику, следует обратиться к международному законодательству в сфере перевозки грузов. Так, в ст. 44 Единых правовых предписаний к договору о международной железнодорожной перевозке грузов (ЦИМ) (приложение В к Конвенции о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 9 мая 1980 г.), ст. 46 и 47 Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении не содержится норм, предоставляющих собственнику груза права на предъявление самостоятельных требований к перевозчику в случае утраты или порчи груза.

В судебной практике³ также сложилась достаточно устойчивая позиция в отношении правомочий собственника груза, который не

выступает в перевозочных отношениях ни грузоотправителем, ни грузополучателем. Суды исходят из того, что иные лица, не указанные в ст. 120 УЖТ РФ, п. 2 ст. 797 ГК РФ, не вправе предъявлять перевозчику претензии и (или) иски, связанные с осуществлением перевозки груза. Проиллюстрируем существующий подход на примере постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 ноября 2020 г. по делу № А40-12901/20.

В рамках рассматриваемого дела истец, ОАО «Уральская горно-металлургическая компания», являясь собственником груза (драгметаллы в сырье), но не выступая грузоотправителем или грузополучателем в рамках перевозочных отношений, обратился к ОАО «РЖД» с требованием возместить стоимость груза, утраченного из-за схода вагонов. Арбитражный суд прямо указал, что истец в данном случае не являлся ни грузоотправителем, ни грузополучателем, не указан в транспортных накладных ни как грузоотправитель, ни как грузополучатель, что в силу закона не дает ему право предъявлять претензии и иски перевозчику. Тем самым суд пришел к выводу, что истец, то есть собственник груза, но не участник перевозочных отношений, является ненадлежащим истцом по делу. Такой подход к разрешению данной категории споров соответствует разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"» (далее – постановление Пленума ВАС № 30).

Таким образом, был сформирован подход, согласно которому правовое положение собственника груза, не являющегося грузоотправителем или грузополучателем в рамках договора перевозки конкретного груза, не позволяет ему предъявлять к перевозчику какие-либо требования, вытекающие из договора перевозки грузов, но не лишает права на предъявление к лицу, осуществляющему перевозочную деятельность, иных требований, не связанных с реализацией договора перевозки груза (например, о взыскании убытков, возникших вследствие причинения вреда, и т. д.⁴).

4 В рамках рассмотренного дела истец обосновывал свою позицию ссылкой на положения, регулирующие вопросы возмещения вреда, возникшего вследствие неправомерных действий ОАО «РЖД» как владельца инфраструктуры (деликтные обязательства).

3 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.02.2007 № 16026/06; Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.03.2007 по делу № Ф03-А73/06-1/5223; Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.09.2006 № А43-32807/2005-23-986, оставленное в силе определением Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.02.2007 № 16026/06; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2023 № А40-3240/2023; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2023 № 09АП-76955/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.03.2025 № Ф05-2536/2025 и др.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СЛОЖИВШЕГОСЯ ПОДХОДА

Вопрос о расширении перечня лиц, имеющих право предъявлять требования к перевозчику, неоднократно поднимался в рамках правоприменительной деятельности. Так, Высший Арбитражный Суд РФ, разъясняя особенности применения отдельных положений УЖТ РФ, указал, что данное ограничение законодателем установлено в связи со значительным числом контрагентов, которым оказывается услуга по перевозке груза. Исходя из этого, перечисленные в ст. 120 УЖТ РФ лица не могут уступать свое право на предъявление претензий и исков третьим лицам. Аналогичный подход должен применяться и к связанным с перевозкой груза требованиям перевозчика, предъявляемым к грузоотправителям или грузополучателям (п. 40 постановления Пленума ВАС № 30).

Конституционный Суд РФ поддержал указанную позицию. В своем определении от 15 июля 2003 г. № 296-О⁵ он отказал в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Региональная контрактная корпорация» в связи с тем, что ограниченный законом перечень лиц, наделенных правом обращения к перевозчику с требованиями, вытекающими из перевозки, и не включающий такого субъекта, как собственник, не нарушает прав последнего. Конституционный Суд указал на возможность собственника груза защитить свои права и интересы иными предусмотренными вещно-правовыми способами. В определении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № 2679-О делается вывод о рассмотрении жалобы ООО «Руант» на нарушение конституционных прав и свобод положением ст. 120 УЖТ РФ. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что оспариваемое законоположение регламентирует лишь правоотношения, возникающие из договора перевозки. Тем самым данная норма не лишает собственников груза права на защиту их нарушенных прав и законных интересов в порядке и иными способами, предусмотренными гражданским законодательством, а потому не может расцениваться как нарушающая конституционные права и

свободы заявителя. Тем самым наличие иных оснований для предъявления требований, не вытекающих из конструкции договора перевозки груза, свидетельствует об отсутствии правовой неопределенности в вопросе защиты прав собственника груза, в частности права собственности покупателя.

Такое единообразие в конструировании нормы, определяющей лиц, обладающих правом на предъявление требований к перевозчику, а также наличие иных особенностей, связанных с ограниченной ответственностью перевозчика, сокращенным сроком исковой давности, особым претензионным порядком, обусловлено спецификой транспортных отношений – наличием повышенного предпринимательского риска у перевозчика (риск повреждения и уничтожения как перевозимого груза, так и самого транспортного средства) в силу использования перевозчиком транспортных средств, представляющих собой источник повышенной опасности; пространственной рассредоточенностью основных средств железнодорожного транспорта; зависимостью исполнения транспортных обязательств от погодных условий. Кроме того, договор перевозки грузов является публичным, что предопределяет наличие большого количества контрагентов у перевозчика (массовый характер перевозки), участие в качестве контрагента не только грузоотправителя, но и третьей стороны – грузополучателя, который также обладает определенными правами, стандартность условий перевозки, их однотипность для всех потребителей транспортных услуг. Учитывая эти особенности, Конституционный Суд РФ в своем определении от 2 февраля 2006 г. № 17-О указал на оправданность определенного правового неравенства перевозчика и грузоотправителя (грузополучателя), установленного УЖТ РФ. В «Методологических аспектах конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренных решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г., в разделе 1.1, посвященном приоритету прав и свобод человека и гражданина и охране достоинства личности, Конституционный Суд подчеркнул, что принцип равенства ко всем основным правам и свободам не исключает возможности его различного проявления. В отношении экономических и социальных прав формальное равенство мо-

⁵ В рамках дела рассматривался вопрос о возможном нарушении конституционных прав собственника груза положениями п. 2 ст. 797 ГК РФ и ч. 2 ст. 135 Федерального закона «Транспортный устав железных дорог Российской Федерации», который утратил силу в связи с принятием УЖТ РФ.

жет обернуться материальным неравенством. В этой связи Конституционный Суд сделал вывод, что «законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне». Тем самым обусловлена дифференциация правового регулирования, в том числе в виде установления ограниченного круга лиц на предъявление требований к перевозчику.

Подход Конституционного Суда РФ к проблеме защиты прав и интересов собственника груза

Представленная выше позиция в отношении правомочий собственника груза в конструкции договора перевозки груза получила новое толкование в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 797 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзаца третьей части третьей статьи 120 Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Торговый дом ММК"». В нем Конституционный Суд излагает свою позицию о возможностях защиты прав собственника, который в перевозочных отношениях не является ни грузоотправителем, ни грузополучателем. В п. 6 данного постановления делается вывод, что наиболее гибко и точно реагировать на конкретные случаи недостачи, повреждения (порчи) груза без обременения постоянным повышением цены товаров лиц, к которым право собственности на товар перешло от грузоотправителя при его сдаче перевозчику железнодорожным транспортом, равно как и без обременения грузоотправителя и грузополучателя необходимостью затрачивать дополнительные усилия и использовать свои ресурсы для защиты интересов другого лица, позволила бы передача грузоотправителем или грузополучателем собственнику груза права на предъявление претензий и исков перевозчику. Введение такого положения предполагает предоставление собственнику груза юридических оснований для защиты своих интересов, что освободило бы грузоотправителей или грузополучателей, не являющихся собственниками груза, от ис-

пользования своих ресурсов для защиты чужого права. При этом Конституционный Суд РФ отметил, что число лиц, имеющих право предъявлять перевозчику претензию и (или) иск, не менялось бы при условии, что такая передача права будет одновременно означать отказ, соответственно, грузоотправителя или грузополучателя от возможности его реализации. Тем самым Конституционный Суд РФ сделал вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство с целью наделения собственника груза правом на судебную защиту своих нарушенных прав в случае утраты, недостачи или повреждения груза, что соответствует положениям ч. 1 ст. 35, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Во исполнение указаний Конституционного Суда РФ в настоящее время разработано два законопроекта. В соответствии с законопроектом от 28 января 2026 г. № 1135229-8 «О внесении изменения в статью 120 Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"»⁶ предлагается в ч. 3 ст. 120 УЖТ РФ закрепить право собственника груза обращаться к перевозчику с требованием при выполнении в совокупности следующих условий: 1) железнодорожные станции отправления и назначения при перевозках грузов должны находиться в пределах территории Российской Федерации; 2) собственнику груза грузоотправителем и (или) грузополучателем передано право предъявления претензий и исков перевозчику при недостатке, повреждении (порче) груза, и такое право не реализовано грузоотправителем и (или) грузополучателем; 3) наличие документов, предусмотренных ст. 120 УЖТ РФ, необходимых для предъявления, а также документов, подтверждающих переход права собственности на груз и передачу собственнику груза грузоотправителем и (или) грузополучателем права предъявления претензий и исков перевозчику при недостатке, повреждении (порче) груза.

В законопроекте от 28 января 2026 г. № 1135244-8 «О внесении изменения в статью 797 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷ уточняются положе-

⁶ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1135229-8> (дата обращения: 01.04.2026).

⁷ Там же. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1135244-8> (дата обращения: 01.04.2026).

ния, регламентирующие правила предъявления претензий и исков по перевозкам грузов. Пункт 2 ст. 797 ГК РФ предлагается дополнить указанием на право собственника предъявлять претензий и исков перевозчику в случаях, предусмотренных транспортными уставами и кодексами, и в установленном ими порядке.

Исходя из вышеизложенного следует указать на несколько важных аспектов при внесении изменений.

1. Международный аспект. Изменения национального законодательства в той редакции, которая предложена в законопроектах, противоречат нормам международного законодательства. Как было обозначено выше, в действующих международных транспортных соглашениях в перечне лиц, имеющих право предъявления претензий и исков перевозчику, не содержится указание на собственника в качестве такого лица. Это несоответствие порождает определенные проблемы, связанные с единством национального и международного законодательного подхода для формирования единой правоприменительной практики. Так, еще Т.Е. Абова подчеркивала значимость наличия сходных условий правового регулирования на национальном уровне с теми, которые есть на международном уровне, указывая, что «...в рыночных условиях едва ли целесообразно ставить железную дорогу, осуществляющую перевозку внутри страны, в худшее положение по сравнению с перевозчиком, участвующим в международном сообщении...»⁸.

2. Условия договора, определяющие права и обязанности собственника груза и лиц, которые значатся в транспортных документах грузоотправителем и грузополучателем, лежат в зоне ответственности самого собственника груза. Конституционный Суд РФ в своем постановлении указал, что собственник не имеет возможности защитить свои права. При этом следует учитывать, что при оформлении соответствующих отношений (например, договора поставки, договора хранения, договора транспортной экспедиции и т. д.) собственник груза может определить условия, в соответствии с которыми в перевозочных документах в качестве грузоотправителя (грузополучателя) может быть указано его наименование (например, когда

экспедитор заключает договор от имени клиента, то есть собственника груза). В таком случае собственник груза сохраняет за собой право требовать от перевозчика возмещения реального ущерба, причиненного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»).

3. Вопрос о возможности доказывания собственником соответствующих юридических фактов, послуживших основанием для предъявления претензии или иска. Специфика транспортных споров связана с детальной вовлеченностью грузоотправителей и грузополучателей в перевозочный процесс (порядок осуществления погрузки и выгрузки, ход выполнения соответствующих работ и т. д.). Определение лица, ответственного за причинение вреда, во многом зависит от доказанности того или иного факта, что можно сделать только при непосредственном участии в перевозочном процессе. Однако собственник груза, не являющийся грузоотправителем или грузополучателем, не может знать детали перевозки конкретного груза, даже при наличии коммерческого акта или иных документов. В этом случае также требуется вовлечение самих участников перевозочного процесса.

4. Порядок осуществления перехода прав грузоотправителя или грузополучателя к собственнику груза. В законопроектах не предусмотрен механизм передачи прав от грузоотправителя и грузополучателя. В частности, нет указания на срок выполнения соответствующего перехода права, возмещения расходов, связанных с осуществлением такой передачи прав (например, почтовые расходы), а также положения об ответственности грузоотправителя или грузополучателя за отказ от передачи соответствующих документов собственнику груза.

5. Единство транспортного законодательства. Предлагаемые в законопроекте № 1135244-8 изменения п. 2 ст. 797 ГК РФ касаются не только ст. 120 УЖТ РФ, но и соответствующих статей иных транспортных уставов и кодексов [3] и направлены на устранение противоречий между положениями отраслевого законодательства и ГК РФ.

⁸ Комментарий к Транспортному уставу железных дорог Российской Федерации / под ред. Т.Е. Абовой, В.Б. Ляндрес. М.: Контракт, 1998. С. 215–216.

Таким образом, представленная в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 45-П позиция, с одной стороны, направлена на защиту прав собственника груза. С другой стороны, не в полной мере можно согласиться с тем, что собственник груза является в рассматриваемых правоотношениях слабой стороной, чьи права не защищены и могут быть нарушены. Изменения, содержащиеся в законопроектах, не в полной мере направлены на устранение несоответствия, указанного в обозначенном постановлении Конституционного Суда РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в силу рассмотренного выше постановления Конституционного Суда РФ собственник груза получил право на предъ-

явление требований перевозчику, и это, несомненно, дает ему возможность защитить свои экономические интересы. Однако транспортное законодательство отличается тем, что состоит из нормативных правовых актов, регулирующих деятельность на разных видах транспорта или с участием нескольких видов транспорта (мультимодальные перевозки), а также включает в себя международные акты, в которых такого рода изменения не предусмотрены. Это свидетельствует о том, что выстраивается не единое правовое регулирование транспортно-логистической деятельности в соответствии с требованиями Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р, а происходит сегментирование правового регулирования, что вызывает дополнительные сложности в применении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. II. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2003. – 544 с.
2. Брагинский М.И. Договорное право. Книга четвертая. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – Москва : Статут, 2011. – 485 с.
3. Тужилова-Орданская Е.М. Материальные и процессуальные аспекты защиты прав участников транспортных обязательств / Е.М. Тужилова-Орданская, А.Р. Муратова // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 2. – С. 175–187.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бажина Мария Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского права имени В.С. Якушева.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bazhina Maria Anatolyevna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial Law named after V.S. Yakushev.

Статья поступила в редакцию 18.04.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 19.05.2026. The article was submitted 18.04.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 19.05.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.3

Original article

БЕЛЯЕВА Ольга Александровна
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
o.beliaeva@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2038-6233>

BELIAEVA Olga Alexandrovna
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ДОГОВОРНЫЕ МОДЕЛИ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

CONTRACTUAL MODELS IN FISHERIES

Аннотация. Договорные механизмы активно внедряются за пределами отрасли гражданского права, они позволяют скорректировать административный инструментарий в отношениях с участием государства. Например, в природоресурсных сферах. В центре исследования автора – четыре договорные модели, используемые в рыбном хозяйстве: договор о закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов, договор пользования рыболовным участком, договор пользования водными биоресурсами, договор о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели. Исследования данных договоров в современной цивилистической науке не представлены. Цель работы состоит в правильной юридической квалификации указанных договорных моделей среди других договоров в современном гражданском обороте. Задачу исследования автор видит в определении общих черт (признаков) договоров, используемых в рыбном хозяйстве. При подготовке статьи использован комплекс общенаучных (анализ, аналогия, гипотеза) методов для исследования и сопоставления договоров, практикуемых в рыбном хозяйстве, с общегражданскими обязательственными конструкциями. Частнонаучные методы (формально-логический, системный, функциональный) применены для исследования институциональных характеристик договоров в рыбном хозяйстве, выявления их общих признаков; формально-юридический метод позволил дать критическую оценку условиям договоров, позиционируемых законодательством в качестве существенных. Результаты: выделены общие квалифицирующие признаки договорных моделей в рыбохозяйственной сфере, обосновано превалирование императивного метода регулирования в отношении них.

Abstract. Contractual mechanisms are actively being implemented beyond the realm of civil law; they enable the adjustment of administrative tools in relationships involving the state. For example, in the natural resource sectors. The author's research focuses on four contractual models used in fisheries: the contract for the allocation of a share of the catch quota of aquatic biological resources, the fishing area usage contract, the aquatic biological resources usage contract, and the contract for the allocation and provision of a share of the catch quota of aquatic biological resources for investment purposes. Studies on these contracts are not represented in contemporary civil law scholarship. The purpose of the work is the correct legal qualification of the specified contractual models among other contracts in modern civil circulation. The author sees the research task in identifying the common features (characteristics) of contracts used in fisheries. In preparing the article, a set of general scientific methods (analysis, analogy, hypothesis) is used to study and compare contracts practiced in fisheries industry to general civil obligatory constructions. Specific scientific methods (formal-logical, systemic, functional) are applied to investigate the institutional characteristics of contracts in fisheries and identify their common features. The formal-legal method allows for a critical assessment of contract terms positioned by legislation as essential. Results: the article identifies common qualifying characteristics of contractual models in the fishing sector, and justifies the prevalence of the imperative method of regulation in relation to them.

Ключевые слова: аукцион, водные биоресурсы, договор, квота на вылов, конкурс, примерный договор, рыбное хозяйство, рыболовство

Keywords: auction, aquatic bioresources, contract, catch quota, competition, sample contract, fisheries, fishing

Для цитирования: Беляева О.А. Договорные модели в рыбном хозяйстве / О.А. Беляева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 26–33.

For citation: Belyaeva O.A. Contractual Models in Fisheries. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 26–33. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.3.

ВВЕДЕНИЕ

Рыбное хозяйство объединяет виды деятельности по рыболовству и сохранению водных биоресурсов (рыб, водных беспозвоночных, водных млекопитающих, водорослей и пр.), производству и реализации рыбной продукции¹. Оно обеспечивает не только продовольственную безопасность нашей страны, но и является необходимым элементом государственной политики импортозамещения, занятости населения, устойчивого развития экономики на благо будущих поколений наших граждан. Рациональное природопользование – эксплуатация природных ресурсов таким образом, чтобы это не приводило к их истощению, загрязнению и другим негативным последствиям, – конституционная обязанность всех и каждого.

Инновационное развитие рыбохозяйственного комплекса и основные точки его роста зафиксированы на уровне программных документов². На повестке дня обновление промыслового флота и береговых объектов, в первую очередь перерабатывающих предприятий. Для этого государство делает ставку на инвестиционные квоты («под киль», «под причал»). Задача – насытить рыбохозяйственную отрасль инвестициями. Регулирование отношений в рыбном хозяйстве не имеет четкой отраслевой привязки, в нем применяются нормы предпринимательского, экологического, природоресурсного законодательства [1, с. 189].

1 О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ (в ред. от 28.11.2025), п. 1, 20 ч. 1 ст. 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Закон о рыболовстве).

2 Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (здесь и далее – доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В целом, на мой взгляд, отечественная теоретическая традиция деления системы права на отрасли осталась в прошлом, современные общественные отношения настолько сложны и динамичны, что со всей очевидностью они не могут оставаться в границах отрасли права.

Одним из центральных понятий рыбного хозяйства выступает квота – допустимая доля вылова. Причем квотирование напрямую скоррелировано с обновлением инфраструктуры рыбного хозяйства [2, с. 143]. Право на добычу (вылов) водных биоресурсов – это, безусловно, компонент гражданской правоспособности лица, хотя квоте присущи квази-административные черты, больше похожие на административное разрешение, предоставление которого опосредуется специальными видами договоров, не поименованных в общегражданском законе. Перед нами – своеобразный симбиоз разрешительного и дозволистельного (договорного) регулирования рыбохозяйственных отношений.

Договоры в области пользования водными биологическими ресурсами

Договоры играют активную роль в правовом регулировании, способствуя рациональному использованию водных биоресурсов и удовлетворению жизненно важных потребностей общества, включая продовольственные. Договорные механизмы позволяют оперативно распределять ресурсы между природопользователями. В современном рыбном хозяйстве именно договоры опосредуют допустимые уловы и квоты. В науке отмечается дуальный (двойственный) характер договоров в рыбном хозяйстве, поскольку им не в полной мере присущи начала равноправия сторон [3, с. 11]; дуальность выражается в наличии организационно-властных полномочий у государственного органа как стороны соответствующего договора.

Эти договоры не упоминаются в ГК РФ, однако принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ) исключает сомнения в их легитимности. Поскольку данные договоры обладают гражданско-правовой природой, то при моделировании их условий допустимо пользоваться всеми видами обязательственных конструкций.

Договор о закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов. Соглашения, регулирующие распределение долей в общей квоте на добычу (вылов) водных биоресурсов, могут быть классифицированы по трем основным категориям. Основанием для такой дифференциации служит географическое расположение промысловых районов: первая категория охватывает морские акватории, вторая – внутренние водные объекты, третья – международные квоты, выделенные Российской Федерации. Это деление отнюдь не описательное, оно имеет конкретные нормативные следствия, поскольку от него зависит режим регулирования, включая вид допустимого рыболовства (промышленное или прибрежное), и государственный орган, уполномоченный на распределение квоты.

Так, на внутреннем водном объекте возможно только промышленное рыболовство; для морских вод и международной квоты допустимо одновременное (комбинированное, но с детализацией объемов) осуществление и промышленного, и прибрежного рыболовства. Алгоритм распределения квот обусловлен видом акватории и разграничением компетенции между органами публичной власти: международная квота и морские воды находятся в ведении Федерального агентства по рыболовству, внутренние водные объекты – сфера полномочий региональных властей. Вместе с тем порядок распределения является единообразным³.

В договоре о закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов указываются его стороны (орган государственной власти, организация или индивидуальный предприниматель), предмет договора, наименование и размер доли квоты добычи (вылова)

водных биоресурсов, срок договора, вид (виды) рыболовства, права и обязательства сторон, меры ответственности⁴. С юридико-технической точки зрения очевидно, что не все перечисленные сведения относятся к договорным условиям – позициям, по которым необходимо выражение согласованного волеизъявления. В частности, такими условиями не является указание самих контрагентов.

Анализируемый договор обладает консенсуальным характером, специальных нормативных требований к его форме на сегодняшний день не установлено, следовательно, достаточной является простая письменная форма договора. Именно договор – единственная форма распределения и закрепления квот добычи (вылова) водных биоресурсов⁵.

В отношении рыболовства во внутренних водных объектах и морских водах квоты распределяются на 15 лет. Статья 30 Модельного рыбохозяйственного кодекса для государств – участников СНГ⁶ предусматривает закрепление квот на десятилетний период. Иной срок распределения возможен в отношении международной квоты Российской Федерации.

Заключению договора о закреплении квот добычи (вылова) водных биоресурсов может предшествовать ценовое соревнование – аукционные торги (п. 4 ст. 447 ГК РФ). Аукцион выступает возможным, но не единственным способом заключения подобных договоров. Обязательный аукцион организуется для первичного освоения и замещающего распределения квот. Первичные квоты определяются по таким водным биоресурсам, в отношении которых ранее не осуществлялись промышленное рыболовство и (или) прибрежное рыболовство, или водных биоресурсов в новых районах их добычи⁷. Аукцион представляется уместным и необходимым способом определения контрагента, поскольку состязательный доступ к так называемому ограниченному ресурсу является мерой предотвращения коррупционных проявлений.

4 См. ч. 4 ст. 33.1 Закона о рыболовстве.

5 Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2012 по делу № 7-АПГ12-2.

6 Принят в г. Санкт-Петербурге 16.05.2011 постановлением 36-6 на 36-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 51. С. 84–151.

7 См. ст. 29 Закона о рыболовстве.

«Высвобождение» уже распределенных квот происходит в силу принудительного прекращения права на добычу (вылов) водных биоресурсов в связи с нарушениями или публичными нуждами⁸ либо в результате прекращения ранее заключенного договора (расторжение по соглашению сторон, ликвидация организации). В случае, когда аукцион направлен на заключение договора, замещающего ранее действовавший, продолжительность нового соглашения ограничена и не может превышать оставшийся срок действия предыдущего договора. К примеру, лицо, которому предоставлены в пользование водные биоресурсы, отказалось от права на их добычу (вылов), но до истечения срока договора осталось еще два года. Соответственно, срок действия нового договора будет ограничен оставшимися двумя годами.

Договор пользования рыболовным участком заключается между органом власти и юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем либо общиной коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (разновидности некоммерческой организации⁹). Граждане, не обладающие предпринимательским статусом, не могут претендовать на заключение такого договора¹⁰.

К существенным условиям данного договора отнесены предмет договора, срок его действия, вид рыболовства¹¹. При этом договор пользования рыболовным участком для целей добычи (вылова) анадромных видов рыб заключается на 20 лет, а условия вылова должны быть определены специальной комиссией. Кроме того, пользователь должен принять на себя обязательства по осуществлению искусственного воспроизводства водных биоресурсов при наличии рекомендаций научно-исследовательских организа-

ций, подведомственных федеральному органу исполнительной власти в области рыболовства, выполнению соглашения об участии в социально-экономическом развитии субъекта Российской Федерации, а также осуществлению производственного контроля в границах рыболовного участка.

Заключению договора пользования рыболовным участком предшествует торговая процедура (конкурс, аукцион). Следует отметить, что единого порядка проведения подобных торгов нет, правила устанавливаются по-разному в зависимости от вида рыболовства (промышленное, любительское, традиционное) и абсолютно идентичными не являются. Так, промышленное и любительское рыболовство «расторговывается» на аукционе в электронной форме, а традиционное рыболовство для общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – на конкурсе. Важно отметить, что 1 июля 2026 г. вступают в силу унифицированные правила проведения обязательных торгов, которые будут сосредоточены в конкурентном законодательстве¹². Эти изменения затронут и Закон о рыболовстве, но в незначительной степени. Отраслевая специфика торгов в рыбном хозяйстве все же будет сохранена [4, с. 173].

Ввиду того, что торги для заключения анализируемых договоров предписаны законом в императивном порядке, их отсутствие может повлечь признание заключенных договоров недействительными (ст. 168 ГК РФ¹³). Вместе с тем Закон о рыболовстве легализует «привилегию» для добросовестных пользователей: они могут заключить повторный договор напрямую, без участия в торгах, но при условии внесения платы за право заключения желаемого договора.

Для договоров пользования рыболовным участком по всем видам рыболовства утверждены примерные формы¹⁴. Это означает, что

8 См. ч. 2 ст. 13 Закона о рыболовстве.

9 Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 № 1161-р; ст. 123.16 ГК РФ; О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ, ст. 6.1 ; О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ, ст. 12.

10 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 06.12.2017 № 18-КГ17-158.

11 См. ч. 2 ст. 33.3 Закона о рыболовстве.

12 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2025 № 577-ФЗ.

13 Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2019 № 307-ЭС18-18965 по делу № А05П-138/2017.

14 Об утверждении Правил подготовки и заключения договора пользования рыболовным участком, а также форм примерного договора пользования рыболовным участком : постановление Правительства РФ от 31.05.2024 № 740.

стороны могут воспользоваться ими (ст. 427 ГК РФ), однако не обязаны это делать, причем применение таких примерных условий допускается как в полном, так и в частичном объеме¹⁵. Учитывая весьма небольшой объем утвержденных Правительством РФ примерных условий договора, стороны, безусловно, могут детализировать регулирование данных договорных отношений по собственному усмотрению и по взаимному согласию друг с другом.

Договор пользования водными биоресурсами характеризуется двумя ключевыми особенностями: во-первых, его назначение заключается в проведении промышленного рыболовства; во-вторых, как правило, он не предусматривает установленного объема допустимого улова. Именно по второму признаку данный договор кардинально отличается от договора о закреплении квот на добычу (вылов) водных биоресурсов. Договор считается заключенным с момента достижения согласия сторон (консенсуальный), его можно оформить в простой письменной форме.

Сторонами договора являются орган власти и юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Как и в других договорных конструкциях, легитимация которых имеет место в Законе о рыболовстве, здесь установлено требование к специальному субъектному составу сторон: физические лица, не обладающие предпринимательским статусом, претендовать на его заключение не вправе.

К существенным условиям данного договора в силу ч. 3 ст. 33.4 Закона о рыболовстве отнесены предмет договора, срок его действия, вид рыболовства. Вновь подчеркну недостаток юридико-технического характера: указание сторон (контрагентов) относится к существенным условиям договора оснований нет, поскольку данная информация не является предметом согласованного волеизъявления сторон, она носит просто описательный характер. Ведь без указания сторон документ не может быть идентифицирован как договор.

Правила подготовки и заключения договора пользования водными биологическими ресурсами, общий допустимый улов которых

не устанавливается, а также его примерная форма определены Правительством РФ¹⁶.

Базовым условием анализируемого договора, конечно, следует считать его предмет – водные биологические ресурсы, которые относятся к природным ресурсам и занимают место в системе объектов гражданских прав, поскольку обладают потребительской ценностью и оценочно-стоимостными характеристиками. Предельный срок заключения договора пользования водными биоресурсами составляет 1 календарный год.

Значительное число императивных требований к алгоритму заключения этого и иных договоров привело к выделению в современной юридической науке административно-договорных обязательств [5, с. 40; 6, с. 37]. Но мне представляется, что это не так. Речь идет об особенностях хозяйственной деятельности в публичном секторе нашей экономики, однако это не должно ставить под сомнение гражданско-правовой характер договоров, используемых в рыболовной отрасли, рыбном хозяйстве. Кроме того, не свидетельствует об административной природе этих отношений и сам факт участия в договоре органа публичной власти.

Императивный подход в данном случае может объясняться общим стремлением законодателя к защите экологических прав будущих поколений населения нашей страны. А сам по себе термин «административно-договорное» есть по существу оксюморон – сочетание прямо противоположных понятий.

Возможным, но не обязательным способом заключения договора пользования водными биоресурсами выступают торги в форме аукциона (п. 4 ст. 447 ГК РФ), проведение аукционного соревнования обязательно лишь в случаях, прямо предусмотренных ч. 1 ст. 38 Закона о рыболовстве. Информационное обеспечение аукциона осуществляется через официальный сайт торгов в сети Интернет (www.torgi.gov.ru). Помимо этого, требуется и печатное извещение о проведе-

¹⁵ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16, п. 7.

¹⁶ О подготовке и заключении договора пользования водными биологическими ресурсами, общий допустимый улов которых не устанавливается : постановление Правительства РФ от 25.08.2008 № 643 ; О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49, п. 8.

нии аукциона, оно подлежит опубликованию в «Российской газете»¹⁷.

Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, приобретающих право на заключение данного договора через аукцион, протокол аукциона является ключевым документом. Копия протокола прилагается к договору и становится его неотъемлемой частью. Подписание протокола, подтверждающего ход и результаты аукциона, происходит в день его проведения всеми членами аукционной комиссии, победителем и участником, сделавшим предпоследнее ценовое предложение. Протокол служит предпосылкой (основанием) для контрактации, то есть перехода к стадии заключения договора, в данном случае не применяется общее правило о том, что протокол о результатах торгов имеет силу договора (п. 6 ст. 448 ГК РФ).

Договор о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели представляет собой самобытную модель соглашения с акцентом на целевую направленность¹⁸. Данный договор заключается в целях осуществления промышленного и (или) прибрежного рыболовства. В обиходе договор также известен под названиями «квота под киль» (рыболовство возможно только на российском, а не на импортном промысловом судне) и «квота под причал» (квоту можно использовать после ввода в эксплуатацию рыбоперерабатывающего завода на суше). Подвидом этого договора следует считать предоставление крабовых квот¹⁹.

Договор обладает консенсуальным характером, орган государственной власти обязуется предоставить контрагенту два правомочия: закрепить за ним долю квоты и предоставить право добычи (вылова) водных биоресурсов.

Субъектный состав этого договора является специальным, как и в остальных договорных моделях рыбохозяйственных отношений, он ограничен юридическими лицами и инди-

видуальными предпринимателями. Право на добычу (вылов) водных биоресурсов предоставляется на 15 лет.

К числу обязательных условий договора относятся стороны, предмет договора, срок его действия, объект инвестиций, виды водных биоресурсов, районы добычи (вылова), виды рыболовства, размер доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов, сроки предоставления права на добычу (вылов) водных биоресурсов, сведения об условиях обеспечения реализации прежних инвестиционных проектов, положения действующего инвестиционного проекта.

В анализируемом договоре есть так называемые особые условия: соблюдение графика строительства и ввода в эксплуатацию объекта инвестиций или соблюдение графика инвестиций и ввода в эксплуатацию объекта инвестиций; ежегодное производство в течение двух лет подряд рыбной продукции из видов водных биоресурсов, которые указаны в таком договоре, в размере не менее 60 % совокупного объема квот добычи (вылова) водных биоресурсов. Невыполнение указанных требований влечет досрочное расторжение договора о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели. Аналогичные последствия наступят и при отчуждении прав на объект инвестиций от стороны договора о закреплении и предоставлении доли инвестиционных квот (исключение – переход прав к лизинговой компании, являющейся отечественным резидентом).

В ч. 5 ст. 33.7 Закона о рыболовстве установлены специальные последствия досрочного расторжения договора о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели. Это принудительное прекращение объемов прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, заявленных лицом, с которым заключен договор о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели, в качестве обеспечения реализации инвестиционных проектов. Полагаю, данная норма должна применяться в приоритетном порядке по отношению к ст. 33.5 Закона о рыболовстве исходя из общеправового принципа *Lex specialis derogat generali* (закон специальный вытесняет общий закон).

¹⁷ О периодическом печатном издании, в котором осуществляется опубликование извещения о проведении аукциона по продаже права на заключение договора о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов, договора пользования водными биологическими ресурсами : распоряжение Правительства РФ от 06.07.2012 № 1192-р.

¹⁸ См. п. 11 ч. 1 ст. 30, ст. 33.7 Закона о рыболовстве.

¹⁹ См. ст. 33.8 Закона о рыболовстве.

Практика получения инвестиционных квот весьма обширна, но участников инвестиционных проектов не много по причинам объективного характера, так как далеко не каждый хозяйствующий субъект может реализовать миллиардные инвестиции. В текущий момент наблюдается рост числа судебных процессов, инициированных Росрыболовством в отношении крупнейших заводов Дальневосточного и Северного рыбохозяйственных бассейнов²⁰ в связи с невыполнением условий инвестиционных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность в сфере рыболовства как на отечественном, так и на международном рынках охватывает весь цикл производства и реализации, начиная с оценки потенциала сырьевых ресурсов и заканчивая налаживанием каналов сбыта пищевой, кормовой и

технической рыбной продукции²¹. Российское законодательство позволяет использовать водные ресурсы и водные биоресурсы для различных хозяйственных целей, наращивать хозяйственную инфраструктуру (включая рыбопромысловые суда и порты), а также осваивать для задач водного и рыбного хозяйства удаленные арктические и дальневосточные территории и акватории [7, с. 422].

Договорные модели, применяющиеся в рыбном хозяйстве, имеют несколько общих черт: обладают консенсуальным характером, а также набором нормативно закрепленных существенных условий; в связи со специальным субъектным составом относятся к предпринимательским договорам; во многих случаях заключаются на конкурентной основе (электронный аукцион, конкурс); стороной договора всегда выступает орган государственной власти, что не меняет их гражданско-правовую природу; стороны договоров могут пользоваться их примерными формами.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2025 № 215-ПЭК25 по делу № А40-107336/2023 ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2026 № 09АП-58295/2025 по делу № А40-15758/2024.

²¹ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : научно-практический комментарий к Федеральному закону от 20.12.2004 № 166-ФЗ (постатейный) / О.А. Беляева, С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская и др. ; отв. ред. Д.О. Сиваков. М. : Проспект, 2020. С. 18.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жаворонкова Н.Г. Актуальные проблемы совершенствования государственной политики и законодательства в сфере использования и охраны водных биологических ресурсов / Н.Г. Жаворонкова, Г.В. Выпханова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12 (85). – С. 187–197.
2. Сиваков Д.О. Правовой институт инвестиционных квот в области рыболовства / Д.О. Сиваков // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 136–144.
3. Федорова Н.С. Правовой механизм использования водных биологических ресурсов в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Н.С. Федорова. – Москва, 2019. – 195 с.
4. Беляева О.А. Перспективы регламентации торгов в природоресурсных отношениях / О.А. Беляева // Цивилистика: право и процесс. – 2020. – № 4 (12). – С. 170–173.
5. Старилов Ю.Н. Административный договор: порядок заключения, прекращение и ответственность за нарушение / Ю.Н. Старилов, К.В. Давыдов // Административное право и процесс. – 2013. – № 7. – С. 36–41.

REFERENCES

1. Zhavoronkova N.G., Vyphanova G.V. Current Issues of Improving Public Policy and Legislation in the Sphere of Use and Protection of Aquatic Biological Resources. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 12 (85), pp. 187–197. (In Russian).
2. Sivakov D.O. Legal Institute of Investment Quotas in the Field of Fishery. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 10, pp. 136–144. (In Russian).
3. Fedorova N.S. Legal Mechanism for the Use of Aquatic Biological Resources in Russia. *Cand. Diss.* Moscow, 2019. 195 p.
4. Belyaeva O.A. Prospects for Regulation of Auctions in Natural Resource Relations. *Civilistics: Law and Process*, 2020, no. 4 (12), pp. 170–173. (In Russian).
5. Starilov Yu.N., Davydov K.V. Administrative Contract: Procedure for Concluding, Terminating and Violation Liability. *Administrative Law and Process*, 2013, no. 7, pp. 36–41. (In Russian).

6. Рогачева О.С. Административный договор как основание возникновения административно-договорного обязательства / О.С. Рогачева, Е.А. Кошеварова // Административное право и процесс. – 2012. – № 12. – С. 39–42.

7. Научные концепции развития российского законодательства : монография / В.Р. Авхадеев и др. ; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – 8-е изд., доп. и перераб. – Москва : Норма, 2024. – 656 с.

6. Rogacheva O.S., Koshevarova E.A. Administrative Contract as a Basis for the Emergence of an Administrative-Contractual Obligation. *Administrative Law and Process*, 2012, no. 12, pp. 39–42. (In Russian).

7. Avkhadeev V.R. et al.; Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds.). *Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation*. 8th ed. Moscow, Norma Publ., 2024. 656 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Olga Alexandrovna – Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.4

Original article

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович ✉
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия;
Казанский федеральный университет,
Казань, Россия,
vaskevich_vlad@mail.ru

VASKEVICH Vladimir Petrovich
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia;
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

МОЛЧАНОВ Евгений Викторович
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
bkamch@yandex.ru

MOLCHANOV Evgeny Viktorovich
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННИКА ПРИ ИЗЪЯТИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

GUARANTEES OF PROPERTY OWNERS' RIGHTS PROTECTION IN THE EXPROPRIATION
OF LAND FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Аннотация. Актуальность проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд и соблюдения прав собственников обусловлена несколькими ключевыми факторами: необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов и экономической справедливости, недопущения злоупотреблений и др. Только комплексный подход к такому регулированию позволит обеспечить надлежащую охрану и защиту собственников изымаемых земельных участков. Цель: исследовать достаточность предусмотренных законом гарантий для защиты прав собственников при изъятии их имущества. Методы: общеполитические (материалистический, диалектический) методы исследования применялись для выявления проблем судебной защиты прав собственников; методы структурно-системного анализа и синтеза использовались для дифференциации гарантий защиты интересов собственника, установления важности института защиты прав собственников земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд, а также исследования судебной практики о принудительном изъятии земельных участков; с помощью частно-научных (юридико-доктринального и толкования правовых норм) методов установлен исключительный характер процедуры изъятия земельных участков для публичных нужд. Результаты: сделан вывод о недостаточности гарантий

Abstract. The relevance of the issue concerning the expropriation of land for state and municipal needs and the observance of property owners' rights is dictated by several key factors: the necessity to balance private and public interests, uphold economic fairness, prevent abuses, among others. A comprehensive approach to such regulation is essential to ensuring appropriate protection and safeguarding of the owners of expropriated land plots. Purpose: to investigate the adequacy of legally prescribed guarantees for the protection of property owners' rights during the expropriation of their property. Methods: general philosophical research methods (materialist and dialectical) are employed to identify issues related to the judicial protection of property owners' rights. Structural-system analysis and synthesis methods are utilized to differentiate guarantees protecting property owners' interests, to establish the significance of the institution protecting the rights of owners of land expropriated for state and municipal needs, and to examine judicial practices concerning the compulsory expropriation of land. Specific scientific methods (legal-dogmatic and interpretation of legal norms) reveal the exceptional nature of the expropriation procedure for public needs. Results: the article concludes that the guarantees for the inviolability of private property are insufficient when public interest is realized. Emphasis is placed on property owners' vulnerable position during the expropriation of

неприкосновенности частной собственности при реализации публичного интереса. Акцентируется внимание на уязвимом положении собственника при изъятии его имущества. Доказана недопустимость выделения спора о возмещении ущерба в отдельное судопроизводство. Следует соблюдать баланс интересов каждой из сторон, придерживаться критериев справедливости и добросовестности.

Ключевые слова: земельный участок, принудительное изъятие, государственные нужды, муниципальные нужды, общественный интерес, баланс интересов, право собственника, общепольность, возмещение ущерба

Для цитирования: Васькевич В.П. Гарантии защиты прав собственника при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд / В.П. Васькевич, Е.В. Молчанов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 34–41.

their assets. The article proves the inadmissibility of separating disputes over compensation for damages into distinct legal proceedings. The balance of interests of each party should be observed, adhering to the criteria of fairness and good faith.

Keywords: land plot, compulsory expropriation, state needs, municipal needs, public interest, balance of interests, owner's right, public benefit, compensation for damage

For citation: Vaskevich V.P., Molchanov E.V. Guarantees of Property Owners' Rights Protection in the Expropriation of Land for State and Municipal Needs. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 34–41. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.4.

ВВЕДЕНИЕ

Неприкосновенность частной собственности – фундаментальный принцип всего отечественного гражданского законодательства. Он предусмотрен ст. 35 Конституции РФ и ст. 1 ГК РФ. Провозглашается право каждого гражданина иметь в собственности имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться им в своем интересе. Сама идея собственности, по мнению К.П. Победоносцева, выражает живую, неразрывную и безусловную связь человека с вещью [1, с. 199]. Тем самым человек заинтересован в обеспечении защиты своего имущества, воспрепятствовании любому неправомерному вмешательству в частную сферу граждан. Государство также поддерживает реализацию данного конституционного принципа, поскольку он положительно влияет на стабильное развитие национальной экономики. Между тем закон предусматривает право органов государственной и муниципальной власти удовлетворить публичный интерес путем изъятия земельных участков из частной собственности. Данный механизм конкретизируется в нормах ГК РФ (ст. 279–282) и ЗК РФ (ст. 46 и гл. VIII.1). В соответствии со ст. 35 Конституции РФ изъятие имущества вне воли собственника допускается лишь на

основании решения суда. При реализации данного ограничения права собственности крайне важно соблюдать баланс частных и публичных интересов. К сожалению, органы власти часто злоупотребляют своими полномочиями при реализации данного правомочия. В связи с чем необходимо проанализировать существующие гарантии защиты прав собственников при подобном изъятии их имущества.

ДИСКУССИЯ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Правовая природа института изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд неоднозначна. С одной стороны, соответствующие решения принимаются и исходят от органов публичной власти. Градостроительный кодекс РФ (далее – ГрК РФ) предусматривает специальную процедуру по подготовке проектов планировки и межевания территории. Собственник заведомо находится в невыгодном положении, поскольку закон не предусматривает возможности оспорить административное решение об изъятии. Необходимость в отчуждении обусловлена наличием публичного интереса и направлена

на реализацию функций социального государства. В связи с чем некоторые авторы выступают за квалификацию изъятия собственности как института публичного права [2, с. 91].

С другой стороны, частноправовой характер института изъятия земельных участков обусловлен закреплением соответствующих норм в ГК РФ. Статьи 2 и 124 ГК РФ позволяют публично-правовым образованиям, к которым относятся Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования, участвовать в гражданских правоотношениях наравне с гражданами и юридическими лицами. Тем самым реализуется принцип равенства сторон. Также действующий механизм изъятия в качестве приоритета устанавливает заключение сторонами соглашения о добровольном отчуждении имущества в пользу государства и присуждении компенсации за причиненный ущерб. В этой связи некоторые авторы классифицируют данные правоотношения как специфичную форму договора купли-продажи, поскольку оферта исходит только со стороны покупателя (публично-правового образования) [3, с. 12].

Публично-правовое регулирование рассматриваемого института направлено на закрепление целей удовлетворения публичного интереса, а также процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. При этом частноправовые нормы закрепляют гарантии защиты субъективных прав при отчуждении органами власти спорного имущества. Конституционный Суд РФ отмечает, что их реализация обусловлена как принципом свободы договора, так и публично-правовым характером такой сделки¹. Приоритетной формой изъятия имущества в пользу государства должно являться добровольное заключение соглашения. Поэтому данный механизм отчуждения земельных участков следует классифицировать как частноправовые отношения, осложненные участием в них публично-правовых организаций, наличием публичного интереса.

1 По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова : постановление Конституционного Суда РФ // Российская газета. 2019. № 42.

О существовании подобных правоотношений высказывался Б.Б. Черепухин [4, с. 117].

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Изъятие земельных участков следует воспринимать как отступление от общего порядка, предусматривающего неприкосновенность частной собственности. По мнению Т.В. Кашаниной, подобного рода исключения позволяют придать некоторую гибкость и приспособляемость жесткой правовой регламентации, приспособить общую норму к особо оправданным случаям [5, с. 207]. При этом их использование должно быть вдумчивым и обоснованным. Государство не должно злоупотреблять своим правом на изъятие собственности, не имея на то веских оснований. Необходимо поддерживать гармоничные взаимоотношения, основанные на доверии друг к другу. По справедливому замечанию М.С. Венецианова, «институт экспроприации² является балансом, посредством которого сохраняется равновесие между самостоятельностью частного лица и благосостоянием целого общества» [6, с. 218]. С учетом исключительного характера изъятия земельных участков для публичных нужд текущее нормативное регулирование предусматривает гарантии для обеспечения защиты прав собственников. Такие гарантии можно дифференцировать по двум критериям: целевой характер строительства (общепользность) и необходимость равноценного и предварительного возмещения ущерба собственнику (присуждение компенсации).

ОБЩЕПОЛЕЗНОСТЬ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

В соответствии с законодательством решение об изъятии земельных участков органами власти должно быть принято исключительно в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд. Поскольку данное понятие в законодательстве не раскрывается, в доктрине используется синонимичный термин «публичный интерес». В.Ф. Яковлев

2 Дореволюционный правовед М.С. Венецианов под экспроприацией понимал насильственное отнятие некоторых имущественных прав частного лица [6, с. 211].

определял его как совокупность интересов граждан государства [7, с. 167]. С ним солидарен В.С. Дорохин, характеризующий публичный интерес как признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития [8, с. 65]. В соответствии п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25³ публичным интересом является совокупность интересов неопределенного круга лиц, направленных на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, а также охраны окружающей природной среды. Тем самым отметим наличие социально направленных потребностей в государстве, для удовлетворения которых необходимо произвести вынужденное изъятие собственности.

Перечень допустимых оснований для изъятия земельных участков установлен ст. 49 ЗК РФ. К ним, в частности, относятся исполнение международных договоров Российской Федерации, строительство и реконструкция инфраструктурных объектов государственного или местного значения при отсутствии иных вариантов реализации поставленных целей. Такая формулировка свидетельствует о необходимости исходить из минимально допустимого ущерба фундаментальному принципу неприкосновенности частной собственности. При этом ст. 49 ЗК РФ допускает возможность изъятия имущества по иным основаниям, предусмотренным федеральным законодательством. Так, ст. 65 ГрК РФ позволяет отчуждать собственность в целях комплексного развития территории, необходимого для качественного улучшения определенного района, сноса ветхих зданий, строительства новых объектов. Также можно вспомнить утверждение специального федерального закона, регулирующего изъятие в упрощенном порядке земельных участков в г. Сочи для строительства объектов к Олимпиаде 2014 г.⁴ В каждом

случае важно устанавливать наличие публичного интереса и отсутствие иных способов реализации поставленных перед государством задач, иначе изъятие имущества приведет к нарушению конституционных гарантий о неприкосновенности собственности.

Несмотря на открытый перечень целей изъятия земельных участков, предусмотренный законодательством, публично-правовые образования должны доказать необходимость таких действий. По мнению А.Г. Карапетова, С.В. Сарбаша и А.О. Рыбалова, критически важным является определение справедливых границ публичного интереса, поскольку ложно понятый публичный интерес угрожает фундаментальному конституционному принципу⁵. Как уже было отмечено ранее, подготовка соответствующих документов в виде проектов планировки территории и межевания регулируется нормами публичного права. В соответствии со ст. 42 и 43 ГрК РФ они требуются для выделения элементов планировочной структуры, определения характеристик и очередности планируемого развития территории. Обязательным условием является информирование заинтересованных лиц путем проведения публичных слушаний и размещения соответствующих документов в печатных изданиях и сети Интернет. Тем самым собственникам предоставляется теоретическая возможность еще на этапе проектирования повлиять на вероятный исход по изъятию их имущества.

Однако сами по себе планировочные документы не обладают силой нормативно-правовых актов, поскольку не содержат властных предписаний. Они направлены на установление потенциального вектора развития определенной территории и ознакомление заинтересованных лиц с соответствующей инициативой. Верховный Суд РФ отмечал, что они не могут являться доказательством наличия публичного интереса и быть основанием для отчуждения собственности для государственных и муниципальных нужд⁶. Данным функционалом обладает решение об изъятии собственности,

3 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

4 Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 01.12.2007 № 310-ФЗ (ред. 28.06.2014) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Карапетов А.Г., Сарбаш С.В., Рыбалов А.О. Неприкосновенность собственности // Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : М-Логос, 2020. С. 78.

6 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11–12.

принятое уполномоченным органом и имеющее юридическое значение. Тем самым нормы публичного права предусматривают строгую регламентацию принудительного выкупа имущества. Это требуется для подтверждения воли публично-правового органа на реализацию социально направленных проектов и отсутствия возможности избежать нарушения конституционных прав собственника. Добавим, что нарушение процедуры не должно лишать собственника возможности получить компенсацию ущерба. Подобный вывод подтверждается п. 4 обзора судебной практики Верховного Суда РФ⁷.

Дополнительно следует отметить обязательное требование об уведомлении собственников путем направления им проекта соглашения о добровольном отчуждении земельных участков. В случае отсутствия ответа в течение 90 дней применяется административный механизм принудительного изъятия спорных земельных участков в судебном порядке. В отношении приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры данный срок уменьшен и составляет 45 суток. Тем самым возникает неоднозначная коллизия: защита интересов собственника сужается до определения стоимости возмещения ущерба, непосредственно сам факт изъятия оспорить невозможно, особенно при реализации крупных и амбициозных инфраструктурных проектов.

МЕХАНИЗМ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА

Второй критерий гарантии для обеспечения защиты прав собственников касается необходимости присуждения пострадавшему собственнику предварительного и равноценного возмещения. Несмотря на закрепление данного императивного требования в ст. 35 Конституции РФ, на практике возникают трудности с его реализацией. В соответствии со ст. 56.8 ЗК РФ данный вид денежной компенсации складывается из рыночной стоимости земельного участка, убытков и упущенной выгоды, понесенных собственником в связи с невозможностью владения. Требования к оценке установлены Федеральным зако-

ном от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ⁸ и указанной статьей ЗК РФ, согласно п. 7 которой выкупная стоимость земельного участка должна быть определена не позднее чем за 60 дней до даты направления собственнику соглашения о добровольном отчуждении участка. Тем самым реализуется предварительный характер возмещения. Оно должно быть своевременно подсчитано для выплаты компенсации. Однако следует отметить подвижный характер формирования рыночной стоимости земельных участков, на которую влияет огромное количество экономических факторов, в том числе инфляция, в связи с чем сумма возмещения в разные периоды будет отличаться. Порой разница может быть существенной для правообладателя. Поэтому фактическая сумма возмещения ущерба должна быть подсчитана на день отчуждения права собственности.

Также важно учитывать все возможные аспекты, которые имеют значение для собственника, в частности потребительские характеристики земельного участка. Отметим, что для многих собственников спорное имущество может приобрести ценностный характер, исключающий его отчуждение. По мнению Г.А. Гаджиева, вместе с рыночной стоимостью имущества лицо может учитывать неосязаемую, лишь ему известную субъективную стоимость [9, с. 11]. Такие блага именуются мериторными (merit goods), их оценивание само по себе приносит риски для значительной группы людей, уменьшает их полезность. Поэтому при изъятии земельных участков нужно максимально минимизировать возможные издержки пострадавших собственников. В частности, при отсутствии у потерпевшего правообладателя иного места проживания в соглашении допускается предусмотреть возможность предоставления ему схожего по параметрам земельного участка взамен утраченного. Учитывая ущерб, связанный с отчуждением собственности, размер компенсации должен быть полным и справедливым. Согласимся с М.А. Егоровой, Н.Ю. Чельшевой и И.А. Цинделиани, которые называют такой подход основополагающим принципом защиты интересов частного собственника [10, с. 139].

⁷ Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

⁸ Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКА ПРИ ИЗЪЯТИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

К сожалению, публичные органы подходят к процедуре принудительного выкупа имущества с излишним формализмом, должным образом не учитывая интересы собственника. Как правило, суды фактически реализуют ранее утвержденное публичными органами решение об изъятии собственности у правообладателя. Так, разница между экспертными заключениями, полученными в рамках судебной финансово-экономической экспертизы, послужила поводом для рассмотрения дела в Северо-Западном арбитражном суде⁹. В данном решении была установлена цена, не отвечающая интересам правообладателя земельного участка. В другом случае основанием для обращения в суд послужило отсутствие в сумме убытков стоимости демонтажа забора, поскольку он являлся составной частью отчуждаемого земельного участка¹⁰. К сожалению, суды принимают решения с явным дисбалансом в пользу интересов органов власти.

Ущерб собственнику наносит и выделение спора о размере возмещения в отдельное судопроизводство. Изначально такое право в качестве упрощенного порядка изъятия собственности было предусмотрено п. 12 ст. 10 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ в отношении присоединенных к Москве в 2012 г. новых территорий¹¹. Впоследствии подобная практика начала применять-

ся в других регионах Российской Федерации. Также в силу ч. 3 ст. 130 АПК РФ арбитражные суды первой инстанции наделены правом выделять одно из требований истца в отдельное производство в целях повышения эффективности правосудия. Такой подход позволяет ускорить процесс отчуждения спорного земельного участка в государственную (муниципальную) собственность и избежать задержки начала строительства необходимых объектов. В этой связи собственнику присуждается сумма предварительного возмещения, минимальный размер которой не способен устранить наличествующие издержки. Остальная часть компенсации определяется в судебном процессе исходя из экспертных заключений. Суды по-разному аргументируют подобного рода потребность. Так, сомнителен вывод Девятого арбитражного апелляционного суда, который в постановлении от 1 октября 2025 г. по делу № А21-17006/2023 указал, что разделение требований истца гарантирует баланс интересов сторон и обеспечивает соблюдение принципа предварительного и равноценного возмещения¹².

Арбитражный суд Тверской области в решении от 20 августа 2024 г. по делу № А66-5385/2024 также пришел к подобному выводу вследствие возникшего между сторонами спора о сумме возмещения ущерба¹³. При изъятии земельного участка в целях строительства скоростной автомагистрали между Москвой и Санкт-Петербургом (М-11 «Нева») были нарушены конституционные права заявителя. Ущерб был возмещен лишь спустя шесть месяцев после отчуждения собственности. Поэтому данный собственник обратился в Конституционный Суд РФ с требованием о проверке конституционности соответствующих правовых норм, предусматривающих изъятие земельных участков для

9 См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.12.2025 № Ф07-11297/2025 по делу № А56-150579/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7bf6d14c-31ed-42b3-8aa3-691dc572b4aa/d1b745ca-bcfa-4d85-923b-caed091efe79/A56-150579-2018_20251229_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2026).

10 Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.02.2026 № Ф03-4342/2025 по делу № А73-18211/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7637b328-8b05-484f-8b20-56da2af8bc5c/53dc79a1-3e0e-454f-84f8-6755df8e9a0d/A73-18211-2024_20260210_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2026).

11 Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2013 № 43-ФЗ // Российская газета. 2013. № 77.

12 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2025 № 09АП-42280/2025 по делу № А40-36080/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ede87555-913a-4b9a-bbd6-247eabb8f395/4cef8d2a-ad5a-4382-804f-cb82539c16af/A40-36080-2025_20251001_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2026).

13 Решение Арбитражного суда Тверской области от 20.08.2024 по делу № А66-5385/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bd720ba0-5d4c-4fb9-89ee-45561a0da604/54851694-61d5-4ebe-8616-0553eddc57c6/A66-5385-2024_20240820_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2026).

государственных и муниципальных нужд¹⁴. Безусловно, подобные обстоятельства не способны обеспечить гармонию и баланс интересов сторон. Потеря имущества ничем не компенсируется. Таким образом, нарушается фундаментальный принцип предварительного и равноценного возмещения, предусмотренный ст. 35 Конституции РФ. Кроме того, существует судебная практика, которая запрещает подобного рода выделение, поскольку оно повлечет необоснованное затягивание спора и противоречит эффективности правосудия. В постановлении от 20 сентября 2024 г. по делу № А21-17006/2023 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд справедливо указал, что рассмотрение требования об изъятии объекта недвижимого имущества для муниципальных нужд невозможно без одновременного решения вопроса о размере возмещения собственнику этого объекта¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд сле-

14 Состоялось слушание дела о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса РФ, пункта 2 статьи 56.11 Земельного кодекса РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ksrf.ru/News/37638/> (дата обращения: 27.03.2026).

15 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2024 № А21-17006/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/01d604e7-ac39-4fa2-93b4-5162693fe416/9c9e04bb-3ca1-48cb-a5df-93bf86d4b4e9/A21-17006-2023_20240920_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2026).

дует учитывать исключительный характер данного института. Принцип неприкосновенности частной собственности не должен нарушаться. Предусмотренные законодательством гарантии защиты права собственности не способны в полной мере оградить собственника, поскольку он изначально находится в невыгодном положении и является слабой стороной в данных правоотношениях. Оспорить отчуждение имущества он не может, так как орган власти уже принял соответствующее административное решение и подготовил необходимые документы. Следует обеспечивать баланс интересов, в каждом случае устанавливать наличие публичного интереса, социальную направленность реализации инфраструктурных проектов. Более того, практика по разделению соответствующего судопроизводства на два смежных процесса должна быть признана неконституционной. Ускорение реализации публичного интереса за счет нарушения императивных гарантий и причинение ущерба добросовестному собственнику недопустимо. При изъятии имущества возмещение ущерба пострадавшему правообладателю должно осуществляться непременно. Собственник, чье недвижимое имущество подлежит отчуждению, должен обладать гарантией предварительного и равноценного возмещения, в связи с чем реализация института изъятия земельных участков для государственных нужд должна исходить из принципов разумности и справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. Вещные права / К.П. Победоносцев. – Москва : Статут, 2002. – 800 с.
2. Михайлова Е.В. Государство как субъект предпринимательской деятельности и некоторые проблемы защиты его интересов / Е.В. Михайлова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. – № 10. – С. 90–96.
3. Чельшева Н.Ю. Правовая природа принудительного прекращения права частной собственности. Цивилистический аспект / Н.Ю. Чельшева. – Москва : Дело, 2025. – 259 с.
4. Черепакхин Б.Б. К вопросу о публичном и частном праве / Б.Б. Черепакхин. – Москва : Статут, 2020. – 369 с.
5. Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник / Т.В. Кашанина. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2015. – 496 с.

REFERENCES

1. Pobedonostsev K.P. Civil Law Course. Part I. Patrimonial Rights. Moscow, Statut Publ., 2002. 800 p.
2. Mikhailova E.V. The State as a Subject of Entrepreneurial Activity and Some Problems of Protecting Its Interests. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, no. 10, pp. 90–96. (In Russian).
3. Chelysheva N.Yu. Legal Nature of Compulsory Termination of Private Property Rights. *Civilistic Aspect*. Moscow, Delo Publ., 2025. 259 p.
4. Cherepakhin B.B. On the Issue of Public and Private Law. Moscow, Statut Publ., 2020. 369 p.
5. Kashanina T.V. Legal Technique. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2015. 496 p.
6. Venetsianov M.V. Expropriation from the Viewpoint of Civil Law (First Part). *Bulletin of Civil Law*, 2014, vol. 14, no. 6, pp. 210–258. (In Russian).

6. Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права (часть первая) / М.В. Венецианов // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14, № 6. – С. 210–258.
7. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев. – Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.
8. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект / С.В. Дорохин. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 136 с.
9. Гаджиев Г.А. Мериторные блага в конституционном праве / Г.А. Гаджиев // Российская юстиция. – 2021. – № 8. – С. 11–14.
10. Егорова М.А. Концепция справедливости в процедуре принудительного выкупа имущества для государственных нужд / М.А. Егорова, Н.Ю. Чельшева, И.А. Цинделиани // Актуальные проблемы принципа справедливости в частном праве : сборник статей к юбилею доктора юридических наук Ю.В. Романца. – Москва : Юстицинформ, 2024. – С. 135–145.
7. Yakovlev V.F. Russia: Economics, Civil Law (Theoretical and Practical Issues). Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 224 p.
8. Dorokhin S.V. Division of Law into Public and Private: Constitutional and Legal Aspect. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 136 p.
9. Gadzhiev G.A. Meritorious Benefits in Constitutional Law. Russian Justice, 2021, no. 8, pp. 11–14. (In Russian).
10. Egorova M.A., Chelysheva N.Yu., Tsindeliani I.A. The Concept of Fairness in the Procedure of Compulsory Redemption of Property for State Needs. Actual Problems of the Principle of Fairness in Private Law. Collection of Articles for the Anniversary of Doctor of Law Yu.V. Romants. Moscow, Yustitsinform Publ., 2024, pp. 135–145. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васькевич Владимир Петрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета; профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского федерального университета;

Молчанов Евгений Викторович – аспирант кафедры гражданского и корпоративного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vaskevich Vladimir Petrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Business and Energy Law, Saint Petersburg State University of Economics; Professor of the Department of Business and Energy Law, Kazan Federal University;

Molchanov Evgeny Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Civil and Corporate Law.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 05.05.2026.
The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 05.05.2026; accepted for publication 05.05.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.5

Original article

ВИНИЧЕНКО Юлия Вараздатовна
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия,
juvinichenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0533-6526>

VINICHENKO Yulia Varazdatovna
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИЗ ФАКТА БЕСХОЗЯЙНОСТИ ИМУЩЕСТВА

THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION FOR RELATIONS INVOLVING
OWNERLESS PROPERTY

Аннотация. Проблема бесхозяйности объектов гражданских прав актуальна как для отдельных участников гражданского оборота, так и для государства и общества в целом, поскольку сопряжена с рациональным использованием экономических ресурсов, вовлечением их в гражданский оборот, безопасностью существования и эксплуатации объектов, а в случае вредоносного воздействия последних – с возможностью возложить бремя устранения негативных последствий на конкретного субъекта. Цели: сформировать адекватное представление о понятии и видах бесхозяйного имущества и оценить эффективность правового регулирования отношений, складывающихся по поводу таких объектов. Методы: догматический (для выявления легального понимания бесхозяйного имущества и его видов), формально-логический (при анализе релевантной правоприменительной практики для критического осмысления законодательных положений о бесхозяйных вещах), функциональный (для оценки эффективности правового регулирования соответствующих отношений). Результаты: сделан вывод, что бесхозяйные вещи являются лишь одним из видов бесхозяйного имущества. Существуют и иные объекты, владельцы которых фактически отсутствуют, неизвестны или отказались от них. Соответственно, судебное признание права собственности, допустимое только в отношении вещей, не является единственным инструментом преодоления бесхозяйности объектов как негативного социально-экономического феномена, в связи с чем положения ст. 225 ГК РФ о бесхозяйных вещах нельзя признать универсальными и адекватными природе всех бесхозяйных объектов, а потому эффективной правовой конструкцией. Выдвинут тезис о необходимости признания более корректным и укреплению в

Abstract. The issue of ownerlessness of objects of civil rights is relevant both for individual participants in civil circulation and for the state and society as a whole, since it is associated with the rational use of economic resources, their involvement in civil circulation, the safety of the existence and operation of objects, and, in the case of their harmful impact, with the possibility of assigning the burden of eliminating negative consequences to a specific subject. Purposes: to form an adequate understanding of the concept and types of ownerless property and to assess the effectiveness of legal regulation of relations concerning such objects. Methods: the dogmatic method (to identify the legal understanding of ownerless property and its types), the formal-logical method (when analyzing relevant law enforcement practice for a critical interpretation of legislative provisions on ownerless things), and the functional method (to assess the effectiveness of legal regulation of the corresponding relations). Results: the article concludes that ownerless things are only one type of ownerless property. There are also other objects whose owners are effectively absent, unknown, or have abandoned them. Consequently, judicial recognition of property rights, which is permissible only in relation to things, is not the sole instrument for overcoming the ownerlessness of objects as a negative socio-economic phenomenon. Therefore, the provisions of Article 225 of the Civil Code of the Russian Federation concerning ownerless things cannot be considered universal and adequate to the nature of all ownerless objects, and thus, cannot be deemed an effective legal construct. A thesis has been put forward on the necessity to recognize as more appropriate and to consolidate in academic discourse the concept of "ownerless objects of civil rights". The article proposes to distinguish only two groups of ownerless objects: 1) objects

научном обороте понятия «бесхозные объекты гражданских прав». В качестве видов бесхозных объектов предложено выделять только две их группы: 1) объекты, обладатель которых, в том числе сведения о нем, неизвестны; 2) объекты, от обладания которыми фактически или юридически лицо отказалось.

Ключевые слова: бесхозность, бесхозная вещь, бесхозное имущество, виды бесхозных объектов, бесхозные акции, бесхозность цифровых объектов, объекты гражданских прав, гражданский оборот, право собственности, государственно-частное партнерство

Для цитирования: Виниченко Ю.В. Эффективность правового регулирования отношений из факта бесхозности имущества / Ю.В. Виниченко. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 42–49.

with an unknown owner (including cases where information about the owner is unavailable); and 2) objects from the possession of which a person has actually or legally renounced.

Keywords: ownerlessness, ownerless thing, ownerless property, types of ownerless objects, ownerless shares, ownerlessness of digital objects, objects of civil rights, civil circulation, property rights, public-private partnership

For citation: Vinichenko Yu.V. The Effectiveness of Legal Regulation for Relations Involving Ownerless Property. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 42–49. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.5.

ВВЕДЕНИЕ

Проблему эффективности правового регулирования без преувеличения можно отнести к числу общенаучных. В разное время к ее исследованию обращались представители различных отраслей правоведения – теории права [1; 2], цивилистики [3; 4], административного [5], финансового, налогового, бюджетного [6], уголовно-процессуального права, криминалистики [7]. Теоретическим, историко-правовым, отраслевым и международно-правовым аспектам эффективности правового регулирования посвящена и одна из новейших монографий [8]. Обозначая в общем виде результативность правового регулирования – достижение цели правового воздействия на общественные отношения, их упорядочение, эффективность правового регулирования, а точнее, ее оценка позволяет «выявить положительные и отрицательные последствия правового регулирования конкретных общественных отношений, степень достижения целей правового регулирования, скорректировать правовую политику государства, выбрать наиболее оптимальные способы решения социальных, экономических, политических, экологических проблем, возникающих в обществе» [9, с. 154].

Одной из таких проблем является проблема бесхозности имущества, решение которой, значимое как для отдельных част-

ных лиц, так и для государства и общества в целом, состоит в обеспечении экономически рационального обращения с экономическими ресурсами – их использования, вовлечения в гражданский оборот, в создании условий, принятии мер и гарантий безопасного существования и использования объектов, а в случае вредоносного воздействия последних – в возможности возложить бремя устранения негативных последствий на конкретного субъекта.

Ранее проведенное нами исследование убедило нас в необходимости понимать бесхозность как фактическое состояние объекта, в частности вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором эта вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица [10]. Вновь обратиться к теме бесхозных объектов гражданских прав, на сей раз в контексте вопроса об эффективности правового регулирования соответствующих отношений, нас побудили относительно недавние изменения ст. 225 ГК РФ¹,

1 О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 21.12.2021 (дата обращения: 29.03.2026) ; О внесении изменений в статью 225 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 315-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2025 (дата обращения: 29.03.2026).

являющиеся, как можно полагать, откликом законодателя на актуальный «социальный запрос» и свидетельствующие о сохранении проблемной ситуации в данной сфере общественных отношений. Общим фоном дальнейшего осмысления обозначенной проблемы выступила и современная информационная (цифровая/технологическая) трансформация общества.

Понятие и виды бесхозных объектов

В соответствии с действующим отечественным гражданским законодательством бесхозной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался (п. 1 ст. 225 ГК РФ). Приведенное легальное определение и закрепление его в статье, помещенной в гл. 14 ГК РФ «Приобретение права собственности», недвусмысленно указывают на то, что, во-первых, из всех перечисленных в ст. 128 ГК РФ видов объектов гражданских прав бесхозными законодательно признаются только вещи; во-вторых, что видами бесхозных вещей признаются: 1) вещи, которые не имеют собственника; 2) вещи, собственник которых неизвестен; 3) вещи, от права собственности на которые собственник отказался; в-третьих, что нормы о бесхозности функционально предназначены для правовой регламентации порядка приобретения права собственности.

Подобное понимание, на наш взгляд, нуждается в критической оценке главным образом потому, что связывает бесхозность исключительно с вещами. Однако помимо того, что с формально-юридической точки зрения действительно бесхозных вещей не так много², существуют и иные объекты, обладатели которых отсутствуют, неизвестны или отказались от них. Прежде всего речь идет о бесхозности бездокументарных ценных бумаг, по своей юридической природе являющихся, как известно, обязательственными правами. В литературе такие случаи именуют проблемой «потерянных» акционеров, «мертвых душ», «спящих» участников акционерно-

го общества [11; 12; 13], то есть участников, которые длительное время не осуществляют свои корпоративные права или сведения о которых отсутствуют, вследствие чего их акции «повисают в воздухе» и функционально никому не принадлежат, хотя продолжают числиться за соответствующей организацией». При этом организация несет издержки на отправку дивидендов (которые в итоге оказываются невостребованными), а в некоторых случаях не может принять важные корпоративные решения [12, с. 207–208]. Ссылаясь на подобные обстоятельства (в частности, на смерть акционера – физического лица³, на исключение акционера – юридического лица из ЕГРЮЛ как недействующего⁴ либо ликвидированного (например, на основании определения арбитражного суда о завершении конкурсного производства⁵), на неучастие определенных акционеров в жизни акционерного общества и отсутствие у эмитента какой-либо информации о таких акционерах или их правопреемниках (наследниках⁶, кредиторах⁷), на другие факты⁸), эмитенты обращаются в суд с требованиями о признании выпущенных ими бездокументарных ценных бумаг бесхозным имуществом и признании права собственности на них. Исходя из того, что бездокументарные ценные бумаги, являясь имуществом, не относятся к вещам, полагаем, что они не могут быть признаны бесхозными в смысле и порядке ст. 225 ГК РФ. В то же время правоприменительная практика по данной категории дел не единообразна, имеются су-

3 См., например: Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25.12.2024 по делу № А56-72824/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 12.

5 См., например: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2020 № 08АП-11343/2020 по делу № А75-15245/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2025 № Ф05-6258/2025 по делу № А40-43718/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 См., например: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2020 № 08АП-11343/2020 по делу № А75-15245/2019.

8 Обзор соответствующей судебной практики см., например: [13].

2 Подробную аргументацию данного тезиса см.: [10].

дебные решения о признании акций бесхозными и о передаче их во владение эмитенту с целью дальнейшего распределения.

В условиях цифровой трансформации не исключена и бесхозность цифровых объектов. Имеются в виду ситуации, когда такие объекты, существующие в виде токенов, включены в состав наследственной или конкурсной массы, однако ключ доступа к распределенной информационной системе, в которой они существуют, утрачен. Иными словами, «объект в "цифре" существует в виде токена (Token), который рассматривается, с одной стороны, как цифровой код объекта, а с другой – как цифровой ключ, по которому системе удастся определить "владельца" токена. Цифровой ключ позволяет идентифицировать "своего" пользователя системы с целью допуска к токену для совершения с ним транзакций... Таким образом, он выполняет в системе функцию распознавания управомоченного лица» [14, с. 93]. Следовательно, утрата ключа доступа к цифровому объекту влечет невозможность установления его обладателя, означая по существу бесхозность этого объекта. Принимая во внимание, что создание таких объектов может быть сопряжено со значительным ресурсопотреблением (как, например, майнинг), выпадение их из гражданского оборота представляется экономически неоправданным.

С учетом изложенного понимание бесхозного имущества и его видов, основанное на легальной дефиниции ст. 225 ГК РФ, не отображает всех имеющихся на практике случаев, в связи с чем его нельзя считать адекватным. Более корректно понятие «бесхозные объекты гражданских прав», позволяющее отнести к их числу не только вещи, но и блага, которые лишены телесной формы и имеют иную юридическую природу. Что касается видов бесхозных объектов, то полагаем необходимым выделять только две их группы:

1) объекты, обладатель которых, в том числе сведения о нем, неизвестны;

2) объекты, от обладания которыми фактически или юридически лицо отказалось.

Такое понимание не только соответствует условиям развития современного общества, оно значимо для решения вопроса о способах преодоления бесхозности как явно негативного социального феномена.

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕСХОЗНОСТИ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Для устранения факта бесхозности в отношении вещей действует порядок, установленный ст. 225 ГК РФ. Он различен для движимых и недвижимых вещей, но покоится на одном (идентичном, едином) основании – признании за определенным лицом права собственности на бесхозный до этого момента объект. На бесхозные движимые вещи право собственности может быть приобретено по специальным основаниям, предусмотренным ГК РФ (дереликция, находка, задержание безнадзорных животных, обнаружение клада), а в их отсутствие применительно к конкретному случаю – в силу приобретательной давности. Бесхозные недвижимые вещи сначала подлежат постановке на учет в качестве бесхозных органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество (Росреестром), и только по истечении срока, установленного ст. 225 ГК РФ, по требованию указанных в данной статье лиц на основании судебного решения могут поступить в их собственность.

До внесения отмеченных выше изменений в ст. 225 ГК РФ право на обращение в Росреестр с заявлением о принятии бесхозных недвижимых вещей на учет имели только органы местного самоуправления, на территории которых данные вещи находятся, а в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе – уполномоченные государственные органы этих городов. Срок, по истечении которого указанные органы могли обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной или государственной собственности на бесхозную недвижимую вещь, составлял один год со дня постановки ее на учет в Росреестре.

С принятием 21 декабря 2021 г. Федерального закона № 430-ФЗ положения ст. 225 ГК РФ были дополнены. Органам, уполномоченным управлять муниципальным имуществом, равно как и уполномоченным государственным органам городов федерального значения, была предоставлена возможность обращаться в суд с требованием о признании права собственности на бесхозный объект по истечении трех месяцев со дня постановки его на учет, если такой

объект является линейным. Одновременно с этим аналогичным правом – на обращение по истечении трех месяцев в суд с требованием о признании права собственности на линейные объекты (а также возможность инициировать принятие их на учет) – были наделены лица, обязанные в соответствии с законом осуществлять эксплуатацию таких линейных объектов (п. 5 ст. 225 ГК РФ в редакции Федерального закона от 21 декабря 2021 г.). В доктрине указанные новеллы были оценены неоднозначно⁹, в то же время ученые единодушно сошлись во мнении, что после внесения данных изменений неизбежно возникает конкуренция правопритязаний муниципальных образований и эксплуатирующих организаций в отношении бесхозяйных линейных объектов – у кого из них имеется приоритет? Поднимался при этом и вопрос о том, чем – правом или обязанностью носителя публичной власти – является соответствующее притязание [см.: 15; 16].

На наш взгляд, который с момента «погружения» в рассматриваемую тему (с 2018 г.), пожалуй, только укрепился, бремя содержания, поддержания надлежащего (безопасного) состояния бесхозяйных объектов, имеющих общесоциальную значимость (а именно такими являются все энергетические и иные линейные объекты), первоочередно должно ложиться на муниципалитеты и государство. Говоря иначе, мы по-прежнему [см.: 10, с. 235–236] ратуем за признание и нормативное закрепление обращения в суд с требованием о признании права собственности на социально значимые объекты обязанностью, а не правом органов публично-правовых образований. Другой вопрос – посредством каких правовых (а не административно-управ-

ленческих) механизмов последние смогут разделить это бремя с частными хозяйствующими субъектами. И такие инструменты есть.

Возвращаясь к судьбе ст. 225 ГК РФ, отметим, что в июле 2025 г. ее редакция вновь была изменена: в п. 5 было оставлено только указание на право лиц, обязанных осуществлять эксплуатацию линейных объектов, и органов публично-правовых образований обратиться с заявлением о принятии на учет бесхозяйных линейных объектов; правило о трехмесячном сроке, по истечении которого данные лица вправе обратиться в суд с требованием о признании права собственности на бесхозяйную вещь, было помещено в новый п. 6, с дополнением фразой: «...в случае, если она является объектом (в том числе линейным), необходимым для обеспечения тепловой и электрической энергией, водой, газом, для водоотведения, либо гидротехническим сооружением, либо объектом гражданской обороны». В пояснительной записке к проекту федерального закона, внесшего соответствующие изменения¹⁰, по сути, обосновывались те положения, которые уже были включены в ст. 225 ГК РФ: 1) о необходимости сокращения до трех месяцев срока, по истечении которого можно обратиться в суд с требованием о признании права собственности на бесхозяйную вещь, если она является объектом (в том числе линейным), предназначенным для обеспечения населения тепловой и электрической энергией, водой, газом, для водоотведения; 2) о возможности признания права собственности на подобное имущество за лицами, обязанными в соответствии с законом осуществлять эксплуатацию таких линейных объектов (поскольку «приведение такого бесхозяйного имущества в надлежащее состояние за счет средств бюджетов бюджетной системы до оформления в муниципальную (государственную) собственность не представляется возможным»).

Очевидно, что описанный порядок преодоления бесхозяйности вещей (путем признания права собственности на них) непри-

⁹ По замечанию одних авторов, «с трудом установившийся баланс интересов, приемлемый, когда речь шла об обращении бесхозяйной недвижимости в собственность публично-правовых образований, оказался грубо нарушен при распространении этой еще более упрощенной процедуры на эксплуатантов бесхозяйных линейных объектов» [15]; по мнению других авторов, «предоставление эксплуатирующим организациям права обращаться за признанием за ними права собственности на бесхозяйные линейные объекты является позитивным изменением законодательства о бесхозяйных вещах и направлено на то, чтобы сократить их число. Расширение перечня лиц, способных приобрести такие объекты в собственность, позволяет осуществить скорейшее введение линейных объектов в оборот и обеспечить их рациональное использование для достижения экономических и социальных целей» [16, с. 111].

¹⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 225 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.03.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1f005588-6a01-6dda-a3df-c75d88fd1550> (дата обращения: 29.03.2026).

меним к бесхозяйным объектам, имеющим иную юридическую природу, поскольку объектом права собственности, как известно, могут быть только вещи.

Именно такой подход демонстрирует, например, определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 301-ЭС23-2760 по делу № А82-8947/2021¹¹, связанному с квалификацией и определением судьбы бездокументарных ценных бумаг. Эмитент (акционерное общество «Красный холм») требовал признать 1054 обыкновенные именные акции, числящиеся на лицевых счетах физических лиц – миноритарных акционеров, бесхозяйными (ссылаясь на то, что известно о смерти 42 акционеров, а в отношении 84 акционеров информация отсутствует, однако они продолжают числиться акционерами) и признать право собственности на указанные ценные бумаги за собой. Соглашаясь с позицией нижестоящих судов и отказывая акционерному обществу в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, суд оправданно указал на необоснованность требований эмитента, «поскольку акции, как бездокументарные ценные бумаги, не являются индивидуально-определенной вещью, в связи с чем не могут быть признаны бесхозяйными».

Другим примером является случай, когда истец (акционерное общество-эмитент) в качестве доводов указал, что акции, числящиеся на лицевом счете одного из его акционеров, являются брошенными, поскольку «какие-либо лица своих прав и какого-либо интереса» в отношении этих акций «не проявляли более 12 лет, что явно свидетельствует об утраченном интересе к акциям» и указывает «на фактический отказ собственника акций от права собственности, выраженный в форме бездействия», а потому эти акции должны быть погашены или реализованы. Требования общества были оставлены без удовлетворения, при этом суд апелляционной инстанции, мотивируя невозможность принятия решения о передаче истцу в собственность имущества (спорных акций) «в смысле положений статьи 226 ГК РФ», отметил: «Исходя из специфики бездоку-

ментарной акции ею невозможно владеть как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания»¹².

Показательным в данной связи является также и определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020, в рамках которого публичное акционерное общество «ЧИФ-Кузбасс» (далее – Общество) требовало: признать бесхозяйными эмитированные им обыкновенные именные акции, числящиеся на лицевом счете закрытого акционерного общества Фирма «Карнет» (далее – Фирма) – акционера Общества, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо; признать на эти акции право собственности Общества; обязать регистратора списать с лицевого счета Фирмы спорные акции и зачислить их на счет эмитента – Общества. Отменяя акты нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение в первую инстанцию, Судебная коллегия указала, что применение к данной ситуации по аналогии закона конструкции выкупа акций «имеет должное основание, поскольку позволяет преодолеть пробел в праве и способствует достижению общего для акционерного общества блага, в том числе посредством обеспечения эффективного управления обществом, возвращения акций в оборот», что «отказ в иске по формальным основаниям, связанным только с неправильной ссылкой истца на нормы Гражданского кодекса, регулирующие оборот бесхозяйных вещей, не может быть признан законным».

Впрочем, анализ судебной практики позволяет привести примеры иного подхода к решению данного вопроса. Так, упомянутым решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25 декабря 2024 г. по делу № А56-72824/2024 было удовлетворено требование акционерного общества «Владимирские ряды» о признании бесхозяйными 48 обыкновенных именных бездокументарных акций, числящихся на лицевом счете умершего акционера, и передаче этих акций в собственность общества с обязанием регистратора совершить регистрационные действия по списанию акций с лицево-

11 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2020 № 08АП-11343/2020 по делу № А75-15245/2019.

го счета акционера и зачислению их на счет эмитента (акционерного общества). Справедливости ради стоит отметить, что, по замечанию самого суда, указанные акции оказались бесхозными «при применении права по аналогии с правом на вещи, в соответствии со статьей 225 ГК РФ».

Порядок, установленный в отношении вещей, является неприемлемым и для устранения бесхозности цифровых объектов. Успешность реализации предлагаемой идеи учета таких объектов в специальных реестрах оптимизма, увы, не вызывает. Как минимум это обусловлено объективной причиной – постоянной «подвижностью» информационной системы (как среды и формы существования цифровых объектов), затрудняющей отражение в таких реестрах данных, действительно актуальных на необходимый момент времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о проблеме бесхозности благ, оказавшейся в центре внимания правоведов в силу того, что указанные объекты имеют экономическую ценность, потребительную и меновую стоимость, следует резюмировать, что бесхозные вещи являются лишь

одним из видов бесхозного имущества. Существуют и иные объекты, обладатели которых фактически отсутствуют, неизвестны или отказались от них (в частности, бездокументарные ценные бумаги). Сообразно этому признание права собственности, допустимое только в отношении вещей, не является единственным инструментом преодоления бесхозности объектов как негативного социально-экономического феномена, в связи с чем нормы ст. 225 ГК РФ о бесхозных вещах нельзя признать универсальной и адекватной природе всех бесхозных объектов правовой конструкцией.

Что касается механизма устранения бесхозности отдельных видов объектов – «краеугольного камня» в вопросе эффективности правового регулирования соответствующих отношений, то он нуждается в дальнейшем осмыслении и взвешенной всесторонней проработке. В любом случае представляется необходимым укрепление в научном обороте понятия «бесхозные объекты гражданских прав»; желательна и корректировка положений ГК РФ о бесхозном имуществе – формулирование и помещение норм о нем в гл. 6 «Общие положения» подраздела 3 «Объекты гражданских прав».

Список источников

1. Заец А.П. Согласованность нормативных предписаний как условие повышения эффективности правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.П. Заец. – Киев, 1985. – 202 с.
2. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Абрамова. – Красноярск, 2006. – 206 с.
3. Кузнецов В.В. Эффективность гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению предприятия сырьем (по материалам деятельности предприятий мясной промышленности) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.В. Кузнецов. – Москва, 1977. – 185 с.
4. Зайцев В.В. Актуальные проблемы повышения эффективности гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению договорных обязательств : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В.В. Зайцев. – Москва, 2005. – 387 с.
5. Моисеенко М.А. Повышение эффективности финансово-правового механизма регулирования охраны окружающей среды : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М.А. Моисеенко. – Москва, 2002. – 236 с.

REFERENCES

1. Zaets A.P. Coordination of Regulatory Prescriptions as a Condition for Increasing the Effectiveness of Legal Regulation. *Cand. Diss.* Kyiv, 1985. 202 p.
2. Abramova A.A. Efficiency of the Legal Regulation Mechanism. *Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2006. 206 p.
3. Kuznetsov V.V. Efficiency of Civil Law Regulation of Relations on Providing an Enterprise with Raw Materials (Based on the Activities of Meat Industry Enterprises). *Cand. Diss.* Moscow, 1977. 185 p.
4. Zaitsev V.V. Actual Problems of Increasing the Efficiency of Civil Law Regulation of Relations on Ensuring Contractual Obligations. *Doct. Diss.* Moscow, 2005. 387 p.
5. Moiseenko M.A. Increasing the Efficiency of the Financial Law Mechanism for Regulating Environmental Protection. *Cand. Diss.* Moscow, 2002. 236 p.
6. Nguyen Zui Hung. Experience of Legal Regulation of Economic Reforms in Vietnam and Russia. (Problems of Efficiency). *Cand. Diss.* Moscow, 1997. 166 p.
7. Avdeev V.N. The Effectiveness of Legal Regulation of the Periods of Detention During Preliminary Investigation. *Cand. Diss.* Moscow, 1997. 192 p.

6. Нгуен Зуй Хынг. Опыт правового регулирования экономических реформ во Вьетнаме и России. (Проблемы эффективности) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Нгуен Зуй Хынг. – Москва, 1997. – 166 с.
7. Авдеев В.Н. Эффективность правового регулирования сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Н. Авдеев. – Москва, 1997. – 192 с.
8. Эффективность правового регулирования и правоприменения: международный и национальный уровни : монография / под общ. ред. А.А. Дорской, В.А. Косовской. – Санкт-Петербург : Астерион, 2025. – 260 с.
9. Березина Е.А. Методико-технологические аспекты оценки эффективности правового регулирования / Е.А. Березина // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 153–158.
10. Виниченко Ю.В. Бесхозяйность вещей: de jure vs. de facto / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 40. – С. 225–239.
11. Микрюков В.А. Можно ли избавиться от «спящих» и «потерянных» акционеров с помощью процедуры преобразования? / В.А. Микрюков // Законодательство и экономика. – 2015. – № 9. – С. 23–29.
12. Филипенко В.А. Допустимость выкупа акций потерянных акционеров или признание этих акций бесхозяйными. Комментарий к определению ВС РФ 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636 / В.А. Филипенко // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 23. – С. 206–215 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-vykupa-aktsiy-poteryannyh-aktsionerov-ili-priznanie-etih-aktsiy-beshozyaynymi-kommentariy-k-opredeleniyu-vs-rf-15-12> (дата обращения: 28.03.2026).
13. Осипенко О.В. Феномен «брошенного бизнеса». Обобщение судебной и корпоративной практики / О.В. Осипенко // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 5. – С. 89–111.
14. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, Ф.А. Тасалов ; под ред. Л.Ю. Василевской. – Москва : Проспект, 2021. – Т. I. – 287 с.
15. Мурзин Д.В. Приобретение права собственности на бесхозяйные линейные объекты в упрощенном порядке / Д.В. Мурзин // Закон. – 2023. – № 12. – С. 48–54 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2026).
16. Судариков К.В. Приобретение муниципалитетами и эксплуатирующими организациями права собственности на бесхозяйные линейные объекты / К.В. Судариков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 6. – С. 105–112.
8. Dorskaya A.A., Kosovskaya V.A. (eds.). The Effectiveness of Legal Regulation and Law Enforcement: International and National Levels. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2025. 260 p.
9. Berezina E.A. Methodological and Technological Aspects of the Evaluation of Legal Regulation Effectiveness. *Philosophiya Prava*, 2021, no. 1 (96), pp. 153–158. (In Russian).
10. Vinichenko Yu.V. Ownerlessness of Things: De Jure vs. De Facto. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 40, pp. 225–239. (In Russian).
11. Mikryukov V.A. Is it Possible to Get Rid of “Sleeping” and “Lost” Shareholders Using the Procedure of Conversion? *Legislation and Economics*, 2015, no. 9, pp. 23–29. (In Russian).
12. Filipenko V.A. Admissibility of Buyback of Shares of Lost Shareholders or Recognition of Shares as Ownerless. Commentary to the Act of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES22-10636 Dated 15.12.2022. *Issues of Russian Justice*, 2023, no. 23, pp. 206–215. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-vykupa-aktsiy-poteryannyh-aktsionerov-ili-priznanie-etih-aktsiy-beshozyaynymi-kommentariy-k-opredeleniyu-vs-rf-15-12>.
13. Osipenko O.V. The Phenomenon of “Abandoned Business”. Summary of Case Law and Corporate Practice. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2025, no. 5, pp. 89–111. (In Russian).
14. Vasilevskaya L.Yu., Poduzova E.B., Tasalov F.A.; Vasilevskaya L.Yu. (ed.). Digitalization of Civil Circulation: Problems and Development Trends (Civilistic Research). Moscow, Prospect Publ., 2021. Vol. I. 287 p.
15. Murzin D.V. Acquisition of Ownership Rights to Ownerless Linear Facilities in a Simplified Procedure. *Law*, 2023, no. 12, pp. 48–54. Available at: <https://www.consultant.ru>.
16. Sudarikov K.V. Acquisition of Ownership Rights to Ownerless Linear Facilities by Municipalities and Operating Organizations. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, no. 6, pp. 105–112. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виниченко Юлия Вараздатовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinichenko Yulia Varazdatovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 08.05.2026. The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 08.05.2026.

Научная статья
УДК 34:004.056
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.6

Original article

ГИМАДРИСЛАМОВА Олеся Рамильевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
giolesya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6509-4314>

GIMADRISLAMOVA Olesya Ramilyevna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF PRIVATE AND PUBLIC LAW
MECHANISMS FOR ENSURING INFORMATION CONFIDENTIALITY

Аннотация. Проблема эффективности частноправовых и публично-правовых механизмов обеспечения конфиденциальности информации в условиях цифровой среды связана с тем, что защита конфиденциальности в современной правовой системе не может осуществляться исключительно через частноправовые средства договорного ограничения доступа и ответственности либо только через публично-правовые режимы, запреты и организационные меры. Цели: выявить особенности, преимущества, пределы и реальную функциональную эффективность частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности информации; определить критерии их сопоставления. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, использованный для анализа нормативных конструкций и правовых режимов; системный метод, позволивший рассмотреть конфиденциальность как результат взаимодействия различных правовых средств; сравнительно-правовой метод, примененный при сопоставлении частноправовой и публично-правовой логики обеспечения конфиденциальности; проблемно-аналитический метод, использованный для выявления преимуществ и ограничений каждого механизма в цифровой среде. Результаты: установлено, что частноправовой механизм обладает гибкостью, адресностью и высокой способностью к индивидуализации режима конфиденциальности, тогда как публично-правовой механизм отличается большей превентивностью, режимной устойчивостью и способностью обеспечивать защиту в условиях массовых цифровых процессов. Сделан вывод, что реальная эффективность обеспечения конфиденциальности

Abstract. The problem of the effectiveness of private and public law mechanisms for ensuring information confidentiality in a digital environment stems from the fact that confidentiality protection in the modern legal system cannot be provided solely through private law means of contractual access restrictions and liability, or exclusively through public law regimes, prohibitions, and organizational measures. Purposes: to identify the features, advantages, limitations, and actual effectiveness of private and public law mechanisms for ensuring information confidentiality; to determine the criteria for their comparison. The methodological basis of the study comprises the formal legal method (used to analyze regulatory structures and legal regimes), the systematic method (employed to study confidentiality as a result of the interaction of various legal means), the comparative legal method (applied to compare private and public law frameworks for ensuring confidentiality), and the problem-analytical method (utilized to identify advantages and limitations of each mechanism within the digital environment). Results: the study finds that the private law mechanism exhibits flexibility, targeted application, and a high capacity to tailor the privacy regime to specific needs, while the public law mechanism demonstrates greater proactiveness, regime stability, and the ability to ensure robust protection in the face of large-scale digital processes. The article concludes that real effectiveness of ensuring confidentiality is achieved not through the isolated operation of either mechanism, but through their functional synergy, where private law tools enable precise adjustment of specific relationships, and public law tools

достигается не за счет изолированного действия одного из механизмов, а за счет их функционального сочетания, при котором частноправовые средства обеспечивают тонкую настройку конкретных связей, а публично-правовые формируют обязательную среду обращения информации и предупреждения нарушений.

Ключевые слова: конфиденциальность информации, частное право, публичное право, механизм правового регулирования, эффективность, правовой режим, информационная безопасность, цифровая среда

Для цитирования: Гимадрисламова О.Р. Сравнительный анализ эффективности частноправовых и публично-правовых механизмов обеспечения конфиденциальности информации / О.Р. Гимадрисламова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 50–63.

establish an obligatory framework for information circulation and violation prevention.

Keywords: information confidentiality, private law, public law, mechanism of legal regulation, effectiveness, legal regime, information security, digital environment

For citation: Gimadrislamova O.R. Comparative Analysis of the Effectiveness of Private and Public Law Mechanisms for Ensuring Information Confidentiality. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 50–63. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.6.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях цифровой трансформации конфиденциальность¹ информации трудно воспринимать только как специальный режим ограничения доступа. В частноправовой сфере она все заметнее проявляется как условие устойчивости самих отношений. Для предпринимательского оборота, корпоративного управления, договорных связей, цифровых платформ и сервисных моделей значение имеет не только обладание информацией, но и возможность сохранять контроль над ней, определять пределы доступа, использования и распространения сведений.

У частного права есть привычный набор инструментов охраны конфиденциальности: договорные условия о неразглашении, корпоративные правила доступа, режим коммерческой тайны, конструкция секрета производства, средства, направленные на обеспечение соблюдения соответствующих обязанностей, а при их нарушении – взыскание убытков и неустойки. На первый взгляд этого достаточно.

¹ Под конфиденциальностью в настоящей статье понимается не только установленный законом запрет на распространение определенных сведений, но и правовое состояние контролируемого доступа к информации, обеспечиваемое частноправовыми и публично-правовыми средствами.

Но цифровая среда делает слабые места такой конструкции гораздо заметнее. Утечки через подрядчиков и субподрядчиков, распределенные команды, облачные решения, удаленный доступ, трансграничная обработка данных, технологическая воспроизводимость сведений и простота их тиражирования показывают: даже аккуратно выстроенная юридическая модель еще не гарантирует реального сохранения конфиденциальности. Именно здесь и возникает вопрос о пределах самостоятельной эффективности частноправового механизма, а также о том, в какой мере он нуждается в публично-правовой режимной и организационной опоре. Такой поворот связан и с более общим для цифровой среды обстоятельством: трансформация затрагивает уже не только отдельные правовые инструменты, но и сам механизм правового регулирования [1, с. 12–13].

Сопоставление частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности требует специального методологического обоснования. Его нельзя сводить ни к простому перечислению правовых средств, ни к абстрактному противопоставлению частного и публичного права. Вопрос здесь стоит иначе: какой из механизмов и в каких пределах действительно работает, а где начинает давать лишь формальный эффект.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Сравнение частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности требует предварительного методологического уточнения и имеет смысл лишь тогда, когда под механизмом понимается не случайная совокупность норм и мер, а целостная конструкция правового воздействия, обладающая внутренней связностью и определенной функциональной направленностью. В отечественной теории права именно с этим связано понимание механизма правового регулирования как системы правовых средств, обеспечивающей результативное воздействие на общественные отношения [2, с. 215]. Значение этой категории в том, что она позволяет видеть право не как набор разрозненных предписаний, а как систему юридических средств, через которые достигается определенный правовой результат [2, с. 216]. В ранних работах С.С. Алексеева также подчеркивается системный характер механизма, понимаемого как согласованное действие юридических средств [3, с. 29, 33–35].

Как отмечал В.Ф. Яковлев, при сравнении частноправового и публично-правового механизмов важно учитывать, что различие между ними проявляется не только в наборе юридических средств, но и в самом типе правового воздействия на регулируемые отношения [4, с. 66]. Здесь недостаточно указать на наличие отдельной нормы, договорной оговорки или запрета. Требуется рассматривать всю совокупность юридических средств, обеспечивающих ограничение доступа к информации, контроль ее обращения, предупреждение утраты конфиденциальности и защиту при нарушении установленного режима. Именно поэтому механизм обеспечения конфиденциальности информации не сводится к частному институту внутри одной отрасли. Речь идет о функционально организованной системе правовых средств, которая сразу выводит исследование за пределы слишком узкого понимания конфиденциальности – либо как чисто договорной конструкции, либо как сугубо публично-правового способа регулирования.

Но уже здесь важно разграничить механизм и правовой режим. Для темы конфиден-

циальности это не формальное различие². Правовой режим обычно фиксирует особый порядок регулирования, связанный с определенным объектом, сферой деятельности или статусом субъектов. Он задает структуру дозволений, запретов, обязанностей, процедур доступа, способов охраны и мер ответственности [2, с. 242–244]. Механизм шире и подвижнее. Он включает не только сам этот порядок, но и те средства, через которые такой порядок начинает действовать и влечет конкретные правовые последствия [2, с. 215–218; 3, с. 29, 34–35].

Для конфиденциальности это различие особенно важно: в публично-правовой плоскости на первый план выходит именно установление специального порядка обращения с информацией [5, с. 14–15, 33–34]. Л.К. Терещенко рассматривает правовой режим информации как объектный, вводимый законом и обеспечивающий комплексное воздействие совокупностью регулятивных, охранительных и процессуально-процедурных средств [5, с. 13]. В частноправовой плоскости логика иная: здесь центр тяжести смещается к механизмам индивидуального регулирования – определению объема конфиденциальной информации, круга допущенных лиц, постдоговорных обязанностей, санкций, обеспечительных мер и правил внутреннего обращения информации. Если не различать режим и механизм, публично-правовая модель действительно будет казаться более полной уже потому, что она сильнее институционализирована. Но это впечатление обманчиво: частноправовой механизм может быть менее режимным по своей форме, но от этого он не становится менее значимым по своей функции.

Частноправовой и публично-правовой механизмы обеспечения конфиденциальности информации различаются по своей юридической природе, по способу действия и по набору используемых средств. Сопоставлять их как однородные конструкции было бы неверно. А сравнивать их по функциональным критериям эффективности не только возможно, но и необходимо [3, с. 29–30, 33–35; 6, с. 27–31]. В цифровой среде это видно особенно отчет-

² Вопрос о соотношении режима и механизма имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. От его решения зависит корректная квалификация договорных, организационных и публично-правовых средств охраны конфиденциальности.

ливо: результат зависит не от формальной отраслевой принадлежности соответствующих норм, а от того, способен ли механизм реально работать в условиях распределенного доступа, множественности операторов, удаленной обработки и быстрого тиражирования данных. Поэтому предметом анализа в настоящей статье является сравнительная эффективность частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности информации.

Конфиденциальность в этом отношении особенно показательна. Она прочно связана с частной автономией: стороны вправе определять содержание обязанностей о неразглашении, круг лиц, которым может быть открыт доступ, правила внутреннего обращения информации, последствия разглашения, порядок возврата или уничтожения носителей. Но этим дело уже не ограничивается. Конфиденциальность давно вышла за пределы только договорной сферы. В работах Г.Г. Камаловой совокупность норм, регулирующих ограничение доступа к информации и обеспечение ее конфиденциальности, рассматривается как сложное относительно обособленное объединение в системе информационного права [7, с. 75–79]. Поэтому природа конфиденциальности не позволяет свести ее только к частноправовому или только к публично-правовому регулированию. В частном праве она связана с автономией воли, договорным распределением доступа, экономической ценностью информации и защитой интересов ее обладателя. В публичном праве – с режимом ограничения доступа, организационным контролем, охраной прав личности и поддержанием общего порядка обращения информации [8, с. 96, 390; 9, с. 226–230]. Именно это и делает возможным сопоставление соответствующих механизмов в пределах одного исследования.

Для такого сопоставления решающей становится сама категория эффективности. В настоящей статье она понимается не формально, то есть не как факт наличия тех или иных правовых средств, а функционально – как способность механизма реально предупреждать нарушение конфиденциальности, обеспечивать исполнимость установленных обязанностей, допускать выявление и доказывание нарушения, а также снижать риск утраты контроля над информацией. В доктрине эффективность механизма правового регули-

рования рассматривается как оценочная категория, включающая уровень функциональности механизма в динамическом состоянии, причем направление такой оценки задается функциями самого механизма [10, с. 7]. В свою очередь, результативность механизма связывается с тем, что именно посредством определенных правовых средств достигаются цели правового регулирования [11, с. 128–129].

При этом используемые в статье категории «обеспечение», «охрана» и «защита» не отождествляются. Обеспечение конфиденциальности понимается как наиболее широкая категория, охватывающая всю совокупность правовых и организационных средств, направленных на поддержание конфиденциальности информации. Охрана конфиденциальности связана прежде всего с юридическим поддержанием соответствующего режима и предупреждением его нарушения. Защита же используется в более узком смысле – как реакция на уже совершившееся либо угрожающее нарушение конфиденциальности, включая пресечение нарушения, восстановительные меры и компенсационные средства.

ЧАСТНОПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: КОНСТРУКЦИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРЕДЕЛЫ

Частноправовой механизм обеспечения конфиденциальности информации нельзя сводить к одной договорной оговорке о неразглашении. Такое упрощение удобно, но для анализа непригодно. В действительности речь идет о более сложной частноправовой конструкции, основанной на свободе договорного регулирования и включающей систему правовых средств и иных элементов, посредством взаимодействия которых осуществляется договорное регулирование соответствующих отношений [12, с. 209, 275–276]. Поэтому в цивилистическом контексте конфиденциальность точнее рассматривать не как случайное приложение к обязательству, а как самостоятельный узел частноправового регулирования, связанный с распределением доступа, рисков и интересов ее обладателя.

Здесь полезно обратиться к позиции М.Ф. Казанцева. Он понимает механизм гражданско-правового договорного регулирования как систему правовых средств и иных элементов, взаимодействием которых осуществля-

ется гражданско-правовое регулирование договорных отношений [12, с. 209; 13, с. 23]. В числе основных элементов такого механизма М.Ф. Казанцев называет закон, гражданско-правовой договор, юридический факт, отличный от договора, правоотношение, а в отдельных случаях также административный и судебный правовые акты [12, с. 210; 13, с. 23]. Для конфиденциальности это имеет прямое значение, поскольку такая модель не позволяет свести частноправовую охрану к одному соглашению о неразглашении.

Эта линия уточняется в работе В.Б. Исакова, где юридический факт (состав) включается в систему юридических средств механизма правового регулирования наряду с нормой права, правоотношением, актом применения права и актами реализации прав и обязанностей [14, с. 14]. При этом каждый «шаг» правового регулирования связывается им с движением фактической основы, то есть с появлением новых юридических фактов и фактических составов [14, с. 12]. В применении к конфиденциальности это позволяет точнее увидеть, что соответствующий механизм начинает действовать не абстрактно, а через конкретные юридически значимые обстоятельства: заключение договора, предоставление доступа к сведениям, принятие локального акта, возникновение обязанности о неразглашении или ее нарушение.

Охраняется не информация вообще, а прежде всего информация, имеющая ценность для ее обладателя и потому требующая ограничения доступа в его интересах [15, с. 12]. Это хорошо видно у М.С. Зельцер, которая рассматривает гражданско-правовой режим информации, в том числе составляющей коммерческую тайну, как совокупность основанных на гражданском законодательстве и фактической монополии обладателя возможностей определять режим конфиденциальности, раскрывать сведения определенному приобретателю за плату, использовать их в обороте и иным образом юридически оформлять доступ к ним [15, с. 6, 13–14]. Такая логика показывает, что конфиденциальность в частном праве не исчерпывается запретом на разглашение. Речь идет о контролируемом использовании информации, при котором ее ценность охраняется не только через сокрытие, но и через возможность дозированного, юридически оформленного допуска к ней.

Сходный подход представлен у И.И. Салихова, рассматривающего информацию с ограниченным доступом как самостоятельный объект гражданских правоотношений [16, с. 12–13]. Это важно, поскольку конфиденциальность предстает здесь не как внешнее ограничение уже существующего обязательства, а как самостоятельный объект частноправового интереса, вокруг которого формируются права, обязанности и способы защиты. Близкую по смыслу позицию занимает И.В. Строганова, исследующая правовой режим конфиденциальной информации именно в гражданско-правовом аспекте [17].

Вместе с тем правовая природа конфиденциальной информации в частном праве остается дискуссионной, особенно когда речь идет о соотношении коммерческой тайны, секрета производства и ноу-хау³. В литературе сложилось несколько линий: одни авторы фактически сближают коммерческую тайну и секрет производства, другие рассматривают коммерческую тайну как более широкое родовое понятие, третьи связывают ноу-хау с самостоятельной, нетрадиционной объектной конструкцией [8, с. 294–295]. Для настоящей статьи этот спор важен не сам по себе. Он показывает, что уже на уровне объекта охраны частноправовой механизм конфиденциальности не образует полностью однородной и бесспорной конструкции [8, с. 294–295, 394].

На этом фоне особенно важна позиция Е.И. Мелихова, поскольку она позволяет развести внутри одного механизма по меньшей мере две разные правовые логики. С одной стороны, Е.И. Мелихов выделяет право на охрану коммерческой тайны как особое право, обеспечивающее неприкосновенность конфиденциальной сферы субъекта предпринимательской деятельности; такое право, по его мнению, имеет неимущественный характер, неотчуждаемо и необоротоспособно [18, с. 18]. С другой стороны, применительно к ноу-хау Е.И. Мелихов пишет об имущественном условно исключительном праве на его использование, существующем лишь при сохранении конфиденциальности соответствующей информации и способном участво-

3 О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32, ст. 3283 ; Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вать в гражданском обороте [18, с. 18–19]. Это важно, поскольку частноправовой механизм конфиденциальности предстает здесь не как единая модель, а как сочетание разных режимов охраны и оборота.

Полемически значима и позиция Г.М. Колебошина. Ее ценность состоит не в том, что она дает окончательное решение, а в том, что позволяет увидеть пределы усиления частноправовой охраны секрета производства. По мнению ученого, превращение секрета производства в объект чрезмерно жесткой монопольной защиты и наделение его обладателя полноценным исключительным правом может повлечь нежелательные последствия для конкуренции, технологического развития и доступа к перспективным знаниям [19, с. 19–20]. Из такого подхода следует важный вывод: эффективность частноправового механизма нельзя оценивать по принципу «чем сильнее охрана, тем лучше результат». В сфере конфиденциальности усиление защиты само по себе еще не означает ее оптимальности. Поэтому имеет смысл смотреть не только на интенсивность охраны, но и на внутреннее устройство самого механизма.

На более практическом уровне в частноправовом механизме обеспечения конфиденциальности можно выделить несколько взаимосвязанных звеньев. Речь идет не о жесткой схеме, одинаковой для любых отношений, а о повторяющейся логике: сначала определяется, какая именно информация подлежит охране, затем устанавливаются правила доступа к ней, после этого оформляются соответствующие обязанности участников оборота, а при нарушении включаются средства правового реагирования. Такая последовательность позволяет увидеть, что частноправовой механизм работает не через один изолированный инструмент, а через сочетание нескольких элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию.

Один из ключевых элементов здесь связан с договорным и корпоративным распределением доступа. В частноправовой логике конфиденциальность обеспечивается не только запретом на разглашение, но и положительным регулированием: кто получает сведения, в каком объеме, на каких условиях, с какими обязанностями и с какими последствиями выхода за пределы установленного доступа. Именно здесь особенно заметна одна из силь-

ных сторон частного права – способность к тонкой индивидуальной настройке. В этом отношении важна и позиция М.Ф. Казанцева, рассматривающего договор как особый регулятивный правовой акт, создаваемый самими субъектами гражданского права в собственном интересе [12, с. 228, 233].

Завершающий элемент этой конструкции связан уже с правовым реагированием на нарушение конфиденциальности. Здесь включаются взыскание убытков, неустойка, приостановление доступа к информации, запрет на ее дальнейшее использование, односторонний отказ от дальнейшего раскрытия сведений, а в соответствующих случаях – корпоративные санкции и меры, вытекающие из трудовых отношений. Именно на этом этапе особенно отчетливо проявляется предел частноправового механизма. Даже если нарушение установлено, и юридическая реакция формально предусмотрена, утрата конфиденциальности нередко оказывается необратимой. Компенсация убытков не возвращает контроль над информацией, а неустойка не восстанавливает прежнее состояние конфиденциальности.

Частноправовой механизм не существует в пустоте. Он не создает режим конфиденциальности заново и не действует вне внешних ограничений. Его реализация изначально вписана в императивные требования закона, правила о коммерческой тайне, персональных данных, трудовых и служебных обязанностях, а также иные рамки допустимого обращения информации [8, с. 217, 237, 286, 349–350; 9, с. 226–230]. Поэтому автономия частноправовой модели здесь всегда относительна: она работает внутри уже заданных нормативных рамок и должна оцениваться с их учетом [20, с. 15–16].

На этом фоне особенно отчетливо видны и сильные стороны частноправового механизма. Он гибок, поскольку позволяет приспособливать охрану конфиденциальности к специфике конкретного оборота. Он адресен, потому что действует не для неопределенного круга лиц, а внутри конкретной правовой связи. Он чувствителен к экономической стороне отношений: способен учитывать ценность информации, коммерческую модель бизнеса, структуру корпоративного доступа и особенности договорной кооперации. Наконец, он позволяет индивидуализировать объем обязанностей, условия конфиденци-

альности, последствия нарушения и последующий режим обращения информации в зависимости от реальной потребности сторон, а не только по заранее заданному типовому шаблону [21, с. 20–26].

Но в тех же самых точках проявляются и его пределы. В цифровой среде частноправовой механизм, как правило, обладает ограниченным превентивным потенциалом: он сравнительно хорошо описывает последствия нарушения, но заметно слабее работает на его предупреждение. Уязвим этот механизм и в доказательственном отношении: источник утечки, цепочка доступа и объем использования сведений нередко трудноустановимы [22, с. 18–22]. Его компенсационные возможности тоже безграничны: договорные меры ответственности не возвращают утраченный контроль над информацией. Наконец, частноправовой механизм во многом зависит от самой технологической среды, где множественность операторов, удаленный доступ, копируемость и быстрое распространение данных размыывают традиционную модель замкнутого информационного круга [23, с. 44–49]. В итоге частноправовая конструкция нередко оказывается формально стройной, но фактически недостаточной.

Поэтому частноправовой механизм обеспечения конфиденциальности информации следует понимать как многоэлементную систему, включающую определение того, какая именно информация подлежит охране, установление режима допуска, договорное и корпоративное распределение доступа, систему субъективных прав и обязанностей, а также меры правового реагирования при нарушении режима. Его значение не исчезает, но вопрос о нем уже не может ставиться как вопрос о самодостаточной модели охраны конфиденциальности. Отсюда и возникает необходимость перехода к публично-правовому механизму, который строится по иной логике: он рассчитан не на индивидуальную настройку конкретной связи, а на создание обязательной режимной и организационной среды защиты.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: РЕЖИМ, ПРОЦЕДУРА, ПРЕВЕНЦИЯ

Публично-правовой механизм обеспечения конфиденциальности строится иначе, чем

частноправовой. Если в частном праве центр тяжести находится в индивидуальном распределении доступа, обязанностей и последствий нарушения, то публичное право изначально действует как система нормативно организованного ограничения доступа к информации. Его задача состоит не только в реакции на уже совершившееся разглашение, но и в предварительном создании такой правовой и организационной среды, при которой нарушение конфиденциальности становится менее вероятным. Поэтому в основе публично-правового механизма лежат не соглашения сторон, а специальный правовой режим, статус субъектов, обязательные процедуры обращения с информацией, меры контроля и ответственность.

Нормативной опорой этой модели выступают конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки и иных сообщений, а также конституционный запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Существенно здесь то, что уже на конституционном уровне конфиденциальность получает гарантированную защиту. Тем самым ограничение доступа к информации включается в более широкий контекст допустимых ограничений прав и охраны конституционно значимых благ. На эту связь обращает внимание и А.В. Туликов, рассматривая обеспечение информационной безопасности как систему, затрагивающую объект, субъектный состав и саму деятельность по поддержанию соответствующего состояния защищенности [6, с. 27–28].

Публично-правовой механизм обеспечения конфиденциальности нельзя сводить только к запрету или санкции. Его устройство шире. Л.К. Терещенко, характеризуя правовой режим информации, показывает, что речь идет об особом порядке регулирования, в котором значение имеют не только объект и режимные требования к доступу, но и правовое положение субъектов, способы правового регулирования и средства юридического воздействия [5, с. 33–34]. Для конфиденциальности это важно уже потому, что публичное право регулирует не просто доступ к сведениям, но и порядок их сбора, хранения, распространения и уничтожения [5, с. 34]. Именно поэтому публично-правовой механизм выглядит более сложным и одновременно более жест-

ким: он охватывает не только запретительную часть, но и всю инфраструктуру обращения информации.

Этот подход получает развитие у Г.Г. Камаловой, которая определяет правовой режим конфиденциальности информации как специальный правовой порядок обеспечения ограничения доступа, распространения и предоставления сведений, установленный федеральными законами посредством совокупности методов, приемов и средств в целях предотвращения несанкционированного доступа и иных способов незаконного получения охраняемой информации [8, с. 100, 390]. Важно и другое: для обеспечения конфиденциальности особенно значимы организационно-правовые меры, поддерживающие требуемое состояние защиты, поэтому содержание режима не исчерпывается только правами, обязанностями и ответственностью [8, с. 96]. В этом же контексте совокупность норм, регулирующих ограничение доступа к информации и обеспечение ее конфиденциальности, выглядит уже не как случайный набор разрозненных ограничений, а как сложное относительно обособленное и внутренне неоднородное объединение в системе информационного права, использующее собственные понятия и специальные юридические конструкции [8, с. 87; 7, с. 75–79]. Это позволяет точнее увидеть специфику публично-правовой модели: если в частном праве защита во многом строится вокруг конкретной связи и последствий ее нарушения, то в публичном праве конфиденциальность поддерживается через обязательный порядок обращения с информацией как таковой.

Особенно отчетливо такая модель проявляется в работах об административно-правовых режимах конфиденциальной информации. О.С. Соколова определяет их как особый порядок деятельности субъектов административных правоотношений в процессе документирования конфиденциальной информации, регистрации информационных ресурсов, ограничения доступа к ним и их правовой защиты [24, с. 7, 14]. Тем самым публично-правовой механизм действует не только через норму, запрещающую разглашение, но и через процедуру: как информация фиксируется, кто ее учитывает, кто допускается к ней, как организуется доступ, как ведется учет и каким образом обеспечивается охрана. С.Н. Бурдов

дополняет эту картину, показывая, что административно-правовые режимы конфиденциальной информации имеют особый субъектный состав и содержание правоотношений, а их специфика наиболее ярко проявляется в особенностях правового регулирования порядка документирования и защиты конфиденциальной информации [25, с. 8, 15–18]. В этом и состоит принципиальное отличие публично-правовой логики от частноправовой: если в частном праве подобные вопросы во многом решаются через соглашение, корпоративный порядок или внутренний регламент субъекта, то в публичном праве они заранее выводятся на уровень обязательной режимной организации обращения сведений.

Дополнительное измерение публично-правовой модели хорошо видно у Л.К. Терещенко и С.М. Зырянова. Анализируя правовую модель информационной безопасности, они показывают, что действующее регулирование в значительной степени строится через правовые режимы, основным содержанием которых становятся обязательные запреты и иные императивные предписания [9, с. 226, 230]. Для настоящей статьи из этого важен один вывод: публично-правовой механизм обеспечения конфиденциальности организуется прежде всего как режимный способ правового регулирования. Преимущество этой модели связано не с тонкой настройкой конкретной правовой связи, а со способностью задавать общие обязательные рамки обращения с информацией [9, с. 230].

Эта логика получает развитие и у А.К. Дубеня, который пишет о множественности общих, специальных и особых информационно-правовых режимов, применяемых для обеспечения информационной безопасности [26, с. 49]. Для конфиденциальности это существенно, поскольку показывает многослойность публично-правовой модели. Она не сводится к одной универсальной конструкции. Напротив, защита конфиденциальности обеспечивается через совокупность специальных режимов, рассчитанных на различные виды информации, разные категории субъектов и разные уровни риска. Именно эта многослойность делает публично-правовой механизм более пригодным для работы с инфраструктурными угрозами цифровой среды.

Практическая сила публично-правового механизма особенно заметна там, где защи-

та конфиденциальности требует не точечной реакции на уже возникший конфликт, а заранее организованной среды обращения информации. В цифровой среде это приобретает особую ценность. Ограничительный и одновременно превентивный характер специального правового режима, а также значение организационно-правовых мер показывают, что публично-правовая модель ориентирована не только на реакцию, но и на поддержание требуемого состояния защиты [8, с. 16–17, 96, 390]. Именно поэтому она оказывается устойчивее в условиях массовых цифровых процессов, когда нарушение происходит не в пределах одной ясно очерченной связи, а через сложную систему операторов, посредников, распределенных сервисов и технологических платформ. Пока частноправовая модель во многих случаях начинает работать уже после разглашения или утраты контроля, публично-правовой механизм стремится не допустить саму ситуацию, в которой нарушение станет необратимым.

Здесь важна и судебная практика. Конституционный Суд РФ последовательно исходит из того, что запрет распространения информации о частной жизни лица без его согласия служит ограничению внешнего вмешательства в личную и семейную сферу и тем самым охраняет конституционно значимые нематериальные блага⁴. Верховный Суд РФ, в свою очередь, в обзорах практики подчеркивает недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия⁵. Важно, что судебные позиции подтверждают публично-правовой характер охраны конфиденциальности уже на уровне правоприменения.

Нормативная основа этой модели также имеет многоуровневый характер. Ее состав-

ляют Конституция РФ, федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», специальные законы о различных видах тайн и доступа к сведениям, а также акты стратегического планирования, прежде всего Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Их значение состоит не только в закреплении отдельных правил, но и в формировании общей юридической архитектуры ограничений доступа, обращения и распространения информации, а также в увязке конфиденциальности с задачами информационной безопасности и защиты прав личности [9, с. 226, 230; 27, с. 29–31], а в более широком плане – и с задачами национальной безопасности [26, с. 49; 27, с. 18–20]. Одновременно это подтверждает, что регулирование цифровой среды строится не одним правовым слоем, а через сочетание различных регуляторов, правовых средств и организационных форм [28, с. 10–12; 29, с. 253–256].

Тем самым публично-правовой механизм обеспечения конфиденциальности можно определить как режимно организованную, статусно и процедурно оформленную систему правовых средств, опирающуюся на конституционные гарантии, специальные федеральные законы, административные процедуры, организационные меры, контроль и ответственность. Его сильные стороны связаны с превентивностью, обязательностью, системностью и способностью работать с массовыми, инфраструктурными и труднообратимыми рисками цифровой среды. Но и этот механизм не следует изображать как полную альтернативу частноправовому. Его преимущества одновременно обнаруживают и его пределы. Он сильнее в обязательности, организационной дисциплине, контроле и превенции, но заметно хуже приспособлен к индивидуальной настройке режима конфиденциальности внутри конкретной предпринимательской, корпоративной или сервисной связи. Если частное право позволяет гибко определять объем сведений, круг допущенных лиц, постдоговорные обязанности и экономические последствия нарушения, то публичное право, как правило, действует через общий порядок и типовую модель ограничений. Его преимущество проявляется прежде всего на инфраструктурном

⁴ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

уровне – там, где требуется не столько урегулировать отдельную связь, сколько поддерживать устойчивую среду обращения информации. Отсюда и возникает необходимость перейти к сравнению этих механизмов уже не на уровне общих описаний, а по критериям их реальной эффективности.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНОПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Сопоставление частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности имеет смысл лишь при заранее заданных критериях сравнения. Иначе анализ неизбежно сведется либо к перечислению разнородных правовых средств, либо к абстрактному противопоставлению частного и публичного права без выхода к вопросу о реальной эффективности. В настоящей статье эффективность понимается не как формальный факт наличия той или иной правовой конструкции, а как способность механизма предупреждать нарушение конфиденциальности, обеспечивать исполнение установленных обязанностей, создавать условия для выявления и доказывания нарушения, а также уменьшать его последствия. В доктрине эффективность механизма правового регулирования рассматривается как оценочная категория, с помощью которой определяется уровень функциональности механизма правового регулирования в статическом и динамическом состоянии; направление оценки такой эффективности задается функциями самого механизма [10, с. 7]. Такой подход согласуется и с более общим пониманием правового регулирования как непрерывно осуществляемого институционального и познавательного механизма установления, обеспечения и реализации правовых правил, ориентированного на достижение результатов [30, с. 27–29].

Прежде всего различие проявляется в их превентивном потенциале. Частноправовая модель обычно строится вокруг уже существующей или предполагаемой связи: договора, корпоративного решения, обязанности работника, соглашения о неразглашении, режима допуска, который субъект устанавливает внутри собственной организационной структуры. Она способна заранее описать желаемую мо-

дель поведения, определить пределы доступа и предусмотреть последствия нарушения, но все же в значительной степени остается моделью последующей реакции. Ее превентивный эффект зависит от дисциплины самих участников, качества внутренней организации, а также от того, насколько точно субъект заранее очертил границы конфиденциальной информации и проконтролировал движение сведений внутри конкретной связи. В цифровой среде этого нередко оказывается недостаточно: нарушение происходит быстрее, чем включается юридическая реакция, а утрата контроля над информацией часто предшествует самой возможности применить договорную или иную частноправовую защиту.

Публично-правовой механизм устроен иначе. Он изначально ориентирован не столько на реакцию, сколько на предупреждение. Его задача состоит в создании обязательной среды обращения информации, в которой само нарушение должно стать менее вероятным. Именно поэтому здесь такую роль играют режим, процедура, статус, учет, контроль и организационные меры. Г.Г. Камалова прямо пишет о превентивной природе специального правового режима конфиденциальности и подчеркивает значение организационно-правовых средств поддержания требуемого состояния защиты [8, с. 16–17, 96, 390]. Эта мысль особенно значима в цифровой среде. Там, где разглашение или утрата контроля уже труднообратимы, преимущество получает тот механизм, который способен вмешаться раньше, еще до возникновения конфликта как юридически оформленного нарушения. В этом отношении публично-правовая модель выглядит сильнее: она лучше приспособлена к предупреждению системного сбоя, чем частноправовая конструкция, опирающаяся главным образом на индивидуальную настройку конкретной связи [6, с. 27–31; 9, с. 226, 230; 26, с. 49].

Однако одного превентивного потенциала для оценки недостаточно. Не менее важен вопрос, насколько соответствующие обязанности вообще поддаются реальному исполнению. Здесь различие между частноправовым и публично-правовым механизмами проявляется особенно отчетливо. Частноправовая конструкция нередко выглядит убедительной именно на уровне юридической формы:

в договор⁶ включаются условия о неразглашении, в корпоративном акте закрепляется порядок доступа, определяются санкции, сроки, обязанности по возврату или уничтожению носителей, запрет на передачу сведений третьим лицам. Однако цифровая среда существенно осложняет фактическое соблюдение таких правил. Удаленный доступ, облачные хранилища, трансграничная обработка данных, включенность подрядчиков и субподрядчиков, а также технологическая возможность быстрого копирования и распространения информации делают обязанность неразглашения гораздо менее управляемой, чем это предполагает классическая модель частногоправового контроля. В этой части частногоправовой механизм нередко работает как конструкция формально организованного поведения: он задает желаемую правовую конфигурацию, но не обеспечивает полного фактического контроля над всеми каналами обращения информации.

С точки зрения исполнимости публично-правовой механизм выглядит устойчивее, поскольку опирается не только на обязанность конкретного адресата, но и на внешне обязательный режим, поддерживаемый контролем, процедурой и статусом. Его действие обеспечивается не только волей участника отношения, но и нормативно установленным порядком: допуском, учетом, требованиями к оператору информации, обязанностью соблюдать определенные процедуры обращения со сведениями. Разумеется, и такая конструкция не исключает нарушений. Но в целом она лучше приспособлена к массовой и инфраструктурной среде, где нельзя полагаться только на договорную дисциплину или на добросовестность участников. В этом смысле частногоправовой механизм выигрывает по гибкости, тогда как публично-правовой оказывается устойчивее именно с точки зрения исполнения установленных правил.

Еще один критерий сравнения связан с доказуемостью нарушения. Для конфиденциальности это один из самых чувствительных вопросов. Эффективность защиты зависит не только от наличия нормы или обязанности, но и от того, можно ли установить источник

утечки, объем использованных сведений, характер доступа, момент нарушения и причинную связь между раскрытием информации и наступившими последствиями. Именно здесь частногоправовой механизм сталкивается с одним из наиболее серьезных ограничений. В цифровой среде такие обстоятельства часто распадаются на множество фрагментов: нарушение происходит не как однократное действие, а как распределенный процесс; сведения могут быть воспроизведены, пересланы, преобразованы и использованы косвенно. В результате обладатель конфиденциальной информации сталкивается уже не просто с нарушением права, а с необходимостью реконструировать картину нарушения и последующего движения информации. Это резко повышает стоимость защиты и снижает ее практическую результативность [21, с. 18–22; 23, с. 44–49].

И здесь публично-правовой механизм выглядит несколько сильнее. Не потому, что он снимает проблему доказуемости как таковую, а потому, что чаще заранее формирует среду, в которой действия субъектов, допуск к сведениям, характер обработки информации и сам режим ее обращения лучше зафиксированы. Иначе говоря, публичное право не делает доказывание простым, но создает более благоприятные условия для юридического восстановления картины нарушения. Это не устраняет всех трудностей, однако уменьшает зависимость защиты исключительно от последующей доказательственной реконструкции.

Отдельного внимания требует и вопрос о компенсаторности. Здесь частногоправовой механизм на первый взгляд действительно выглядит сильнее. Именно он предлагает классические инструменты возмещения убытков, взыскания неустойки, применения обеспечительных мер, а в определенных случаях и иных форм имущественной реакции на нарушение. В этом смысле частное право лучше приспособлено к защите конкретного обладателя информации и к выстраиванию индивидуализированной модели имущественной компенсации⁷. Но и это преимущество не следует переоценивать. При нарушении конфиденциальности размер убытков часто трудно установить, денежная компен-

⁶ Под соглашением о конфиденциальности в настоящей статье понимаются не только самостоятельные NDA, но и конфиденциальные оговорки в основном договоре, корпоративные соглашения, внутренние положения о доступе и трудовые обязательства о неразглашении.

⁷ В данном контексте применимы прежде всего положения ГК РФ о способах защиты гражданских прав, убытках, неустойке, а также специальные нормы о секрете производства и коммерческой тайне.

сация далеко не всегда соразмерна реальному ущербу, а главное – ни убытки, ни неустойка, ни запрет на дальнейшее использование информации не возвращают конфиденциальность в прежнем объеме. В этом и проявляется граница частноправовой компенсаторной модели: она позволяет отреагировать на нарушение, но далеко не всегда способна восстановить то состояние закрытости сведений, ради которого изначально и выстраивался режим конфиденциальности.

Публично-правовой механизм в части компенсации заметно слабее. Он ориентирован прежде всего не на индивидуальное возмещение обладателю сведений, а на охрану режима в целом, поддержание обязательного порядка обращения с информацией, контроль и применение соответствующих мер ответственности. Поэтому по критерию компенсаторности частноправовая модель действительно сохраняет преимущество. Но и его не следует переоценивать. Речь идет скорее о более развитом инструментарии юридической реакции, чем о способности в полном смысле вернуть утраченное состояние конфиденциальности. В итоге видно, что каждый из рассматриваемых механизмов имеет собственную зону наибольшей эффективности, а потому вопрос должен ставиться не в логике выбора между ними, а в логике их функционального сочетания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление частноправового и публично-правового механизмов обеспечения конфиденциальности информации показывает, что они не дублируют друг друга и не могут быть оценены по одной и той же шкале. Частноправовой механизм сильнее там, где требуется индивидуальная настройка режима конфиденциальности внутри конкретной связи, точное распределение доступа, обязанностей и рисков, а также юридическая реакция, учитывающая особенности конкретного отношения. Публично-правовой, напротив, устойчивее в тех случаях, когда необходимо заранее создать обязательную организационную и режимную среду защиты информации. Отсюда следует и более общий вывод. Ограничения частноправового механизма, выявленные в цифровой среде, не означают, что он утратил самостоятельную

ценность. Они означают иное: частноправовая модель перестала быть самодостаточной, но по-прежнему остается необходимой. Ее значение сохраняется там, где конфиденциальность должна быть не просто внешне охраняема, а юридически сконструирована внутри конкретного отношения – с учетом целей сторон, экономической ценности информации, особенностей доступа к ней, отраслевой специфики и внутренней структуры соответствующей связи.

Поэтому частноправовой механизм нельзя рассматривать лишь как вспомогательную форму охраны, действующую до момента включения публичного контроля. Он выполняет собственную функцию. Если публичное право задает общий порядок обращения с информацией, то частное право обеспечивает ее контролируемое использование внутри конкретного отношения. Благодаря этому конфиденциальность получает не только внешнюю охрану, но и внутреннюю юридическую форму, без которой она в сложном хозяйственном обороте быстро превращается в декларацию.

В то же время публично-правовой механизм не должен подменять частноправовой. Его назначение состоит не в замещении договора, корпоративного решения и индивидуальной настройки единым обязательным порядком, а в создании условий, при которых такая настройка действительно может работать. В цифровой среде это особенно важно, поскольку устойчивое регулирование не исчерпывается государственно установленными рамками и требует также внутренней дисциплины частного оборота, локальных правил и иных форм саморегулирования. Чрезмерное расширение внешнего режима при ослаблении внутренней настройки конфиденциальности способно привести лишь к формализации защиты, но не к ее реальной эффективности.

Практически это означает следующее: эффективная защита конфиденциальности информации сегодня строится не на выборе между частным и публичным правом, а на их функциональном сочетании. Публично-правовой механизм создает обязательную режимную и организационную основу, а частноправовой обеспечивает гибкую настройку защиты внутри конкретных отношений. Только в таком сочетании конфиденциальность получает не формальное, а реальное правовое обеспечение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полякова Т.А. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалева // Информационное право. – 2019. – № 4. – С. 12–15.
2. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд. – Москва : БЕК, 1995. – 320 с.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с.
4. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2. Гражданское право: история и современность / В.Ф. Яковлев. – Москва : Статут, 2012. – Кн. 1. – 976 с.
5. Терещенко Л.К. Правовой режим информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Л.К. Терещенко. – Москва, 2011. – 55 с.
6. Туликов А.В. Публично-правовые и частноправовые аспекты обеспечения информационной безопасности / А.В. Туликов // Современное право. – 2013. – № 8. – С. 27–31.
7. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в цифровую эпоху: современное состояние институционализации и перспективы / Г.Г. Камалова // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 74–83.
8. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / Г.Г. Камалова. – Москва, 2020. – 472 с.
9. Терещенко Л.К. Правовая модель информационной безопасности в Российской Федерации: структура и ключевые параметры / Л.К. Терещенко, С.М. Зырянов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 226–230.
10. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Абрамова. – Красноярск, 2006. – 23 с.
11. Рубцова Н.В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Н.В. Рубцова. – Екатеринбург, 2023. – 477 с.
12. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция : учебное пособие для вузов / М.Ф. Казанцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 393 с.
13. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург, 2008. – 42 с.
14. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 128 с.
15. Зельцер М.С. Гражданско-правовой режим информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.С. Зельцер. – Москва, 2004. – 30 с.
16. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И.И. Салихов. – Казань, 2004. – 38 с.
17. Строганова И.В. Правовой режим конфиденциальной информации: гражданско-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И.В. Строганова. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.
18. Мелихов Е.И. Субъективные гражданские права обладателей конфиденциальной коммерческой информации и их защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.И. Мелихов. – Томск, 2005. – 27 с.

REFERENCES

1. Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital Innovations and Issues of the Development of the Legal Regulation Mechanism in Russia. *Information Law*, 2019, no. 4, pp. 12–15. (In Russian).
2. Alekseev S.S. Theory of Law. 2nd ed. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.
3. Alekseev S.S. Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow, Legal literature Publ., 1966. 187 p.
4. Yakovlev V.F. Selected Works. Moscow, Statute Publ., 2012. Vol. 2. Pt. 1. 976 p.
5. Tereshchenko L.K. Legal Regime of Information. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2011. 55 p.
6. Tulikov A. Public and Private Law Aspects of Information Security. *Modern law*, 2013, no. 8, pp. 27–31. (In Russian).
7. Kamalova G.G. Legal Confidentiality of Information in the Digital Age: Current Status of Institutionalization and Perspectives. *State and Law*, 2019, no. 6, pp. 74–83. (In Russian).
8. Kamalova G.G. Legal Support of Information Confidentiality in the Context of the Information Society Development. *Doct. Diss*. Moscow, 2020. 472 p.
9. Tereshchenko L.K., Zyryanov S.M. The Legal Model of Information Security in the Russian Federation: Structure and Key Parameters. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 5, pp. 226–230. (In Russian).
10. Abramova A.A. Efficiency of the Legal Regulation Mechanism. *Cand. Diss. Thesis*. Krasnoyarsk, 2006. 23 p.
11. Rubtsova N.V. Mechanism of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity. *Doct. Diss*. Yekaterinburg, 2023. 477 p.
12. Kazantsev M.F. Contractual Regulation. Civilistic Concept. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2024. 393 p.
13. Kazantsev M.F. The Concept of Civil Law Contractual Regulation. *Doct. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2008. 42 p.
14. Isakov V.B. Factual Composition in the Mechanism of Legal Regulation. Saratov University Publ., 1980. 128 p.
15. Zeltser M.S. Civil Law Regime of Information. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 30 p.
16. Salikhov I.I. Information with Limited Access as an Object of Civil Law Relations. *Cand. Diss. Thesis*. Kazan, 2004. 38 p.
17. Stroganova I.V. Legal Regime of Confidential Information: Civil Law Aspect. *Cand. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2004. 25 p.
18. Melikhov E.I. Subjective Civil Rights of Holders of Confidential Commercial Information and Their Protection. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2005. 27 p.
19. Kaleboshin G.M. Features of the Protection of Confidential Information Constituting a Trade Secret. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2007. 26 p.
20. Bakulina L.T. General Theory of Contractual Legal Regulation. *Doct. Diss*. Moscow, 2019. 440 p.
21. Severin V.A. Legal Regulation and Protection of Trade Secrets in Russia. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2007. 42 p.
22. Yanina E.V. Civil Regulation of Information Security. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 24 p.
23. Kovalev S.I., Ivanskaya A.V. Legal Defense Problems of the Confidential Information in the Conditions of Scientific Technological Progress Development. *RUDN Journal of Law*, 2014, no. 1, pp. 44–52. (In Russian).

19. Колебошин Г.М. Особенности охраны конфиденциальной информации, составляющей секрет производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Г.М. Колебошин. – Москва, 2007. – 26 с.
20. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Л.Т. Бакулина. – Москва, 2019. – 440 с.
21. Северин В.А. Правовое регулирование и обеспечение охраны коммерческой тайны в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Северин. – Москва, 2007. – 42 с.
22. Янина Е.В. Гражданско-правовое регулирование информационной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.В. Янина. – Москва, 2004. – 24 с.
23. Ковалев С.И. Проблемы правовой защиты информации приватного характера в условиях развития научно-технического прогресса / С.И. Ковалев, А.В. Иванская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 44–52.
24. Соколова О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / О.С. Соколова. – Санкт-Петербург, 2005. – 21 с.
25. Бурдов С.Н. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.Н. Бурдов. – Санкт-Петербург, 2015. – 27 с.
26. Дубень А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности в системе информационного права в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / А.К. Дубень. – Москва, 2023. – 245 с.
27. Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности / Т.А. Полякова // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3 (55). – С. 17–40.
28. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. А.В. Минбалева. – Москва ; Саратов : Амirit, 2022. – 338 с.
29. Минбалева А.В. Место и роль саморегулирования в развитии цифровых технологий / А.В. Минбалева // Образование и право. – 2019. – № 1. – С. 253–256.
30. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Формула права, 2008. – 400 с.
24. Sokolova O. S. Administrative and Legal Regimes of Confidential Information. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2005. 21 p.
25. Burdov S.N. Administrative and Legal Regimes of Confidential Information. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2015. 27 p.
26. Duben A.K. Legal Support of Information Security in the System of Information Law in the Russian Federation. Cand. Diss. Moscow, 2023. 245 p.
27. Polyakova T.A. Basic Principles as the Main Principles of Legal Support of Information Security. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 3 (55), pp. 17–40. (In Russian).
28. Minbaleev A.V. (ed.). Law and Other Regulators in the Development of Digital Technologies. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2022. 338 p.
29. Minbaleev A.V. The Place and Role of Self-regulation in the Development of Digital Technologies. *Education and Law*, 2019, no. 1, pp. 253–256. (In Russian).
30. Tikhomirov Yu.A. Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow, Formula of Law Publ., 2008. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гимадрисламова Олеся Рамильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gimadrislamova Olesya Ramilyevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law at the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 30.04.2026. The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.7

Original article

ГОНГАЛО Бронислав Мичиславович
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева;
Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-2487-5659>

GONGALO Bronislav Michislavovich
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev,
Yekaterinburg, Russia

БАНДО Михаил Владимирович ✉
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева;
Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
mikban@yandex.ru

BANDO Mikhail Vladimirovich
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev,
Yekaterinburg, Russia

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОГО ПРАВА

SOME ISSUES OF THE EFFECTIVENESS OF REGULATING HOUSING RELATIONS AND THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF HOUSING LAW

Аннотация. Несмотря на весьма впечатляющий объем жилищного законодательства, понять современное регулирование в данной сфере, а тем более разрешать конкретные жилищные споры без учета судебной практики невозможно. Особое значение в этом отношении имеет деятельность Конституционного Суда РФ. Цель исследования заключается в выделении различных типов правовых позиций Конституционного Суда РФ в области жилищного права и оценке эффективности их регулятивного воздействия. Исследование базируется на использовании диалектического метода, таких логических методов, как анализ, синтез, дедукция, а также системного метода. Диалектический метод использовался для рассмотрения становления правовых позиций Конституционного Суда, выявления достоинств и недостатков их воздействия на жилищные отношения; анализ и дедукция – для выявления в наличном материале практики Конституционного Суда по жилищным спорам отдельных приемов формулирования правовых позиций; синтез и системный – для представления типов правовых позиций в

Abstract. Despite the rather impressive volume of housing legislation, it is impossible to comprehend modern regulation in this area, let alone resolve specific housing disputes, without considering judicial practice. The activities of the Constitutional Court of the Russian Federation are of particular significance in this regard. The purpose of the research is to identify different types of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of housing law and to assess the effectiveness of their regulatory impact. The study is based on the use of the dialectical method, logical methods such as analysis, synthesis, and deduction, as well as the systemic method. The dialectical method is used to examine the formation of the Constitutional Court's legal positions, identifying the strengths and weaknesses of their impact on housing relations; analysis and deduction are employed to identify specific techniques for formulating legal positions within the existing material of the Constitutional Court's practice on housing disputes; synthesis and a systemic approach are used to present types of legal positions in a generalized form as elements of

обобщенном виде как элементов единой системы с выявлением роли и значения этих элементов для регулирования жилищных отношений в целом. Результаты исследования: установлены и проанализированы позиции, направленные на выявление конституционного смысла норм без признания их неконституционными, на признание норм неконституционными и не подлежащими применению без формирования замещающего регулирования, на признание норм неконституционными с сохранением их действия без формирования замещающего регулирования, на признание норм неконституционными с формированием замещающего регулирования. Выявлены проблемы эффективности каждого из видов указанных правовых позиций.

Ключевые слова: жилищное право, правовые позиции Конституционного Суда РФ, приватизация жилых помещений, жилое помещение, наем жилых помещений, право собственности и иные вещные права на жилые помещения

Для цитирования: Гонгало Б.М. О некоторых проблемах эффективности регулирования жилищных отношений и правовых позициях Конституционного Суда РФ в сфере жилищного права / Б.М. Гонгало, М.В. Бандо. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 64–71.

a unified system, revealing the role and significance of these elements for the regulation of housing relations as a whole. Research results: the article identifies and analyzes positions aimed at revealing the constitutional meaning of norms without declaring them unconstitutional; at recognizing norms as unconstitutional and inapplicable without establishing substitute regulation; at recognizing norms as unconstitutional while maintaining their effect without establishing substitute regulation; and at recognizing norms as unconstitutional with the establishment of substitute regulation. The problems of the effectiveness of each of these types of legal positions are identified.

Keywords: housing law, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, privatization of residential premises, residential premises, rental of residential premises, ownership and other property rights to residential premises

For citation: Gongalo B.M., Bando M.V. Some Issues of the Effectiveness of Regulating Housing Relations and the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Sphere of Housing Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 64–71. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.7.

ВВЕДЕНИЕ

Полное и правильное представление о современном отечественном правовом порядке невозможно без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ. Это утверждение актуально и для оценки эффективности правового воздействия на жилищные отношения, поскольку Конституционный Суд довольно активно высказывается по поводу норм жилищного права.

Можно ли отнести правовые позиции Конституционного Суда к нормам права – вопрос спорный [1, с. 98]. Однако в ряде случаев нормативный характер воздействия данных позиций невозможно отрицать, а значит, возникает необходимость оценки эффективности такого воздействия.

ТИПИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ Конституционного Суда РФ в сфере жилищных отношений

Для целей настоящей публикации выделим и охарактеризуем несколько видов по-

становлений Конституционного Суда (не претендуя на исчерпывающий характер такого перечисления и останавливаясь только на тех правовых позициях, которые имеют регулятивные эффекты) и попытаемся высказать несколько соображений об эффективности отдельных правовых позиций в сфере регулирования жилищных отношений.

Интерпретация нормы, соответствующей Конституции. Конституционный Суд может признать оспариваемую норму конституционной, но только в той интерпретации, которая дается в соответствующем постановлении. В теории толкования отмечается, что обязательной стадией процесса толкования, помимо грамматического, является реальное: «...буквальный смысл закона далеко не всегда соответствует его действительному, внутреннему смыслу, который может быть обнаружен, если, кроме слов нормы, принять в расчет другие данные, как-то: цель нормы, повод к ее изданию, отношение к прежнему праву и т. д.» [2, с. 29]. Грамматически ясный текст нормы может быть подвергнут, например, распространительному или огра-

ничительному толкованию, а грамматически неясный текст (например, двусмысленный) – широкому или узкому. Это означает, что у одного и того же текста нормы может быть несколько одинаково допустимых прочтений. Правовая позиция Конституционного Суда может состоять в том, чтобы установить, какой из возможных смыслов нормы наиболее соответствует Конституции РФ.

Хорошим примером такого подхода может послужить постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 55-П. В нем Конституционный Суд признал нормативные положения о признании жилых помещений непригодными для проживания соответствующими Конституции РФ, но только в том смысле, который выявлен в данном постановлении. Дело в том, что в судебной практике сложился подход, в соответствии с которым исключительной компетенцией по вопросу о признании жилых помещений непригодными для проживания обладают специальные межведомственные комиссии. Если межведомственные комиссии незаконно отказывали в таком признании, то суды признавали соответствующий отказ незаконным и возлагали на межведомственные комиссии обязанность вновь рассмотреть соответствующий вопрос. Эту ситуацию можно описать словами «замкнутый круг» или «дурная бесконечность». Конечно же, право не должно поощрять создание таких ситуаций, это абсолютно недопустимо. Конституционный Суд принял прогрессивное, но, как представляется, половинчатое решение. В постановлении указано, что при неоднократном оспаривании незаконного отказа межведомственной комиссии суд, рассматривающий дело, может самостоятельно принять решение о признании жилого помещения непригодным для проживания. То есть один раз суд просто признает решение межведомственной комиссии незаконным, и только если межведомственная комиссия повторно примет незаконное решение, суд должен принять конститутивный судебный акт, «заменяющий» решение о признании помещения непригодным для проживания. Представляется, что нет никаких оснований отправлять граждан «на второй круг». Следует учитывать, что для них это месяцы, если не годы проживания в непригодных помещениях и «обивания порогов» административных органов. Но, безусловно, даже такое решение является

прогрессивным по сравнению с полной невозможностью эффективного оспаривания.

Можно также привести пример, когда Конституционный Суд, формально признав нормы конституционными и выявив их смысл, по сути дела, создал целый новый договорный тип. В постановлении от 23 апреля 2024 г. № 20-П описана следующая ситуация: семье еще до постановки на учет орган местного самоуправления по срочному договору найма (который суды, рассматривавшие дело, квалифицировали как коммерческий наем) предоставил две комнаты в коммунальной квартире на 11 месяцев и ежегодно продлевал этот срок. Затем дополнительно этой же семье были предоставлены еще две комнаты на тех же условиях (уже после постановки на учет). Переоформить договор коммерческого найма в договор социального найма наймодатель отказался, а суды признали отказ законным, что и послужило поводом для обращения в Конституционный Суд.

Конституционный Суд, по сути, указал, что коммерческий наем, конечно, в социальный «превратиться» не может, но поскольку в данном случае этот институт используется органом публичной власти для удовлетворения потребности граждан в жилище, то в таких ситуациях договор должен постоянно продлеваться или перезаключаться, пока семья не будет предоставлено жилое помещение по договору социального найма. Представляется, что это очень странный подход, особенно для правовой позиции Конституционного Суда. Договором коммерческого найма (условное название, сложившееся в доктрине) называют договор, который регламентируется положениями ГК РФ [3, с. 264–265]. Из п. 1 ст. 683 ГК РФ вытекает строго срочный характер правоотношений коммерческого найма, гл. 35 ГК РФ не содержит норм, из которых вытекала бы обязанность наймодателя в каких бы то ни было случаях продлевать такой договор. Таким образом, правовая позиция Конституционного Суда очевидно расходится с законом. Это совершенно новый институт, его можно назвать «краткосрочно-бессрочный наем», то есть такой наем, который наймодатель обязан продлевать по желанию нанимателя. Представляется, что достаточных оснований для создания нового договорного типа в данном случае не было.

Признание нормы неконституционной и не подлежащей применению без замечательного регулирования. Конституционный Суд может признать норму неконституционной и не подлежащей применению. Это логично, когда при лишении соответствующего положения юридической силы не потребуются восполняющее регулирование. В качестве примера такого подхода можно привести по-прежнему актуальное постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 6-П, посвященное проблемам приватизации жилых помещений.

В данном постановлении Конституционный Суд сформулировал ряд принципиальных положений. В частности, норма о полном прекращении приватизации в 2007 г. не была признана неконституционной, в дальнейшем «продление» бесплатной приватизации вплоть до объявления ее бессрочной законодатель осуществлял по собственной инициативе. Неконституционной была признана лишь отмена бесплатной приватизации для тех, кому жилье было предоставлено после 1 марта 2005 г., поскольку такое регулирование, по мнению Конституционного Суда РФ, противоречило принципу равенства, создавало неоправданные и произвольные различия в статусе граждан, получивших социальное жилье до и после вступления в силу ЖК РФ. И хотя Конституционный Суд высказался в том смысле, что отмена бесплатной приватизации на определенном этапе с закреплением определенной части жилищного фонда в публичной собственности не будет противоречить Конституции, конкретного механизма прекращения бесплатной приватизации социального жилья, который бы не нарушал конституционный принцип равенства в том смысле, в котором его понимает Конституционный Суд, в постановлении предложено не было. Ведь в любом случае отмена бесплатной приватизации жилья с какого-то момента создаст неравенство между теми, кто вправе был приватизировать жилое помещение, и теми, кому жилое помещение предоставят уже после отмены приватизации. При таком подходе отмена бесплатной приватизации как будто вообще становится невозможной. Однако эффективен ли такой подход, такая позиция или такое прочтение правовой позиции Конституционного Суда?

Представляется, что решение сохранить «вечную» бесплатную приватизацию жилых помещений, предоставленных по договору социального найма, не является эффективным правовым решением. На первый взгляд оно защищает права граждан, но только на первый взгляд. На самом деле это решение привело к тому, что институт социального найма, имеющий свое основание в ч. 3 ст. 40 Конституции РФ, фактически превратился в умирающий, реликтовый институт жилищного права. Нет никакого стимула развивать строительство социального жилья и вообще любое пополнение жилищного фонда социального использования, ведь попадающее в него жилое помещение моментально будет предоставлено по договору социального найма и с учетом бесплатной приватизации, скорее всего, уже никогда не «вернется обратно», не сможет даже в долгосрочной перспективе быть вновь использовано для решения жилищной проблемы. Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда и соответствующие решения законодателя, принятые вроде бы из заботы о жилищных правах граждан, со временем обнаруживают обратный эффект.

Любопытно, что иллюстрацией к эффективности регулирования в области предоставления социального жилья может послужить другое постановление Конституционного Суда РФ – от 23 апреля 2024 г. № 20-П. В нем описывается жизненная ситуация семьи, которая была поставлена на учет нуждающихся в жилье в 2009 г. Тогда учетный номер этой семьи был 3810, а в 2023 г. (более чем через 10 лет) – 2322. Увы, характерная ситуация. Легко посчитать, что такими темпами семья гипотетически в общем порядке получила бы жилье еще через 20 лет. Также нельзя не упомянуть введенный в жилищное законодательство в 2014 г. и не получивший широкого распространения институт найма жилых помещений жилищного фонда социального использования, в отношении которых один из авторов настоящей работы и П.В. Крашенинников резонно отметили: «Это при наличии в тех же кодексах регулирования договора социального найма жилых помещений. Игра слов? Бегство от приватизации жилищного фонда? Может быть, новый инструмент для решения жилищной проблемы?» [4, с. 375].

Признание нормы неконституционной с сохранением ее действия до внесения изменений в законодательство. Конституционный Суд может признать норму неконституционной в том или ином аспекте, но сохранить ее действие до внесения изменений в закон. Сразу отметим, что такой подход пока демонстрирует скорее свою неэффективность. Во-первых, он противоречит неоднократно упоминаемому самим Конституционным Судом¹ принципу поддержания доверия граждан к закону. Ведь получается, что правопорядок допускает действие неконституционного, а значит, неправового закона. Во-вторых, нет никаких механизмов принуждения законодателя к исполнению постановления Конституционного Суда, правовая позиция может просто годами игнорироваться. В-третьих, – и это, на наш взгляд, самое главное – нет никаких механизмов оценки эффективности исполнения законодателем соответствующего постановления.

Иллюстрацией этого тезиса может послужить известная история с позициями Конституционного Суда РФ по вопросам об иммунитете единственного жилого помещения [5]. Напомним, что в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П была высказана позиция о неконституционности положений ст. 446 ГПК РФ об иммунитете единственного жилья в той части, в которой этот иммунитет распространяется на «избыточные», «роскошные» жилые помещения, стоимость которых позволяет удовлетворить и требования кредиторов, и жилищные потребности гражданина-должника. В данном постановлении Конституционный Суд РФ, ссылаясь на «принцип разумной сдержанности», не стал предлагать замещающего решения. В итоге никаких изменений в закон в этой части не внесено до сих пор. Длительное время постановление остается неисполненным, а до 2021 г. суды, ссылаясь в том числе и на него, последовательно применяли иммунитет к любым жилым помещениям, если они являлись единственными для граждан-должников. Конституционный Суд в 2021 г. вынужден был сам дополнить свой изначальный вывод о неконституционности ст. 446 ГПК РФ замещающим регулированием в постановлении № 15-П. В данном акте он определил общую конфигурацию условий и порядка обращения

взыскания на единственное жилое помещение с сохранением гарантий для гражданина. Впоследствии Конституционный Суд распространил иммунитет в отношении единственного жилья на суммы, вырученные от продажи заложенного жилого помещения и оставшиеся после удовлетворения требований залогодателя (постановление от 4 июля 2024 г. № 28-П). Новое постановление, хотя и содержало замещающее регулирование, было достаточно оперативно исполнено законодателем (Федеральный закон от 23 марта 2026 г. № 62-ФЗ). Установлен следующий подход: 80 % от вырученной суммы передается залогодержателю, 10 % – кредиторам первой и второй очереди, 10 % – должнику. Если после расчетов с кредиторами первой и второй очереди остаются денежные средства, то они в первую очередь направляются залоговому кредитору. Все остатки стоимости единственного жилья после указанных расчетов получает должник. Суд может уменьшить размер денежных средств, передаваемых должнику, либо в связи с чрезмерностью этой суммы по отношению к удовлетворению разумной потребности в жилье, либо в связи с недобросовестностью гражданина-должника. Таким образом, иммунитет единственного жилья переходит на определенную часть его ценности. По нашему мнению, предложено достаточно взвешенное регулирование. Единственное: правильным было бы прямо указать на право суда в случае недобросовестности должника не только уменьшить размер суммы, передаваемой должнику, но и вовсе отказать в передаче этой суммы.

Признание нормы неконституционной с установлением замещающего регулирования. Конституционный Суд может признать норму неконституционной, констатировать недопустимость ее применения и предложить восполнение образовавшегося пробела замещающим регулированием или же, если неконституционность того или иного регулирования, собственно, и заключается в пробельности, то закрепить восполняющее регулирование «вплоть до внесения соответствующих изменений законодателем». Такой подход предпочтителен, поскольку не лишает законодателя возможности принять самостоятельное законотворческое решение, но задает определенные смысловые критерии оценки соответствия этого решения правовым позициям Конституционного Суда.

¹ См. например: постановления Конституционного Суда РФ от 08.07.2025 № 28-П, от 24.04.2025 № 17-П.

Здесь может быть вполне резонно задан вопрос: насколько правильно предоставлять судебному, а не законодательному органу столь широкие правотворческие полномочия? Через подобные позиции Конституционный Суд как будто получает возможность диктовать законодателю те или иные подходы, задавать границы законотворческой дискреции. Понимая определенную справедливость таких соображений, все же представляется, что это меньшее из зол. Если законодатель согласился на существование Конституционного Суда и его исключительную компетенцию по вопросам интерпретации Конституции РФ, то нужно наделять его реальными полномочиями.

Вместе с тем такие правовые позиции могут совершенно естественно порождать те же вопросы, что и отдельные законодательные решения: в отношении их ясности, полноты, непротиворечивости и эффективности. Так, в постановлении от 25 апреля 2024 г. № 21-П в центре внимания Конституционного Суда оказался вопрос о правах граждан, которые на момент приватизации имели право пользования, но не стали участвовать в приватизации, то есть, скорее всего, имели статус члена семьи нанимателя жилого помещения (далее для краткости будем называть их приватизационными членами семьи) при изъятии жилого помещения для публичных нужд. Указанные граждане обладают бессрочным правом пользования жилым помещением. Суды общей юрисдикции в конце концов пришли к выводу, что такой член семьи подлежит выселению: право пользования этим помещением прекращается в связи с прекращением существования объекта, в отношении которого оно возникло, при этом никакого эквивалента права пользования приватизационный член семьи не получает.

Данный подход совершенно справедливо был признан неконституционным. Однако в качестве замещающего регулирования установлена обязанность органов местного самоуправления предоставить такому гражданину из муниципального жилищного фонда (не указано, из какого именно) жилое помещение (не указано, на каком именно основании), и только если изымаемое помещение является единственным, а такой член семьи – малоимущим и нуждающимся. Таким образом, предлагаемое Конституционным Судом решение само порождает множество вопро-

сов и с точки зрения правовой определенности, и с точки зрения экономической обеспеченности, и с точки зрения интересов других граждан. Непонятно, откуда соответствующие жилые помещения появятся в муниципальном жилищном фонде, непонятно, на каком правовом основании должно предоставляться соответствующее жилое помещение (особенно с учетом того, что в основном муниципальный жилищный фонд, исходя из положений ст. 49 ЖК РФ, должен использоваться для предоставления по договорам социального найма), непонятно, по какой норме площади гражданин должен обеспечиваться соответствующим жилым помещением. При этом нельзя не понимать, что практически во всех муниципалитетах есть очереди на муниципальное жилье, и соответствующее жилое помещение может быть предоставлено только в обход этой очереди.

Кроме того, обязанность обеспечения жилищем возникает, только если для гражданина оно является единственным, а сам гражданин относится к малоимущим и нуждающимся. То есть Конституционный Суд согласился с тем, что у всех остальных приватизационных членов семьи право пользования прекращается без какой-либо компенсации со стороны публичного образования.

Во исполнение указанного постановления законодатель внес изменения в ст. 19 Федерального закона от 29 января 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – вводный закон, вводный закон к ЖК РФ). По сравнению с правовой позицией, изложенной в постановлении Конституционного Суда, уточнено, что речь идет о предоставлении жилого помещения по договору социального найма вне очереди; не указано, что жилое помещение обязательно должно предоставляться из муниципального жилищного фонда (однако и не исключено). Также установлена возможность предоставления жилья из маневренного фонда (до обеспечения жильем по договору социального найма) и замены предоставления жилья выплатой возмещения. Данные нормы представляются гораздо более продуманными. Вместе с тем сохраняется возможность обеспечения таких граждан жилым помещением в обход очереди (собственно, прямо закреплено предоставление социального жилья вне очереди), что

представляется несправедливым. Кроме того, получил окончательное закрепление подход, в соответствии с которым приватизационные члены семьи утрачивают при изъятии право проживания без какой-либо компенсации.

Другим примером правовой позиции с замещающим эффектом может послужить постановление от 24 марта 2015 г. № 5-П, также связанное с применением ст. 19 вводного закона. В данном постановлении, во-первых, был восполнен смысловой пробел ст. 19 вводного закона – в этой норме напрямую упоминались приватизационные члены семьи собственника, но не указывались граждане, находящиеся в очень схожей ситуации. Речь идет о тех, кому жилые помещения изначально предоставлялись в доме жилищно-строительного кооператива, но кто так и не стал собственником соответствующего жилого помещения. Условно назовем их кооперативными членами семьи.

Приватизационные и кооперативные члены семьи собственника, в силу ст. 19 вводного закона к ЖК РФ с учетом правовой позиции Верховного Суда РФ², обладают бессрочным правом пользования жилым помещением. Данное право не прекращается и при отчуждении жилого помещения, обладает свойством следования. Однако при этом о существовании прав приватизационных или кооперативных членов семьи потенциальный приобретатель жилого помещения никак не мог узнать, поскольку до недавнего времени данное право не отражалось в ЕГРН. Именно это положение вещей признано неконституционным в указанном постановлении как нарушающее права потенциальных покупателей жилых помещений. По логике данного постановления, законодатель, исполняя его, должен был предусмотреть какой-то механизм «опубликования» прав таких членов семьи и защиты добросовестных приобретателей жилых помещений, которые не знали и не могли знать о наличии соответствующих обременений. До 1 сентября 2025 г. данное постановление оставалось неисполненным даже с формальной точки зрения: никакого закона, направленного на исполнение данного акта Конституционного Суда, не существовало.

1 сентября 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 482-ФЗ,

существенно изменивший ст. 19 вводного закона (часть изменений анализировалась выше), а также дополнивший Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Суть изменений сводится к тому, что с 1 сентября 2025 г. появилась возможность факультативной правоподтверждающей регистрации прав приватизационных и кооперативных членов семьи. Факультативной данная регистрация является, поскольку закон не устанавливает обязанности регистрировать данное право, а правоподтверждающей – поскольку закон не связывает возникновение права пользования жилым помещением в данном случае с государственной регистрацией. Таким образом, данные изменения только отчасти исполняют указанное постановление Конституционного Суда. Они устанавливают возможность отражения в Едином государственном реестре недвижимости соответствующих прав, однако эти поправки напрямую не предусматривают возможности защиты прав приобретателей жилых помещений, обремененных такими правами. Поэтому во многом продолжает действовать то замещающее регулирование, которое предложил Конституционный Суд. Однако это регулирование касается только кооперативных членов семьи и сводится к тому, что до внесения изменений в закон соответствующие споры нужно решать с учетом конкретных обстоятельств, в том числе наличия у кооперативного члена семьи другого жилого помещения. Такое регулирование, конечно, малосодержательно и не делает разрешение споров между новым собственником и приватизационными или кооперативными членами семьи более предсказуемым. Можно, конечно, предположить, что правовая позиция Конституционного Суда и новое регулирование могут быть истолкованы при разрешении споров после 1 сентября 2025 г. в том смысле, что если гражданин, имея такую возможность, не раскрыл в реестре свое право пользования жилым помещением, то нужно, безусловно, защищать нового собственника и считать право пользования приватизационного или кооперативного члена семьи прекратившимся. Однако это один из вариантов понимания, не вытекающий из буквального смысла закона и текста постановления Конституционного Суда.

² Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14.

Таким образом, требуя от законодателя соблюдения правовой определенности, Конституционный Суд, к сожалению, сам далеко не всегда следует этому принципу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы ни в коем случае ставили своей целью умаление заслуг Конституционного Суда РФ в развитии российского правового порядка в целом и жилищного права в частности.

Конституционный Суд, формулируя ту или иную позицию, лишен возможности оценить, как именно отреагируют на нее законодатель и правоприменитель, как именно эта позиция будет «вплетена» в сложную систему правового регулирования. Вместе с тем необходимо время от времени проводить оценку эффективности уже состоявшихся решений, в том числе для поиска оптимальных моделей правовых позиций и их воздействия на регулируемые правом отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право: учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – Москва : Статут, 2023. – Т. 1. – 622 с.
2. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е.В. Васильковский. – Одесса : «Экономическая» типография, 1901. – 376 с.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – Москва : Статут, 2023. – Т. 2. – 606 с.
4. Гонгало Б.М. Развитие кодификации жилищного права / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. – Москва : Статут, 2019. – С. 330–377.
5. Гонгало Б.М. Трансформация недопустимости обращения взыскания на единственное жилое помещение, пригодное для проживания, в право на сохранение за гражданином достаточного (достойного) жилища / Б.М. Гонгало, М.В. Бандо // Проблемы современного гражданского права : сборник статей памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2021. – С. 194–214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гонгало Бронислав Мичиславович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; научный руководитель Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации;

Бандо Михаил Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gongalo Bronislav Michislavovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law at the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Scientific Director of the Ural branch of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev;

Bando Mikhail Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law at the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Director of the Ural branch of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 13.04.2026; принята к публикации 13.04.2026. The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 13.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Научная статья
УДК 347.238.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.8

Original article

КУЗНЕЦОВА Ольга Анатольевна
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия;
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия,
kuznetsova_psu@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6880-5604>

KUZNETSOVA Olga Anatolyevna
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russia;
Perm State National Research University,
Perm, Russia

ОСНОВАНИЯ, СЛУЧАИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, ВЛЕКУЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

GROUND, CASES AND LEGAL FACTS LEADING TO THE EMERGENCE
OF CO-OWNERSHIP

Аннотация. Институт общей собственности был высоко востребован еще со времен римского частного права в связи с поступлением имущества в собственность нескольких лиц. Многообразие юридических фактов и юридических составов, порождающих общую собственность, требует их последовательной правовой регламентации, которая может быть построена только на качественной теоретической основе. При этом в цивилистической доктрине нередко смешиваются до степени не различия понятия «основания», «случаи», «юридические факты» возникновения общей собственности, что препятствует эффективности как законодательного регулирования, так и правоприменения. Цель: раскрыть смысл, содержание и взаимосвязь оснований, случаев и юридических фактов, влекущих появление общей собственности, с учетом теоретико-правовых представлений об основаниях возникновения правоотношений и их делении на нормативные и юридико-фактические. Методы: использовались общенаучные методы диалектики и формальной логики, а также частнонаучные методы познания правовых явлений (формально-догматический – для установления и анализа правовых норм, регулирующих основания возникновения общей собственности, герменевтический – для уяснения содержания правовых норм, устанавливающих случаи и основания возникновения общей собственности, историко-правовой – для демонстрации изменений доктринальных и законодательных подходов к регулированию случаев и оснований возникновения общей собственности). Результаты: предлагается различать позитивные (нормативно-правовые и договорно-правовые), юридико-фактические и естественно-фактические основания

Abstract. The institution of co-ownership has been highly sought after since the era of Roman private law, due to property coming into the ownership of several persons. The diversity of legal facts and legal compositions that give rise to co-ownership necessitates their sequential legal regulation, which can only be established on a solid theoretical foundation. In this context, civil law doctrine often conflates the concepts of “grounds”, “cases”, and “legal facts” pertaining to the emergence of co-ownership to such an extent that differentiation becomes problematic, thereby hindering the effectiveness of both legislative regulation and legal application. Purpose: to elucidate the meaning, content, and interrelationship of the grounds, cases, and legal facts that give rise to co-ownership while considering theoretical and legal notions regarding the grounds for the emergence of legal relationships and their division into normative and legal-factual categories. Methods: the study employed general scientific methods of dialectics and formal logic, as well as specific scientific methods for understanding legal phenomena, including the formal-dogmatic approach for establishing and analyzing the legal norms governing the grounds for co-ownership, the hermeneutic approach for clarifying the content of legal norms that establish cases and grounds for co-ownership, and the historical-legal method for demonstrating the evolution of doctrinal and legislative approaches to regulating the cases and grounds for co-ownership. Results: the article proposes a distinction among positive (normative-legal and contractual-legal), legal-factual, and natural-factual grounds for the emergence of co-ownership. Positive grounds presuppose the establishment by law (for indivisible property)

возникновения общей собственности. Позитивные основания предполагают установление законом (для неделимых вещей) либо законом или договором (для делимых вещей) случаев возникновения такой собственности. Юридико-фактические – это обстоятельства реальной действительности, при наступлении которых, в том числе в совокупности, возникает право собственности с множественностью лиц на стороне собственника. Предлагается различать договор как позитивное основание, устанавливающее конкретный случай возникновения общей собственности, и как юридический факт, влекущий возникновение такой собственности. Поступление имущества в собственность двух или нескольких лиц является естественно-фактическим основанием возникновения общей собственности и не может произойти в отсутствие позитивного и юридико-фактического оснований.

Ключевые слова: собственность, возникновение общей собственности, основания возникновения общей собственности, случаи возникновения общей собственности, юридические факты возникновения общей собственности

Для цитирования: Кузнецова О.А. Основания, случаи и юридические факты, влекущие возникновение общей собственности / О.А. Кузнецова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 72–81.

or by law or contract (for divisible property) of the cases in which such ownership arises. Legal-factual grounds refer to real-life circumstances under which, including in conjunction, the right of ownership with multiple parties on the owner's side arises. It is suggested to differentiate between a contract as a positive ground that establishes a specific case for the emergence of co-ownership, and as a legal fact that triggers the emergence of such ownership. The acquisition of property by two or more parties constitutes a natural-factual ground for the emergence of co-ownership and cannot occur in the absence of both positive and legal-factual grounds.

Keywords: ownership, emergence of co-ownership, grounds for the emergence of co-ownership, cases of co-ownership, legal facts of the emergence of co-ownership

For citation: Kuznetsova O.A. Grounds, Cases and Legal Facts Leading to the Emergence of Co-Ownership. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 72–81. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.8.

ВВЕДЕНИЕ

В ГК РФ основаниям возникновения общей собственности посвящен короткий и малосодержательный п. 4 ст. 244: «Общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона. Общая собственность на делимое имущество возникает в случаях, предусмотренных законом или договором». Из этого законодательного установления делается вывод, что общая собственность на неделимое имущество возникает только в случаях, предусмотренных законом, а на делимое – в случаях, предусмотренных как законом, так и договором: «Кодекс исходит из того, что общая долевая собственность на неделимую вещь образуется только в случаях, предусмотренных законом. Раз закон не предусматривает такой возможности, то установление долевой соб-

ственности невозможно» [1, с. 87]. Такое толкование имеет еще римские корни и обусловлено тем, что общая собственность считается аномалией в частном праве, неудобством как для гражданского оборота (сложные правила отчуждения долей), так и для самих собственников (согласование порядка владения, пользования, распоряжения).

Однако заметим, что сам законодатель прямо не заявляет о возможности поступления в общую собственность неделимой вещи только в случаях, предусмотренных законом. Подобный вывод делается лишь из системного толкования абз. 1 и 2 п. 4 ст. 244 ГК РФ, хотя в рассматриваемой норме речь идет не о возникновении общей собственности на основании только закона или на основании закона или договора: сами случаи возникновения должны быть установлены либо в законе, либо в законе или договоре.

Один из распространенных примеров возникновения общей собственности на неделимую вещь, который приводится как в

доктрине, так и в учебной литературе, – это множественность на стороне приобретателя по договору [2, с. 257]. Легко мыслимы и ситуации приобретения неделимых вещей в общую собственность в реальном гражданском обороте: приобретение музыкального инструмента/установки участниками музыкальной группы или автомобиля, например, братьями. Очевидно, что такие договоры не противоречат абз. 1 п. 4 ст. 244 ГК РФ. Как неделимые, так и делимые вещи могут поступать в общую собственность на основании такого юридического факта, как договор.

Пункт 1 ст. 1043 ГК РФ устанавливает, что внесенное товарищами имущество, которым они обладали на праве собственности (причем как неделимым, так и делимым), признается их общей долевой собственностью. Это положение является нормативной основой возникновения правоотношений общей собственности, а заключение договора простого товарищества будет юридико-фактической основой таких правоотношений.

Получается, что случаи возникновения права общей собственности для неделимых вещей должны быть перечислены только в законе (установлены нормой права), а для делимых вещей могут быть перечислены в законе (установлены нормой права) или «придуманы» сторонами в договоре (установлены индивидуальным правилом). Это ли имел в виду законодатель?

Обратим внимание на крайне неудачное технико-юридическое решение при формулировке основания возникновения права общей собственности в п. 4 ст. 244 ГК РФ: общая собственность на неделимую вещь возникает при ее поступлении в собственность двух или нескольких лиц, а общая собственность на делимую вещь – в случаях, предусмотренных законом или договором. В таком же ключе рассуждают и некоторые исследователи: «основаниями (способами) возникновения общей собственности являются: 1) поступление в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона; 2) общая собственность на делимое имущество возникает в случаях, предусмотренных законом (при объединении двух и более зе-

мельных участков у их собственников возникает общая долевая собственность на такие участки) или договором» [3, с. 38].

При этом фактическим, объективно-реальным основанием возникновения общей собственности как на неделимую, так и на делимую вещь является именно поступление ее в собственность двух или более лиц с учетом легального понимания права общей собственности, закрепленного в п. 1 ст. 244 ГК РФ. Законные и договорные случаи, которые допускают поступление вещи в собственность двух или более лиц, – это уже другой вопрос. Это вопрос об объективно-правовых основаниях возникновения права общей собственности, которые могут быть как нормативно-правовыми (для неделимых вещей), так и в том числе индивидуально-правовыми (для делимых вещей).

Виды оснований возникновения общей собственности в цивилистической доктрине

В научной литературе предприняты попытки построения перечней и классификаций оснований возникновения общей собственности.

К.И. Скловский пишет, что «основаниями общей собственности могут быть договоры, прежде всего некоторые договоры о совместной деятельности (простого товарищества); кроме того, любой договор о приобретении неделимой вещи с множественностью на стороне приобретателя приводит к возникновению общей собственности. Общая собственность возникает также из совместного наследования, а также смешения родовых вещей с обезличиванием (*ranfusio*)» [2, с. 257].

А.П. Фоков основания возникновения права общей собственности делит на реализующиеся по воле лиц (будущих сособственников) и реализуемые вне воли лиц (приращение, смешение) [4, с. 10].

В.А. Белов классифицирует основания возникновения общей собственности на три группы по критерию наличия/отсутствия у сособственников намерения образовать такую собственность: 1) образование общей собственности посредством прямого намерения установить субъективное право общей

принадлежности (договор купли-продажи, дарения и т. д.); 2) образование общей собственности посредством подразумеваемого намерения установить общность имущества (супружество, создание крестьянского (фермерского) хозяйства, договор о совместной деятельности); 3) образование общей собственности независимо от намерения собственников. При этом последний случай, по мнению автора, – это случай, когда одно субъективное право собственности на неделимую вещь принадлежит нескольким лицам (право на общий дом, квартиру, автомобиль, телевизор, картину, коллекцию и т. д., перешедшее в порядке универсального наследственного или реорганизационного правопреемства к нескольким правопреемникам) [5, с. 259–260]. Возникает вопрос: почему в качестве примера автором приводится принадлежность нескольким лицам именно неделимой вещи? Ведь если делимая вещь перейдет в порядке универсального правопреемства к нескольким лицам, то на нее таким же образом возникнет общая собственность правопреемников и тоже без их особого намерения.

Указанные перечни и классификации оснований возникновения общей собственности не являются доктринально устоявшимися. Например, С.В. Залугин полагает, что общая собственность супругов и собственников помещений в многоквартирных домах возникает «помимо и даже вопреки воле и волеизъявлению субъектов общей собственности» [6, с. 7].

Итак, какие же случаи поступления вещи в общую собственность предусматривает закон и может предусматривать договор (позитивные правовые основания возникновения общей собственности)?

ЗАКОННЫЕ СЛУЧАИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ (ПОЗИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ)

На первый взгляд кажется, что это только те случаи, когда законодатель буквально указывает на то, что имущество поступает/передается/приобретается в общую собственность.

Согласно абз. 1 ст. 1164 ГК РФ при наследовании по закону, если наследственное имущество переходит к двум или нескольким наследникам, и при наследовании по завещанию, если оно завещано двум или нескольким наследникам без указания наследуемо-

го каждым из них конкретного имущества, наследственное имущество поступает со дня открытия наследства в общую долевую собственность наследников.

В силу абз. 1 ст. 2 Закона «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их в общую собственность¹.

В соответствии с п. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме. Аналогично: собственникам гаражей, расположенных в границах территории гаражного назначения, принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в этих границах, а собственникам машино-мест, нежилых помещений в гаражном комплексе – общее имущество в гаражном комплексе². Согласно п. 1 ст. 41 ЖК РФ собственникам комнат в коммунальной квартире принадлежат на праве общей долевой собственности помещения в данной квартире, используемые для обслуживания более одной комнаты (общее имущество в коммунальной квартире).

В силу п. 4 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» лицо, получившее сертификат, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению³.

1 О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации : Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 11.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (ч. III), ст. 5764.

3 О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Согласно подп. 3 ст. 39.5 ЗК РФ находящийся в государственной или муниципальной собственности земельный участок, образованный в результате раздела земельного участка, предоставленного некоммерческой организации, созданной гражданами для ведения садоводства, огородничества, и относящийся к имуществу общего пользования, в случаях, предусмотренных федеральным законом, предоставляется в общую собственность членов данной некоммерческой организации бесплатно на основании решения уполномоченного органа.

Фактически все указанные случаи охватываются двумя видами общегражданских оснований приобретения права собственности: сделки и иные правомерные действия по отчуждению/приобретению вещи в собственность, наследование вещи. Заметим также, что такое производное основание приобретения собственности, как реорганизация юридического лица в форме разделения, тоже может привести к возникновению общей долевой собственности вновь образованных организаций при обнаружении имущества, не упомянутого в передаточном акте.

Однако имущество может поступить в общую собственность и по общегражданским первоначальным основаниям возникновения права собственности, предусмотренным ГК РФ: создание новой вещи, переработка, приобретательная давность, самовольная постройка, обращение в собственность бесхозяйных вещей (кроме бесхозяйной недвижимости). Плоды, продукция, доходы от использования общего имущества также поступают в общую долевую собственность (абз. 2 п. 1 ст. 218, 248 ГК РФ).

К этому списку нормативных случаев возникновения общей собственности следует добавить смешение вещей. В силу ч. 4 ст. 11.6 ЗК РФ при объединении земельных участков, принадлежащих на праве общей собственности разным лицам, у них возникает право общей собственности на образуемый земельный участок. На смешение вещей при хранении с обезличением также указывается в доктрине как на нормативный случай возникновения права общей собственности у покладавателей (ст. 890 ГК РФ). Заметим, что в законопроекте № 47538-6/5 (второе чтение) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодек-

са Российской Федерации»⁴ предусматривается общее правило о смешении вещей как о случае возникновения общей собственности: общая собственность возникает при смешении однородных вещей, принадлежащих двум и более лицам, если иное не предусмотрено законом или договором. В этом случае размеры долей в праве общей собственности определяются пропорционально количеству вещей, принадлежавших каждому из сособственников до смешения, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

При этом заметим, что большинство законных случаев возникновения общей собственности относимы как к делимым, так и к неделимым вещам, за исключением прямо касающихся неделимых жилых помещений, зданий, сооружений.

Обратимся к индивидуально-правовым случаям возникновения общей собственности, которые могут быть установлены в договоре и допустимы только для поступления в такую собственность делимых вещей.

ДОГОВОРНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ (ПОЗИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ)

В качестве примеров установленных договором случаев возникновения общей собственности называют соглашение собственников животных об объединении животных в одно стадо, соглашение нескольких грузоотправителей о возникновении общей собственности на отправляемые грузы [7, с. 223]. Наиболее дискуссионным случаем возникновения общей собственности является единоличное принятие одним лицом второго лица в сособственники (участники общей собственности). Этот случай упоминается и в Концепции развития гражданского законодательства РФ: «Наука и практика оценивают правила об общей собственности таким образом, что они не допускают образования общей собственности в силу договора, по которому единоличный собственник допускает к участию в своем праве других лиц. Данное ограничение препятствует гражданскому обороту.

⁴ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : законопроект № 47538-6/5 (второе чтение) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует установить, что собственник может допустить к участию в своем праве других лиц, образовав общую собственность, с учетом ограничений, препятствующих неразумному дроблению права собственности на доли»⁵. Однако в отношении делимых вещей установление такого случая вполне допустимо в договоре и по действующему праву: «...норма абз. 2 п. 4 ст. 244 Кодекса устанавливает, что на делимые вещи общая собственность возникает в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон. Иными словами, соглашение о принятии в собственность на делимую вещь прямо допускается законом» [1, с. 87]. Это правило суды стали «подтягивать» и к неделимым вещам. Так, К.И. Скловский пишет: «После того как эта проблема все более часто стала возникать в практике, она была решена форсированием нормы п. 4 ст. 244 ГК: стало признаваться, что собственник неделимой вещи может создать право общей собственности себе и другому лицу» [2, с. 275]. Однако сам ученый категорически против такого подхода: «никто не может сам себе создать право общей собственности на неделимую вещь» [7, с. 224].

В цивилистической доктрине есть последовательные сторонники [8; 9] и противники [7, с. 224–225] возможности возникновения общей собственности на неделимые вещи в рассматриваемом договорно-правовом случае. Более того, Е.А. Суханов полагает, что этот случай не следует допускать и в отношении делимых вещей: «Единоличный собственник вещи (делимой или неделимой) не может своим односторонним волеизъявлением искусственно создать общую собственность на нее с тем, чтобы впоследствии отчуждать новым "сособственникам" произвольно образованные им доли в праве на вещь (а не отдельные части делимой вещи в качестве самостоятельных вещей)» [10, с. 230].

Заметим также, что законопроект № 47538-6/5 вообще исключает возможность установления в договоре случаев возник-

новения общей собственности, в том числе и на делимые вещи: «Общая собственность на делимое имущество возникает в случаях, установленных законом». Однако авторы законопроекта сохраняют формулировку в отношении основания возникновения общей собственности на физически или юридически неделимые вещи: «Общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения либо не подлежит разделу в силу закона». Недалек тот день, когда системно истолкуют эти два абзаца следующим образом: раз законодатель прямо указал, что общая собственность на делимую вещь возникает только в предусмотренных законом случаях, следовательно, на неделимую вещь она может возникать не только в случаях, установленных законом, но и в случаях, установленных договором.

Во избежание герменевтического плюрализма следует прямо указать, что общая собственность как на неделимую, так и на делимую вещь возникает в случаях, установленных законом. Ведь отечественное гражданское право исходит из закрытого перечня оснований возникновения права собственности, и если для возникновения унитарной собственности такой перечень закрыт, то почему для общей собственности он должен быть открыт?

Исходя из существующей в ГК РФ и в предлагаемой в законопроекте формулировки основания возникновения общей собственности на неделимую вещь легко делается вывод, что неделимость вещи – это какое-то особое основание возникновения общей собственности. Законодатель прямо указывает на это, например, в Законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)»: «Если предмет ипотеки неделим или по иным основаниям поступает в общую собственность правопреемников залогодателя, правопреемники становятся солидарными залогодателями»⁶. Другими словами, неделимое имущество может поступить в собственность двух или более лиц не только

⁵ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009), п. 4.2 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁶ Об ипотеке (залоге недвижимости) Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 31.07.2025), п. 2 ст. 38 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

посредством первоначальных или производных способов, установленных в законе, но и каким-то иным, не известным закону образом. Если такой случай обнаружится и не будет вызывать возражений законодателя, то его следует включить в законный перечень позитивных оснований (случаев) возникновения общей собственности. Именно такой подход следует выбрать при решении вопроса о возможности возникновения общей собственности на основании единоличного решения собственника.

ЮРИДИКО-ФАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

От нормативно-правовых и индивидуально-правовых оснований возникновения общей собственности следует отличать юридико-фактические основания ее возникновения. Их смешение приводит к не вполне обоснованным дискуссиям.

Так, К.Б. Ярошенко пишет: «Что касается общей совместной собственности, то она возникает только на основании закона. По соглашению сторон такой вид общей собственности возникнуть не может» [11, с. 584]. Однако с К.Б. Ярошенко спорят другие авторы, утверждая, что супруги своим соглашением могут установить режим совместной собственности на имущество каждого, ссылаясь на п. 1 ст. 42 СК РФ [12]. Ю.К. Толстой считал, что общая долевая собственность «может возникнуть и в случаях, прямо предусмотренных законом, и в случаях, предусмотренных соглашением сторон, решением суда, а также в силу иных обстоятельств, влекущих образование общей долевой собственности», приводя закон в качестве основания возникновения общей собственности на имущество в кондоминиуме, брачный договор – на имущество, нажитое супругами во время брака, иные обстоятельства – на прибитый к берегу лес, принадлежащий другой лесозаготовительной организации⁷.

⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский и др.; под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. С. 638–639.

Разные случаи возникновения общей собственности обуславливают и разные юридические факты, чаще всего образующие юридические составы такого возникновения. В числе таких юридических фактов могут быть и договор, и административный акт (решение государственного органа, сертификат на материнский капитал), и судебное решение (при приобретательной давности), и юридическое состояние (супружество, участие в КФХ без образования юридического лица), и односторонняя сделка (принятие наследства, единоличное решение собственника), и юридический поступок (находка, клад) и др., допускаемые законом в ст. 8 ГК РФ. На это обстоятельство указывалось еще в советском праве и предлагалось включить в ГК РСФСР дополнение следующего содержания: «Общая собственность возникает на основании соглашения и иных обстоятельств, предусмотренных законодательством» [13, с. 6].

Так, закон устанавливает такой случай поступления имущества в общую совместную собственность, как совместное «нажитие» супругами имущества (п. 1 ст. 256 ГК РФ), основным юридическим фактом возникновения которой будет юридическое состояние брака. Закон также устанавливает случай возникновения у супругов совместной или долевой собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов (п. 1 ст. 42 СК РФ), основным юридическим фактом возникновения которой будет брачный договор.

Судебное решение является одним из юридических фактов возникновения общей собственности на имущество, которым добросовестно, открыто и непрерывно владели как своим собственным совместно два или более лица. Но это не означает, что судебное решение устанавливает случай возникновения общей собственности. Этот случай установлен законом – ст. 234 ГК РФ. Поэтому, на наш взгляд, неверным является вывод, что суд может трансформировать индивидуальную собственность на дом в общую в отсутствие законных или договорных позитивных правовых оснований, например, при невозврате суммы займа, потраченной заемщиком на

строительство дома [3, с. 40]. Закон не предусматривает такой случай возникновения общей собственности на неделимое имущество. Также необоснованным выглядит и вывод о возможности распространения на нажитое фактическими супругами имущество режима долевой собственности, если они договорились об этом [14, с. 7; 15, с. 66], во всяком случае по действующему законодательству – на неделимое имущество. Закон не предусматривает такого основания возникновения общей собственности на неделимое имущество, как его «нажитие» фактическими супругами⁸.

Критики законопроекта № 47538-6/5 указывают, что ограничение случаев возникновения общей собственности только предусмотренными законом неразумно, так как «в реальной жизни полно примеров, когда некоторое делимое имущество можно приобрести только в складчину, что подразумевает в качестве разумного последствия возникновение общей собственности» [16, с. 87]. Однако авторы законопроекта ограничивают не возможность заключения договора, влекущего возникновение общей собственности, а именно установление в договоре «придуманных» сторонами случаев такого возникновения. Пункт 1 ст. 308 и п. 1 ст. 454 ГК РФ, действующие в системной взаимосвязи, предусматривают законный случай возникновения общей собственности при приобретении делимой вещи в складчину (множественность на стороне покупателя). Сам договор купли-продажи здесь выступает юридическим фактом возникновения общей собственности, и никаких ограничений в его заключении нет и не планируется в законопроекте.

Игнорирование разницы между позитивными и юридико-фактическими основаниями возникновения общей собственности приводит исследователей к попыткам доказать, что общая собственность на неделимые вещи может возникать не только по закону, но и по договору в связи с действием принципа свободы договора [17]. Наличие закрытого законом

перечня случаев возникновения общей собственности никак не нарушает принцип свободы договора и вовсе не запрещает заключать договоры, направленные на передачу в общую собственность неделимых вещей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ ст. 244 ГК РФ позволяет думать, что основания возникновения общей собственности должны различаться по критерию вещи (неделимая или делимая вещь) либо по критерию вида общей собственности (долевая или совместная общая собственность). Однако, на наш взгляд, среди оснований возникновения общей собственности важнее различать позитивные (случаи возникновения общей собственности) и юридико-фактические основания, независимо от вида вещи или вида режима общей собственности.

Например, закон допускает такой случай возникновения общей собственности, как множественность на стороне покупателя вещи (как неделимой, так и делимой) – это нормативно-правовое основание; далее заключается договор купли-продажи с множественностью на стороне покупателя – это юридико-фактическое основание; далее, благодаря наличию этого случая возникновения общей собственности в законе и заключенному договору, вещь поступает в общую собственность лиц на стороне покупателя – это естественное фактическое основание возникновения общей собственности. И лишь потом определяется вид режима общей собственности: если на стороне покупателя супруги, то к приобретенной вещи применяется в качестве общего правила режим совместной собственности, если братья, то режим долевой собственности. А.В. Зарубин пишет, что отношения общей собственности возникают «ввиду поступления неделимой вещи в собственность нескольких лиц» [18, с. 18]. Однако не существует простого «волшебного» поступления вещи в общую собственность. Этому предшествуют позитивные (нормативные и договорные) и юридико-фактические основания. Точнее было бы сказать, что поступление вещи в собственность нескольких лиц происхо-

⁸ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2025 № 18-КГ24-353-К4 (УИД 23RS0027-01-2022-001818-10) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дит в случаях, предусмотренных законом (для делимой вещи – и договором), и при наступлении и накоплении необходимых для этого юридических фактов.

Мы разделяем подход авторов законопроекта № 47538-6/5 к ограничению перечня случаев возникновения общей собственности

только законом. Причем это никак не препятствует возникновению юридических фактов (в том числе договора), влекущих возникновение общей собственности, при условии, что будущие сособственники столкнулись с предусмотренным законом случаем возникновения общей собственности.

Список источников

1. Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2020. – № 2. – С. 60–123.
2. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – Москва : Статут, 2010. – 893 с.
3. Паничкин Р.М. Способы возникновения общей долевой собственности / Р.М. Паничкин // Юрист. – 2022. – № 8. – С. 37–43.
4. Фоков А.П. Проблемы права общей собственности: Теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А.П. Фоков. – Рязань, 2003. – 336 с.
5. Белов В.А. Очерки вещного права (научно-популярные заметки) : учебное пособие / В.А. Белов. – Москва : Юрайт, 2019. – 332 с.
6. Залугин С.В. Право общей собственности: понятие, осуществление и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Залугин. – Москва, 2008. – 23 с.
7. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы / К.И. Скловский. – Москва : Статут, 2004. – 365 с.
8. Вербицкая Ю.О. Сделки, направленные на установление общей долевой собственности / Ю.О. Вербицкая // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2008. – № 4. – С. 30–33.
9. Зарубин А.В. Дробление права собственности и доли в общей собственности / А.В. Зарубин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 57–63.
10. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2024. – 626 с.
11. Ярошенко К.Б. Общие вопросы права собственности нескольких лиц / К.Б. Ярошенко // Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – Москва : Статут, 2008. – С. 578–602.
12. Слепко Г.Е. Основания возникновения общей собственности и использование презумпции общности имущества применительно к супругам, один из которых является военнослужащим / Г.Е. Слепко, Ю.Н. Стражевич, А.И. Ткачев // Военное право. – 2015. – № 2. – С. 12–27.
13. Умуракулов М.К. Осуществление и защита права общей собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.К. Умуракулов. – Москва, 1984. – 204 с.

REFERENCES

1. Bevzenko R.S. Legal Unity of a Land Plot and Building on it. *Civil Law Review*, 2020, no. 2, pp. 60–123. (In Russian).
2. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. 5th ed. Moscow, Statut Publ., 2010. 893 p.
3. Panichkin R.M. Ways of Origination of Joint Shared Ownership. *Jurist*, 2022, no. 8, pp. 37–43. (In Russian).
4. Fokov A.P. Problems of Common Ownership Law: Theoretical and Practical Aspects. *Doct. Diss.* Ryazan, 2003. 336 p.
5. Belov V. A. Essays on Property Law (Scientific and Polemical Notes). Moscow, Yurait Publ., 2019. 332 p.
6. Zalugin S.V. Common Ownership Right: Concept, Implementation, and Protection. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2008. 23 p.
7. Sklovsky K.I. Application of Civil Legislation on Ownership and Possession. Practical Issues. Moscow, Statut Publ., 2004. 365 p.
8. Verbitskaya Yu.O. Transactions Aimed at Establishing Common Shared Ownership. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2008, no. 4, pp. 30–33. (In Russian).
9. Zarubin A.V. Splitting of Ownership and Share Splitting in Joint Property. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 6, pp. 57–63. (In Russian).
10. Sukhanov E.A. Property Law: A Scientific and Educational Essay. 3rd ed. Moscow, Statut Publ., 2024. 626 p.
11. Yaroshenko K.B. General Issues of Ownership Rights of Several Persons. In Litovkin V.N., Sukhanov E.A., Chubarov V.V. (eds.). *Ownership Law: Current Issues.* Moscow, Statut Publ., 2008, pp. 578–602. (In Russian).
12. Slepko G.E., Strazhevich Yu.N., Tkachev A.I. Origins of Joint Ownership and Presumption of Conjoint if One of Them Is the Military. *Military Law*, 2015, no. 2, pp. 12–27. (In Russian).
13. Umurkulov M.K. Implementation and Protection of the Right of Common Ownership. *Cand. Diss.* Moscow, 1984. 204 p.
14. Lameykina E.Yu. Problems of Legal Regulation of De Facto Marital Relations. *Family and Housing Law*, 2013, no. 1, pp. 5–8. (In Russian).
15. Boutova E.A. Actual Marital Relations as the Basis of a Right of Common Shared Property. *Law and State: Theory and Practice*, 2014, no. 7 (115), pp. 64–66. (In Russian).

14. Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений / Е.Ю. Ламейкина // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 1. – С. 5–8.
15. Бутова Е.А. Фактические брачные отношения как основание возникновения права общей долевой собственности / Е.А. Бутова // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 7 (115). – С. 64–66.
16. Александрова М.А. Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ / М.А. Александрова, С.А. Громов, Т.С. Краснова, Н.Ю. Рассказова, А.Д. Рудоквас, А.О. Рыбалов, Ю.К. Толстой // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 62–111.
17. Бутова Е.А. Основания возникновения общей долевой собственности: проблемы классификации / Е.А. Бутова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 18. – С. 45–49.
18. Зарубин А.В. Возникновение, изменение и прекращение отношений общей долевой собственности с точки зрения «коллективной» концепции / А.В. Зарубин // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 16–20.
16. Aleksandrova M., Gromov S., Krasnova T., Rasskazova N., Rudokvas A., Rybalov A., Tolstoy Yu. Opinion of the Civil Law Department of St. Petersburg State University on the Draft Amendments to the Section on Property Rights of the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2020, no. 7, pp. 62–111. (In Russian).
17. Butova E.A. Grounds for the Emergence of Common Shared Ownership: Classification Issues. *Legality and Law and Order in Modern Society*, 2014, no. 18, pp. 45–49. (In Russian).
18. Zarubin A.V. The Emergence, Change and Termination of Shared Ownership Relations from the Point of View of the “Collective” Concept. *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2020, no. 2, pp. 16–20. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor; Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University; Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State National Research University.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026. The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 16.04.2026.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.9

Original article

КУЛАКОВ Владимир Викторович
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России),
Москва, Россия,
79057327361@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9702-9306>

KULAKOV Vladimir Viktorovich
All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russia

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДОГОВОРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

INFRASTRUCTURE CIVIL LAW CONTRACTS: FRAMING THE ISSUE

Аннотация. Особенности правового регулирования отношений, связанных с использованием той или иной инфраструктуры, предусмотрены законодательством в сфере топливно-энергетического комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, банковской деятельности, транспорта. В результате возникают правовые отношения разной отраслевой принадлежности. Имеют особенности и гражданско-правовые отношения (как статические, так и динамические), возникающие по поводу инфраструктуры. Ряд договорных обязательств, поименованных в ГК РФ, требуют обязательного использования определенной технической и (или) информационной инфраструктуры, что определяет особенности всей динамики соответствующих договоров: заключения, исполнения, прекращения. Цели: определить гражданско-правовой режим инфраструктурных объектов; показать особенности динамики обязательств, возникающих в связи с использованием таких объектов. Методы: анализ действующих нормативных правовых актов, позволивший обнаружить пробелы и противоречия в законодательстве, а также синтез, формализация, конкретизация и обобщение нормативного правового материала, позволившие выделить специфику инфраструктуры как объекта гражданского права, особенности исполнения обязательств, связанных с использованием инфраструктуры. Результаты: проведен анализ нормативных правовых актов, устанавливающих особенности той или иной инфраструктуры, определен их гражданско-правовой режим; поставлена проблема установления условий надлежащего исполнения обязательств, связанных с использованием инфраструктурных объектов; показаны особенности динамики таких обязательств.

Abstract. The features of legal regulation of relations related to the use of different types of infrastructure are established by legislation in the fields of the fuel and energy complex, housing and communal services, banking activities, and transportation. As a result, legal relations of various branches arise. Civil law relations (both static and dynamic) related to infrastructure also have their own characteristics. A number of contractual obligations enumerated in the Civil Code of the Russian Federation require mandatory use of certain technical and (or) informational infrastructure, which determines the specifics of the entire dynamics of the respective contracts: conclusion, fulfillment, and termination. Purposes: to define the civil law regime of infrastructure facilities; to demonstrate the characteristics of the dynamics of obligations related to the use of such facilities. Methods: analysis of current normative legal acts identifies gaps and contradictions in the legislation, as well as synthesis, formalization, specification, and generalization of normative legal material highlight the specificity of infrastructure as an object of civil law and the characteristics of the fulfillment of obligations related to infrastructure use. Results: the article analyzes normative legal acts establishing the specifics of different infrastructures, defines their civil law regime. It identifies the challenges in defining conditions for the proper fulfillment of obligations concerning infrastructure use and illustrates the distinct dynamics of these obligations.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, виды договоров, инфраструктурные объекты, инфраструктурные договоры, обязательства, исполнение обязательств, динамика договора

Для цитирования: Кулаков В.В. Инфраструктурные гражданско-правовые договоры: к постановке проблемы / В.В. Кулаков. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 82–88.

Keywords: civil law contract, types of contracts, infrastructure facilities, infrastructure contracts, obligations, fulfillment of obligations, contract dynamics

For citation: Kulakov V.V. Infrastructure Civil Law Contracts: Framing the Issue. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 82–88. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.9.

ВВЕДЕНИЕ

Существуют разные классификации договоров. Наряду с основным делением на типы, обусловленные их каузой, предметом, договоры классифицируются по характеру завязывания отношений (публичные, присоединения и т. д.), влиянию риска на их динамику (меновые и алеаторные) и т. д. На наш взгляд, при установлении особенностей видов договора следует учитывать и особенности исполнения того или иного обязательства.

Надлежащее исполнение обязательств предполагает среди прочих такое условие, как надлежащий способ, который представляет собой порядок совершения должником действий, составляющих содержание исполнения обязательства. Различные обязательства имеют специфический порядок исполнения, который закрепляется в соответствующих разделах и главах ч. 2 ГК РФ, и могут быть скорректированы сторонами. Ряд договорных обязательств, поименованных в ГК РФ, требуют использования определенной технической и (или) информационной инфраструктуры, что определяет особенности всей динамики соответствующих договоров: заключения, исполнения, прекращения. Очевидно, что заключение договора, скажем, поставки газа предполагает его транспортировку через газораспределительную систему, технические характеристики которой должны учитываться при определении объема, режима потребления, подключения других потребителей. Соответственно, если потребитель при заключении договора не будет удовлетворен предложенным поставщиком объемом газа и обратится в суд в порядке ст. 445, 446 ГК РФ, суд должен оценить эти технологические осо-

бенности. Равным образом нарушение режима при наличии заключенного договора потребления может привести к изменению давления газа в транспортной системе и авариям, что может нанести значительный ущерб и третьим лицам. Такие ситуации бывают в реальной жизни не только в сфере газоснабжения, но и электроэнергетики, снабжения товарами через присоединенную сеть.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОБЪЕКТАХ

Термин «инфраструктура» предусмотрен законодательством. Так, в Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»¹ технологическая и коммерческая инфраструктура лишь упоминается в отсутствие, однако, легальной дефиниции. Вместе с тем в п. 1 ст. 41 данного закона предусмотрено, что технологическую инфраструктуру розничных рынков составляют: территориальные сетевые организации, осуществляющие передачу электрической энергии; субъекты, осуществляющие оперативно-диспетчерское управление на розничных рынках. Из смысла закона очевидно, что инфраструктура – это система объектов, используемых для определенного технологического процесса, связанного с энергоснабжением. Электроэнергетическая система – совокупность объектов электроэнергетики и энергопринимающих установок потребителей электрической энергии, связанных общим режимом работы в едином технологическом процессе производства, передачи и потребления электрической энергии в условиях централизованного оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике (ст. 1).

¹ Здесь и далее – доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Федеральном законе от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» термин «инфраструктура» не употребляется, однако подробно регламентируется использование систем газоснабжения в Российской Федерации, которые определены как совокупность действующих на территории Российской Федерации систем газоснабжения: Единой системы газоснабжения, региональных систем газоснабжения, газораспределительных систем и независимых организаций (ст. 5). В законе прямо указано, что федеральная система газоснабжения является одной из федеральных энергетических систем Российской Федерации. Также в законе обозначено, что в эту систему входят организации – собственники газораспределительных систем и независимые организации.

Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» упоминает о платежной инфраструктуре, операторами которой могут быть кредитные организации, организации, не являющиеся кредитными, Банк России или ВЭБ РФ (ст. 16). Законом предусмотрено, что при осуществлении перевода денежных средств в рамках платежной системы операторами по переводу денежных средств, находящимися на территории Российской Федерации, должны привлекаться операторы услуг платежной инфраструктуры. В названном законе нет определения платежной инфраструктуры, однако полагая, что благодаря ей осуществляется передача информации о платеже, можно учитывать положения Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», в котором определяются как объекты критической информационной инфраструктуры (информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры), так и ее субъекты (государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в

сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей).

Регулируется законодательством инженерная инфраструктура жилищно-коммунального комплекса, под объектами которой понимаются находящиеся на балансе организации ЖКХ здания, сооружения, а также иные объекты недвижимого имущества и входящее в их состав инженерное оборудование, предназначенные для функционирования жилищно-коммунального комплекса². Система коммунальной инфраструктуры определяется в ст. 10.15 Градостроительного кодекса РФ как комплекс технологически связанных между собой объектов и инженерных сооружений, предназначенных для осуществления поставок товаров и оказания услуг в сферах электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения до точек подключения (технологического присоединения) к инженерным системам электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения объектов капитального строительства, а также объекты, используемые для обработки, утилизации, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов.

Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» говорит о транспортной инфраструктуре, относя к ней автомобильные дороги и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог.

В ст. 7.1 Воздушного кодекса РФ перечисляются объекты инфраструктуры воздушного транспорта (аэродромы, вертодромы, обустроенные места для приводнения и причаливания воздушных судов, прочие объекты,

² Письмо Минфина России от 18.04.2006 № 03-06-01-04/89.

необходимые для взлета, посадки, руления и стоянки воздушных судов, аэровокзалы (терминалы) и др.).

Подобные положения есть и в иных нормативных правовых актах, регулирующих транспортные правоотношения³.

ИНФРАСТРУКТУРА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Содержание упомянутых выше норм позволяет сделать вывод, что инфраструктура определяется через два элемента – объективный (совокупность технических объектов) и субъективный (лица, обладающие этими объектами и эксплуатирующие их).

Говоря об объективном элементе, следует иметь в виду необходимость полного установления всех объектов, составляющих ту или иную инфраструктуру, – сети трубопроводов или электрические сети, трансформаторы и шкафные регуляторные пункты, компьютеры, обладающие соответствующими техническими характеристиками, серверы и т. д. Если полная системная совокупность всех объектов не будет установлена, такая инфраструктура не будет эффективной и безопасной. Соответственно, обязательство, связанное с ее использованием, трудно оценить как надлежаще исполненное. Таким образом, в данной сфере высока роль технического регулирования и соответствующего законодательства. Кроме того, следует иметь в виду, что эксплуатация той или иной технической инфраструктуры требует вспомогательного оборудования, информационного и диспетчерского обслуживания. Это предполагает вовлечение в систему дополнительных объектов, требующих особых навыков управления.

Кроме того, системная целостность инфраструктуры позволяет уточнить правовой режим тех или иных вещей как объектов гражданских прав. Так, к примеру, для использования транспортного средства необходима инфраструктура.

Данное обстоятельство позволило в науке обосновать отнесение по российскому законодательству к недвижимости воздушных и морских судов, судов внутреннего плава-

ния, которые, по сути, являются вещами движимыми, что, собственно, подтверждается и дореволюционным законодательством, отнесшим «мореходные и речные суда всякого рода» к движимым вещам (т. X, ч. 1 ст. 401 Свода законов Российской империи). А.В. Черных считает, что все еще сохраняющийся принцип определения недвижимого имущества как объектов, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, не отражает сути современного понимания недвижимости, объясняя это тем, что содержание понятия недвижимости должно расширяться соразмерно усовершенствованию технической инфраструктуры. Все транспортные и космические объекты обладают особой ценностью в строго определенных условиях, а ущерб, несоразмерный их назначению, может возникнуть не при передвижении их, а при отрыве от привычной среды использования. Понятие отрыва от привычной среды следует трактовать широко, поскольку уже сейчас оно вбирает в себя такие аспекты, как перерыв амортизации, вынужденный простой, влекущий за собой убытки, упущенную выгоду и др., а в будущем, с развитием научно-технического прогресса, неизбежно увеличение числа этих аспектов [1, с. 56–57]. С такой точкой зрения следует согласиться, учитывая закрепление в ГК РФ особого рода объектов как единого недвижимого комплекса (ст. 133.1): недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как на одну недвижимую вещь. Как видим, ряд примеров из ГК РФ вполне укладывается в понятие технологической инфраструктуры. Кроме того, очевидно, что многие из названных объектов подпадают под признаки источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Отметим, что информационная инфраструктура, используемая, например, при осуществлении расчетов, может не включать

³ См., например: Об утверждении Перечня объектов инфраструктуры морского порта : приказ Минтранса России от 07.11.2017 № 475.

в себя объекты недвижимости, что исключает распространение на них ст. 133.1 ГК РФ. Однако это не лишает всей совокупности соответствующих элементов системной целостности, что допускает применение в такой ситуации ст. 134, 135 ГК РФ.

Следует отметить, что акцентирование внимания лишь на технологической стороне не приведет к эффективному правовому регулированию в соответствующей сфере. Мало определить, какие технические элементы составляют инфраструктуру (а вернее, технологическую или информационную систему), важно установить требования к лицам, эксплуатирующим эти системы, учитывая их значение для экономики и общества. Также требуют особого регулирования отношения собственности в данной сфере.

Таким образом, можно констатировать, что понятие технологической инфраструктуры предполагает учет объективных и субъективных признаков. Первый означает, что инфраструктура – это сложный имущественный комплекс, объединенный целью: доведение энергии или иного товара до потребителя⁴. Следует учитывать, что многие из объектов, составляющих ту или иную техническую инфраструктуру, обладают признаками источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Как отмечалось, не всегда та или иная инфраструктура будет охватываться понятием единого недвижимого комплекса, что не лишает ее системной целостности.

Субъективный признак инфраструктуры означает обязательные требования к ее владельцу как лицу, совершающему соответствующую деятельность (транспортировку, расчеты и т. п.). Особое значение для экономики, социальной сферы имеют особые требования к деятельности, связанной с использованием такой инфраструктуры – лицензирование, технические требования к абонентам, требования соблюдения безопасности к пассажирам и т. п.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Существенный признак инфраструктуры – территориальный разрыв между ме-

стом начала и окончания передачи объекта. Это можно распространить и на расчетные сети, в которых передается информация о платеже. Следовательно, деятельность, связанная с использованием инфраструктуры, имеет соответствующие правовые формы – договорные конструкции. Спецификой обладают и процедуры заключения и расторжения договоров, технические, соответствующие антимонопольные требования и т. п., что требует специального регулирования, которое предполагает наличие нормативных правовых актов, включающих нормы как частного, так и публичного права, на что было указано выше. В рамках настоящей статьи мы не ставим целью подробное исследование таких особенностей. Остановимся на некоторых аспектах исполнения договоров, связанных с использованием инфраструктуры.

Как известно, обязательство считается исполненным надлежаще при соблюдении в совокупности правил о надлежащих субъектах исполнения, предмете, способе, сроке и месте. Так, по общему правилу, обязательство должно быть исполнено надлежащим должником надлежащему кредитору. В силу относительности обязательственного правоотношения в нем могут участвовать лишь две стороны – кредитор и должник. При этом возможно участие на той или другой стороне нескольких лиц (множественность), поэтому к употреблению любых терминов относительно субъектного состава обязательства стоит относиться аккуратно. Не может быть трехсторонним обязательство, хотя существуют трехсторонние сделки. Из такого договора либо возникнет несколько обязательств, либо будет иметь место множественность лиц. В исполнении обязательства могут участвовать третьи лица, множественность не образующие.

Применительно к исследуемой теме следует выделять разные ситуации, влияющие на правовое положение того или иного участника обязательства. Так, если речь идет о передаче товара через присоединенную сеть, возможно, что продавец будет выступать титульным владельцем инфраструктуры. В такой ситуации он, кроме продажи товара, сам может осуществлять эксплуатацию сети и, соответственно, транспортировку товара.

Однако имея в виду антимонопольные требования (примером служит Третий энергопакет ЕС) о необходимости отграничения

⁴ Применительно к трубопроводному транспорту в ГК РФ такая инфраструктура обозначена как присоединенная сеть.

поставщиков от транспортировщиков, нередки ситуации, когда поставщик, имея право доступа к любой сети, будет выступать лишь продавцом товара, заключая договор транспортировки с владельцем сети. В исследуемых обязательствах могут участвовать и иные лица, привлекаемые той или иной стороной, например, процессинговые центры – для осуществления расчетов, газораспределительные организации (ГРО) – для транспортировки газа, диспетчеры – для оперативного регулирования распределения товара и т. п. Как отмечалось, такие лица могут быть владельцами инфраструктуры (аэропорты, ГРО).

В каждом конкретном случае необходимо определять юридическую природу и структуру отношений между всеми участниками. Например, при поставке природного газа с использованием сетей ГРО возникает, во-первых, обязательство поставки между поставщиком и покупателем, где ГРО выступает в качестве третьего лица, привлеченного поставщиком для исполнения обязательства, за которое поставщик несет ответственность в силу ст. 403 ГК РФ; во-вторых, обязательство возмездного оказания услуг по транспортировке газа между покупателем и ГРО, где поставщик выступает третьим лицом на той или иной стороне в зависимости от обстоятельств. Отмечу, что с 1990-х годов сложилась и в какой-то мере продолжается практика заключения трехсторонних договоров поставки газа, в которых участвуют поставщик, газотранспортная организация и покупатель. Из такого договора возникают два обязательства: поставки и транспортировки газа, что приводит на практике к процедурным проблемам по урегулированию разногласий при заключении договора. Допустим, у покупателя возникли разногласия по пункту договора, не влияющего на обязательство между ним и поставщиком. Однако согласование требуется со всеми сторонами. Это может осложнять и соответствующее судебное разбирательство (ст. 446 ГК РФ), с чем автор лично сталкивался во время работы в ООО «Межрегионгаз» ОАО «Газпром».

Равным образом можно квалифицировать иные отношения с использованием инфраструктуры. Так, банк несет ответственность за неосуществление перевода по вине при-

влеченного им процессингового центра, поскольку последний является третьим лицом в обязательстве из договора банковского счета (ст. 845 ГК РФ), с которым у банка самостоятельные договорные отношения.

Отметим, что технические особенности той или иной инфраструктуры влияют и на иные условия надлежащего исполнения. Их следует учитывать в каждом конкретном споре. Например, как отмечалось, одним из признаков инфраструктуры, который и определяет ее главную особенность, является территориальный разрыв между ее элементами, условно, точкой входа и выхода объекта (товара, пассажира, информации о платеже и др.). Соответственно, очевидно, что надлежащее место исполнения должно определяться по последнему. Из закона следует, что любое обязательство направлено на пользу кредитора (ст. 307 ГК РФ), что является отражением каузы соответствующего договора. Очевидно, что пользой покупателя является получение товара в определенном месте, пользой клиента банка – доставка платежа до банка получателя и т. д. Соответствующим образом можно установить специфику каждого условия надлежащего исполнения инфраструктурного договора. Заметим, что с позиций гражданского права пришло время оценить системную целостность и инфраструктуры маркетплейсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать выделение, наряду с другими видами договоров, договоров, исполнение которых связано с той или иной технологической инфраструктурой – инфраструктурных договоров. Это обусловлено уровнем развития технологии. К таким договорам следует относить договоры на поставку товаров через присоединенную сеть, транспортные договоры, договоры, в которых используется информационная инфраструктура – банковские, продажа через маркетплейсы и т. д. Учет особенностей той или иной инфраструктуры позволяет определить правовое положение лиц, участвующих в обязательствах, а также условия надлежащего их исполнения, иные обстоятельства, влияющие на динамику договоров.

Список источников

1. Черных А.В. Залог недвижимости в российском праве. – Москва : Легат, 1995. – 87 с.

REFERENCES

1. Chernykh A.V. Pledge of Real Estate in Russian Law. Moscow, Legat Publ., 1995. 87 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulakov Vladimir Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026.
The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 16.04.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.10

Original article

ЛЕСКОВА Юлия Геннадьевна ✉
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Москва, Россия,
leskova-yg@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3238-4654>

LESKOVA Yulia Gennadyevna
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ВАНИН Виталий Владимирович
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Москва, Россия,
vanin-vv@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7301-0838>

VANIN Vitaly Vladimirovich
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА БЛОГЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SUBJECT-FOCUSED APPROACH TO DEFINING BLOGGERS' LEGAL STATUS

Аннотация. Развитие коммуникационных технологий обусловило активное развитие блогерства, приобретшего в силу массового характера значение одного из ведущих средств социальной коммуникации, играющего значительную роль в формировании общественного мнения. Отсутствие в действующем законодательстве специальной правовой регламентации статуса блогера создает угрозу нарушения прав и законных интересов граждан, а также публичных интересов. Целью исследования является определение подходов к формированию правового статуса субъекта блогерства как частно-публичной деятельности. Достижение данной цели обеспечивается решением следующих задач: обоснование применения предметного подхода к формированию правового статуса блогера; выявление сущностных признаков блогерской деятельности; формирование правового статуса блогера на базе риск-ориентированного подхода. Методы исследования: формально-юридический метод позволил выявить проблему отсутствия правовой регламентации статуса блогера в действующем законодательстве и сформулировать подходы к ее легальному преодолению; лингвистический метод позволил выявить семантическое значение понятий, используемых при описании блогерства; посредством сравнительно-правового метода выявлены отдельные особенности понятия «блогерская деятельность» в зарубежном законодательстве. Результаты: сделан вывод о необходимости фор-

Abstract. The development of communication technologies has led to the active emergence of blogging, which, due to its mass appeal, has become one of the leading means of social communication, significantly contributing to the formation of public opinion. The absence of specific legal regulation regarding bloggers' status in the current legislation poses a threat to individuals' rights and lawful interests, as well as to public interests. The purpose of this study is to determine approaches to the establishment of bloggers' legal status as a hybrid of private and public activity. Achieving this purpose involves addressing the following tasks: justifying the application of a subject-focused approach to defining bloggers' legal status; identifying the essential characteristics of blogging activities; and establishing bloggers' legal status based on a risk-oriented approach. Research methods: the formal-legal method identifies the problem stemming from the lack of legal regulation of bloggers' status in the existing legislation and proposes approaches to its legal resolution. The linguistic method forms the basis for uncovering the semantic meaning of concepts used in the description of blogging. The comparative law method reveals specific features of the concept of "blogging activity" in foreign legislation. Results: the article concludes that it is necessary to form and differentiate

мирования и дифференциации правового статуса блогера на основе предметного (деятельностного) и риск-ориентированного подходов.

Финансирование. Исследование подготовлено в рамках государственного задания НИР № 9.6.-2026-1 «Совершенствование законодательной модели блогосферы в условиях развития информационного пространства».

Ключевые слова: блогер, блогерская деятельность, информация, правовой статус, риск-ориентированный подход, саморегулирование, социальная сеть

Для цитирования: Лескова Ю.Г. Предметный подход к формированию правового статуса субъекта блогерской деятельности / Ю.Г. Лескова, В.В. Ванин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 89–95.

bloggers' legal status based on subject-focused (activity-based) and risk-oriented approaches.

Financing. The study is conducted as part of state research assignment No. 9.6.-2026-1, titled "Improving the Legislative Model of the Blogosphere in the Context of Information Space Development".

Keywords: blogger, blogging, information, legal status, risk-oriented approach, self-regulation, social network

For citation: Leskova Yu.G., Vanin V.V. Subject-Focused Approach to Defining Bloggers' Legal Status. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 89–95. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.10.

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационные технологии, значительно упростившие вовлечение субъектов в процессы информационного взаимодействия, обусловили возникновение новых видов социальных явлений, в основе которых лежит распространение информации. Доступность цифровой инфраструктуры привела к активному развитию блогерства, приобретшего в силу массового характера значение одного из ведущих средств социальной коммуникации, играющего значительную роль в формировании общественного мнения. В основе такого явления лежит инициативная деятельность частных субъектов, а потому важным средством правового регулирования в этой сфере выступает правовая регламентация статуса блогера, которая должна быть основана на принципе баланса частных и публичных интересов.

ПРАВОВОЙ СТАТУС БЛОГЕРА: ПРЕДМЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Блогерство как социальное явление может оцениваться с двух точек зрения: как самостоятельная профессиональная деятельность, направленная на достижение известных эгоцентристских целей осуществляемым ее субъек-

ектом, и как средство воздействия на социальные процессы через формирование общественного мнения, продвижение товаров, создание и поддержание культурных смыслов.

Важнейшим средством социальной оценки любого существующего в обществе явления является право. Воплощая в себе естественные и непреходящие ценности человеческого бытия (гуманистическая составляющая) и одновременно выступая средством достижения определенных целей развития общества на определенном этапе (политическая составляющая), право позволяет обеспечить эффективное, сбалансированное с точки зрения публичных и частных интересов функционирование блогерства как в его предметно-деятельностном аспекте, так и в контексте опосредуемого им внешнего воздействия. Указанные аспекты необходимо разграничивать прежде всего с точки зрения методов правового регулирования, отражающих существо различных сфер общественных отношений: осуществляемая субъектами в их эгоцентристских интересах блогерская деятельность в ее предметном выражении относится к частноправовой сфере, для которой автономия воли и имущественная самостоятельность обуславливают применение основанного на диспозитивности метода юридического равенства; проявляющийся же в воздействии

на социальные процессы публичный характер такой деятельности влечет потребность в применении присущего публично-правовым отраслям метода предписаний и запретов. Ключевой проблемой здесь выступает невозможность механического проведения неких «демаркационных» линий между сферами применения этих методов применительно к включаемым в предметы правового регулирования общественным отношениям, ибо последние находятся в состоянии сложного взаимодействия. Такая проблема характерна для любой частно-публичной деятельности. Ее решение в виде единого общепризнанного набора инструментов в современной правовой доктрине пока не выработано, однако методологические подходы к регулированию подобных видов деятельности (применительно к предпринимательской деятельности, деятельности средств массовой информации и т. п.) существуют.

В инструментарии правового регулирования любого вида частно-публичной деятельности важную роль играет правовая регламентация правового статуса субъекта. Последний, определяя исходные параметры субъективных правозможностей и их пределов, позволяет на их основе формировать такие потенциальные правовые модели участия субъекта в общественных отношениях, которые будут эффективно гармонизировать удовлетворение им своих частных интересов с достижением социально полезных целей такой деятельности.

Решение задачи построения правового статуса блогера предполагает выявление сущностных признаков блогерской деятельности, подлежащих отражению в ее правовом регулировании, в том числе в правовом статусе ее субъекта. К их числу мы относим: публичность (предоставление информации потенциально неограниченному кругу лиц), интерактивность (наличие обратной связи, при помощи которой формируется коммуникационная модель информационного взаимодействия блогера и публики), персонализацию информации (содержание информации и форма ее представления определяются субъективным усмотрением блогера), регулярность (обеспечивающая становление коммуникационной модели, в рамках которой формируются устойчивые информаци-

онные ожидания аудитории, «привычка» потребления информации определенного вида), технологичность (существование коммуникационной модели на базе информационных цифровых платформ, функционирование которых обеспечивается неким набором технических и программных средств), экономический характер (проявляющийся как в непосредственной монетизации деятельности вследствие финансовой поддержки аудитории, так и в осуществлении сопутствующих видов деятельности, приносящей прибыль, – реклама, партнерские программы).

Заметим, что сформированный в гражданском праве статус субъекта (физического или юридического лица) потенциально вмещает в себя правозможность осуществления деятельности по публичному распространению информации любым обладающим достаточным объемом дееспособности лицом, однако потребность в специальном статусе блогера становится очевидной, если во внимание принять категории эффективности и безопасности профессиональной деятельности по распространению информации.

Приведенные составляющие блогерской деятельности как деятельности частно-публичной очевидно обнаруживают потребность в специальных правовых формах. Так, регулярность осуществления блогерской деятельности предполагает длящийся характер правоотношений, прогнозирование и планирование которых ее актором в рамках срочных договоров невозможно без известных когнитивных способностей и профессиональных навыков. Технологичность блогерской деятельности предопределяет необходимость в наличии известных навыков в области информационно-коммуникационных технологий, в том числе в части обеспечения требований к обработке информации, включая персональные данные. Экономический характер блогерской деятельности предполагает способность к оценке имущественных рисков и выбору оптимальных бизнес-моделей. В правовой плоскости это может проявляться в нормативном установлении определенных профессионально-квалификационных требований к субъекту блогерской деятельности в качестве предпосылок ее правомерного осуществления. Задача персонализации блогера в информационной среде может быть решена

для юридических лиц посредством использования известных гражданскому праву средств индивидуализации (фирменное наименование, товарный знак/знак обслуживания, коммерческое обозначение), однако доступные гражданам имя и изображение не позволяют конструировать образы, включающие не только сведения о блогере как субъекте, но и об осуществляемой им деятельности, необходимые для привлечения интереса публики к содержанию распространяемого контента.

Сказанное свидетельствует о неспособности общего гражданско-правового статуса гражданина полноценно удовлетворить потребности участия блогера в отношениях, опосредующих блогерскую деятельность. Приведенные выше параметры последней в своей совокупности образуют предпосылку для формирования такого правового статуса субъекта блогерской деятельности, который, являясь специальным по отношению к общеправовому статусу гражданина, выражается в известном развитии его гражданской правоспособности. Гражданскому праву известен подобный статус, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности, – индивидуальный предприниматель. Ключевым фактором, определяющим как само его существование, так и содержание, является профессионализм субъекта, порождающий у третьих лиц разумные ожидания наличия у такового определенных компетенций в соответствующем ремесле, превышающих компетенции, имеющиеся у обычного субъекта. Наличие профессиональных компетенций ведет к информационному неравенству (сведущий всегда обладает известными преимуществами перед несведущим), а потому подобный специальный статус должен решать задачу не только обеспечения интересов самого субъекта, но и интересов лиц, вступающих с ним в правоотношения в процессе осуществления соответствующей деятельности. Это, в частности, проявляется в институте безвиновной ответственности предпринимателя (п. 3 ст. 401 ГК РФ), который направлен на иное в сравнении с обычным перераспределением имущественных рисков в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Само по себе это вряд ли может рассматриваться как достаточный аргумент в пользу применения для блогера статуса предпринимателя во всех без исключения случаях, ибо

в основу легального понятия предпринимательской деятельности действующее законодательство заложило не ее предметную характеристику (профессиональное осуществление такой деятельности), а субъективно-волевой признак – направленность на систематическое извлечение прибыли. Подобный подход, вполне уместный в условиях рыночной экономики либерального типа, вряд ли может быть признан удовлетворительным в современных условиях, однако, будучи закрепленным в ГК РФ, он ограничивает применение статуса предпринимателя только в отношении таких блогеров, социальная полезность деятельности которых получает наглядно верифицируемую монетизацию.

Вместе с тем действующее законодательство позволяет обнаружить примеры правовой регламентации статусов на основе предметного критерия. К таковым могут быть отнесены крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица, а также граждане, применяющие специальный налоговый режим, предусматривающий уплату налога на профессиональный доход¹. К сожалению, ни тот ни другой не имеет развернутой характеристики в гражданско-правовом значении: в отношении крестьянского (фермерского) хозяйства лишь указано на наличие статуса предпринимателя у его главы (что в известной степени умаляет смысл применения деятельностиного подхода, ибо не предполагает создания специального статуса, отражающего особенности собственно деятельности), а для вторых установлено правило о допустимости предпринимательской деятельности без регистрации в качестве предпринимателя (абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ). Представляется, что последнее не дает достаточных оснований для отождествления предпринимательской деятельности и профессиональной деятельности самозанятых. Это, в частности, находит подтверждение в судебной практике, которая ограничивает понятия «предпринимательская деятельность, доходы от которой облагаются налогом на профессиональный доход» и «деятельность физических лиц без государственной регистрации в качестве индивидуальных

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предпринимателей, доходы от которой облагаются налогом на профессиональный доход»². Данное разграничение проводится для определения родовой подсудности дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам, а потому, принимая нормативные критерии такой подсудности (характер спора и субъектный состав), базируется на факторах, существующих в области материально-правовой природы соответствующей деятельности. Здесь отличие может заключаться в отсутствии у второй всех или некоторых закрепленных ГК РФ признаков предпринимательской деятельности. Так, отсутствие направленности на систематическое извлечение прибыли исключает правовую оценку деятельности самозанятых в качестве таковой [1, с. 20]. В результате оказывается, что правовой статус самозанятого, не являющегося предпринимателем, не имеет никакого гражданско-правового содержания, будучи ограничен лишь налоговым содержанием. Это дает основание для его справедливой критики [2, с. 40].

Применение предметного подхода можно обнаружить и в отношении блогерской деятельности. Несмотря на то что в действующем законодательстве с 2017 г. отсутствует понятие блогера, оно для целей правового регулирования выводится из легального понятия деятельности по распространению информации в социальных сетях, закрепленного в ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации): к блогерам относят субъектов такой деятельности, которая осуществляется посредством персональных страниц в социальной сети [3, с. 95]. К сожалению, такой подход не получил развития применительно к правовому статусу блогера как субъекта определенного вида профессиональной деятельности.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ БЛОГЕРА: ПРЕДМЕТНЫЕ КРИТЕРИИ

При формировании правового статуса блогера на основе предметного подхода к бло-

герской деятельности необходимо исходить из следующего. Блогерская деятельность образована двумя базовыми элементами: деятельностью и информация.

Признаки собственно блогерской деятельности в действующем законодательстве не закреплены. В зарубежном законодательстве можно обнаружить примеры нормативной формализации ряда параметров блогерской деятельности, к числу которых относится целевое назначение информационной платформы – размещение видеоконтента³, а также интенсивность деятельности по распространению информации (к примеру, согласно ст. 4.1(b) Королевского декрета от 30 апреля 2024 г. № 444/2024 к критериям особо значимого пользователя услуг по обмену видео через платформы отнесено ежегодное опубликование не менее 24 видео на всех платформах, где он ведет свою деятельность⁴). В российском законодательстве количественный параметр проявляется лишь в требовании включения сведений о персональных страницах, имеющих аудиторию более десяти тысяч пользователей, в специальный перечень, который ведет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Будучи элементом механизма публичного контроля, этот инструмент не имеет значения для осуществления блогерской деятельности в качестве юридической предпосылки ее правомерного осуществления. В любом случае нет никаких оснований для игнорирования иных характеристик блогерской деятельности (назначение платформы, регулярность распространения информации), нормативное закрепление которых позволит обеспечить правовую определенность понятия блогерской деятельности.

С точки зрения объекта (образующих его видов информации) блогерство может быть разделено на экспертное (информация, основанная на специальных знаниях в различных областях науки и техники), новостное

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.01.2023 № Ф05-35927/2022 по делу № А41-61033/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2024 № 15АП-1422/2024 по делу № А32-52273/2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Директива ЕС 2018/1808 от 14.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32018L1808> (дата обращения: 31.02.2026).

⁴ Королевский декрет от 30.04.2024 № 444/2024 о критериях особо значимого пользователя услуг по обмену видео через платформы [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2024-8716 (дата обращения: 03.03.2026).

(сведения о фактах), развлекательное (информация, направленная на удовлетворение культурных интересов, не являющаяся специальными знаниями). Ключевые требования к указанным видам информации различны: в первом случае важна компетентность, во втором – достоверность, в третьем – увлекательность. Несоблюдение таких требований может привести к различным по степени тяжести негативным последствиям: непрофессиональные сведения в области права – к умалению имущественных прав, а следствием некомпетентного блогерства в области здорового образа жизни может быть причинение вреда здоровью и даже жизни безотносительно к количеству аудитории; недостоверность распространенной информации новостного типа может иметь негативный социальный эффект лишь при значительном количестве подписчиков, хотя и здесь нельзя исключать нарушение субъективных нематериальных благ (таких как честь, достоинство, деловая репутация) отдельных лиц. Из этого следует, что методология правовой регламентации правового статуса блогера должна учитывать необходимость применения риск-ориентированного подхода, предусматривающего ранжирование блогерской деятельности по уровням риска (недопустимый, высокий, умеренный, минимальный), для каждой из которых должно предусматриваться специальное регулирование.

Непосредственно в плоскости правового статуса блогера этот подход должен проявляться в установлении в отношении экспертного блогерства (высокий риск) правового механизма возникновения права на осуществление такой деятельности, включающего нормативное закрепление квалификационных требований (наличие специальных знаний в соответствующей сфере), а также предварительный и текущий контроль за их соответствием; количественный показатель аудитории не должен иметь юридического значения, ибо необходимо минимизировать риск нарушения прав в результате некомпетентного осуществления такой деятельности в отношении даже одного лица. Для новостного блогерства, по общему правилу, не требуется профессиональных компетенций, необходима лишь достоверность трансляции

сведений, а потому изначально присущий такой деятельности умеренный риск может перерасти в высокий лишь с увеличением количества аудитории блогера (в качестве рубежного показателя может быть принято количество в пятьсот тысяч пользователей в сутки, которое закреплено в ч. 1 ст. 10.6 Закона об информации). Соответственно, здесь отсутствует потребность в предварительном контроле; выявленное же в процессе текущего контроля превышение указанного количественного показателя должно приводить к распространению на блогера повышенных требований, аналогичных установленным для средств массовой информации. Развлекательное блогерство, как область минимального риска, должно стать объектом текущего контроля за соблюдением законодательства в области распространения информации.

Правовой механизм контроля, как предварительного, так и текущего, может быть реализован на базе правовых форм саморегулирования [4, с. 31]; выбор между обязательным или добровольным их видами определяется степенью риска. Высокий риск предполагает первый вид, при этом членству в соответствующей саморегулируемой организации должно быть придано качество юридического основания возникновения права на осуществление блогерской деятельности (к примеру, экспертной). Подобный механизм может быть применен в отношении новостного блогерства при таком превышении количественного предела аудитории, которое изменяет умеренный риск на высокий. Для юридических лиц нормативная основа такого развития правоспособности предусмотрена абз. 3 п. 1 ст. 49 ГК РФ. Вытекающее из п. 3 ст. 23 Кодекса применение этой нормы к индивидуальным предпринимателям, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии объективных препятствий применения этой нормы к любым видам профессиональной деятельности, включая блогерскую.

Для блогерской деятельности, которая может быть отнесена к сфере минимального риска, достаточным видится применение форм добровольного саморегулирования, которые обеспечивают не юридические, а репутационные привилегии.

Дифференциация видов блогерства по степени рисков должна быть доведена до сведения потребителей посредством соответствующей маркировки распространяемой информации; решаемая таким образом задача формирования у потребителей информации соответствующего уровня разумных ожиданий является необходимым условием предотвращения негативных имущественных и иных последствий блогерской деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка блогерской деятельности через призму характеризующих ее сущность признаков обуславливает специфику регламентации правового статуса блогера предметными

особенностями деятельности по распространению информации: целевой характер, системность, технологичность. Применение риск-ориентированного подхода обуславливает необходимость дифференциации правового статуса блогера посредством системного учета критериев вида информации (экспертная, новостная, развлекательная) в совокупности с характеристиками деятельности по ее распространению. Указанная дифференциация проявляется в том числе в плоскости нормативной регламентации требований к субъекту блогерской деятельности и правовых средств контроля за их соблюдением; последние, в зависимости от степени риска, могут быть опосредованы институтами обязательного или добровольного саморегулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полуян Д.А. О предпринимательском характере деятельности самозанятых / Д.А. Полуян // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 4. – С. 19–24.
2. Журкина О.В. Правовое регулирование профессиональной деятельности самозанятых / О.В. Журкина, Е.О. Филиппова // Юрист. – 2023. – № 12. – С. 36–40.
3. Савенко Н.Е. Правовое регулирование деятельности блогеров / Н.Е. Савенко // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 6. – С. 92–99.
4. Котов И.В. Членство в саморегулируемой организации блогеров: преимущества и недостатки действующего российского законодательства / И.В. Котов // Право и экономика. – 2024. – № 9. – С. 27–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лескова Юлия Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности;

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспертного центра Института права и национальной безопасности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leskova Yulia Gennadyevna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial, Labor and Corporate Law at the Institute of Law and National Security;

Vanin Vitaly Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Scientific and Expert Center of the Institute of Law and National Security.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 06.04.2026. The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья
УДК 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.11

Original article

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e.v.mihailova@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВУ

METHODS OF COMPENSATING FOR PROPERTY DAMAGE CAUSED TO THE STATE

Аннотация. Нередко при совершении преступления публично-правовому образованию причиняется имущественный вред. При этом случаев привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления гораздо больше, чем требований о возмещении вреда, причиненного этим преступлением государству. В этой связи актуален анализ способов возмещения причиненного государству имущественного ущерба. Исходя из того, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования являются субъектами гражданского права, автор считает, что способы восстановления их гражданских прав и законных интересов должны быть гарантированы в той же мере, в какой они гарантированы гражданам и юридическим лицам. Цель: обосновать возможность публично-правовых образований выступать потерпевшими по уголовному делу и требовать возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением. Методы: анализа (анализировался правовой статус государства как участника публично-правовых и частноправовых отношений); сравнения (гражданско-правовой и уголовной ответственности за вред, причиненный государству преступлением); исходя из необходимости возмещения вреда, причиненного государству любым незаконным действием, путем дедукции сделан вывод о возможности такого возмещения и в связи с незаконной приватизацией. Результаты: автор считает, что имущественный вред государству может быть причинен, во-первых, совершением преступления, во-вторых, гражданско-правовым нарушением обязательств по сделкам, одной из сторон которых является публично-правовое образование. Меры уголовно-правовой ответственности, включая конфискацию имущества, не освобождают лицо, совершившее преступление, от необходимости возместить государству имущественный ущерб, включая упу-

Abstract. Property damage to a public law entity is often inflicted in the course of committing a crime. At the same time, there are significantly more instances of criminal prosecution for such a crime than there are claims for compensation for damage caused to the state by that crime. In this regard, an analysis of the methods of compensating for property damage caused to the state becomes pertinent. Given that the Russian Federation, its constituent entities, and municipalities are subjects of civil law, the author believes that the methods of restoring their civil rights and legitimate interests should be guaranteed to the same extent as they are guaranteed to individuals and legal entities. Purpose: to substantiate the capacity of public law entities to act as victims in criminal proceedings and to claim compensation for property damage arising from crimes. Methods: analysis (the legal status of the state as a participant in public law and private law relations is analyzed); comparison (civil liability and criminal liability for damage caused to the state by a crime are compared); based on the necessity of compensating for any unlawful actions against the state, a deduction is made regarding the feasibility of such compensation, including in connection with illegal privatization. Results: the author asserts that property damage to the state can be caused both through criminal acts and through civil law violations of obligations arising from agreements in which a public law entity is a party. Criminal law liability measures, including property confiscation, do not exempt the perpetrator from the obligation to compensate the state for property damage, including lost profits. The protection of the state's property interests as a participant in civil law relations should be pursued on the basis of common grounds for damage compensation, but with additional guarantees for

ценную выгоду. Защита имущественных интересов государства как участника гражданского правоотношения должна осуществляться по общим основаниям возмещения вреда, но с дополнительными гарантиями реального восстановления прав, поскольку государство, его субъекты и муниципальные образования, участвуя в гражданском обороте, выполняют публичные функции.

Ключевые слова: имущественный вред, преступление, государство, гражданско-правовое отношение, иск прокурора, упущенная выгода, незаконная приватизация, антикоррупционные иски, публичный интерес, исковая давность, конфискация имущества, гражданский иск, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Михайлова Е.В. Способы возмещения имущественного вреда, причиненного государству / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 96–103.

real restoration of rights, as the state, its subjects, and municipalities perform public functions while engaging in civil circulation.

Keywords: property damage, crime, state, civil law relationship, prosecutor's claim, lost profits, illegal privatization, anti-corruption claims, public interest, statute of limitations, property confiscation, civil claim, criminal proceedings

For citation: Mikhailova E.V. Methods of Compensating for Property Damage Caused to the State. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 96–103. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.11.

ВВЕДЕНИЕ

Правонарушения могут приобретать самые разные формы. Наиболее общественно опасные деяния закреплены в нормах уголовного законодательства в качестве составов преступлений, однако это не означает, что преступление не может быть совершено с использованием гражданско-правовых средств. Наглядным примером могут служить случаи предоставления гражданами своих банковских карт мошенникам для использования их последними при совершении преступлений в финансовой сфере (так называемые дропперы).

Вместе с тем следует четко разграничивать гражданско-правовое нарушение и преступление, совершенное с использованием механизмов гражданского права. Разница заключается в первую очередь в природе санкций. При этом чрезвычайно важно, что совершение одного правонарушения не исключает применения к нарушителю одновременно двух мер ответственности – уголовной и гражданско-правовой. Классическим примером справедливости этого положения является взыскание вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего (включающее в себя как возмещение средств на лечение, так и моральный вред) при совершении преступления. При этом взыскание компенсации за вред, причиненный здоровью, не является санкцией за совершение самого преступления. Это способ восстановления нарушенных гражданских прав и законных ин-

тересов потерпевшего. Именно поэтому гражданско-правовой вред может быть взыскан как в порядке гражданского судопроизводства (после вступления приговора суда в законную силу), так и в рамках уголовного судопроизводства – путем предъявления к обвиняемому гражданского иска. Подчеркну, что гражданско-правовая природа такого требования ясно выражена законодателем в самом его наименовании – «гражданский иск».

Потерпевшим от совершения преступления может быть и в большинстве случаев является само государство или муниципальное образование. Такие преступления характеризуются высочайшей степенью общественной опасности, поскольку нарушают интересы всего общества, посягают на безопасность всех его членов, подрывают экономическую стабильность и внутренний суверенитет государства. Но согласно действующему законодательству в качестве потерпевшего могут выступать только физические и юридические лица¹. Это же закреплено и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ². По моему мнению, от-

1 В ст. 42 УПК РФ закреплено: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации».

2 О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

сутствие прямого указания в законе на то, что потерпевшим от преступления может выступать государство, является огромным правовым «пробелом», так как препятствует эффективной защите государственных интересов, прежде всего имущественных [1]. В литературе этот вопрос периодически поднимается³.

Однако охрана государственных интересов не исчерпывается уголовно-правовыми средствами и должна включать в себя меры восстановления имущественных интересов гражданско-правовыми средствами, подобно потерпевшим – гражданам и юридическим лицам⁴. Публично-правовые образования вправе на общих основаниях требовать защиты и восстановления своих имущественных интересов.

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВУ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

По моему мнению, необходимо прямо закрепить право государства обратиться с гражданским иском к лицу, совершившему преступление, о возмещении причиненных убытков, включая упущенную выгоду и затраты на восстановление правопорядка в экономической сфере.

Например, незаконная приватизация государственного имущества причиняет государству огромный вред, который необходимо возместить, восстановить права Российской Федерации и, кроме того, социальную справедливость. Эта функция закреплена в том числе за прокуратурой, которая в порядке реализации ст. 52 АПК РФ, путем предъявления

исков о признании сделок недействительными, подает в арбитражные суды требования об обращении в собственность государства незаконно приватизированного имущества. Подчеркну: в ст. 52 АПК РФ отсутствует указание на право прокурора требовать возмещения государству упущенной выгоды. При этом длительное владение и использование частными лицами незаконно приватизированного государственного имущества принесло им существенную материальную выгоду, которая тоже по праву должна быть взыскана в пользу законного собственника – государства. Применение двусторонней реституции, закрепленной в ч. 2 ст. 167 ГК РФ, на которую государство имеет право в общем порядке, не учитывает взыскание упущенной выгоды. Поэтому формулировка ч. 1 ст. 52 АПК РФ должна быть скорректирована в сторону расширения оснований для взыскания ущерба в пользу Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

В целом основания и способы возмещения имущественного вреда, причиненного государству, должны быть не уже, а шире тех возможностей, которые предоставлены гражданам и юридическим лицам⁵. Можно согласиться со следующим утверждением: «Особенность правоспособности государства проявляется еще в том, что оно участвует в имущественных правоотношениях с целью решения задач публичной власти» [4, с. 96]. Поэтому и меры гражданско-правовой защиты интересов государства должны быть шире.

Одним из проявлений особенности правоспособности публично-правового образования служит закономерная правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой в делах по требованиям прокурора об обращении в доход Российской Федерации иму-

³ Так, авторы отмечают, что «государству-потерпевшему предоставлено право на охрану своих интересов уголовно-правовыми средствами и право принятия решений и совершения действий, непосредственно влияющих на привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, а также на него возложена обязанность соблюдать требования законодательства при реализации своих прав» [2, с. 133].

⁴ Е.А. Суханов справедливо отметил: «Необходимо обратить внимание и на принцип равенства участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ), который в полной мере относится и к случаям участия в них государства и других публично-правовых образований (п. 1 ст. 124 ГК РФ). С этой точки зрения всех субъектов гражданского оборота, включая публично-правовые образования, следует считать носителями частных, а не публичных интересов. ...Из этого также следует, что все перечисленные субъекты должны нести имущественную (гражданско-правовую) ответственность по своим обязательствам на равных началах со всеми другими участниками гражданского оборота» [3, с. 10].

⁵ Это непосредственно вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ: «публично-правовые образования могут быть сторонами гражданско-правовых отношений, выступая в них на равных началах с иными их участниками – юридическими лицами и гражданами. Особенности статуса публично-правовых образований определяют направленность их деятельности на достижение публично значимой цели, а также соответствующую этой цели возможность использовать бюджетные средства» (По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

щества, приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, не применяются положения об исковой давности. Однако в постановлении подчеркнуто, что данный подход не распространяется, по общему правилу, на требования, связанные с нарушением порядка приватизации⁶. Представляется, однако, что исковая давность в делах по искам прокурора о признании приватизации недействительной все-таки применяться тоже не должна – в большинстве случаев все сроки обращения в суд в них давно прошли в силу бездействия со стороны уполномоченных органов государственной власти, применение исковой давности просто сделает невозможным восстановление прав государства.

Таким образом, имущественный ущерб государству может быть причинен как в связи с совершением уголовно наказуемого деяния, так и в сфере гражданской юрисдикции. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования являются субъектами российского гражданского права и участвуют в гражданских правоотношениях на условиях равенства с другими их участниками – гражданами и юридическими лицами (ст. 124 ГК РФ). Поэтому в случаях нарушения их контрагентами гражданско-правовых обязанностей по сделкам государство, его субъекты или муниципальные образования несут убытки в соответствии с общим положением ч. 2 ст. 15 ГК РФ⁷.

6 Конституционный Суд РФ указал: «Он [подход] не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанном на нарушении порядка приватизации» (По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

7 Часть 2 ст. 15 ГК РФ устанавливает: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

Причинение государству имущественного вреда в рамках гражданско-правового отношения может квалифицироваться и как уголовно наказуемое деяние (преступление), и как гражданско-правовой деликт. В первом случае защита государственных интересов осуществляется в уголовном судопроизводстве, во втором – в гражданском судопроизводстве. Отграничить гражданско-правовое нарушение от уголовно-правового деяния не просто. Например, уклонение от уплаты налогов – это уголовное преступление (ст. 198, 199 УК РФ). Вместе с тем взыскание обязательных платежей и применение санкций к лицам, имеющим задолженность, осуществляется в рамках арбитражного судопроизводства (гл. 26 АПК РФ) и административного судопроизводства (гл. 32 КАС РФ). При этом применение мер уголовной ответственности не освобождает лицо, совершившее преступление, от возмещения причиненного государству или муниципальному образованию имущественного вреда, включая упущенную выгоду.

Основная причина сложностей в квалификации деяний, повлекших имущественный вред государству, заключается в правовой неопределенности понятия «коррупция». Например, Конституционный Суд РФ выводит из-под пределов понятия «коррупция» случаи *незаконной* приватизации государственного имущества⁸. Это представляется спорным, поскольку ключевой признак коррупционной

8 Конституционный Суд РФ указал: «...решается вопрос об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное в результате совершения указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано (далее также – производное имущество). Именно это обстоятельство, а не иные основания изъятия имущества из частной собственности в публичную (как, например, неправомерное выбытие имущества из федеральной собственности в результате нарушения порядка приватизации), лежит в основе исковых требований прокурора, базирующихся на представленных им доказательствах совершения конкретным лицом в период занятия должности, на которую распространяются антикоррупционные требования и запреты, их нарушения, в результате чего им было получено имущество, об обращении которого, в том числе производного имущества, в доход Российской Федерации заявлено требование» (По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда).

деятельности – это ее незаконность⁹. На этот счет многочисленны красноречивые примеры приводит в своей статье С.А. Бочкарев [5].

При этом необходимо учитывать, что имущественная ответственность в ряде случаев предусматривается действующим законодательством в качестве уголовно-правовой санкции, самостоятельной меры уголовного наказания. Речь идет о конфискации имущества. И она тоже не исключает применения мер гражданско-правовой ответственности.

Статья 104.1 УК РФ содержит определение конфискации имущества¹⁰. Конфискации подлежит не любое имущество, принадлежащее обвиняемому, а лишь то, которое было получено им в результате совершения преступления или использовалось для совершения преступления¹¹.

Имущественная ответственность гражданско-правовой природы, напротив, предполагает, что лицо, нарушившее свои гражданские обязанности, обязано возместить другой стороне убытки за счет любого принадлежащего ему имущества, а не только того, которое было получено им в результате нарушения условий договора¹².

Исходя из вышесказанного, защита имущественных интересов государства осуществ-

ляется в двух процессуальных формах – уголовного судопроизводства и гражданского судопроизводства. Помимо этого, она реализуется двумя способами – уголовно-правовым (конфискация) и гражданско-правовым (возмещение убытков, реституция). Так как конфискация применяется лишь в отношении имущества, полученного в результате совершения преступления и использованного для совершения преступления, конфискация имущества не исключает применение мер гражданско-правовой ответственности в виде реституции и возмещения убытков.

Между тем в судебной практике нередко при разрешении дел о возмещении имущественного вреда, причиненного государству, можно встретить спорные решения. Суды по-разному подходят к вопросу о том, возможно ли одновременное применение мер уголовной и гражданской ответственности. Так, прокурор обратился в суд с исковыми требованиями к гражданину о признании сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка, ничтожной и применении последствий ее недействительности в виде взыскания всего полученного по ней в доход Российской Федерации. До этого ответчик, в связи с совершением той же сделки, был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 173.2 УК РФ. Суд посчитал, что прокурор требует применить к ответчику меру в виде конфискации, которая может применяться только в качестве уголовного наказания¹³.

9 Статья 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ устанавливает, что под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

10 Статья 104.1 УК РФ устанавливает: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора... имущества...».

11 Закон содержит специальную оговорку: «если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него» (ч. 2 ст. 104.1 УК РФ).

12 Аналогичные последствия ч. 2 ст. 167 ГК РФ устанавливает при недействительности сделки: «При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом».

13 Мотовилихинский районный суд г. Перми установил: «Кунгурский городской прокурор (далее – истец) обратился в суд с исковыми требованиями к ФИО1 (далее – ответчик) о признании сделки недействительной (ничтожной) и применении последствий недействительности ничтожной сделки, указав, что при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, установлено, что ответчик приговором мирового судьи судебного участка № 2 Свердловского судебного района г. Перми от 20.05.2021 года по делу № признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 173.2 УК РФ. Приговор вступил в законную силу 01.06.2021 года. Приговором суда от 20.05.2021 года установлено, что в один из дней лета 2020 года, но не позднее 08.07.2020 года, ФИО1, действуя из корыстных побуждений, не имея цели управления юридическим лицом, являясь подставленным лицом, предоставил третьим лицам документ, удостоверяющий его личность, а именно: паспорт гражданина <адрес> серии №, выданный ГУ МВД России по Пермскому краю ДД.ММ.ГГГГ, с использованием которого в дальнейшем в Единый государственный реестр юридических лиц были внесены сведения о подставном лице ФИО1, как руководителе и учредителе ООО "Ностромо".

По моему мнению, в данной ситуации прокурором было допущено смешение уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности, а также неверно истолкована природа правоотношения по получению истребуемой в доход Российской Федерации суммы. Согласно правовой позиции прокурора ответчик, предоставив свои паспортные данные для регистрации его в качестве фиктивного учредителя ООО, совершил сделку, противную основам нравственности и правопорядка, и получил в рамках этой сделки 5000 руб. Соответственно, требование об обращении в доход Российской Федерации данной суммы прокурор счел реституцией. Однако рести-

туция предполагает возвращение всего полученного по сделке другой ее стороне, а не государству, которое в данном случае в сделке не участвовало¹⁴. Кроме того, не любая договоренность является сделкой¹⁵. В рассматриваемом случае устная договоренность о предоставлении паспортных данных за вознаграждение для регистрации ООО сделкой, на мой взгляд, не является, а представляет собой преступный сговор.

В анализируемом судебном решении указано, что приговором суда ответчику назначено наказание в виде штрафа в размере 10 000 руб. и одного года ограничения свободы. Очевидно, что конфискация в размере 5000 руб., полученных ответчиком за совершение незаконных действий, не была применена, хотя основания для этого, несомненно, были.

Суд указал, что взыскание заявленной прокурором денежной суммы в порядке гражданского судопроизводства невозможно, поскольку это будет являться конфискацией имущества. Однако это тоже не совсем справедливо, поскольку согласно ч. 1 ст. 243 ГК РФ в случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного

За вышеуказанные противоправные действия ФИО1 получил вознаграждение в размере 5000 рублей. Из приговора и материалов уголовного дела следует, что волеизъявления на руководство деятельностью юридического лица ответчик не имел, согласился подписать и подать документы, на основании которых в ЕГРЮЛ внесены сведения о нем, как о подставном лице – учредителе и директоре ООО "Ностромо", без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, с целью получения денежного вознаграждения, какой-либо информацией о деятельности юридического лица не обладал. Обстоятельства совершения ответчиком действий по заключению сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка, и незаконного извлечения им дохода от данной сделки, а также вина ФИО1 в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, установлены вступившим в законную силу приговором суда. Сделка является ничтожной, незаконно полученный от нее ответчиком доход подлежит взысканию в доход РФ. Истец просит признать недействительной в силу ничтожности сделку по получению ФИО1 денежных средств в размере 5000 рублей за совершение заведомо незаконных действий по внесению в ЕГРЮЛ сведений о нем, как об учредителе и директоре ООО "Ностромо"; применить последствия недействительности ничтожной сделки, взыскав с ответчика в доход РФ денежные средства в размере 5000 рублей». Суд признал сделку недействительной (ничтожной), однако во взыскании 5000 руб. отказал, мотивировав свое решение тем, что «в силу прямого указания закона конфискация имущества является мерой уголовно-правового характера и применяется на основании обвинительного приговора суда, постановленного по результатам рассмотрения уголовного дела, а не решения суда по гражданскому делу, принятого в порядке гражданского судопроизводства; применение принудительных мер уголовно-правового характера в порядке гражданского судопроизводства тем более после вступления в законную силу приговора суда, которым определено окончательное наказание лицу, осужденному за совершение преступления, является недопустимым, поскольку никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (Решение Мотовилихинского районного суда г. Перми № 2-5244/2023 2-5244/2023~М-4088/2023 М-4088/2023 от 04.12.2023 по делу № 2-5244/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V1mDlxOt5gdj/> (дата обращения: 06.01.2026)).

14 Статья 169 ГК РФ прямо предусматривает возможность наступления иного последствия ничтожности сделки, кроме реституции: «Сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 настоящего Кодекса. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом».

15 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «По смыслу статьи 153 ГК РФ при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)» (О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, п. 50 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

правонарушения (конфискация)¹⁶. Учитывая, что конфискация имущества, полученного в результате совершения преступления, не была применена как мера уголовно-правовой ответственности, суд был вправе применить ее в порядке гражданского судопроизводства по иску прокурора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государству может быть причинен имущественный вред посредством совершения уголовно наказуемого деяния (преступле-

16 Конституционный Суд РФ применительно к данной норме указал, что «возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов получила нормативную конкретизацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, который, называя в числе основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности (пункт 1 статьи 1), допускает тем не менее возможность принудительного прекращения права собственности по предусмотренным законом основаниям, включая конфискацию, определяемую как безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (подпункт 6 пункта 2 статьи 235 и пункт 1 статьи 243). Придание конфискации статуса имущественной санкции в рамках публичного правопорядка не исключает ее институтирования и в качестве наказания» (По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера : постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

ния), а также в рамках участия государства в правоотношениях, регулируемых гражданским законодательством. Одной из мер уголовной ответственности является конфискация имущества, полученного в результате совершения преступления или используемого для совершения преступления. Применение любой меры уголовной ответственности, включая конфискацию имущества, не должно трактоваться как основание для освобождения лица, совершившего преступление, от обязанности возместить имущественный вред, причиненный государству. Привлечение такого лица к гражданско-правовой ответственности должно осуществляться по общим правилам, предусмотренным законом для потерпевшего от преступления, – посредством предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве или в рамках гражданского судопроизводства. Защита и восстановление имущественных интересов государства как субъекта гражданских правоотношений требует расширения полномочий прокурора, предусмотренных ст. 52 АПК РФ, а также законодательного закрепления специальных правовых гарантий реального восстановления нарушенных прав, в частности неприменения в делах, возбуждаемых по искам прокурора, исковой давности.

Список источников

1. Михайлова Е.В. О порядке взыскания имущественного ущерба, причиненного государству совершением преступления / Е.В. Михайлова // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 4. – С. 43–46.
2. Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений / Л.Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 130–134.
3. Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов / Е.А. Суханов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 6. – С. 3–12.

REFERENCES

1. Mikhailova E.V. On the Procedure for Recovery of Property Damage Caused to the State by the Commission of a Crime. *Criminal Judicial Proceeding*, 2025, no. 4, pp. 43–46. (In Russian).
2. Larina L.Yu. The State as a Subject of Criminal Law Relations. *Legal Science*, 2017, no. 3, pp. 130–134. (In Russian).
3. Sukhanov E.A. Civil Code in Search of a Balance between Private and Public Interests. *Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2019, no. 6, pp. 3–12. (In Russian).

4. Манукян А.Р. Концепция правосубъектности государства в гражданских правоотношениях / А.Р. Манукян, Е.А. Кириллова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 5. – С. 94–98.

5. Бочкарев С.А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров / С.А. Бочкарев // Журнал российского права. – 2025. – № 4. – С. 104–121.

4. Manukyan A.R., Kirillova E.A. The Concept of the Personality of the State in Civil Legal Relations. *Economic Problems and Legal Practice*, 2017, no. 5, pp. 94–98. (In Russian).

5. Bochkarev S.A. The Statute of Limitations as the Unfulfilled Hope of Corrupt Officials. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 4, pp. 104–121. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующей сектором процессуального права, главный научный сотрудник.

Information about the Author

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 01.03.2026; approved after reviewing 21.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья
УДК 34
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.12

Original article

МОРОЗОВ Сергей Юрьевич
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия,
fgslaw@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1522-8046>

MOROZOV Sergey Yuryevich
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russia

НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

NEW CHANGES IN FREIGHT FORWARDING LEGISLATION AND NEW CHALLENGES IN
THEORY AND PRACTICE

Аннотация. Транспортно-экспедиционное законодательство претерпевает серьезные изменения, вызванные динамично меняющейся ситуацией не только на рынке транспортных услуг, но и в сфере национальной безопасности Российского государства. Изменения, внесенные в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности», с одной стороны, в целом можно оценить положительно, с другой стороны, они стали источником новых проблем как доктринального, так и правоприменительного характера. Цель исследования: выявление отдельных проблем в правовом регулировании транспортно-экспедиционной деятельности и предложение путей решения некоторых из них. Методы исследования: системный подход применялся для научно-теоретической оценки отдельных новелл транспортно-экспедиционного законодательства, в частности при выявлении взаимосвязей норм ст. 801 ГК РФ и положений Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», при установлении взаимозависимостей отдельных обязанностей экспедитора с предметом договора транспортной экспедиции; общенаучные методы анализа и синтеза применялись на всех этапах настоящего исследования; метод правового моделирования – при формулировании научного определения договора транспортной экспедиции. Результаты: выявлено фактическое изменение предмета договора транспортной экспедиции, а также проблемы, связанные с цифровизацией транспортной отрасли.

Ключевые слова: транспортная экспедиция, предмет договора, электронная накладная

Для цитирования: Морозов С.Ю. Новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве и новые проблемы теории и практики / С.Ю. Морозов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 104–110.

Abstract. Freight forwarding legislation is undergoing significant changes, driven by the dynamically evolving situation not only in the transport services market but also in the sphere of national security of the Russian Federation. The amendments made to the Federal Law “On Freight Forwarding Activities”, on the one hand, can generally be assessed positively, while on the other hand, they have introduced new doctrinal and practical challenges. Research purpose: to identify specific issues in the legal regulation of freight forwarding activities and propose solutions for some of them. Research methods: a systemic approach is applied for the scientific and theoretical evaluation of specific novelties in freight forwarding legislation, particularly in identifying the interrelationships between the norms of Article 801 of the Civil Code of the Russian Federation and the provisions of the Federal Law “On Freight Forwarding Activities”, and in establishing the interdependencies of specific forwarder’s obligations with the subject matter of the freight forwarding contract. General scientific methods of analysis and synthesis are used at all stages of this research. The method of legal modeling is employed in formulating a scientific definition of the freight forwarding contract. Results: the article identifies an actual change in the subject matter of the transport forwarding contract, as well as problems related to the digitalization of the transport industry.

Keywords: freight forwarding, subject matter of the contract, electronic consignment note

For citation: Morozov S.Yu. New Changes in Freight Forwarding Legislation and New Challenges in Theory and Practice. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 104–110. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.12.

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»¹ не подвергался существенным изменениям, а те, которые были, в основном касались проверки экспедитором информации клиента о свойствах груза. Это свидетельствовало, с одной стороны, о стабильности действующего законодательства, создавало уверенность в завтрашнем дне и избавляло от ненужных потрясений участников рынка транспортно-экспедиционных услуг, а с другой – об отсутствии прогрессивного развития в регулировании общественных отношений. Ситуация существенно изменилась с принятием Федерального закона от 7 июня 2025 г. № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О транспортно-экспедиционной деятельности" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 140-ФЗ)².

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В связи с необходимостью усиления государственного контроля в транспортно-экспедиционной сфере нормы частного права заметно уступили свое место нормам публичного права. Об этом, в частности, свидетельствует ст. 1 Закона № 140-ФЗ, касающаяся наделения Минтранса РФ полномочиями в сфере выработки государственной политики и нормативно-правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности. Требования к транспортному экспедитору подать уведомление в реестр сведений об экспедиторе, который ведется в электронной форме на национальной цифровой транспортно-логистической платформе «ГосЛог», предусмотренные ст. 2.4 Закона № 140-ФЗ, также способствуют обеспечению прозрачности деятельности экспедиторов.

Особые требования предъявляются к оказанию услуг, связанных с перевозкой предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных. Внесены изменения в ст. 105 Воздушного ко-

декса РФ и ст. 25 Устава железнодорожного транспорта РФ³, устанавливающие требования к оформлению электронных перевозочных документов, в том числе электронных транспортных накладных, которые должны быть направлены в государственную информационную систему электронных перевозочных документов, предусмотренную Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»⁴.

Усиление императивного воздействия на транспортно-экспедиционные отношения обусловлено, по мнению Г.А. Микрюковой, «необходимостью защиты в условиях СВО и расширения террористических угроз основ конституционного строя, прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1, с. 32].

Одной из важнейших новелл, о которой в юридической литературе упоминается только вскользь, являются изменения, касающиеся предмета договора транспортной экспедиции. Легко и непринужденно по воле законодателя произошла трансформация договора, который в силу своей неизменности на протяжении почти четверти века был для всех привычным. Так, в соответствии с п. 41 ст. 4 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» экспедитор в случае, если он в соответствии с договором транспортной экспедиции принимает груз, обязан заключить договоры, необходимые для организации перевозки груза, от имени клиента по доверенности (за исключением договоров перевозки и хранения) или от своего имени, выдать складскую расписку в случае приема груза на складское хранение. Если в соответствии с договором транспортной экспедиции груз экспедитором не принимается, то он обязан заключить договоры, необходимые для организации перевозки груза, от имени клиента по доверенности или от своего имени (за исключением договоров перевозки и хранения). Г.А. Микрюкова небезосновательно обратила внимание на то, что теперь императивно установлены случаи, когда экспедитор не вправе заключать договоры перевозки и хранения от имени клиента и когда он не имеет права заключать такие договоры от своего имени.

¹ Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1), ст. 2701.

² Собрание законодательства РФ. 2025. № 23, ст. 2999.

³ Собрание законодательства РФ. 2003. № 2, ст. 170.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2007. № 46, ст. 5555.

Автор отмечает: «Данное нормативное решение вносит полную ясность в определение лица, несущего обязанности грузоотправителя и поклажедателя, от надлежащего исполнения которых зависит обеспечение безопасности на дорогах и складах» [1, с. 33]. Но, как это часто бывает, законодатель, решая одну проблему, породил новую.

Исходя из нововведений, в любой ситуации экспедитор обязан заключить договоры, необходимые для организации перевозки грузов. А ситуации здесь мыслимы только две: либо договором транспортной экспедиции предусмотрен прием груза экспедитором, либо нет. Хотя определение договора транспортной экспедиции, данное в ст. 801 ГК РФ, формально не претерпело изменений, по факту услуги экспедитора, по поводу которых заключается договор и которые составляют предмет договора в узком смысле [2, с. 315], претерпели существенное изменение. Говоря про узкий смысл, мы имеем в виду только действия экспедитора, составляющие суть договора. Теперь договор транспортной экспедиции, в котором отсутствует обязанность заключить договоры, необходимые для организации перевозки грузов, противоречит закону. Несмотря на то что ГК РФ, как кодифицированный акт, имеет большую юридическую силу по сравнению с Федеральным законом «О транспортно-экспедиционной деятельности», который в соответствии с п. 3 ст. 801 ГК РФ должен устанавливать порядок выполнения условий договора транспортной экспедиции, перед нами пример, когда установление законом такого порядка приводит к частичному изменению самого понятия договора транспортной экспедиции. Такая ситуация возможна в случаях, когда специальный закон императивно устанавливает, какие действия непременно обязан совершить экспедитор по договору транспортной экспедиции, корректируя, в сущности, его предмет.

Следует обратить внимание, что в определении договора транспортной экспедиции указано: экспедитор обязан *выполнить* либо *организовать услуги*, связанные с перевозкой грузов (ст. 801 ГК РФ). Уже с момента принятия Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» наблюдались его разночтения с ГК РФ. В ст. 1 закона к транспортно-экспедиционным услугам отнесены только услуги по организации пере-

возок грузов. Мы неоднократно отмечали: «Услуги по организации перевозки составляют лишь часть предмета договора транспортной экспедиции. Конкретный договор транспортной экспедиции может таких услуг и не содержать»⁵. Иными словами, до вступления в силу последних изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» договор транспортной экспедиции считался таковым и в том случае, если он совсем не предусматривал организацию услуг, связанных с перевозкой груза, а содержал те транспортно-экспедиционные услуги, которые экспедитор выполнял самостоятельно. Например, если по договору экспедитор обязался упаковать груз клиента, то налицо договор транспортной экспедиции, поскольку услуга связана с перевозкой груза. Причем данный договор квалифицировался именно так вне зависимости от того, установлена в нем обязанность экспедитора заключить договоры с третьими лицами или нет. Теперь выполнение экспедитором услуг, связанных с перевозкой груза, можно из предмета договора транспортной экспедиции если не исключить совсем, то, по крайней мере, перевести в разряд дополнительных.

Невольно вспоминаются Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-1, в ст. 105 которых дано следующее определение: «По договору транспортной экспедиции экспедитор обязуется за вознаграждение и за счет отправителя груза заключить от его или своего имени один или несколько договоров перевозки груза и выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции дополнительных услуг, связанных с перевозкой»⁶. Из приведенного определения следует, что если отсутствует основная услуга по заключению договора(-ов) перевозки груза, а предусмотрено выполнение лишь дополнительных услуг, то договор транспортной экспедиции является незаключенным, поскольку такое существенное его условие, как предмет, не согласовано. В определении не зря использован союз «и», а не «или» перед словом «выполнить».

5 Морозов С.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О транспортно-экспедиционной деятельности». М. : Юрист, 2004. С. 111.

6 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.

Следует пояснить, что послужило поводом нашего обращения к законодательству СССР. В нем, как и в ситуации современного правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности, договор транспортной экспедиции должен был обязательно предусматривать заключение экспедитором договоров с третьими лицами. Только ранее экспедитор непременно обязан был заключить договор перевозки от своего имени или от имени клиента, а теперь он должен от своего имени или от имени клиента заключить договоры, необходимые для организации перевозки груза, за исключением договоров перевозки и хранения.

Научная логика формулировки определения договора транспортной экспедиции, данного в ст. 105 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, была понятна и вполне обоснованна. В качестве основной услуги выступали действия юридического характера – заключение договора перевозки грузов. Все дополнительные услуги (проверка количества и состояния груза, его погрузка и выгрузка, уплата пошлин) являлись действиями фактического характера. Причем в более ранних наших работах мы указывали, что «...Основы гражданского законодательства 1991 года в части ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение транспортно-экспедиционных услуг отсылали к законодательству о соответствующем договоре (п. 3 ст. 105 Основ), признавая таким образом договор транспортной экспедиции смешанным»⁷. Но, как справедливо отмечал А.И. Хаснутдинов, «впоследствии соответствующие нормы должны быть выработаны в рамках договора транспортной экспедиции без отсылки к правилам, регулирующим другие договоры» [3, с. 286]. Так оно на самом деле и случилось, и теперь остается только присоединиться к мнению Г.П. Савичева, что «наличие "чужих" признаков в данном договоре не влияет на признание его самостоятельным гражданско-правовым договором...» [4, с. 66]. Но в данном аспекте для нас важно, что был четкий критерий деления транспортно-экспедиционных услуг на основные и дополнительные, а именно наличие либо отсутствие юридических последствий в действиях экспедитора в виде возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обя-

занностей. Данная логика, к сожалению, применительно к действующему законодательству не соблюдается.

В связи с последними поправками, внесенными в законодательство о транспортно-экспедиционной деятельности, определение договора транспортной экспедиции следовало бы сформулировать следующим образом: «По договору транспортной экспедиции экспедитор обязуется за вознаграждение и за счет клиента (грузоотправителя или грузополучателя) заключить от его или своего имени договоры, необходимые для организации перевозки груза, за исключением договоров перевозки и хранения, и выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой груза». По факту вне зависимости от того, закреплена такая формулировка в законе или нет, действия экспедитора теперь не могут ей не соответствовать.

Между тем данный вариант определения договора транспортной экспедиции серьезно сужает сферу предпринимательской деятельности экспедитора. Следует особо отметить, что до внесения изменений в закон услуга по организации перевозки груза могла и не предусматривать необходимость заключения экспедитором договоров с третьими лицами.

Резюмируя сказанное в данной части, следует сделать вывод о наличии противоречий между ст. 801 ГК РФ и п. 4¹ ст. 4 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», поскольку нормы ГК РФ устанавливают возможность как выполнения, так и организации любых услуг, связанных с перевозкой груза. Нормы же специального закона ограничивают такую возможность тем, что оказание таких услуг невозможно, если в договоре не предусмотрена обязанность экспедитора заключить от имени клиента или от своего имени договоры, необходимые для организации перевозки груза (за исключением договоров перевозки и хранения).

Выходов из данной ситуации, как нам представляется, два. Во-первых, можно внести поправки в ст. 4¹ Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», обусловив исполнение обязанности заключения экспедитором договоров, необходимых для организации перевозки грузов, случаями, когда условиями договора предусмотрена обязанность экспедитора органи-

⁷ Морозов С.Ю. Указ. соч. С. 6

зывать перевозку груза. Во-вторых, возможна корректировка положений ст. 801 ГК РФ таким образом, чтобы наряду с выполнением названной обязанности либо при ее отсутствии была возможность оказать иные услуги, связанные с перевозкой грузов.

Комментируя положения Закона № 140-ФЗ, нельзя не отметить, что появились новые обязанности экспедитора. Так, при заключении договора транспортной экспедиции он обязан проверить достоверность предоставляемой клиентом необходимой информации (данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, выступающих стороной договора транспортной экспедиции), после чего отразить ее в договоре. Статьей 4 Закона № 140-ФЗ установлена новая обязанность экспедитора – получить информацию о свойствах груза, условиях его перевозки и иную, необходимую для исполнения им обязанностей, предусмотренных договором транспортной экспедиции.

Далее следует обратить внимание на целый блок изменений, внесенных в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности», связанных с переходом на использование электронных документов. В целом идея правильная, поскольку направлена на ускорение документооборота, обеспечение прозрачности транспортно-экспедиционной деятельности, облегчение деятельности оперативно-разыскных служб. Как верно отмечает Г.В. Колодуб, «цифровизация логистики, развитие мультимодальных и комбинированных перевозок, формирование интеллектуальных транспортных систем и сервисов на основе больших данных изменили саму природу транспортной деятельности» [5, с. 5]. Между тем у небольших транспортно-экспедиционных и логистических компаний возникает озабоченность тем, что для них данные требования в современных условиях невыполнимы. Так, согласно п. 5 ст. 2 закона электронные экспедиторские документы подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью или усиленной неквалифицированной электронной подписью физического лица, сертификат ключа проверки которой создан и используется в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем. Пунктом 6 названной статьи предписано, что такие документы подлежат направлению в государственную информационную систему электронных перевозочных

документов. Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». В условиях, когда периодически происходит отключение интернета в связи с введением режима беспилотной опасности, а мобильная связь нестабильна, обеспечить электронный документооборот во многих случаях представляется затруднительным.

На страницах интернет-изданий представители малого экспедиторского бизнеса задают вполне обоснованные вопросы: что делать водителю, перевозящему груз в соответствии с договором транспортной экспедиции, если его останавливают для проверки органы ГИБДД или иные правоохранительные органы, а интернет на тысячи километров как в одну, так и в другую сторону отсутствует? если мобильный телефон разрядился или вышел из строя?⁸ Распечатывать и возить с собой бумажные копии экспедиторских документов – не самый лучший вариант. Во-первых, такие копии в большинстве случаев законной силы не имеют, во-вторых, теряется смысл цифровизации. Нужно также учитывать уровень подготовки водителей как пользователей электронными устройствами. Многие понятия не имеют ни о том, как пользоваться элементарными мобильными приложениями, ни о том, что такое электронная квалифицированная подпись. Да что там водители – некоторым профессорам гуманитарных специальностей нужно время, чтобы освоить современные технологии. Кроме того, конечным пунктом назначения груза может быть поселок в глухой тайге, где слышали разве что про гаечный ключ, но не про электронный сертификат ключа, а интернета там никогда не было.

Продолжая мысль о цифровизации транспортно-экспедиционной отрасли, обратим внимание, что экспедиторы уже давно участвуют в трансграничной дистанционной электронной торговле, приобретая товар из-за рубежа и оказывая услугу MF (Mail Forwarding – «Ваш адрес за рубежом»). Поэтому вполне обыденным делом являются требования клиентов о предоставлении видеофиксации распаковки товара, доставки с помощью беспилотных транспортных средств грузов клиенту, когда он находится в движении. В.А. Сапега, например, утверждает:

⁸ Какие изменения в 87-ФЗ меняют правила работы для экспедиторов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/astral/651230/#chapter-cto-delat-biznesu-uzhe-seychas> (дата обращения: 15.03.2026).

«Это позволяет удешевить доставку на "последней миле", т. е. последнем этапе, и доставить товар не до двери получателя, а в то место, где находится получатель посылки, будучи в движении» [6, с. 128].

Одним из важнейших системных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы передачи имущества и оказания услуг в сфере с участием посреднических цифровых платформ, является Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступит в законную силу с октября 2026 г.⁹

По мнению Л.К. Терещенко, «социальная активность индивидов и их групп на основе цифровых платформ порождает явления, находящиеся на стыке права и высоких технологий» [7, с. 19]. Безусловно, эта тенденция касается и транспортной отрасли. У.А. Скварко отмечает: «определение профильных цифровых платформ в качестве составного элемента цифровой транспортной инфраструктуры представляется целесообразным» [8, с. 31]. Следует отметить, что на транспорте стала формироваться целая система цифровых платформ различной направленности. Так, перевозки легковым такси осуществляются с использованием цифровых платформ. В.В. Тощенко, например, формулируя определение договора об организации фрахтования легкового такси, справедливо называет в качестве обязанности службы заказа легкового такси предоставление фрахтовщику доступа к принадлежащей исполнителю транспортной IT-инфраструктуры, в качестве которой выступает цифровая платформа [9, с. 16]. В.В. Курганов полагает, что такие виды транспортного шеринга, как каршеринг, райдшеринг и кодшеринг, также не могут реализовываться без использования цифровых платформ. Автор пишет: «Цифровое преобразование общественных отношений и рост ценности эффективного использования активов стимулируют развитие моделей совместного потребления, в частности в транспортной сфере» [10, с. 432].

Ведение транспортно-экспедиционной деятельности теперь немыслимо без использования национальной цифровой транспортно-логистической платформы «ГосЛог», обеспечивающей автоматизированный сбор,

обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о транспортной системе Российской Федерации, в том числе в целях реализации принципа «одного окна». Платформа будет использовать данные из ЕГРЮЛ, ГИБДД, системы «Платон», ГИС ЭПД (государственной информационной системы электронных перевозочных документов), других государственных информационных систем. Ее данными смогут пользоваться ФСБ, ФНС и другие контролирующие государственные органы и спецслужбы. Оператором платформы является Минтранс РФ, который объединил на данной платформе перевозчиков, таможен, ФНС и ФСБ. Сделано это с целью вывода рынка транспортно-экспедиционных услуг из серой зоны и объединения в едином информационном пространстве данных о грузах, транспорте и участниках транспортного рынка (грузовладельцы, экспортеры и импортеры продукции, транспортно-логистические компании, владельцы и операторы объектов транспортно-логистической инфраструктуры, финансовые организации, органы власти, то есть все участники процесса)¹⁰.

Положительным эффектом от нововведения будут прозрачность транспортного рынка, ускорение документооборота, возможность получения доказательств заключения сделок, а также другой необходимой информации. Так, грузоотправитель может в режиме реального времени получить информацию о месте нахождения груза. Однако при этом 80 % транспортных экспедиторов могут прекратить свою деятельность, что является обратной стороной цифровизации транспортной отрасли. Как отмечает председатель комитета по логистике и грузовым автоперевозкам ТПП Татарстана С. Сотников, «у нас сейчас такая тенденция по всей стране, где все, что касается цифровизации, получает зеленый свет. А где грань разумной цифровизации? Ее сложно прочертить»¹¹. Многим экспедиторам предстоит приобрести дорогостоящее оборудование, в том числе и рентгенологическое, для проверки свойств груза. Нельзя исключать и человеческий фактор при пользовании цифровой платформой, что может повлечь иска-

10 Гатаулин Ф. От серых схем до «цифры»: зачем Минтранс объединил перевозчиков, ФНС, ФСБ и таможен в систему «ГосЛог» [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/abOac6himn50r_CS?ysclid=mmrpj29en316737921 (дата обращения: 15.03.2026).

11 Там же.

9 Собрание законодательства РФ. 2025. № 31, ст. 4643.

жение информации и ошибки в оформлении транспортных электронных документов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое регулирование транспортно-экспедиционных отношений требует дальнейшего совершенствования. Необходимо четко

определить круг возможных действий транспортных экспедиторов, выдержав разумный баланс между свободой предпринимательской деятельности и обеспечением безопасности государства. Необходим комплекс мер нормативно-правового характера, связанных с организацией исполнения законов, регулирующих транспортно-экспедиционную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Микрюкова Г.А. Новеллы гражданско-правового регулирования транспортной деятельности / Г.А. Микрюкова // Хозяйство и право. – 2025. – № 11. – С. 28–47.
2. Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения / В.В. Витрянский, М.И. Брагинский. – 3-е изд., стер. – Москва : Статут, 2001. – 848 с.
3. Хаснутдинов А.И. Вспомогательные договоры на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А.И. Хаснутдинов. – Иркутск, 1995. – 317 с.
4. Гражданское право : учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – Москва : БЕК, 2000. – Т. 2/2. – 544 с.
5. Колодуб Г.В. Подходы к определению понятия «транспортная инфраструктура» / В.Г. Колодуб // Транспортное право. – 2025. – № 4. – С. 5–10.
6. Сапега В.А. Договорное регулирование транспортно-экспедиционной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / В.А. Сапега. – Ульяновск, 2023. – 183 с.
7. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе : монография / отв. ред. Л.К. Терещенко. – Москва : Инфотропик Медиа, 2025. – 144 с.
8. Скварко У.А. Система договоров по перемещению физических лиц автомобильным транспортом с использованием цифровых сервисов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / У.А. Скварко. – Москва, 2025. – 251 с.
9. Тощенко В.В. Система договоров перевозок такси автомобильным транспортом : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / В.В. Тощенко. – Ульяновск, 2024. – 205 с.
10. Курганов В.В. Система договоров распределенного доступа к транспортным средствам (шеринга): проблемы правовой квалификации и правоприменения / В.В. Курганов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 432–435.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права.

Information about the Author

Morozov Sergey Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil and Business Law.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026. The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 16.04.2026.

REFERENCES

1. Mikryukova G.A. Novels of Civil Law Regulation of Transport Activities. *Economy and Law*, 2025, no. 11, pp. 28–47. (In Russian).
2. Vitryansky V.V., Braginsky M.I. Contract Law. Book One. General Provisions. 3rd ed. Moscow, Statut Publ., 2001. 848 p.
3. Khasnutdinov A.I. Auxiliary Contracts in Transport. *Doct. Diss.* Irkutsk, 1995. 317 p.
4. Sukhanov E.A. (ed.). Civil Law. Moscow, BEK Publ., 2000. Vol. 2/2. 544 p.
5. Kolodub G.V. Approaches to Defining the Term “Transport Infrastructure”. *Transportation Law*, 2025, no. 4, pp. 5–10. (In Russian).
6. Sapega V.A. Contractual Regulation of Transport and Forwarding Activities. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2023. 183 p.
7. Tereshchenko L.K. (ed.). Digital Platforms as an Organizational and Legal Form of Interaction in Society. Moscow, Infotropic Media Publ., 2025. 144 p.
8. Skvarko U.A. The system of Contracts for the Movement of Individuals by Road Transport Using Digital Services in the Russian Federation. *Cand. Diss.* Moscow, 2025. 251 p.
9. Toshchenko V.V. The System of Contracts for Taxi Transportation by Road Transport. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2024. 205 p.
10. Kurganov V.V. The system of Contracts for Distributed Access to Vehicles (Sharing): Problems of Legal Qualification and Law Enforcement. *Law and State: The Theory and Practice*, 2025, no. 12, pp. 432–435. (In Russian).

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.13

Original article

РУЗАНОВА Валентина Дмитриевна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва
(Самарский университет),
Самара, Россия,
vd.ruz@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4381-5237>

RUZANOVA Valentina Dmitrievna
Samara National Research University named after
Academician S.P. Korolev (Samara University),
Samara, Russia

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ISSUES OF THE SYSTEMATIZATION OF NATIONAL CIVIL LAW IN THE PRE-SOVIET
PERIOD: A DOCTRINAL ANALYSIS

Аннотация. В условиях продолжающегося реформирования российского гражданского законодательства необходимо обращение к предшествующему законодательному опыту для понимания связи между современным гражданско-правовым регулированием и дореволюционным правом прежде всего с точки зрения построения гражданско-правовой законодательной системы. Цель: изучение и переосмысление предшествующего законодательного опыта с целью его применения для научного обоснования направлений дальнейшего совершенствования современной системы законодательства в гражданско-правовой сфере. Методы: сравнение, описание, интерпретации, формальной и диалектической логики, юридико-догматический и толкования правовых норм, применение которых в комплексе позволило оценить труд предшествующих поколений законодателей по формированию правовой системы Российского государства. Результаты: предложена периодизация процесса систематизации гражданского права Российского государства; показана связь между изменениями экономико-социальных условий жизни общества и динамикой предмета гражданского права; выявлена динамика предмета гражданского права по мере осуществления работы по систематизации его норм, связанная с изданием межотраслевых правовых актов (Соборного уложения 1649 г. и Свода законов Российской империи 1833 г.); установлено, что несмотря на появление в XIX в. формальных предпосылок для создания дуалистической системы гражданского права, обусловленных принципом расположения гражданско-правовых норм в Своде законов Российской империи, самостоятельной отрасли торгового (предпринимательского, коммерческого) права не сформировалось в силу отсутствия чет-

Abstract. In the context of the ongoing reform of Russian civil legislation, it is essential to draw on prior legislative experience to understand the connection between modern civil law regulation and pre-revolutionary law, primarily from the perspective of the development of the civil legislative system. Purpose: to study and critically re-examine previous legislative experience in order to apply it for the scientific substantiation of directions for further improving the contemporary civil law system. Methods: comparison, description, interpretation, formal and dialectical logic, legal-dogmatic analysis, and interpretation of legal norms. The combined use of these methods enabled to assess earlier legislators' contributions to the development of the legal system of the Russian state. Results: the article proposes a periodization of the systematization of civil law in the Russian state. It demonstrates the link between changes in socio-economic conditions and the evolution of the subject matter of civil law. The dynamics of the subject matter of civil law during the systematization process are traced, particularly in connection with the adoption of cross-sectoral legal acts (the *Sobornoye Ulozheniye* (Council Code) of 1649 and the Code of Laws of the Russian Empire of 1833). Despite the emergence of formal prerequisites in the 19th century for a dualistic civil law system, conditioned by the principle of arranging civil law norms in the Code of Laws of the Russian Empire, an independent branch of commercial (entrepreneurial, business) law did not develop as there was no clear differentiation of norms by subject of legal regulation. The relationship between legislative regulation, customary law and judicial varied significantly across different stages

кой дифференциации норм по предмету правового регулирования; установлено, что соотношение законодательного регулирования с обычным правом и судебными актами на разных этапах развития гражданского права существенно менялось; выявлены особенности построения и структуры источников гражданского права и использования российским законодателем институционной и пандектной систем для разработки Свода законов гражданских и Гражданского уложения Российской империи; определена специфика действия источников отечественного гражданского права в пространстве в императорский период развития государства, состоящая в преимущественном сохранении на присоединенных территориях местного гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: гражданское право, обычное право, систематизация, кодификация, Русская Правда, судебники, Соборное уложение, Свод законов, Гражданское уложение

Для цитирования: Рузанова В.Д. Вопросы систематизации отечественного гражданского права в досоветский период: доктринальный анализ / В.Д. Рузанова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 111–121.

of civil law development. The study identifies the structural features of civil law sources and the use of institutional and pandect systems by Russian legislators in drafting the Civil Statutes and the Civil Ordinance of the Russian Empire. The specific role of national civil law sources in territorial terms during the imperial period is identified, characterized by the predominant retention of local civil law regulations in integrated territories.

Keywords: civil law, customary law, systematization, codification, Russkaya Pravda, judicial codes, Sobornoye Ulozheniye (Council Code), Code of Laws, Civil Ordinance

For citation: Ruzanova V.D. Issues of the Systematization of National Civil Law in the Pre-Soviet Period: A Doctrinal Analysis. The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2026, no. 2, pp. 111–121. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.13.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование системы отечественного гражданского права шло по пути, во многом похожем на тот, который прошло гражданское право стран континентальной Европы. Основными памятниками права с момента возникновения нашего государства до XX в., содержащими нормы гражданского права, являются Русская Правда¹, Судебники 1497² и 1550 гг.³, Уложение 1649 г.⁴, Свод законов Российской империи 1833 г.⁵ (введен в действие с 1835 г.).

1 Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. С. 65–89.

2 Судебник 1497 года лета 7006-го месяца сентября уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим // Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М. : Проспект, 1997. С. 36–43.

3 Судебники XV–XVI вв. / под ред. Б.Д. Грекова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 97–146.

4 Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 3. С. 13–15.

5 Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб. : Тип. II-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1832.

Развитие гражданского права осуществлялось путем постепенной систематизации его норм сначала в составе сборников, судебныхников, а затем межотраслевых правовых источников. К числу последних относятся Соборное уложение 1649 г. и Свод законов Российской империи 1833 г., в которых, в отличие от предшествующих источников, можно увидеть следование принципу современной отраслевой дифференциации правовых норм и их систематизации. Отметим, что Свод законов, в отличие от Соборного уложения, не является актом кодификации, а представляет собой инкорпорацию норм права.

Процесс систематизации гражданского права в досоветский период, как известно, не был завершен его кодификацией, поскольку проект Гражданского уложения Российской империи⁶, подготовка которого началась в 1882 г., так и не был принят.

6 Гражданское уложение: Проект Ред. комис. по сост. Гражд. уложения (С объяснен., извлеч. из тр. Ред. комис.) / под ред. [и с предисл.] И.М. Тютрюмова, обер-прокурора 2-го Деп. Правительствующего сената ; сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. (С прил. законопроекта об авторском праве, одобренного Гос. думою). СПб. : Кн. маг. «Законоведение», 1910. 1362 с.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Историю отечественного гражданского права можно разделить на четыре периода, каждый из которых отражает определенный этап развития системы этой отрасли права и формы ее закрепления:

1) XI в. – 1649 г. – создание первого отечественного памятника права, Русской Правды, и дальнейшее развитие гражданского права, в том числе его частичная систематизация в Судебниках 1497 и 1550 гг.;

2) 1649–1832 гг. – принятие систематизированного межотраслевого закона – Уложения 1649 г., формирование гражданского права как системного образования и его дальнейшее развитие;

3) 1833–1917 гг. – систематизация источников гражданского права в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи, дальнейшее развитие законодательства, разработка проекта Гражданского уложения Российской империи;

4) 1917 г. – настоящее время – создание системы гражданского кодифицированного законодательства и его развитие, в том числе кодификации 1960-х и 1990-х–2000-х годов⁷.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА (XI в. – 1649)

Особенностью формирования и развития русского гражданского права является отсутствие в средневековый период рецепции римского светского права из его непосредственных источников. Римское право было известно только в форме канонического византийского православного права.

Анализ содержания Русской Правды и Судебников 1497 и 1550 гг. позволяет сделать вывод об отсутствии в данных памятниках права формальной отраслевой дифференциации. Отрасли права еще только начинают формироваться как системные элементы. В связи с этим показательны правила Русской Правды о кровной мести и о заменивших ее платежах.

⁷ Поскольку темой нашего исследования являются вопросы систематизации отечественного гражданского права в досоветский период, далее указанный период рассматриваться не будет.

Данные правила, как справедливо отмечает И.А. Покровский, со временем дифференцировались на гражданско-правовые нормы о деликтных обязательствах и уголовно-правовые запреты [1, с. 226–228].

В Русской Правде есть положения, касающиеся целого ряда вопросов, которые в современной правовой науке относятся к предмету гражданского права: отдельные аспекты статуса участников отношений (вопросы опеки, способы установления и прекращения холопства, в том числе в случае несостоятельности), вещные права, обязательства (заем, поклада, личный наем и купля-продажа), наследование.

По справедливому мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, в тот исторический период еще не было выработано понятие о лице как субъекте гражданского права и тем более о правоспособности [2, с. 374–375].

Судебники 1497 и 1550 гг. являлись в основном актами процессуального права, призванными «соединить в одно целое существовавшие в практике разрозненные правила в смысле обязательных в судебных делах» [3, с. 203]. В то же время из-за отсутствия четкой дифференциации норм материального и процессуального права в указанных документах имели место следующие институты: правовой статус холопов и крестьян, в том числе правила об условиях перехода крестьян к другому помещику; несостоятельность; исковая давность; правовой режим вотчинных земельных владений: особенности их использования, отчуждения и наследования; договорные обязательства (случаи установления солидарной ответственности по обязательствам, договоры займа, купли-продажи и личного найма); обязательства из причинения вреда, в том числе причиненного при осуществлении судопроизводства по вине судьи или лжесвидетелей. Как в Русской Правде, так и в судебниках данные положения излагаются без какой-либо определенной системы.

Идея упорядочения законодательства на основе единого акта, принятого верховной властью, прослеживается в тексте ст. 98 Судебника 1550 г. Дополнения, касающиеся имущественных отношений, вводились централизованным образом царскими указами и регулировали: земельные и связанные с ними отношения (ограничения приобретения

земельных участков духовенством, прикреплению к земле крестьян), обязательственные отношения (договор займа и его обеспечение путем залога вотчины), наследование (был расширен круг лиц, имеющих право составлять завещания, уточнен круг наследников по закону) [3, с. 207–208].

ВТОРОЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1649–1832)

Необходимость решения задачи систематизации всех существующих источников права в Русском царстве возникла ко второй половине XVII в. Эта задача была решена принятием Уложения 1649 г. – межотраслевого кодифицированного источника права, называемого в литературе Соборным уложением, или Уложением царя Алексея Михайловича, поскольку оно было принято в годы правления указанного монарха и утверждено специально созданным для этого Земским собором. Причины, послужившие принятию Уложения, носили комплексный характер и были связаны как с волнениями 1648 г., так и с глубинными экономико-социальными процессами, происходившими в обществе. Также нельзя не отметить, что отсутствие единого кодифицированного акта в условиях постоянного роста нормативного материала не могло не сказаться отрицательно на практике применения правовых норм [4, с. 40–41]. Обобщая и систематизируя правовые нормы существующих в тот период источников, вырабатывая новые, законодатель преследовал цель создать единый документ «для равного суда и расправы». Уложение заменило значительный массив источников российского права (за исключением норм обычного и канонического права).

В структуре Уложения четко прослеживается близкая к современной отраслевая дифференциация правовых норм. Оно состоит из 25 глав, включающих 967 статей. Тесно взаимосвязанным нормам гражданского права и гражданского процесса посвящены 11 глав (с 10 по 20). В них содержится и ряд положений, заимствованных из канонического права, по вопросам семейных отношений.

Следует отметить, что в Соборном уложении предмет гражданского права представлен более обширно, чем в предшествующих ему актах. Так, в Уложении представлены сле-

дующие гражданско-правовые институты: правовой статус лично зависимых субъектов (холопов, крестьян, а также патриарших, приказных и дворовых людей); исковая давность; правовой режим поместных и вотчинных земель (особенности их отчуждения и наследования); договорные обязательства: общие положения, связанные с порядком и формой заключения договоров; обеспечение обязательств посредством залога и поручительства; договоры купли-продажи, мены, ссуды, займа, хранения, личного и имущественного найма; обязательства из причинения вреда; наследственное право.

Таким образом, формируется отрасль гражданского права, объединяющая частнопроводные и гражданско-процессуальные нормы.

Предусмотренный царским Судебником 1550 г. юридический прием дополнения нормативного акта использовался во второй половине XVII в. при необходимости корректировки правовых предписаний Уложения. Так, принятые до начала реформ Петра I боярские приговоры, царские указы и иные правовые акты получили название новоуказных статей, поскольку дополняли Уложение новыми предписаниями. Среди них наиболее важным является Новоторговый устав 1665 г., а также отдельные постановления по вопросам наследования. Однако редакторская правка Уложения при этом не осуществлялась, в результате чего нарушалась его системность.

В XVIII в. массив правовых норм продолжал увеличиваться, особенно в периоды преобразований Петра I и Екатерины II. Новые нормы права существовали вне системы Уложения. Они могли изменять или дополнять положения Уложения по существу, не отменяя действующих предписаний формально.

Отсутствие единой структуры нормативного материала и необходимость новой кодификации ощущалась верховной властью Российской империи на протяжении всего XVIII в. Так, Указом Петра I от 15 июня 1714 г. предписывалось «все дела делать по Уложению, а новоуказные статьи и сепаратные указы отменить, кроме тех, которые учинены не в противность, а в дополнение к Уложению» [3, с. 224]. Впоследствии неоднократно создавались кодификационные комиссии, однако их работа не увенчалась успехом, что было обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов.

Реформаторский характер нормативных правовых актов, принимаемых в тот период, определяет иное, чем ранее, их соотношение с нормами обычного права. Можно согласиться с Г.Ф. Шершеневичем, который писал: «в императорский период закон вытесняет обычное право и становится если не единственным, то господствующим источником. Закон уже не повторяет обычного права, а, напротив, идет наперекор ему... Воля государя, как источник права, принимает более или менее определенную форму» [5, с. 37]. Обычай применялся к отношениям, которые не попадали в сферу действия нормативных актов либо затрагивались ими весьма незначительно, как, например, общинное землевладение.

Указом Петра I от 17 апреля 1722 г. определяется место судебной практики в системе правового регулирования. Сенат, совмещающий функции законосовещательного и высшего судебного органа, получает право толковать закон применительно к конкретному делу. Как будет показано далее, в XIX в. развитие этого правила стало предпосылкой для создания так называемого квазипрецедентного источника гражданского права.

Значение церковного права в регулировании гражданских отношений с 1649 г. постепенно начинает уменьшаться и сводится в основном к регулированию процедурных вопросов заключения и расторжения брака.

Зарождение и развитие капиталистических отношений приводит к принятию в XVIII в. новых нормативных актов, среди которых наиболее значимыми для регулирования гражданских отношений являются:

- Указ о единонаследии 1714 г., которым, в частности, было введено понятие «недвижимая вещь»;

- Указ о векселях 1729 г.;

- Жалованная грамота дворянству 1785 г.;

- Устав о банкротах 1800 г.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1833–1917)

Следующим этапом развития гражданского законодательства принято считать период действия Свода законов Российской империи (1833–1917), который, как и Соборное уложение, является межотраслевым источником.

Принцип, положенный в основу работы кодификационной комиссии по составлению Свода законов, был сформулирован императором Николаем I: ничего не менять в праве, а лишь привести в порядок существующие нормы. Исследователи, однако, отмечают, что определяющий работу комиссии М.М. Сперанский в ряде случаев отступал от этого наказа [3, с. 428–445; 6, с. 1–78; 7, с. 25–37].

Новый акт явился инкорпорацией российского законодательства, что получило отражение в его названии: «Свод законов», а не «Уложение» [8, с. 29–30].

Для достижения поставленной цели сначала были выявлены все действующие нормативные акты и иные документальные источники права начиная с Уложения 1649 г., составлено Полное собрание законов (далее – ПСЗ). Понимание слова «закон» в данный исторический период не было тождественно современному. Законом мог считаться любой нормативный акт, исходящий от государственной власти, «удостоенный Высочайшего утверждения» (ст. 53 Свода законов), то есть санкционированный императором. Лишь с 1906 г. законами стали называться нормативные акты, одобренные созданным законодательным органом – Государственной думой [9, с. 81, 86–87].

Первая часть ПСЗ охватывает период с принятия Соборного уложения (1649) до первого манифеста Николая I (12 декабря 1825). В ПСЗ не включались нормы, действовавшие исключительно в отдельных областях Российской империи (Польша, Финляндия и др.). Впоследствии ПСЗ дополнялось текущим законодательством. В состав первого ПСЗ вошли все действующие акты нормативного характера, принятые в указанный период верховной властью. Они явились материалом для Свода законов, который после проведения ревизии был утвержден Манифестом от 31 января 1833 г. и вступил в силу с 1 января 1835 г.

Издание Свода законов не означало отмену действовавших ранее нормативных актов. Несмотря на то что Свод – не просто сборник законов, он сам обладал юридической силой [10, с. 29–34], в указанном манифесте устанавливалось, что в случае неясности положений Свода законов или их неполноты суд должен обращаться к первоначальному источнику, помещенному в ПСЗ [11, с. 211].

Свод законов был издан в 15 томах, объединенных в 8 книг. Несмотря на то что отдельные положения Свода могли пересматриваться, в целом указанная структура оставалась неизменной. Исключением может считаться лишь принятие в 1885 г. 16-го тома, содержащего процессуальное законодательство. До этого нормы процессуального законодательства объединялись в одном томе с нормами соответствующего материального права.

В структуре Свода законов впервые довольно последовательно реализован принцип деления права на публичное и частное (гражданское). Гражданско-правовые институты получили закрепление в части 1 тома X, которая была названа Сводом законов гражданских.

Изложить гражданско-правовые нормы М.М. Сперанский первоначально планировал в соответствии с институционной системой, для чего в Своде законов гражданских были объединены нормы материального и процессуального права. Нормы материального права предполагалось разделить на четыре части (книги): о состояниях (то есть лицах); о правах на имущество по разным укреплениям; о правах на имущество по обязательствам; об актах, коими укрепления и акты совершаются [3, с. 438]. В конечном варианте структура Свода законов гражданских выглядит иначе, хотя общая концепция была сохранена.

Первоначально Свод законов гражданских состоял из 5 книг, четыре из которых посвящены материальному праву (о правах и обязанностях семейных, о порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще, о порядке приобретения и укрепления прав на имущества в особенности, об обязательствах по договорам), а последняя – гражданскому процессуальному праву. В издании 1857 г. пятая книга выделена и обозначена как вторая часть тома X, а затем она была исключена из него и помещена в том XVI [12, с. 438].

Каждая книга Свода законов гражданских делилась на разделы, а те, в свою очередь, на главы. Некоторые из глав подразделялись на отделения. К отдельным статьям могли даваться примечания. Завершался Свод законов гражданских обширным списком приложений, в которых устанавливались различные нормы, носящие специальный, как правило, пояснительный характер по отно-

шению к другим положениям Свода (например, перечень степеней родства).

Одним из основных отступлений от институционной системы явилось то, что положения «о лицах» не нашли отражения в структуре Свода законов гражданских (за исключением норм, регулирующих семейные отношения и опеку) и были включены в т. IX Свода законов Российской империи – Законы о состояниях. С.В. Пахман объяснял это принципом «удобства» при составлении Свода законов: объединяя отдельные законы, связанные с положением различных сословий, оказалось целесообразным включить в них и предписания о гражданско-правовом статусе лиц, к этим сословиям принадлежащих [13, с. 9–10]. Таким образом, сословное деление России повлияло на то, что в Своде законов гражданских частноправовой раздел «Лица» был сужен до регулирования семейных отношений, а в остальном правовой статус различных сословий был отнесен к сфере публичного законодательства.

Появление и развитие в XVIII–XIX вв. новых для гражданского права отношений привело к тому, что они были урегулированы не Сводом законов гражданских, а другими положениями Свода законов Российской империи, в основном частью 2 тома XI: Свод учреждений и уставов кредитных, Свод учреждений и уставов торговых (он же – Торговый устав), Устав о промышленности фабричной и заводской, Устав ремесленный. По общему объему эти нормы превышают Свод законов гражданских [3, с. 438].

Следует отметить, что указанные уставы регулировали не только гражданские, но и публичные отношения, такие как применение пошлин, организация государственного контроля в кредитной и торговой сферах, статус бирж, нотариусов, консулов и др. Таким образом, отечественные кодификаторы последовали примеру французского законодателя, разграничившего в разных кодексах традиционные гражданско-правовые узаконения и нормы, регулирующие так называемые торговые или предпринимательские и связанные с ними публично-правовые отношения. В дальнейшем, как известно, это привело к спору о самостоятельности отрасли торгового (коммерческого) права и

явилось одним из факторов формирования концепции хозяйственного (предпринимательского) права [14, с. 36–43].

Однако большинство отечественных ученых XIX – начала XX в. не признавали торгового, промышленного или предпринимательского права как самостоятельных отраслей, а говорили о них лишь как о специальных нормах гражданского права [3, с. 667–668; 15, с. 40–41; 16, с. 217; 17, с. 9; 18, с. 63–75]. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, в русском гражданском праве отсутствует самостоятельная система торгового права и не существует различий между гражданскими и торговыми законами [19, с. 15–16].

В.Ф. Гельбке, анализируя причины дуализма частного права в европейских странах, объяснял появление торговых кодексов особенностями развития законодательства в период зарождения и развития буржуазных отношений, когда для новых отношений, не вписывающихся в систему римского права, создавались специальные нормы, основанные, с одной стороны, на торговых обычаях, а с другой – на ордонансах охранительно-полицейского характера. В обособлении регулирования предпринимательских отношений в торговые кодексы автор видел явление не постоянного, а временного характера [20, с. 72–100, 110–113]. Аналогичного мнения придерживался П.П. Цитович, помимо этого отмечая, что «отношение торгового права к гражданскому напоминает то отношение, в каком римское *jus gentium* находилось к *jus civile*» [21, с. 51].

Е.А. Суханов, анализируя историю развития торгового законодательства стран Европы, отмечает, что его кодификация не носила всеобщего характера, а была вызвана определенными историческими причинами отдельных европейских стран. Со временем же возникло явление «декодификации» торгового права [14, с. 36–37, 43–44].

Идея монизма гражданского права впоследствии также нашла отражение в проекте Гражданского уложения Российской империи [22, с. 119; 23, с. 244–245].

Отношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, тоже не были включены в систему гражданского законодательства. Патентные права регулировались норматив-

ными актами, помещенными в том XI Свода законов Российской империи, что связано с их использованием в сфере коммерческого оборота, а авторские – в том XIV (Устав о цензуре) [13, с. 13–14].

В отличие от Соборного уложения, Свод законов Российской империи мог изменяться. Принятые после его издания нормативные правовые акты по усмотрению законодателя могли инкорпорироваться в Свод либо отменять отдельные его положения. В качестве примера можно привести включение норм об акционерных компаниях в гл. 6 (о товариществе) раздела 3 книги 4 второго издания Свода законов гражданских. Источником соответствующих положений явился Устав 1836 г. Принятие новых норм права после введения в действие Свода законов Российской империи привело к необходимости дополнительных изданий Свода законов гражданских: в 1842, 1857, 1887, 1900, 1914 гг. [23, с. 243]. Особенность трех последних изданий заключается в том, что они осуществлялись без прохождения процедуры законодательного утверждения. Редакционные изменения в текст Свода законов гражданских вносились специально созданным кодификационным учреждением. Несмотря на это, указанные издания признавались официальным текстом Свода законов гражданских [24, с. 19–21; 25, с. 27].

Особенность действия Свода законов гражданских в пространстве заключалась в том, что он не распространялся на всю территорию Российской империи, поскольку царское правительство не отменяло действовавшие на присоединенных территориях правовые нормы. В результате этого гражданское право Российской империи не было территориально единым [3, с. 827–855; 12, с. 82–85]. Так, собственное гражданское законодательство существовало в Финляндии, Польше, Бессарабии, Грузии (до 1859). Кочевые и полукочевые народы, населявшие азиатскую часть Российской империи, жили по своим национальным обычаям (приложение к тому IX и ст. 154 тома XII Свода законов). По отношению к указанным источникам Свод законов Российской империи мог применяться субсидиарно.

Сравнение систематизаций норм гражданского права, проведенных при составлении Соборного уложения и Свода законов Россий-

ской империи, позволяет увидеть, что в XIX – начале XX в. предмет гражданского права существенно расширился. В качестве основных тенденций этого процесса можно выделить:

- детализацию регламентации вещных отношений, формирование понятия «собственность», создание норм, ограничивающих права собственности в публичном интересе;

- развитие общей части обязательствного права, появление новых договоров (о создании и деятельности товариществ – прообразов юридических лиц, страхования, банковского кредита), подробное регулирование обращения ценных бумаг, в первую очередь векселя;

- возникновение институтов права интеллектуальной собственности, артельных договоров (последние послужили в дальнейшем базой для формирования отрасли трудового права).

Тем самым возникают предпосылки для дальнейшей структурной дифференциации и развития частноправовых норм.

В этот период продолжает действовать сформировавшаяся еще в XVIII в. тенденция к вытеснению обычного права законодательным регулированием. Как отмечал Ю.С. Гамбаров, «руководство местными юридическими обычаями Свод законов допускал только в случаях, им же определенных, т. е. в применении к быту разных инородцев и лиц сельского сословия» [15, с. 221]. Так же отрицательным был разделяемый отечественными учеными-юристами [9, с. 97–98] подход законодателя к судебному прецеденту как возможному источнику права.

Отношение законодателя к нормам обычного права изменилось во второй половине XIX столетия, что связано с принятием Положения от 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и судебных Уставов от 20 ноября 1864 г., по которым юридический быт крестьян регулировался преимущественно нормами обычного права [26, с. 8–9].

В целом же можно сказать, что законодатель использовал дифференцированный подход при решении вопроса о возможности применения норм обычного права: практически исключительное регулирование нормами обычного права отношений в крестьянском быту; большое влияние торговых обычаев,

дополняющих нормативные акты в случае прямой отсылки к ним или при обнаружении пробелов; ограниченное применение местных обычаев в остальных случаях [15, с. 223].

Что касается возможности признания источником права судебных решений, то в ограниченном виде было санкционировано использование прецедента того же (но не другого) суда при разрешении торговых споров.

На практику как по торговым, так и по другим спорам большое влияние стали оказывать судебные акты гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Хотя они официально не признавались источником права, однако ст. 815 Устава гражданского судопроизводства признавала их «руководящими разъяснениями»: «все решения и определения кассационных департаментов Сената, которыми разъясняется точный смысл законов, публикуются к единообразному истолкованию и применению оных». Кроме этого, по представлению министра юстиции Сенат публиковал обзоры своих решений (без указания даты и номера дела) по вызывающим у судов затруднения вопросам применения норм права [12, с. 77]. В своих судебных актах и обзорах Сенат в ряде случаев фактически создавал правовые нормы, не находя адекватного регулирования спорных отношений в законе. Так, судебной практикой были созданы институты неосновательного обогащения, договора в пользу третьего лица, уступки права требования и др. [23, с. 244–245].

Нормы канонического права в период действия Свода законов Российской империи имели лишь опосредованное отношение к гражданско-правовому регулированию. Кормчая книга в XIX в. применялась субсидиарно по отношению к более поздним актам в области церковного права, которые регулировали не материально-правовые, а процессуальные и процедурные вопросы в сфере заключения, расторжения брака и признания его недействительным.

Проект Гражданского уложения Российской империи содержит 2640 статей, объединенных в пять книг: «Общие положения», «Семейственное право», «Вотчинное право», «Наследственное право», «Обязательственное право». Каждая книга состоит из разделов, которые делятся на главы. В частном порядке

разрабатывались и другие (альтернативные) системы Гражданского уложения, например, Ф.П. Будкевичем [27].

При разработке проекта Гражданского уложения использовался не только отечественный нормативный, правоприменительный и теоретический материал, но и положения Германского гражданского уложения (ГГУ), а также Гражданского кодекса Швейцарии. Данное обстоятельство нередко вызывало критику российских ученых-юристов, которые видели во многих положениях проекта неудачную кальку с ГГУ [12, с. 67–68].

Влияние германской юридической школы прослеживается в структуре проекта Гражданского уложения, существенно отличающегося от системы построения Свода законов гражданских. Кодификационная комиссия решила отойти от институционной системы, максимально приблизившись к пандектной. В частности, это выразилось в выделении Общей части (книга первая). В то же время в отступление от пандектной системы наследственное право располагалось не после обязательственного, а предшествовало ему.

Процесс систематизации гражданского права в досоветский период не был завершен его кодификацией, поскольку разработанный проект Гражданского уложения Российской империи так и не был принят, что объясняет отсутствие в законе норм, определяющих принципы, задачи, предмет, метод и систему гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Между тем Гражданское уложение оказало существенное влияние на формирование советского гражданского права. Принятие ГК РСФСР (1922), по словам П.И. Стучки, означало рецепцию буржуазного права [28, с. 103]. Действительно, как отмечал А.Л. Маковский, основным источником содержания первого советского Гражданского кодекса явился именно проект Гражданского уложения [29, с. 119–120]. Следование ГК РСФСР традициям дореволюционного права проявляется не только в его содержании, но и в форме. Структура ГК РСФСР, построенная в соответствии с пандектной системой, во многом повторяет структуру проекта Гражданского уложения, а в

части включения примечаний и приложений – и Свода законов Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения предлагаем следующие результаты исследования:

- предложена периодизация процесса систематизации гражданского права Российской государства путем выделения четырех этапов;
- показана связь между изменениями экономико-социальных условий жизни общества и динамикой предмета гражданского права;
- выявлена динамика предмета гражданского права от Русской Правды и Судебников 1497 и 1550 гг. до таких межотраслевых систематизированных правовых актов, как Уложение 1649 г. и Свод законов Российской империи 1833 г., состоящая в расширении круга регулируемых отношений;
- установлено, что несмотря на появление в XIX в. формальных предпосылок для создания дуалистической системы гражданского права, обусловленных принципом расположения гражданско-правовых норм в Своде законов Российской империи, самостоятельной отрасли торгового (предпринимательского, коммерческого) права не сформировалось в силу отсутствия четкой дифференциации норм по предмету правового регулирования;
- показано, как менялось соотношение законодательного регулирования с обычным правом и судебными актами на разных этапах развития гражданского права;
- выявлены особенности построения и структуры источников гражданского права и использования российским законодателем институционной и пандектной систем при разработке, соответственно, Свода законов гражданских и Гражданского уложения Российской империи, состоящие в неполном следовании принципам этих систем;
- определена специфика действия источников отечественного гражданского права в пространстве в императорский период развития государства, состоящая в преимущественном сохранении на присоединенных территориях действия местного гражданско-правового регулирования.

Список источников

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Петроград : Право, 1917. – 328 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Москва : Юрайт, 2021. – 653 с.
3. Пахман С.В. История кодификации гражданского права / С.В. Пахман. – Москва : Зерцало, 2004. – 855 с.
4. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – Москва : Наука, 1980. – 271 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Спарк, 1995. – 532 с.
6. Винавер М. Из области цивилистики / М. Винавер. – Санкт-Петербург, 1908. – 337 с.
7. Шебанов А.Ф. О роли систематических собраний законодательства (на примере Свода законов 1832 года) / А.Ф. Шебанов // ВНИИСЗ. Ученые записки. 1969. – Вып. 16. – С. 25–37.
8. Иодковский А.Н. История советской кодификации / А.Н. Иодковский // Вопросы кодификации : сборник научных статей / отв. ред.: В.М. Чхиквадзе, А.Н. Иодковский. – Москва : Госюриздат, 1957. – С. 28–52.
9. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк / В.М. Хвостов. – 3-е изд. – Санкт-Петербург, 1906. – 221 с.
10. Жолобова Г.А. Своду законов Российской Империи – 170 лет (к вопросу о юридической силе и значении) / Г.А. Жолобова // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 29–34.
11. Колесников А.Н. Систематизация законодательства в России в начале XIX века М.М. Сперанским / А.Н. Колесников // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1966. – Вып. 8. – С. 189–214.
12. Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – Москва : Статут, 2002. – 637 с.
13. Пахман С.В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения / С.В. Пахман. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1882. – 32 с.
14. Суханов Е.А. О проблемах становления и развития российского частного права / Е.А. Суханов // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. Москва : Статут ; Екатеринбург : Институт частного права, 2004. – Вып. 3. – С. 36–44.
15. Гамбаров Ю.С. Гражданское право / Ю.С. Гамбаров. Т. 1. Общая часть. – Санкт-Петербург, 1911. – 793 с.
16. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи / А.Х. Гольмстен. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 533 с.
17. Удинцев В. Русское торгово-промышленное право / В. Удинцев. – Киев : Типография И.И. Чоколова, 1907. – 123 с.
18. Каминка А.И. Очерки торгового права / А.И. Каминка. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 545 с.
19. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / Г.Ф. Шершеневич. – Казань : Типография Императорского университета, 1899. – 387 с.
20. Гельбке В. Торговое право и гражданское уложение. К вопросу о предмете и системе русского Гражданского Уложения: Сентябрь / В. Гельбке // Журнал гражданского и уголовного права: Сентябрь. – 1884. – Кн. 7. – С. 67–156.

REFERENCES

1. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. Petrograd, Pravo Publ., 1917. 328 p.
2. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the History of Russian Law. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 653 p.
3. Pakhman S.V. History of the Codification of Civil Law. Moscow, Mirror Publ., 2004. 855 p.
4. Mankov A.G. The Ulozheniye of 1649 – Code of Feudal Law of Russia. Moscow, Nauka Publ., 1980. 271 p.
5. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (according to the 1907 edition). Moscow, Spark Publ., 1995. 532 p.
6. Vinaver M. From the Sphere of Civil Law Studies. Saint Petersburg, 1908. 337 p.
7. Shebanov A.F. On the Role of Systematic Collections of Legislation (using the Code of Laws of 1832 as an Example). VNIISZ. Scientific Notes, 1969, iss. 16, pp. 25–37. (In Russian).
8. Iodkovsky A.N. History of Soviet Codification. In: Chkhikvadze V.M., Iodkovsky A.N. (eds.). *Questions of Codification. Collection of Scientific Articles*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957, pp. 28–52. (In Russian).
9. Khvostov V.M. General Theory of Law. An Elementary Essay. 3rd ed. Saint Petersburg, 1906. 221 p.
10. Zholobova G. A. The Code of Laws of the Russian Empire Is 170 Years (On the Issue of Legal Force and Significance). *Journal of Russian Law*, 2003, no. 6, pp. 29–34. (In Russian).
11. Kolesnikov A.N. Systematization of Legislation in Russia at the Beginning of the 19th Century by M.M. Speransky. *Scientific Notes of the All-Russian Research Institute of Social Protection*, 1966, iss. 8, pp. 189–214. (In Russian).
12. Sinaysky V.I. Russian Civil Law. Moscow, Statut Publ., 2002. 637 p.
13. Pakhman S.V. On the Subject and System of the Russian Civil Code. Saint Petersburg, Printing House of the Governing Senate Publ., 1882. 32 p.
14. Sukhanov E.A. On the Problems of Formation and Development of Russian Private Law. *Civilistic Notes. Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Moscow, Statut Publ., Yekaterinburg, Institute of Private Law Publ., 2004, iss. 3, pp. 36–44. (In Russian).
15. Gambarov Yu.S. Civil Law. Saint Petersburg, 1911. Vol. 1. 793 p.
16. Golmsten A.Kh. Legal Research and Articles. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1894. 533 p.
17. Udintsev V. Russian Commercial and Industrial Law. Kyiv, I.I. Chokolov Publ., 1907. 123 p.
18. Kaminka A.I. Essays on Commercial Law. Moscow, YurInfoR Center Publ., 2002. 545 p.
19. Shershenevich G.F. Textbook of Commercial Law. Kazan, Imperial University Publ., 1899. 387 p.
20. Gelbke V. Commercial Law and Civil Code. On the Issue of the Subject and System of the Russian Civil Code: September. *Journal of Civil and Criminal Law: September*, 1884, pt. 7, pp. 67–156. (In Russian).
21. Tsitovich P.P. Essay on the Basic Concepts of Commercial Law. Moscow, YurInfoR Center Publ., 2001. 448 p.
22. Makovsky L.A. Civil Legislation in the Soviet Planned Economy and in the Market Economy. *Journal of Russian Law*, 2005, no. 9, pp. 115–128. (In Russian).
23. Slyshchenkov V.A. The Draft Civil Code, 1905, and Modernization of Russian Civil Law. *Pravovedenie*, 2004, no. 4, pp. 243–253. (In Russian).

21. Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права / П.П. Цитович. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 448 с.
22. Маковский Л.А. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике / Л.А. Маковский // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 115–128.
23. Слыщенко В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и модернизация русского гражданского права / В.А. Слыщенко // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 243–253.
24. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов / Е.В. Васильковский. – Москва : Городец, 1997. – 128 с.
25. Кодификация российского гражданского права. – Екатеринбург : Институт частного права, 2003. – 927 с.
26. Кассо Л. Источники русского гражданского права / Л. Кассо. – Москва : Типография МНУ, 1900. – 16 с.
27. Будкевич Ф.П. Записка о проекте Гражданского Уложения и кодификации законов / Ф.П. Будкевич. – Варшава : Типография Варшавского института глухонемых и слепых, 1906. – 157 с.
28. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Введение в теорию гражданского права / П.И. Стучка. – Москва : Издательство коммунистической академии, 1928. – 230 с.
29. Маковский А.Л. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной России / А.Л. Маковский // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 115–128.
24. Vas'kovsky E.V. Guide to the Interpretation and Application of Laws. For Beginning Lawyers. Moscow, Gorodets Publ., 1997. 128 p.
25. Codification of Russian Civil Law. Yekaterinburg, Institute of Private Law Publ., 2003. 927 p.
26. Kasso L. Sources of Russian Civil Law. Moscow, Printing House of MNU Publ., 1900. 16 p.
27. Budkevich F.P. Note on the Draft Civil Code and Codification of Laws. Warsaw Institute of the Deaf and Blind Publ., 1906. 157 p.
28. Stuchka P.I. Course of Soviet Civil Law. Introduction to the Theory of Civil Law. Moscow, Communist Academy Publ., 1928. 230 p.
29. Makovsky A.L. Civil Legislation in the Soviet Planned Economy and in Market Russia. *Journal of Russian Law*, 2005, no. 9, pp. 115–128. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рузанова Валентина Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права.

Information about the Author

Ruzanova Valentina Dmitrievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law.

Статья поступила в редакцию 08.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026.
The article was submitted 08.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 16.04.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.14

Original article

СЕРОВА Ольга Александровна
Псковский государственный университет,
Псков, Россия,
olgaserova1974@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4113-7399>

SEROVA Olga Aleksandrovna
Pskov State University,
Pskov, Russia

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НОРМ ПРИ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

LEGAL STATUS OF A GOVERNMENT INSTITUTION: BALANCING PUBLIC AND PRIVATE
NORMS IN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUDGETARY FUND USAGE

Аннотация. Расширение самостоятельности государственных учреждений, включение их в национальную повестку по реализации стратегических целей развития страны привело к увеличению объемов выделяемых бюджетных средств, в том числе на конкурсной основе. Одновременно это повлекло рост числа контрольных мероприятий по оценке эффективности и целевому использованию бюджетных средств. Несмотря на приоритет частноправового характера возникающих правоотношений в части ведения хозяйственной деятельности организации, нормы публичного права оказывают существенное влияние на оценку деятельности государственного учреждения по исполнению взятых на себя обязательств. Целью исследования является анализ расширения фактического объема правоспособности государственных учреждений, включенных в приоритетные национальные и федеральные проекты. Методы исследования: системный подход – для оценки изменений правового статуса государственного учреждения в условиях расширения целевой правоспособности; логический и функциональный – для определения недостаточной теоретической, доктринальной проработки происходящих процессов трансформации в деятельности государственных учреждений. Результатом исследования стало обоснование необходимости выработки единых требований для оценки эффективности учреждения при совмещении образовательной и научной деятельности с инновационной и научно-производственной работой.

Abstract. The expansion of the autonomy of government institutions and their inclusion in the national agenda for implementing strategic development goals has led to an increase in the volume of allocated budgetary funds, including on a competitive basis. At the same time, this has resulted in a rise in the number of control measures to evaluate the effectiveness and targeted use of budgetary funds. Despite the priority of private law in the relationships arising from the economic activities of the organization, public law norms significantly influence the assessment of the institution's performance in fulfilling its obligations. The purpose of this study is to analyze the actual expansion of the legal capacity of government institutions involved in priority national and federal projects. Research methods: a systematic approach is used to assess the changes in the legal status of government institutions amid the expansion of their targeted legal capacity; logical and functional methods are applied to identify the insufficient theoretical and doctrinal development of the ongoing transformational processes in government institutions' activities. The result of the study is the justification for the need to develop unified criteria for evaluating the effectiveness of institutions that combine educational and scientific activities with innovative and research-production work.

Ключевые слова: государственное учреждение, правовой статус, правоспособность, федеральные проекты, эффективность, бюджетное финансирование

Keywords: government institution, legal status, legal capacity, federal projects, effectiveness, budget funding

Для цитирования: Серова О.А. Правовой статус государственного учреждения: баланс публичных и частных норм при оценке эффективности использования бюджетных средств / О.А. Серова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 122–128.

For citation: Serova O.A. Legal Status of a Government Institution: Balancing Public and Private Norms in Assessing the Effectiveness of Budgetary Fund Usage. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 122–128. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.14.

ВВЕДЕНИЕ

Государственные учреждения занимают особое место в системе юридических лиц России. Целевой характер правоспособности, единоличный тип управления, ограниченное вещное право на использование имущества, принадлежащего собственнику (учредителю), определяют особенности правового режима хозяйствования данных юридических лиц. Порядок финансового обеспечения государственных и муниципальных учреждений в соответствии со ст. 123.22 ГК РФ определяется законом и зависит от типа учреждения. Неслучайно учреждения называют потребителями бюджетных средств [1, с. 21]. Финансирование деятельности государственных учреждений определяется не столько «заботой» о жизнедеятельности данных организаций со стороны учредителя, сколько постановкой государственной задачи для учреждения, которую оно должно решать. В этом состоит определенный «рудимент» правового положения государственных учреждений в условиях рыночной экономики, когда они фактически «обязаны обеспечить реальное выполнение плановых заданий» [2, с. 394]. Государственные учреждения, таким образом, занимают двойственное положение, являясь не только субъектами частноправовых отношений, но и принимая на себя значительный объем публичных обязательств.

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДОВЫХ ИНЖЕНЕРНЫХ ШКОЛ)

Необходимость поиска баланса между правовым статусом государственного учрежде-

ния как организации, признанной выполнять определенный объем государственного задания со стороны учредителя, и организации, обладающей всеми признаками юридического лица, функционирующей в условиях рыночной экономики, стала очевидной при реформировании гражданского законодательства. Считаем, что именно этим обусловлен переход к трем типам государственных учреждений – казенному, бюджетному и автономному¹.

Законодательные изменения были связаны со следующими задачами:

- расширение самостоятельности, в том числе в финансовой деятельности и имущественной сфере [3, с. 148];

- потребность в переходе к бюджетированию, ориентированному на результат, где сочетались бы эффективность, как соотношение результатов и затрат на их достижение, и результативность – польза или выгода от результатов деятельности [4, с. 23].

Соответственно, на бюджетные и автономные учреждения были возложены дополнительные обязательства, связанные с расширением объема участия в экономической деятельности (приносящей доходы), при сохранении бюджетного финансирования. Государственные учреждения были включены в реализацию государственных стратегических задач, за счет чего объемы бюджетного финансирования значительно возросли. В качестве примера можно выделить созда-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений : Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19, ст. 2291 ; Об автономных учреждениях : Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 45, ст. 4626.

ние передовых инженерных школ², которые рассматриваются как один из наиболее эффективных механизмов реализации задачи по достижению технологического суверенитета, ускорению процессов трансфера технологий от науки к производству. При этом в соответствии с Концепцией технологического развития³ передовая инженерная школа не является самостоятельным юридическим лицом. Это структурное подразделение образовательной организации высшего образования, осуществляющее образовательную, научную, инновационную деятельность в соответствии с программой развития передовой инженерной школы в партнерстве с технологическими компаниями. Однако в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» к компетенции образовательных организаций высшего образования относится образовательная и научная деятельность⁴. Инновационная деятельность включается в область высшего образования в рамках концепции «Университет 3.0». Фактические задачи передовых инженерных школ существенно расширяют традиционный спектр деятельности государственных учреждений – образовательных и (или) научных организаций, на базе которых созданы передовые инженерные школы. Реализация Концепции технологического развития направлена на развитие высокотехнологичных отраслей экономики Российской Федерации, что определяет характеристику данного документа как отраслевого документа стратегического планирования для отдельных сфер или отраслей экономики. Соответственно, это еще раз подтверждает верность тезиса о «встраивании» государственных учреждений в стратегические задачи государства, в том числе вне зависимости от прямой связи с отраслью, так как образовательные организации высшего образования не являются в прямом смысле слова субъектами технологического развития.

2 О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ : постановление Правительства РФ от 08.04.2022 № 619 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 16, с. 2662 (документ утратил силу).

3 Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

4 Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч.1), ст. 7598.

Передовые инженерные школы как структурные подразделения университетов встроены в систему взаимодействия науки, технологий и производства, повышения восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, развития наукоемкого предпринимательства (п. 28 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁵). Соответственно, государственные учреждения, ранее осуществлявшие полномочия в сфере образовательной и научной деятельности, реализуя программу развития передовой инженерной школы, должны расширить объем правоспособности за счет реализации инновационной и научно-производственной деятельности, обеспечения коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и трансфера технологий в реальный сектор экономики. При этом прямых обязательств у предприятий по включению в систему кооперации с университетами нет.

Необходимость вовлечения государственных учреждений в указанные процессы обусловлена объективными процессами развития общества и задачами обеспечения глобальной конкурентоспособности российской науки и образования. Однако правовой статус государственного учреждения содержит существенные ограничения для реализации новых направлений деятельности, что требует существенных изменений в организации управленческой и финансово-экономической деятельности рассматриваемых юридических лиц.

В рамках настоящей статьи отсутствует задача анализа тех действий, которые должны предпринимать университеты для перестройки внутренней организации деятельности и системы управления вуза. Как показывает практика, данные процессы происходят одновременно с началом реализации программы развития и далеко не все университеты проходят через трансформацию обозначенных процессов безболезненно. Но ряд необходимых изменений можно подчеркнуть. Это встраивание системы управления базовыми процессами государственного учреждения параллельно с внедрением проектного типа управления, выделение подразделений внутри структуры государственного учреждения, обладающих более эффективной (и оператив-

5 О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

ной) моделью принятия решения, основывающейся на требованиях к эффективности финансово-хозяйственной деятельности и результативности внедряемых процессов.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Потребность в изменениях управленческой системы и организации фактических бизнес-процессов в государственных учреждениях напрямую связана с повышением ответственности за использование выделяемых бюджетных средств на реализацию приоритетных проектов [5], не подпадающих под традиционные виды деятельности организации. Изменение уровня экономической самостоятельности государственных учреждений различных типов обусловило и изменения в объеме ответственности последних как в одном из базовых элементов правового статуса учреждений в целом – организационно-правовой формы юридического лица.

Осуществление деятельности, связанной с выполнением государственного задания, порученного учредителем, как правило, не вызывает сложных вопросов оценки с позиции эффективности и целевого характера. Высшая судебная инстанция еще в 2006 г. дала довольно четкие рекомендации по осуществлению контроля за эффективностью использования бюджетных средств⁶. Эта рекомендация сохраняет свое действие и в настоящее время, так как признается, «что конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата»⁷. Но данная оценка возможна для

ситуаций, связанных с деятельностью государственного учреждения по использованию средств, выделяемых ему на его уставные цели деятельности, когда все процессы являются устоявшимися и достаточно понятными всем участникам данных отношений. В случае реализации бюджетных средств на проекты инновационного характера, расширяющие привычные грани деятельности организации, существует объективная возможность увеличения срока реализации проекта, изменения иных характеристик целевого «поручения», а также сложности с «отработкой» данных задач внутри государственного учреждения.

Важно отметить, что ст. 15.14 КоАП РФ под нецелевым использованием бюджетных средств, допущенным лицами, не являющимися участниками бюджетного процесса (именно к этой категории относятся бюджетные и автономные государственные учреждения), понимает направление средств, предоставленных из бюджета Российской Федерации, на цели, не соответствующие целям, определенным договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств. Это означает, что оценка деятельности учреждения должна проводиться на основе положений соответствующего соглашения о выделении финансовых средств и тех условий, которые были заложены в конкурсную документацию (как правило, выделение подобного целевого финансирования осуществляется на конкурсной основе) и определены оператором того или иного проекта.

При проверке деятельности учреждения по вопросам эффективности и целевого использования бюджетных средств необходимо включать в предмет оценки всю совокупность действий государственного учреждения, для чего требуется соотнести это с принципом эффективности использования бюджетных средств⁸. Учитывая принципиальную сложность в достижении стратегических целей государства, выполнение которых «поручается» государственным учреждениям, оценка указанных действий должна основываться на

6 О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8, п. 23.

7 Методические рекомендации по осуществлению контроля за планированием, обоснованием бюджетных ассигнований и использованием средств федерального бюджета на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, утв. Казначейством России 29.12.2017, п. 61 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Об утверждении методических рекомендаций по оценке действий объекта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля в целях подтверждения признаков неправомерного, неэффективного использования бюджетных средств и определения их последствий: приказ Минфина России от 30.11.2023 № 532 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определенном алгоритме. В него должен входить анализ нормативной основы выделения бюджетных средств, оценка достигнутых результатов с возможностью допущения риска неисполнения с учетом инновационной составляющей проекта, оценка действий учреждения по предотвращению угрозы неисполнения.

Согласно общим правилам именно недостижение цели, заявленной при планировании и выделении бюджетных средств, является основанием для признания понесенных расходов неэффективным использованием бюджетных средств. Но объективной причиной этого, как правило, должно являться виновное поведение субъекта, выражающееся, например, в совершении действий, не имеющих своей целью реальное достижение целевого финансирования, отсутствии контроля за процессом выполнения проекта и его результатами (то есть контроля за исполнением соглашения). Однако именно второе обстоятельство – организация полноценного контроля за исполнением договора (соглашения) – зачастую не оценивается в полном объеме в качестве подтверждения факта добросовестного выполнения взятых на себя обязательств. Можно привести следующий пример.

Невыполнение условий соглашения на разработку конкурсной документации на комплектующие изделия для промышленности было связано с обнаруженной ошибкой в конкурсной документации – неверном указании технических характеристик изделия. Продолжение работ по соглашению требовало внесения изменений в техническое задание к соглашению (договору), так как определяло как требование к изделию (внедряемому на конкретное производство), так и к проведению приемки. Более того, учитывая цели конкурса – реинжиниринг высокотехнологичного оборудования для промышленности, – несоответствие в конкурсной документации и техническом задании технических характеристик изделия исключало достижение изначальной цели выделения бюджетных средств для оператора конкурса. Соответственно, фактическая вина за отсутствие достижения результатов конкурса лежала и на учреждении, которое обнаружило ошибку в технической документации после заключения соглашения и исполнения части его условий, и на организаторе конкурса, допустившем ошибку, исключаящую возможность достижения

изначально заданного результата конкурса, – таких технических параметров у необходимого промышленного изделия не существует. После выявления ошибки в технической документации учреждение направило оператору конкурса несколько вариантов разрешения возникшей ситуации. Необходимо было найти наиболее оптимальный способ реализации основной цели выделения субсидии из государственного бюджета – проведения реинжиниринга для внедрения отечественными предприятиями технологических решений мирового уровня с целью достижения конкурентоспособности российского производства и продукции. Бюджетное учреждение, получатель гранта, предложило в качестве приоритетного варианта решения проблемы изменение технического задания. Но был и иной вариант – расторжение договора, что позволяло внести изменения в конкурсную документацию, создав надлежащие условия для реализации проекта в будущем. Это способствовало бы изначальной реализации проекта по выделению бюджетных средств для проведения конкурса. Сторонами был согласован второй вариант. После расторжения договора и возврата части гранта бюджетное учреждение выплатило неустойку, предусмотренную соглашением. Однако по итогам проведенного контрольного мероприятия органами финансового контроля выплата неустойки была признана неэффективным использованием бюджетных средств. Фактически неэффективность определялась формальными показателями – выплатой неустойки по договору за счет внебюджетных средств государственного учреждения. При такой оценке деятельности учреждения, в частности, не учитывается рискованный характер проведения реинжиниринга, а в целом – научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Отчасти эта проблема связана с тем, что «значительная часть норм о бюджетном учреждении как получателе бюджетных средств осталась в лоне бюджетного регулирования» [1, с. 25].

Кроме того, оценка деятельности учреждений по расходованию бюджетных средств на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы вносит дополнительные сложности, так как рискованный характер этой деятельности определен существом возникающих обязательств. В соответствии с п. 10 ст. 16.5 Федерального закона «О науке и госу-

дарственной научно-технической политике»⁹ при оценке эффективности государственной поддержки, осуществлении финансирования и реализации инновационных проектов необходимо учитывать высокорисковый характер инновационной деятельности, неопределенность рыночных и технологических перспектив реализации инновационных проектов, которые могут повлечь в том числе недостижение предполагаемых результатов, потерю финансовых и иных ресурсов, вложенных в инновационные проекты, снижение стоимости активов. Также нужно помнить и о положениях ст. 776 ГК РФ, где определены особые последствия невозможности продолжения опытно-конструкторских и технологических работ. Если невозможность или нецелесообразность продолжения работ возникли не по вине исполнителя, заказчик обязан оплатить понесенные исполнителем затраты. Ответственность исполнителя за нарушение договоров как на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ, так и на выполнение научно-исследовательских работ возникает только в случае, если он не докажет, что нарушение произошло не по его вине (ст. 777 ГК РФ). Данное положение гражданского законодательства должно учитываться и при проведении контрольно-надзорных мероприятий за деятельностью государственных учреждений при исполнении обязательств, связанных с расходованием бюджетных средств, так как оно определено особой природой отношений в сфере научной и научно-технологической деятельности.

В Концепции технологического развития¹⁰ заложено право на риск как допущение возможности недостижения запланированных эффектов от реализации инновационного проекта с использованием средств государственной поддержки в связи с высоким уровнем риска (неопределенности) инноваций. Также необходимость изменения подходов к оценке эффективности использования бюджетных средств с позиции достижения цели выделения финансирования была сформулирована в поручении Президента РФ в части рассмотре-

ния вопросов об утверждении значений допустимых отклонений от целевых показателей результатов проектов, реализуемых российскими организациями, имеющими в своей структуре передовые инженерные школы, для продолжения получения субсидий из федерального бюджета с целью завершения проектов¹¹.

Под «правом на риск» понимается обеспеченная правовыми средствами возможность правомерного рискованного поведения ввиду того, что риск выступает ситуативной характеристикой юридически значимой деятельности или сложившихся обстоятельств [6, с. 111]. В рассмотренном нами примере недостижение показателей проекта было связано с объективной невозможностью достижения результатов из-за существенной технической ошибки в характеристике изделия для проведения реинжиниринга и подготовки конструкторской документации. Так как фактический заказчик (оператор проекта) не согласовал изменение технических условий в сроки, позволяющие реализовать проект, вина учреждения состояла в неосвоении средств субсидии (в связи с расторжением договора), выплате неустойки по договору (по общим правилам, уплата неустойки не связана с причинением ущерба). Отсутствие согласованного изменения технического задания не позволило учреждению достичь запланированного результата, соответствующего условиям конкурсного отбора. Поэтому в связи с сохранением контроля за исполнением проекта, выполнением условий соглашения до момента расторжения выплата договорной неустойки не должна являться основанием для признания деятельности учреждения неэффективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Увеличение объема бюджетного финансирования государственных учреждений под решение конкретных стратегических задач определило тенденцию к усилению контроля за деятельностью последних. Но при проведении контрольно-надзорных мероприятий должно учитываться правовое положение государственного учреждения как юридического лица, не обладающего должной само-

⁹ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

¹⁰ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

¹¹ Перечень поручений по итогам встречи с руководителями передовых инженерных школ и их промышленными партнерами (утв. Президентом РФ 25.10.2022 «Пр-2024») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стоятельностью в принятии решений, а также переходный период от конструкции организации, призванной реализовывать задания учредителя, к юридическому лицу, формирующему самостоятельную, автономную модель поведения на рынке наукоемких товаров и услуг.

Как неоднократно отмечалось в юридической науке, чувствительным критерием для определения баланса между публичным и частным правом служит экономический риск субъектов права в отношении возможности достижения цели правоотношения [7, с. 46]. Государственные учреждения могут и должны быть встроены в новую систему правоотношений по научно-технологиче-

скому развитию страны. Однако этот процесс должен иметь четкую регламентацию и теоретическое обоснование применения критерия экономического риска как для оценки деятельности самого государственного учреждения, так и оценки методологии контрольно-надзорных органов. Сам процесс оценки рисков не может быть статичным. Он должен учитывать изменяющиеся условия социальной, экономической и технологической среды [7, с. 48], весь комплекс совершаемых государственным учреждением действий по изменению собственной деятельности и формированию новых приоритетных областей собственного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссарова Е.Г. Единство и дифференциация в регулировании правового статуса бюджетных и казенных учреждений / Е.Г. Комиссарова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4. – С. 21–31.
2. Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / А.В. Венедиктов. – Москва : Статут, 2004. – Т. 1. – 463 с.
3. Сюзарева И.Ф. Правовое положение учреждений в Российской Федерации / И.Ф. Сюзарева // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2012. – Вып. 3. – С. 148–153.
4. Файберг Т.В. Оценка результативности деятельности бюджетных учреждений / Т.В. Файберг // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 2. – С. 23–25.
5. Винник А.В. Субсидии научным организациям: проблемы эффективности контроля и защиты прав получателя : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / А.В. Винник. – Екатеринбург, 2024. – 319 с.
6. Крючков Р.А. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» / Р.А. Крючков, В.П. Сальников, В.Б. Романовская, М.В. Сальников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 109–119.
7. Италмасов А.Д. Риск как критерий баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием / А.Д. Италмасов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 4. – С. 43–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серова Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, первый проректор.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serova Olga Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, First Vice-Rector.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 06.04.2026. The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья
УДК 340.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15

Original article

СОЛОВЫХ Светлана Жорисовна
Саратовская государственная
юридическая академия,
Саратов, Россия,
swetlanasolo@yandex.ru

SOLOVYKH Svetlana Zhorisovna
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ СТОРОН АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PARTIES' RIGHTS IN
ARBITRATION PROCEEDINGS AMIDST THE DIGITALIZATION OF ECONOMIC JUSTICE

Аннотация. Актуальность проблемы адаптации процессуальных гарантий защиты прав сторон в арбитражном судопроизводстве к условиям цифровизации обусловлена тем, что традиционные механизмы защиты не учитывают специфические риски, возникающие в электронной среде, такие как технические сбои и алгоритмические ошибки. Цель исследования заключается в рассмотрении трансформации процессуальных мер защиты в условиях цифровизации экономического правосудия и разработке концепции цифровых мер процессуальной защиты. Методы: формально-юридический – для анализа норм АПК РФ, сравнительно-правовой – для сопоставления традиционных и цифровых инструментов, а также метод моделирования – для обоснования введения института независимого аудитора алгоритмов. Результаты: определено понятие цифровых мер процессуальной защиты, предложена их классификация по субъектам, способам инициации и объектам. Обоснована необходимость закрепления в законодательстве механизмов автоматического восстановления прав при технических сбоях. Выявлены различия между мерами защиты и мерами ответственности в цифровом процессе. Сделан вывод о необходимости императивно-регулирующего данных вопросов в АПК РФ для обеспечения реального равноправия сторон.

Ключевые слова: арбитражный процесс, цифровизация, процессуальные гарантии, меры защиты, электронное правосудие, аудит алгоритмов, процессуальные права, экономическое правосудие

Для цитирования: Соловых С.Ж. Процессуальные гарантии защиты прав сторон арбитражного судопроизводства в условиях цифровизации экономического правосудия / С.Ж. Соловых. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 129–137.

Abstract. The relevance of adapting procedural guarantees for the protection of parties' rights in arbitration proceedings to the conditions of digitalization is due to the fact that traditional protection mechanisms do not account for the specific risks arising in the electronic environment, such as technical failures and algorithmic errors. The purpose of the study is to consider the transformation of procedural protective measures in the context of the digitalization of economic justice and to develop a concept of digital procedural protection measures. Methods: the formal-legal method is used to analyze the norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation; the comparative-legal method is employed to compare traditional and digital instruments; and the modeling method is applied to justify the introduction of an independent algorithm auditor institution. Results: the article defines the concept of digital procedural protection measures, proposes their classification by subjects, initiation methods, and objects. The necessity of enshrining mechanisms for automatic restoration of rights in legislation during technical failures is substantiated. The article identifies the differences between protective measures and liability measures in the digital process. It concludes that imperative regulation of these issues in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation is necessary to ensure genuine equality of the parties.

Keywords: arbitration proceedings, digitalization, procedural guarantees, protective measures, electronic justice, algorithm audit, procedural rights, economic justice

For citation: Solovykh S.Zh. Procedural Guarantees for the Protection of Parties' Rights in Arbitration Proceedings Amidst the Digitalization of Economic Justice. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 129–137. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.15.

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие правовых систем неразрывно связано с активным внедрением цифровых технологий, что затрагивает и экономическое правосудие в Российской Федерации. Однако технологизация арбитражного судопроизводства порождает угрозы для обеспечения прав лиц, участвующих в деле. Традиционные процессуальные гарантии, изначально предусмотренные для бумажного документооборота, требуют переосмысления в условиях электронной среды.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологической эффективностью и обеспечением реализации процессуальных прав, которые представляют собой отраслевые средства конкретизации права на судебную защиту. В этой связи следует уделять особое внимание мерам процессуальной защиты как одному из институтов восстановления нарушенных процессуальных прав.

Цифровизация трансформирует процессуальные действия из волевых актов в технические транзакции, зависящие от корректности программного обеспечения. Подобная эволюция создает риски технических сбоев, алгоритмических ошибок и возникновения цифровой асимметрии между сторонами, что не может рассматриваться как надлежащая реализация принципа процессуального равноправия. Действующее законодательство пока не в полной мере регулирует вопросы защиты от специфических цифровых нарушений.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблемы правовой защиты всегда были и остаются объектом научных исследований. Правовая защита нарушенных или оспариваемых субъективных прав и охраняемых законом интересов в объективном смысле охватывает различные по своей правовой природе средства и способы. В субъективном смысле правовая защита определяется как право на судебную защиту, согласно Конституции РФ является субъективным правом, принадлежащим физическим лицам. Однако она распространяется и на юридических лиц,

поскольку последние представляют собой объединение физических лиц¹.

Несомненно, что судебная защита неправомерно нарушенного или оспоренного субъективного материального права возможна лишь при условии реализации участниками судопроизводства их процессуальных прав, обеспечивающих полноценное и равноправное участие в состязательном процессе. Именно поэтому в предмет судебной защиты по конкретному делу входит не только спорное материальное право, но и субъективные процессуальные права участвующих в нем лиц. Причем законодательство предусматривает и специальные гарантии их защиты (процессуальные гарантии) [1].

Совокупность процессуальных гарантий, образующая их систему, определяет уровень обеспеченности процессуальных прав субъектов арбитражного судопроизводства, то есть реальность использования возможностей защиты своих прав и законных интересов в процессе осуществления экономического правосудия. Именно такой подход определяет потребность в дополнительном законодательном совершенствовании системы процессуальных гарантий [2, с. 257–274].

Исходя из общепринятой классификации процессуальных гарантий [3, с. 55; 4, с. 7–8; 5, с. 203–225] выделяют гарантии реализации и гарантии защиты процессуальных прав, то есть процессуальные средства обеспечения, гарантирующие осуществление процессуальных прав, и средства, при помощи которых осуществляется их охрана. В этом смысле в зависимости от стадий развития процессуального правонарушения меры государственного принуждения подразделяются на несколько самостоятельных видов, каждый из которых выполняет определенную функцию по предотвращению негативных последствий противоправных деяний

В отечественной правовой науке к мерам государственного принуждения наряду с обеспечительными мерами и мерами юридической ответственности традиционно относятся меры защиты. Однако в условиях

¹ См., например: По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2020 № 3-П [Электронный ресурс]. URL <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21012020-n-3-p/> (дата обращения: 16.02.2026).

цифровизации арбитражного судопроизводства данное понятие (в целях его адаптации) требует уточнения и содержательного наполнения. Причем содержательное уточнение должно основываться на уже разработанных конструкциях, которые также позволяют выявить их функциональную направленность. Выступая разновидностью мер государственного принуждения, применяемых в процессе осуществления экономического правосудия, процессуальные меры защиты выполняют три функции: восстановительную, обеспечительную и пресекательную.

Обеспечительная функция выражается в стимулировании к надлежащему исполнению процессуальных обязанностей под страхом применения мер процессуальной ответственности. Она связана с гарантированным осуществлением правомерного поведения как в форме добросовестной реализации субъективных процессуальных прав, так и в форме надлежащего исполнения процессуальных обязанностей. Поэтому основными признаками процессуальных мер защиты являются:

- отсутствие дополнительных обязанностей у лица, действия которого препятствуют осуществлению субъективных процессуальных прав другой стороной;
- способность принуждения обязанного лица к совершению действий, необходимых для устранения препятствий к осуществлению субъективного процессуального права другой стороной.

Применение процессуальных мер защиты, как и иных процессуальных мер принуждения, базируется на виновной основе, то есть на презумпции вины. В силу чего арбитражный суд не выясняет субъективную сторону процессуального деяния лица, то есть для применения процессуальных мер защиты достаточно объективно противоправного поведения, поэтому вина не входит в фактическое основание применения процессуальных мер защиты, это основание ограничивается фактом нарушения права и интереса управомоченного лица.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Обращаясь к теме трансформации процессуальных мер защиты в условиях циф-

ровизации экономического правосудия, необходимо пояснить некоторые методологические вопросы.

В условиях цифровизации экономического правосудия методологическая сфера правовой науки расширяет свою пространственную область исследования и включает в предмет не только нормы АПК РФ, но и алгоритмы информационных систем (например, «Мой Арбитр», «Картотека арбитражных дел»), протоколы обмена данными и технические регламенты, иные цифровые технологии, перспективы применения которых при осуществлении правосудия станут в ближайшем будущем реальными.

Процессуальное действие (подача иска, представление отзыва на исковое заявление, реализация права на участие в судебном заседании) перестает быть чисто волевым актом, зафиксированным на бумаге, и становится цифровой транзакцией, юридическая сила которой зависит от корректности работы программного обеспечения. Понятие процесса эволюционирует. И если ранее мы говорили, что арбитражный процесс представляет собой совокупность последовательно совершаемых процессуальных действий арбитражным судом и участниками арбитражного процесса, то в условиях технологизации экономического правосудия он представляется *техническо-правовым гибридом*. Следовательно, процессуальные гарантии, например, реализации права на обращение в суд, теперь неразрывно связаны не только с порядком осуществления процессуальных действий, предусмотренных ст. 125 АПК РФ, но и с гарантией бесперебойности работы цифровых сервисов.

Если в классическом процессе процессуальные действия, то есть юридически значимые факты, осуществляются непосредственно субъектами процессуальных отношений и объективируются только в соответствующих актах реализации [5, с. 639–640; 6, с. 47; 7, с. 46–47], то в условиях технологизации экономического правосудия процессуальные действия могут осуществляться в технически опосредованной форме. Следует отметить, что трансформации подвергается форма действия, что не может имплицитно порождать включение в субъектный состав участников процесса нового субъекта (квазисубъекта) – оператора информационной системы (разработчик программного обеспечения, техни-

ческая поддержка суда). При таком подходе вопросы нивелирования «организационных рисков, которые обусловлены определением на законодательном уровне центра ответственности, ответственного за использование данных в цифровой форме и обеспечение защиты информации в рамках электронного правосудия и электронного документооборота в сфере правосудия» [8, с. 24] рассматриваются уже несколько в другом аспекте. Процессуальное законодательство должно быть дополнено гарантиями, которые содержательно учитывают специфические цифровые нарушения (техническая невозможность доступа к материалам электронного дела, искажение аудио-, видеопотока при проведении заседания в онлайн-формате) и распределяют риски в пользу стороны. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав должен включать специальные процедуры фиксации таких сбоев (скриншоты, системные логи) и упрощенный порядок восстановления процесса осуществления прав, что в целом соответствует принципам доступности правосудия. Учитывая необходимость введения процедуры фиксации технических сбоев, можно предложить расширение субъектного состава лиц, содействующих осуществлению правосудия, а именно закрепить процессуально-правовое положение аудитора алгоритмов, что становится актуальным в том числе и в силу развития технологии ИИ, под которой в самом обобщенном виде следует рассматривать компьютерную программу, материальный носитель, совокупность компьютеров, оборудования, различных устройств, инструмент, способный работать без участия человека [3, с. 18], а также перспектив ее использования в российской судебной системе.

Основой формирования специального процессуального института независимого аудитора алгоритмов, то есть методологической базой для оценки соответствия ИИ-систем, чья деятельность регламентирована нормами арбитражного процесса, могут выступать Азиломарские принципы ИИ². Такой подход, основанный на классической теории процессуального права, раскрывающий понятие

цивилистического процесса, дает направление не для дискуссий (в некоторых случаях приобретающих схоластический характер) о наличии нового субъекта процессуальных отношений и об «алгоритмической ответственности», а о необходимости совершенствования процессуальной формы.

В условиях технологизации процессуальные действия трансформируются из непосредственных (подписать собственноручно) в технически опосредованные (подписать усиленной квалифицированной электронной подписью), где информационная система выступает не как новый субъект права, а как обязательный элемент процессуальной формы, обеспечивающий фиксацию, передачу и валидацию юридически значимых действий. Это и составляет сущность цифрового процесса, который должен содержать процессуальные средства, обеспечивающие реализацию процессуальных прав сторон и выступающие соответствующим элементом процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном судопроизводстве.

В цифровую эпоху этот механизм дополняется специфическими «цифровыми» мерами защиты, которые компенсируют технологические риски и обеспечивают функциональную эквивалентность электронной формы процесса традиционному бумажному производству. К таким мерам защиты следует относить меры, применяемые арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, в целях восстановления нарушенных субъективных процессуальных прав, возникших вследствие технических сбоев, алгоритмических ошибок, цифровой асимметрии или иных рисков электронного правосудия.

В круг действий, охватываемых понятием «восстановление права», по нашему мнению, следует включать действия, направленные на обеспечение неприкосновенности субъективного процессуального права, пресечение неправомерных действий либо ликвидацию последствий.

В классической теории меры защиты применяются при наличии факта противоправного поведения, нарушающего субъективное процессуальное право. В цифровой среде к традиционным основаниям добавляются новые критерии, адаптирующие традиционные основания к цифровой процессуальной форме. Так, например, традиционно

² Азиломарские принципы стали итогом работы конференции Beneficial AI, которая прошла в Калифорнии в 2017 г. и была посвящена безопасному применению искусственного интеллекта для пользы человечества. Asilomar AI Principles [Электронный ресурс]. URL : <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения 15.02.2026).

в качестве фактов противоправного поведения рассматриваются:

- неисполнение процессуальной обязанности вследствие сбоя системы (сторона не смогла загрузить отзыв в срок из-за недоступности системы «Мой арбитр»);
- нарушение права на ознакомление с материалами дела, то есть неполучение автоматического уведомления или невозможность открыть электронный документ (уведомление не дошло из-за ошибки в email либо файл поврежден при загрузке);
- затягивание процесса, злоупотребление цифровыми инструментами (массовая подача ходатайств через бот, то есть автоматизированная подача идентичных ходатайств с целью создания нагрузки на систему);
- непредставление доказательств, невозможность их представления в требуемом электронном формате, то есть доказательство существует только в бумажной форме, а у стороны нет средств оцифровки.

Фиксация данных оснований осуществляется независимым аудитором алгоритмов, который обладает соответствующими правами и обязанностями. Например, правом доступа к «черному ящику» (то есть независимый аудитор алгоритмов имеет право требовать доступ к исходному коду, весам модели и логам данных под соглашением о неразглашении, защищенным судебным приказом, отказ стороны в предоставлении кода трактуется как признание вины (презумпция непрозрачности)), правом на тестирование (то есть независимый аудитор алгоритмов может запускать «красные команды» (red-teaming), а именно атаки на алгоритм для выявления уязвимостей в ходе процесса). Как следствие, заключение независимого аудитора алгоритмов обладает квалифицированной презумпцией истинности и должно содержать не только технический вывод («код работает»), но и этический вердикт, то есть код соответствует принципам Азиломара в части X, Y, Z.

Несомненно, следует императивно закреплять нормы, которые позволяют оспорить такое заключение, но только другим аккредитованным независимым аудитором алгоритмов. Свидетель или сторонний специалист не могут опровергнуть сделанные в заключении выводы без проведения встречной алгоритмической экспертизы.

Как следствие, основанием для применения цифровых процессуальных меры защиты является не только виновное поведение субъекта, но и объективная цифровая невозможность реализации права, подтвержденная техническими логам, скриншотами или заключением независимого аудитора алгоритмов.

Функции мер защиты как направления правового воздействия на процессуальное поведение субъектов приобретают новое содержание. Так, например, восстановительная функция цифровых процессуальных мер защиты может проявляться в применении конкретных мер:

- восстановление процессуального срока, если он пропущен вследствие подтвержденного технического сбоя. При подтверждении факта технической невозможности совершения процессуального действия в установленный срок срок восстанавливается автоматически, без необходимости подачи отдельного ходатайства и доказывания «уважительности» причин в традиционном понимании. Процедурное закрепление предполагает, что система «Мой Арбитр» фиксирует сбой (например, недоступность более одного часа в рабочий день) и генерирует официальный сертификат сбоя, далее при попытке лицом, участвующим в деле, совершить действие в период сбоя система автоматически присваивает действию дату, следующую за днем устранения сбоя. Судья получает уведомление о продлении процессуального срока и проверяет корректность срабатывания механизма. Данная мера реализует восстановительную функцию защиты, устраняя негативные последствия технического сбоя для добросовестной стороны, что соответствует концепции о превентивно-восстановительной природе процессуальных гарантий;

- предоставление альтернативного канала коммуникации (бумажная почта) при длительной недоступности электронного кабинета;

- повторное направление электронного уведомления при ошибке системы доставки.

Пресекательная функция проявляется в способах локализации цифровых угроз:

- блокировке доступа к электронному делу при подозрении на несанкционированный вход;
- блокировке отзыва в форме электронного документа, загруженного с нарушением правил формата или содержащего вредоносный код;

– приостановлении автоматизированной обработки ходатайства при выявлении алгоритмической ошибки.

Обеспечительная функция проявляется в гарантировании цифровой процессуальной стабильности:

- фиксации «цифрового следа» процессуальных действий для последующей верификации;
- резервном копировании материалов дела в режиме реального времени;
- обеспечении равного доступа сторон к электронным доказательствам.

Также можно говорить о необходимости классификации цифровых мер процессуальной защиты в целях выявления их существенных признаков. Так, по такому основанию, как субъект, к которому применяются цифровые меры процессуальной защиты, с учетом того, что появляется специальный субъект – независимый аудитор алгоритмов, можно провести следующую классификацию:

– меры в отношении состава суда – отвод судьи при выявлении его аффилированности с разработчиком алгоритма, использованного при подготовке проекта решения;

– меры в отношении сторон – восстановление срока при подтверждении технического сбоя, предоставление дополнительного времени на ознакомление с объемными электронными материалами;

– меры в отношении независимого аудитора алгоритмов – обязанность предоставить логи системы (лог-файлы, журналы событий)³ для подтверждения факта сбоя, обязанность по устранению технической ошибки в разумный срок;

– меры в отношении третьих лиц – истребование электронных доказательств из государственных информационных систем с гарантией целостности данных.

По способу инициации в электронной среде цифровые меры процессуальной защиты можно классифицировать в зависимости от формы инициации – активной или пассивной (автоматическое применение).

Активная форма инициации применения цифровых мер процессуальной защиты предполагает, что лицо, участвующее в деле, само-

стоятельно инициирует применение меры защиты такими способами, как:

– подача ходатайства о применении меры защиты через личный кабинет в системе «Мой Арбитр» с автоматической фиксацией времени подачи;

– использование функции «Сообщить о проблеме» в интерфейсе электронного кабинета для оперативного реагирования судом;

– направление заявления о фальсификации электронного доказательства с приложением метаданных и хэш-сумм⁴ [9; 10].

Пассивная форма инициации – это автоматическое применение мер защиты как реакция на нарушение порядка осуществления субъективного права в целях его восстановления:

– автоматическое продление процессуального срока при официальном подтверждении недоступности системы в последний день срока;

– автоматическое дублирование уведомления по альтернативному каналу при отсутствии подтверждения прочтения в течение 24 часов;

– автоматическая блокировка подозрительной активности аккаунта с последующим уведомлением владельца.

По объекту цифровые меры процессуальной защиты могут классифицироваться в зависимости от процессуального права, которое нарушено или в отношении которого существует угроза нарушения.

4 Метаданные – это структурированная информация, встроенная в файл, которая описывает его свойства и контекст использования. Они создаются автоматически программами или устройствами, участвующими в создании файла, но могут добавляться вручную, а именно: технические параметры – размер файла, тип, формат, разрешение, кодек; описательные характеристики – название, ключевые слова, описание; административные сведения – автор, правообладатель, дата создания, версия ПО; геопространственные атрибуты – GPS-координаты (для фото). См.: EXIF, метаданные фото и документов: извлечение, анализ и инструменты (ExifTool, MetaPic и другие) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Technolady/354812.php> (дата обращения 16.02.2026). Хэш-сумма (от англ. hash – путаница, мешанина) – последовательность символов фиксированной длины, полученная путем преобразования произвольных исходных данных (числа, текста, файла и др.) при помощи специального математического алгоритма, которая однозначно соответствует этим исходным данным, но не позволяет их восстановить. Если хотя бы один байт в файле изменяется, хэш-сумма полностью преобразится, что делает ее отличным индикатором целостности данных. См.: Энциклопедия «Касперского» [Электронный ресурс]. URL <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/hash/> (дата обращения: 16.02.2026).

3 Хронологические записи о происходящих в системе событиях, которые автоматически создаются операционными системами, приложениями, серверами и сетевыми устройствами.

Например, цифровые сбои не должны лишать лицо права на судебную защиту. Поэтому в случаях технических сбоев право на обращение в суд может быть обеспечено в активной (инициативной) форме путем предоставления альтернативного канала подачи документов либо технической помощи аппарата суда. В пассивной (автоматизированной) форме право на обращение в суд может быть обеспечено автоматическим продлением процессуального срока при официальной фиксации недоступности системы в последний день срока. Автоматическое продление в пассивной (автоматизированной) форме исключает объективную оценку судом «уважительности» причин пропуска срока обращения, но требует совершенствования процессуального законодательства в части форматов подтверждения, алгоритмов фиксации, исключений злоупотреблений со стороны лиц, участвующих в деле.

При выявлении «цифровой уязвимости» лица, участвующего в деле (отсутствие КЭП, нестабильный интернет, низкая цифровая грамотность), суд по ходатайству данного субъекта или по собственной инициативе устанавливает порядок взаимодействия через альтернативные каналы без ухудшения процессуального положения данной стороны (например, прием документов на бумажном носителе с последующей оцифровкой аппаратом суда). Такая мера компенсирует цифровое неравенство, обеспечивая реальное, а не формальное равноправие сторон, что соответствует активной роли суда в механизме охраны процессуальных прав.

Специфические цифровые меры процессуальной защиты применяются и в тех случаях, когда сторона реализует право на заявление о фальсификации электронного доказательства (ст. 161 АПК РФ). В данном случае возникает необходимость в проведении верификации электронно-цифровых доказательств [2, с. 11–12], что на сегодняшний день является проблематичным из-за отсутствия нормативного закрепления критериев оценки электронных документов, о чем неоднократно указывалось в научных исследованиях [8].

По общим правилам арбитражного процессуального законодательства, доказательство считается допустимым, если данные получены и представлены в порядке, установленном АПК РФ и применимыми законами, а источник

данных, способ их получения и обеспечение подлинности соответствуют нормам.

Таким образом, критериями допустимости цифрового доказательства являются:

- легитимность источника данных, которая складывается из наличия у лица, представившего доказательство, права на доступ и полномочий на использование и передачу информации;
- соблюдение формата представления доказательства: формат файлов, метаданные, электронная подпись, целостность данных;
- соблюдение процессуальных правил представления доказательств в арбитражном процессе;
- отсутствие манипуляций с данными (сохранение неизменности, защитные меры против подмены и утраты информации);
- требования к цифровой подписи и сертифицированным средствам защиты информации в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи» и регламентами ФСБ/Минцифры.

Как следствие, в рамках проведения технической экспертизы, которая назначается в специализированной организации, имеющей лицензию на работу с цифровыми доказательствами, должна быть проведена проверка метаданных, хэш-сумм, истории редактирования файла, цифровой подписи.

Такая мера, как назначение экспертизы, обеспечивает реализацию права на состязательность в цифровой среде, позволяет стороне оспорить достоверность электронного доказательства с использованием специализированных технических средств.

В целях определения существенных признаков цифровых мер процессуальной защиты следует провести анализ соотношения цифровых мер процессуальной защиты и превентивно-обеспечительных мер по следующим критериям:

- временный характер применения меры: цифровые меры процессуальной защиты применяются после нарушения права, превентивно-обеспечительные – до возможного нарушения;
- целевое предназначение: цифровые меры процессуальной защиты направлены на восстановление нарушенного права, превентивно-обеспечительные предотвращают нарушение процессуальных прав;

– инициация применения: цифровые меры процессуальной защиты применяются преимущественно по ходатайству стороны, а превентивно-обеспечительные – преимущественно по инициативе арбитражного суда.

В качестве примера цифровых мер процессуальной защиты можно привести восстановление процессуального срока при сбое системы: применяется после нарушения, восстанавливает нарушенное право на обращение в арбитражный суд с соответствующим заявлением, применяется либо по инициативе правообладателя, либо в процедуре автоматического применения как реакция на нарушение порядка осуществления субъективного права. А такую меру, как предварительная проверка связи перед судебным заседанием в форме ВКС/онлайн, следует рассматривать как превентивно-обеспечительную, направленную на предотвращение нарушения права на участие в судебном разбирательстве.

В целом можно сделать вывод, что цифровые меры процессуальной защиты и превентивно-обеспечительные меры образуют единый контур охраны прав в цифровом процессе: первые восстанавливают право *post factum*, вторые предотвращают его нарушение *ex ante*.

Анализ соотношения цифровых мер процессуальной защиты и мер процессуальной ответственности по определенным критериям позволяет сделать вывод, что данные меры имеют существенные различия, которые указывают на их самостоятельность и идентичность в системе процессуальных гарантий. Так, целевым предназначением закрепления в нормативном материале мер процессуальной защиты, как было выявлено, является их способность восстанавливать права потерпевшего, а цифровые меры процессуальной ответственности направлены на наказание нарушителя.

Условием применения цифровых мер процессуальной защиты является факт нарушения права независимо от вины, меры процессуальной ответственности применяются при виновном противоправном поведении.

Последствия для нарушителя цифровых мер процессуальной защиты проявляются в обязанности восстановить право (без дополнительных санкций), меры процессуальной ответственности носят характер претерпевания либо имущественных санкций (судебный штраф), либо неимущественной санкции личного претерпевания (удаление из зала судеб-

ного заседания, иные санкции). Например, при ошибке системы повторное направление уведомления рассматривается как цифровая мера процессуальной защиты, а загрузка вредоносного файла в материалы дела может повлечь штраф.

Вместе с тем цифровая мера процессуальной защиты не исключает применения меры ответственности, если нарушение права было вызвано виновными действиями субъекта. Например, при умышленной фальсификации электронного доказательства суд может исключить доказательство из дела (мера защиты) и наложить судебный штраф (мера ответственности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Адаптация процессуальных мер защиты к условиям цифровизации экономического правосудия не означает отказ от фундаментальных принципов, заложенных в теории процессуальных гарантий. Напротив, это эволюция восстановительной функции права, которая приобретает новые инструменты для противодействия технологическим угрозам.

Конечно, как и в традиционной модели, целью цифровых мер процессуальной защиты является восстановление нарушенного процессуального права, что обеспечивает реальную, а не формальную защиту интересов стороны.

К традиционному основанию (противоправное поведение) добавляется новая категория – объективная цифровая невозможность реализации права, подтвержденная техническими доказательствами. Наряду с ходатайством стороны появляется механизм автоматического применения мер защиты при срабатывании алгоритмов (восстановление срока, дублирование уведомлений). Вводятся новые виды защиты, не имеющие аналогов в бумажном процессе (верификация электронных доказательств, ревизия алгоритмических решений, экстренный перевод в очный формат). Арбитражный суд наделяется полномочиями, которые оказывают трансформирующее воздействие на его функции в процессе, а именно полномочиями «цифрового арбитра». Оставаясь главным гарантом восстановительной функции правосудия, арбитражный суд наделяется интегративной функцией, сочетающей правовую компетенцию с пониманием технологических аспектов.

Несомненно, для эффективности цифровых мер защиты требуется их императивное закрепление в АПК РФ, что обеспечит правовую определенность и единство судебной практики.

Только при условии комплексной адаптации восстановительного механизма к циф-

ровым реалиям цифровизация арбитражного процесса станет не угрозой, а действенным инструментом повышения доступности, эффективности и справедливости экономического правосудия, где технологии служат защите прав, а не создают новые барьеры для их реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. – Москва : Наука, 1979. – 229 с.
2. Маколкин Н.Н. Институт аутентификации и верификации в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Н.Н. Маколкин. – Казань, 2023. – 248 с.
3. Архиреев Н.В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н.В. Архиреев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 5–20.
4. Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие / В.Н. Бутылин. – Москва : Изд-во Рос. экон. акад. им. Г.П. Плеханова, 2002. – 204 с.
5. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васильковский. – Москва : Бр. Башмаковы, 1913. – 691 с.
6. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения / Н.А. Чечина. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 68 с.
7. Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе / В.В. Ярков. – Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. – 582 с.
8. Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права / под ред. Д.Х. Валеева, А.Г. Нуриева. – Москва : Проспект, 2024. – 80 с.
9. Козин И.С. Метод обеспечения безопасности данных при их обработке в блокчейн-системе за счёт применения искусственных нейронных сетей : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 2.3.6 / И.С. Козин. – Санкт-Петербург, 2022. – 21 с.
10. Тетюшин А.В. Методический инструментарий формирования отчетной информации об операциях с цифровыми финансовыми активами : дис. ... канд. экон. наук : 5.2.3 / А.В. Тетюшин. – Москва, 2024. – 150 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 16.04.2026. The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 19.05.2026.

REFERENCES

1. Vitruk N.V. Fundamentals of the Theory of the Individual's Legal Status in a Socialist Society. Moscow, Nauka Publ., 1979. 229 p.
2. Makolkin N.N. The Institution of Authentication and Verification in Civil Proceedings. *Cand. Diss.* Kazan, 2023. 248 p.
3. Arkhireev N.V. Artificial Intelligence: Its Concept and Characteristics. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 5–20. (In Russian).
4. Butylin V.N. Fundamentals of the State Law Mechanism for the Protection of Citizens' Constitutional Rights and Freedoms. Plekhanov Russian Academy of Economics Publ., 2002. 204 p.
5. Vaskovsky E.V. The course of Civil Procedure. Moscow, Bashmakov Brothers Publ., 1913. Vol. 1. 691 p.
6. Chechina N.A. Civil Procedural Relations. Leningrad State University Publ., 1962. 68 p.
7. Yarkov V.V. Legal Facts in Civil Proceedings. Moscow, Berlin, Infotropik Media Publ., 2012. 582 p.
8. Valeev D.H., Nuriev A.G. (eds.). Electronic Justice as a Factor in the Transformation of Procedural Branches of Law. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 80 p.
9. Kozin I.S. A Method for Ensuring Data Security During Their Processing in a Blockchain System Through the Use of Artificial Neural Networks. *Cand. Diss. Thesis.* Saint Petersburg, 2022. 21 p.
10. Tetyushin A.V. Methodological Tools for the Formation of Reporting Information on Operations with Digital Financial Assets. *Cand. Diss.* Moscow, 2024. 150 p.

Научная статья
УДК 347.191
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.16

Original article

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ Елена Марковна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
ordanskayelena@list.ru

TUZHILOVA-ORDANSKAYA Elena Markovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

STATE PARTICIPATION IN BUSINESS ENTITIES: ADDRESSING THE EFFECTIVENESS OF
LEGAL REGULATION

Аннотация. Эффективность развития национальной экономики, качество выполнения социальных программ непосредственно зависят от результативности управления государственной собственностью, значимым элементом которой выступают государственные пакеты акций. Корпорации с государственным участием Российской Федерации формируют значительную часть доходов бюджета, обеспечивают активизацию научно-технического прогресса в таких приоритетных для отечественной экономики отраслях, как ТЭК, транспортная инфраструктура, машиностроение, металлургия и др., реализуют определенные программы развития социально-экономической инфраструктуры. Очевидно, что в таких условиях современная модель государственного участия в экономике и ее гражданско-правовое оформление требуют пересмотра. Целью исследования является определение эффективности правового регулирования деятельности хозяйственных обществ с государственным участием. Достижение данной цели обеспечивается решением следующих задач: формирование определения и основных признаков хозяйственных обществ с государственным участием, установление их правосубъектности, места в системе юридических лиц. Методы исследования: историко-правовой метод позволил выявить проблему определения статуса хозяйственного общества с государственным участием и классифицировать существующие в цивилистической доктрине подходы в этом направлении; системный подход лег в основу выявления характерных признаков рассматриваемого субъекта права; с помощью формально-юридического метода проанализировано действующее законодательство Российской Федерации и выявлены пробелы в правовом регулировании исследуемого объекта. Результаты: сделан вывод, что само по себе участие государства в уставном капитале хозяйственного общества не порождает новую организационно-правовую форму, однако требует дополнительного правового регулирования деятельности, в частности наделятия таких хозяйственных обществ специальной правосубъектностью.

Abstract. The effectiveness of national economic development and the quality of social program implementation directly depend on the efficiency of state property management, a significant element of which is state-owned shareholdings. Corporations with state participation in the Russian Federation generate a significant share of budget revenues, foster scientific and technological progress in priority sectors of the national economy such as the fuel and energy complex, transport infrastructure, mechanical engineering, metallurgy, etc., and implement specific socio-economic infrastructure development programs. It is evident that under such conditions, the modern model of state participation in the economy and its civil law framework require revision. The purpose of the research is to determine the effectiveness of legal regulation of the activities of business entities with state participation. This purpose is achieved through the following tasks: developing a definition and identifying the main characteristics of business entities with state participation, establishing their legal standing, and determining their place in the system of legal entities. Research methods: the historical-legal method enabled the identification of the problem of defining the status of a business entity with state participation and the classification of existing approaches in civil law doctrine in this area; the systemic approach formed the basis for identifying the characteristic features of the subject of law under consideration; using the formal-legal method, the current legislation of the Russian Federation was analyzed, and gaps in the legal regulation of the object under study were identified. Results: the article concludes that the mere participation of the state in the charter capital of a business entity does not create a new organizational and legal form. However, this situation calls for additional legal regulation, specifically the granting of special legal capacity to such entities.

Ключевые слова: гражданский оборот, юридическое лицо, хозяйственное общество с государственным участием, специальная правоспособность

Для цитирования: Тужилова-Орданская Е.М. Участие государства в хозяйственных обществах: проблема эффективности правового регулирования / Е.М. Тужилова-Орданская. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 138–144.

Keywords: civil turnover, legal entity, business entity with state participation, special legal capacity

For citation: Tuzhilova-Ordanskaya E.M. State Participation in Business Entities: Addressing the Effectiveness of Legal Regulation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 138–144. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.16.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об объеме и формах участия государства в экономической жизни неизменно входит в число наиболее актуальных как в российской, так и в зарубежной научной среде. Степень государственного воздействия на рыночные отношения неоднородна: возможен как либеральный сценарий, так и интервенционистский, характеризующийся высокой интенсивностью регулятивных мер. Традиционно данная сфера является объектом исследования экономической науки, однако ее теоретические наработки обретают практическую значимость лишь после их нормативного закрепления. Это обуславливает необходимость обращения к обозначенной проблематике и в рамках юридической науки, в том числе в доктрине гражданского права.

Думается, что ключевая функция цивилистической науки сводится к формированию условий, способствующих устойчивому развитию рыночных механизмов. Это предполагает поиск таких правовых форм имущественных отношений, а также юридических конструкций и институтов, которые в максимальной степени соответствуют современным реалиям глобальной экономики. В этом контексте особое значение приобретает участие Российской Федерации в хозяйственных обществах, точнее – выработка эффективного правового регулирования данной сферы. Такое регулирование должно быть, с одной стороны, сбалансированным для государства и иных субъектов гражданского оборота, а с другой – соответствовать публичным функциям государства и обеспечивать его надлежащее присутствие в коммерческом обороте.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Глобальные тенденции, выражающиеся в сокращении потребления сырьевых и энергетических ресурсов, порождают достаточно очевидные и масштабные последствия для России. Это обуславливает потребность в перестройке национального хозяйства и его адаптации к новым условиям функционирования. В сложившейся обстановке неизбежен пересмотр существующей модели государственного участия в экономике и ее цивилистического оформления. При этом для Российской Федерации указанные вопросы обладают особой значимостью в силу исторически сложившихся форм государственного присутствия в хозяйственной сфере и избранных методов экономического развития. Как известно, государственный сектор в экономике России традиционно занимает значительную долю в общем объеме общественного производства и сохраняет эту позицию в настоящее время. В этих условиях неизбежно возрастает значимость государства как полноценного участника гражданского оборота, поскольку его деятельность в данной сфере не сводится к одному лишь регулированию, а предполагает непосредственное вовлечение в имущественные отношения. Будучи собственником крупнейших активов и преследуя стратегические цели, государство занимает в обороте особое правовое положение, отличающееся от статуса иных субъектов и выражающееся в наделении его расширенным объемом прав. В связи с этим перед гражданским правом, как представляется, стоит задача выработки сбалансированной модели правового регу-

лирования, способной учесть интересы самого государства и всех остальных участников гражданского оборота.

Как установлено в ст. 124 ГК РФ, при вступлении в отношения, регулируемые гражданским правом, Российская Федерация, региональные и муниципальные образования действуют на равных основаниях с прочими участниками оборота – гражданами и организациями. Это положение отражает идею «двойной роли» государства: с одной стороны, как носителя властных полномочий, с другой – как участника частноправовых отношений (собственника, кредитора, акционера).

В современной цивилистической доктрине подчеркивается, что публично-правовые образования занимают центральное место в государственном секторе экономики, обеспечивая реализацию ключевых функций государства и при этом действуя через гражданско-правовые формы. Ч.М. Шавалеева справедливо указывает, что публично-правовые образования формируют «каркас» государственного сектора, в том числе через участие в хозяйственных обществах [1, с. 90].

При этом дать четкую оценку участия государства как акционера достаточно проблематично, поскольку все во многом зависит от управленческого и ценностного подхода. В частности, Г.Ф. Шершеневич, анализируя участие государства в акционерных обществах, отмечал, что подобные структуры способствуют постепенной социализации значительного числа хозяйственных отраслей. К их достоинствам он относил, во-первых, ограничение ответственности размерами внесенного вклада; во-вторых, значительный объем основного капитала при минимальном риске для отдельного участника; в-третьих, устойчивость и длительный срок функционирования предприятия, не зависящие от жизненного цикла конкретного предпринимателя; в-четвертых, распределение получаемых выгод среди широкого круга лиц [2, с. 84].

Само по себе наличие в капитале общества публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) не порождает новой организационно-правовой формы; законодатель сознательно не выделяет «хозяйственное общество с государственным участи-

ем» в качестве обособленной разновидности юридических лиц.

В то же время на протяжении длительного периода в нормативных правовых актах и в доктринальных источниках применяется термин «компании (хозяйственные общества) с государственным участием», что свидетельствует о формировании устойчивой доктринальной и практической категории. Так, в официальных документах Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти систематически говорится о «компаниях с государственным участием» при описании приватизационной политики, управления государственными пакетами акций и непрофильными активами. Московская биржа рассчитывает отдельные индексы акций компаний с государственным участием, фактически выделяя их в особый подсегмент публичного рынка.

В доктрине сложилось несколько взглядов на понимание и определение места хозяйственных обществ с государственным участием.

1. Формально-юридический (владельческий) подход. Этот наиболее распространенный в экономико-правовой литературе подход определяется через критерий участия государства в капитале. В числе наиболее востребованных в научном обороте последних лет определений – формулировка, предложенная Т.А. Шамсутдиновым: под компанией с государственным участием понимается организация, определенная доля акций которой находится в собственности государства (прямо либо опосредованно – через аффилированные предприятия, институты или субъекты Российской Федерации) [3, с. 110]. Применительно к данному подходу в числе критериев, позволяющих отнести общество к категории «с государственным участием», наличие доли (пакета акций) у публично-правового образования – Российской Федерации, субъекта Федерации или муниципального образования; прямое или опосредованное владение – через государственные корпорации, государственные холдинги, национальные компании, а также иные подконтрольные юридические лица; отсутствие значения правового режима участия (контрольный/блокирующий пакет, «золотая акция» и т. п.) – достаточно самого факта включения государства в состав участников.

Достоинства такого подхода – его простота и операциональность: он вполне соответствует статистическим и эконометрическим задачам определения роли государства в экономике. Именно по такой логике строятся исследования А.Е. Абрамова и соавторов о доле компаний с государственным участием в российском ВВП, капитализации фондового рынка и занятости населения [4, с. 64].

В то же время чисто владельческий критерий недостаточно учитывает специфику правового режима соответствующих обществ. Во-первых, государственное участие может сочетаться с обычными частноправовыми механизмами управления (особенно при миноритарном пакете), и тогда говорить о «специальной природе» общества затруднительно. Во-вторых, контроль может осуществляться не только через долю, но и посредством специальных прав, закрепленных в законе, уставе или в публично-правовом статусе участника (пресловутая «золотая акция», специальные права собственника стратегических активов и т. д.) [5, с. 96].

2. Функциональный (целевой) подход.

В ряде работ акцент делается не столько на доле государства, сколько на целевых установках и функциях таких обществ. Многие авторы, анализируя роль хозяйственных обществ с государственным участием в системе управления государственной собственностью, рассматривают их как инструмент эффективного распоряжения публичным имуществом и достижения макроэкономических и социально значимых целей при сохранении корпоративно-правовой формы и рыночных стимулов [6, с. 96].

Схожий подход демонстрируют работы, посвященные оценке эффективности компаний с государственным участием: они подчеркивают сочетание коммерческих и публичных, в том числе инфраструктурных и социально-обеспечительных задач [7, с. 121]. В таких исследованиях хозяйственные общества с государственным участием фактически описываются как гибридные организации, находящиеся на стыке частноправового и публичного секторов.

Так, В.С. Тюрин, разделяя изложенную точку зрения, констатирует, что участие государства в хозяйственных обществах в каче-

стве акционера либо участника позволяет ему воздействовать на их деятельность – реализовывать стратегические задачи, осуществлять контроль над значимыми активами и поддерживать конкурентоспособность отечественных предприятий [8, с. 243].

Сильная сторона функционального подхода – способность объяснить практическую роль таких обществ, их вовлеченность в реализацию долгосрочной промышленной и социальной политики государства. Его недостаток – неопределенность границ: далеко не всякая компания с участием государства фактически реализует публичные цели (особенно при миноритарном пакете и пассивной роли государства как акционера).

3. Институциональный (секторный) подход. Ряд авторов предлагают рассматривать хозяйственные общества с государственным участием прежде всего как элемент государственного сектора экономики. В частности, В.А. Григорьева при анализе публичного сектора включает в его состав унитарные предприятия государства, хозяйственные общества с участием публичной власти, государственные учреждения, а также иные организации, подконтрольные публично-правовым образованиям.

Т.А. Шамсутдинов предлагает рассматривать компании с государственным участием как часть государственного сектора экономики Российской Федерации, выделяя их среди иных форм государственного присутствия за счет комбинации публичной собственности на капитал и частноправовой корпоративной формы [3, с. 104].

Институциональный подход позволяет включить хозяйственные общества с государственным участием в более широкий контекст исследований «государственного капитализма», последствий высокой доли государства в экономике, влияния SOE на конкуренцию и инвестиционный климат. При этом он зачастую абстрагируется от собственно гражданско-правовой характеристики таких обществ.

4. Комплексный (смешанный) подход и концепция «государственного юридического лица частного права». В российской цивилистической доктрине на современном этапе все чаще предпринимаются попытки объединить обозначенные подходы и охарак-

теризовать хозяйственные общества с государственным участием через категорию «государственное юридическое лицо частного права». Такая конструкция основывается, с одной стороны, на универсальной модели корпоративных коммерческих организаций, заложенной в ГК РФ (акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью), а с другой – на их функциональной связи с публичной властью и включенности в публичный сектор.

Сюда же примыкают исследования форм участия государства и иных публичных образований в гражданском обороте, подчеркивается, что хозяйственные общества с государственным участием не должны выводиться из-под действия общих норм частного права и общего корпоративного режима, но нуждаются в дополнительных гарантиях прозрачности, ответственности представителей государства и учете конкурентных последствий [9, с. 375].

Именно смешанный подход, учитывающий одновременно особенность субъекта (участие публично-правового образования в капитале), цели участия (публичные и коммерческие), включенность в государственный сектор, сохранение частноправовой формы, представляется на сегодняшний день наиболее продуктивным для теоретического и прикладного анализа.

Следует обозначить, что и внесение государственного имущества в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества, в силу повышенной общественной значимости, также предусматривает отдельное законодательное регулирование. В первую очередь речь идет о Законе о приватизации. Данный нормативно-правовой акт является фундаментом системы участия государства в экономике страны через участие в хозяйственном обществе.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ И ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исходя из критического анализа указанных подходов и нормативной базы (ГК РФ, законы об АО и ООО, о приватизации, специальные акты о «золотой акции» и управлении государственным имуществом) целесообразно сформулировать следующее определение: хозяйственное общество с государственным

участием – это акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал которого полностью или частично сформирован за счет вкладов (акций, долей) Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования либо подконтрольных им юридических лиц, в отношении которого государство прямо или опосредованно осуществляет корпоративные права участника, преследуя наряду с коммерческими целями решение публично значимых задач и реализуя особый режим управления и ответственности, вытекающий из публично-правового статуса участника и действующего законодательства о государственном имуществе и корпоративном управлении.

Такое определение сочетает:

- организационно-правовой критерий – это всегда АО или ООО;
- владельческий критерий – участие публично-правового образования (прямое или через «публичный холдинг»);
- функциональный критерий – наличие публичных целей участия, закрепляемых в стратегических документах и актах об управлении имуществом;
- режимный критерий – действие специальных правил о распоряжении долями/акциями, назначении представителей государства, отчете об эффективности управления, ограничениях отчуждения стратегических активов и т. п.¹

При этом государственное участие не изменяет природу общества как частноправовой корпорации, но существенно влияет на его статус в системе юридических лиц, что требует отдельной регламентации в силу специфики государства как в первую очередь политической организации, обеспечивающей защиту публичных интересов. В этой связи представляется необходимым признать наличие специальной правосубъектности у рассматриваемых юридических лиц.

В цивилистической науке по данному вопросу сложились две противоположные позиции. Представляется обоснованной позиция тех ученых, которые указывают на особый

¹ Об отчуждении привилегированных акций хозяйственного общества с государственным участием : письмо Минфина России от 15.10.2020 № 28-01-07/90125 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовой статус хозяйственных обществ с государственным участием, рассматривая их в качестве самостоятельных юридических лиц. Так, например, Д.В. Давыдов приходит к выводу, что такие общества обладают специальной правосубъектностью в первую и главную очередь в силу их государственных функций [10, с. 6]. Такого же мнения придерживается и Н.Е. Кантор [11, с. 79].

Вместе с тем Ж.Т. Ламбаевым было выдвинуто положение, что хозяйственные общества с государственным участием должны иметь общую правоспособность, особенно при участии как публичного, так и частного капиталов. В качестве обоснования такого подхода автор указывает, что специальная правоспособность делает бессмысленным само использование конструкции хозяйственного общества в целях государственного предпринимательства [12, с. 82]. По его мнению, хозяйственные общества с государственным участием могут обладать общей правосубъектностью лишь в случае наличия в собственности государства минимума блокирующего пакета акций/долей в силу того, что цель участия государства в капитале хозяйственного общества связана в первую очередь с выполнением социально значимых функций в рамках участия в предпринимательских отношениях.

Думается, что сам по себе специальный статус предпринимателя не делает его участие в предпринимательской деятельности невозможным или лишенным смысла. Достаточно обратиться к требованиям, предъявляемым к кредитным организациям и специализированным застройщикам. Эти требования как раз и фиксируют специальную правосубъектность юридических лиц, в том числе в прямо обозначенных законодателем организационно-правовых формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственное участие в экономике выражается в нескольких формах в зависимости от целей и задач, которые ставятся перед государственным аппаратом, позволяющих до-

стичь определенного уровня развития и безопасности общественных отношений. Такое участие выражается прежде всего в двух вариантах: внешнего регулятора отношений и участника гражданского оборота.

В качестве характеризующего признака, с помощью которого можно отнести конкретное действие государства в экономике к одному из указанных вариантов, является возможность применения властных полномочий в отношении противостоящих участников. Так, установление определенных стандартов, ГОСТов и лицензионных требований для осуществления юридическими лицами и иными субъектами предпринимательской деятельности конкретных мероприятий относится к властным инструментам, выраженным в обязанности участников соответствовать неким правилам с использованием механизмов принуждения.

Участие же государства через публично-правовые образования в рамках гражданских правоотношений должно осуществляться без применения властных рычагов, так как в основу такой группы общественных отношений положены принципы диспозитивности и равенства сторон. Такая деятельность может осуществляться путем непосредственного участия публично-правовых образований в экономике, учреждения и управления государственными предприятиями и компаниями, в том числе в качестве учредителя (участника) в хозяйственных обществах.

Вместе с тем участие публично-правового образования в хозяйственных обществах означает не только реализацию полномочий по управлению государственной собственностью, но и учет публичных интересов, что проявляется в стабилизации соответствующих рынков путем создания общественных благ. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что само по себе участие государства в уставном капитале хозяйственного общества не порождает новую организационно-правовую форму, однако требует дополнительного правового регулирования деятельности, в частности наделения таких хозяйственных обществ специальной правосубъектностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шавалеева Ч.М. Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования / Ч.М. Шавалеева // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 89–92.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. Т. 1. Общая часть / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Юрайт, 2025. – 148 с.
3. Шамсутдинов Т.А. Компании с государственным участием как часть государственного сектора в экономике Российской Федерации / Т.А. Шамсутдинов // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2023. – № 2 (22). – С. 99–110.
4. Абрамов А.Е. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике / А.Е. Абрамов, А.Д. Радыгин, М.И. Чернова // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С. 61–87.
5. Ламбаев Ж.Т. «Золотая акция» и пределы ее применения / Ж.Т. Ламбаев // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9 (70). – С. 93–100.
6. Рамазанов Т.Б. Экономико-правовые проблемы участия государства в хозяйственных обществах / Т.Б. Рамазанов, С.А. Коноваленко, Н.Г. Гаджиев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 94–98.
7. Кухтин П.В. Оценка эффективности как механизм управления имуществом в компаниях с государственным участием / П.В. Кухтин, Т.С. Зубарев // Молодой ученый. – 2020. – № 12 (302). – С. 120–122.
8. Тюрин В.С. Участие государства в корпоративных правоотношениях / В.С. Тюрин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 242–245.
9. Петросян В.Т. Способы участия государства и иных публично-правовых образований в корпоративных правоотношениях / В.Т. Петросян // Мировая наука. – 2020. – № 5 (38). – С. 373–378.
10. Давыдов Д.В. Правовое положение государственных холдингов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д.В. Давыдов. – Москва, 2009. – 180 с.
11. Кантор Н.Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.Е. Кантор. – Москва, 2006. – 239 с.
12. Ламбаев Ж.Т. Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ж.Т. Ламбаев. – Екатеринбург, 2018. – 231 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Laws, Professor; Professor of the Department of Civil Law at the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology; Distinguished Scientist of the Republic of Bashkortostan; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 22.04.2026. The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 22.04.2026.

REFERENCES

1. Shavaleyeva Ch.M. The State as an Element of the Public Sector of the Economy: Role and Features of Functioning. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2024, no. 1, pp. 89–92. (In Russian).
2. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Moscow, Yurait Publ., 2025. Vol. 1. 148 p.
3. Shamsutdinov T.A. Companies with State Participation as Part of the Public Sector in the Economy of the Russian Federation. *Novelty. Experiment. Traditions*, 2023, no. 2 (22), pp. 99–110. (In Russian).
4. Abramov A., Radygin A., Chernova M. State-Owned Enterprises in the Russian Market: Ownership Structure and Their Role in the Economy. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 12, pp. 61–87. (In Russian).
5. Lambaev Z.T. “Golden Share” and the Limits of Its Application. *Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 9 (70), pp. 93–100. (In Russian).
6. Ramazanov T.B., Konovalenko S.A., Gadzhiev N.G., Economic and Legal Problems of State Participation in Economic Societies. *Law Herald of Dagestan State University*, 2019, no. 4, pp. 94–98. (In Russian).
7. Kukhtin P.V., Zubarev T.S. Performance Assessment as a Mechanism for Property Management in Companies with State Participation. *Young Scientist*, 2020, no. 12 (302), pp. 120–122. (In Russian).
8. Tyurin V.S. Participation of the State in Corporate Legal Relations. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 9-5 (96), pp. 242–245. (In Russian).
9. Petrosyan V.T. Ways of Participation of the State and Other Public and Legal Entities in Corporate Legal Relations. *World Science*, 2020, no. 5 (38), pp. 373–378. (In Russian).
10. Davydov D.V. Legal Status of State Holdings in the Russian Federation. *Cand. Diss.* Moscow, 2009. 180 p.
11. Kantor N.E. Civil Law Problems of the Creation and Activities of Legal Entities Established by Public Law Entities. *Cand. Diss.* Moscow, 2006. 239 p.
12. Lambaev Zh.T. Participation of the Russian Federation in Business Entities: Civil Law Aspect. *Cand. Diss.* Yekaterinburg, 2018. 231 p.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 343.985
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17

Original article

ЖЕЛУДКОВ Михаил Александрович
Тамбовский государственный
технический университет; Юго-Западный
государственный университет,
Тамбов, Россия,
kandydat1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4482-125X>

ZHELUDKOV Mikhail Aleksandrovich
Tambov State Technical University;
South West State University,
Tambov, Russia

ИНЖИНИРИНГ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПАСНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

DIGITAL CONTROL ENGINEERING OF DANGEROUS HUMAN BEHAVIORS FOR PUBLIC
SAFETY AND CRIME PREVENTION

Аннотация. В России постоянно проводится научная дискуссия об ограничении общественно опасного поведения человека, в том числе с помощью видеокамер, работающих в связке с программой распознавания лиц и использующих базу биометрических данных физических лиц. Однако нормативно-правовое регулирование данного процесса не закрепляет задачи профилактики таких форм поведения человека и тем более обязанность правоохранительного реагирования до совершения преступного или административного деяния. При реализации технологий цифрового территориального контроля нерешенными остаются вопросы, связанные с понятием «общественно опасное поведение», а также вопросы закрепления соответствующих функциональных обязанностей за сбором, документированием, оценкой и доведением до охраны права подобных форм поведения, мониторинга и последующего анализа принимаемых решений. Цель: анализ и оценка проблемных аспектов реализации систем инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека, их учет при разработке эффективных программ профилактики преступности и предложений по изменению законодательства в этой сфере. В качестве базовых методов исследования использованы: сравнительно-правовой (сравнение элементов правовой системы при реагировании на негативные формы поведения, где присутствуют явные признаки отклонения от норм и

Abstract. In Russia, there is an ongoing scientific discussion about restricting socially dangerous behavior, including via video cameras paired with facial recognition and biometric databases. However, the current legal and regulatory framework for this process does not establish the tasks of preventing such forms of human behavior, let alone the duty of law enforcement response prior to the commission of a criminal or administrative offense. When implementing digital territorial control technologies, unresolved issues remain related to the concept of “socially dangerous behavior”, as well as the assignment of corresponding functional responsibilities for collecting, documenting, assessing, and reporting such behaviors to law enforcement agencies, along with monitoring and subsequent post-decisions analysis. Purpose: to analyze and evaluate the problematic aspects of implementing digital control engineering systems for socially dangerous human behavior, to take them into account when developing effective crime prevention programs, and to propose amendments to the legislation in this area. The article uses the following basic research methods: comparative law (comparing elements of the legal system in response to negative behaviors where there are clear signs of deviation from the norms and rules established in society), formal and dialectical logic (these methods are used to examine the interrelationships between phenomena and

правил, установленных в обществе), формальной и диалектической логики (с помощью данных методов исследованы взаимосвязи между явлениями и сформулированы общие выводы), толкования юридических норм (применялся для уяснения содержания концепции инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека для устранения пробелов в регулировании правоприменения). Результаты: предложен механизм оценки содержания опасных форм поведения человека в общественном месте и в сети Интернет. Сформулированы конкретные предложения для построения концепции инжиниринга цифрового контроля за опасным поведением человека в обществе с учетом реальных задач обеспечения безопасности, которые стоят перед сотрудниками правоохранительных органов при предупреждении преступности.

Ключевые слова: общественно опасное поведение, инжиниринг цифрового контроля, искусственный интеллект, профилактика преступности

Для цитирования: Желудков М.А. Инжиниринг цифрового контроля за опасными формами поведения человека для общества при предупреждении преступности / М.А. Желудков. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 145–154.

formulate general conclusions), interpretation of legal standards (applied to clarify the content of the concept of digital control engineering of socially dangerous human behavior aiming to address gaps in the of law enforcement regulation). Results: the article proposes a mechanism for assessing the content of dangerous human behaviors in a public place and on the Internet. The article formulates specific proposals for creating the concept of digital control engineering of dangerous human behavior in society, taking into account the real security challenges faced by law enforcement officials in crime prevention.

Keywords: socially dangerous behavior, digital control engineering, artificial intelligence, crime prevention

For citation: Zheludkov M.A. Digital Control Engineering of Dangerous Human Behaviors for Public Safety and Crime Prevention. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 145–154. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17.

ВВЕДЕНИЕ

При построении различных систем предупреждения преступности в России в качестве угроз всегда выделяли различные формы опасного поведения человека для общества, противодействие которым сегодня немыслимо без средств и способов цифрового контроля при эффективной и своевременной профилактике такого поведения. Современная правоохранительная система достаточно полноценно осуществляет профилактические меры, о чем явно свидетельствует статистика уличной преступности. В период с января по сентябрь 2025 г. «на улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано на 14,2 % преступлений меньше, чем годом ранее. Число уличных разбоев сократилось на 24,8 %, грабежей – на 31,5 %, краж – на 20,7 %»¹. Казалось бы, можно успокоиться и продолжать усиливать совокупность правоохранительных средств

воздействия для снижения уровня преступности. Однако не стоит забывать, что к видам общественно опасных форм поведения относятся не только зарегистрированные преступные деяния, но и другие формы, где присутствуют явные признаки отклонения от норм и правил, установленных в обществе, а именно: мелкое хулиганство, закладка наркотиков и последующее их употребление, суицидальные наклонности и др. Подобные формы поведения не всегда попадают в статистику преступности, но от этого они не становятся менее общественно опасными. Ведь человек заинтересован не только в защите от непосредственных состоявшихся преступлений, но и желает ощущать защищенность на психологическом уровне, то есть осознанно считать, что в городе, районе, месте его нахождения применяются особые формы контроля, которые не допустят или прекратят любые виды общественно опасного поведения другого физического лица.

По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения за

1 МВД России : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/72174303/> (дата обращения: 24.12.2025).

2022, 2023 и 2024 гг. «показатель ощущаемой безопасности среди россиян довольно высокий – восемь из десяти (80 %) скорее чувствуют себя в безопасности в своем населенном пункте (2022 г. – 83 %, 2023 г., май – 84 %); скорее не чувствуют – 17 %. Мужчины чаще женщин чувствуют себя в безопасности (82 % vs. 77 %), также уровень ощущаемой безопасности увеличивается после 45 лет (80–85 % vs. 75–77 % в группе до 45 лет). Размер населенного пункта заметно влияет на уровень ощущаемой безопасности: чем меньше размер населенного пункта, тем увереннее его жители говорят о безопасности (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники – 75 %, село – 84 %). Примерно каждый пятый житель мегаполиса не может с уверенностью сказать, что город является безопасным местом проживания (20–23 % среди столичных жителей и жителей миллионников), на селе доля таких ответов ощутимо ниже – 13 %»².

Не останавливаясь на причинах того, что город пока не является полностью безопасным местом для проживания, тем не менее отметим, что современные средства цифрового контроля создают определенный уровень безопасности в обществе, но только для фиксации реализованных форм негативного поведения, без предотвращения на стадии их первичного проявления, о чем явно свидетельствуют следующие примеры.

22 января 2024 г. была задержана межнациональная банда, состоящая из пяти треш-стримеров, которые на улицах Белгорода избивали местных жителей, записывали видео, а затем публиковали негативный контент в своем телеграмм-канале; во главе банды стоял 17-летний бывший гражданин Украины³.

27 апреля 2024 г. в Ростове-на-Дону был задержан 17-летний треш-блогер, неонацист и самбист, гражданин Ш., фактически создавший собственную организованную преступную группу, длительное время зани-

мавшуюся жестоким избиением на улицах случайных прохожих⁴.

Согласимся с тем, что «такие преступники, как правило, не скрывают, а, наоборот, открыто публично демонстрируют свои антиобщественные взгляды и убеждения в виртуальной среде, совершая подобные провокационные и противоправные действия на улице, руководствуются преимущественно мотивами самоутверждения» [1, с. 165].

Можно ли было предотвратить подобные формы поведения еще на стадии начала действий данных лиц? Попытаемся дать ответ на данный вопрос.

Отправным пунктом нашего исследования выступает не форма правоохранительной работы, а поведение в обществе, где государство должно не только обладать правоохранительными возможностями предупреждения преступности, но и на основе искусственного интеллекта создавать системы инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека с учетом соизмерения защиты субъективных прав при персональной идентификации личности и законных интересов общества и государства. Обратим особое внимание на разработку и внедрение цифровых интеллектуальных систем, которые в автоматическом режиме будут или уже проводят анализ поведенческих действий физических лиц на определенной территории, в определенном месте, определенном виртуальном пространстве.

Общественно опасные формы поведения физического лица могут анализироваться в общественных местах (торговые центры, уличные пространства, придомовые территории, парки и др.), в виртуальном пространстве сети Интернет (обращение к сайтам с экстремистской, террористической или иной запрещенной тематикой), мониториться с учетом коммуникативных возможностей (переписка и взаимодействие в мессенджерах, электронной почте, социальных сетях).

Возникает обоснованная дискуссия об ограничении общественно опасного поведения конкретного человека, в том числе с по-

² Улицы без безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti?ysclid=mhua494uuu825411651> (дата обращения: 07.12.2025).

³ Главарь банды треш-стримеров из Белгорода [Электронный ресурс]. URL: <https://mskvremya.ru/article/2024/1677> (дата обращения: 24.12.2025).

⁴ Силовики задержали самбиста-националиста из Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://runews24.ru> (дата обращения: 24.12.2025).

мощью видеокамер, работающих в связке с программой распознавания лиц и использующих базу биометрических данных физических лиц. Вопросы идентификации граждан с использованием биометрических данных определены в Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁵. Однако указанный закон не закрепляет вопросы обеспечения безопасности и тем более профилактики форм общественно опасного поведения человека. Отсутствует понятийный аппарат для подобных форм поведения, не решен вопрос реагирования на любые формы негативного поведения на основе новых средств и методов цифрового и технологического развития. Существуют реальные проблемы при разработке алгоритмов для программ искусственного интеллекта с целью распознавания способов и форм проявления общественно опасного поведения человека. Так, в 2021 г. системы искусственного интеллекта видеонаблюдения и аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» не распознали оружие в руках напавшего на казанскую гимназию гражданина Г. «Еще в день трагедии в Казани в интернете были опубликованы ролики с городских камер видеонаблюдения, на которых видно, что Г. идет к гимназии с ружьем наперевес, встречает прохожих, но его никто не останавливает и будто бы не замечает». По мнению эксперта, представителя НИИ спецтехники при НПО «Специальная техника и связь», оружие не зафиксировано в том числе по причине того, что из всего бюджета, выделенного на «Безопасный город» и системы видеонаблюдения, львиная доля уходит не на распознавание личности, а на создание систем контроля нарушений правил дорожного движения⁶.

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Ученый объяснил, как «Безопасный город» не распознал оружие [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210513/oruzhie-1732114535.html> (дата обращения: 12.01.2026).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНЖИНИРИНГА ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что важно повышать эффективность предупредительных мер общественной безопасности с учетом не только правоохранительной борьбы, но и новых инновационных подходов, в том числе идей инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека. В концепции инжиниринга следует иметь соответствующие формы обеспечения:

- наличие законодательного регулирования понятия общественно опасного поведения;
- адекватное проектирование инженерно-технических решений в сфере видеонаблюдения и аналитической оценки полученного материала;
- соответствующая информационно-техническая коммуникация поступающей информации с видеокамер, ее обработка системами искусственного интеллекта и организация деятельности субъекта правоохранительного органа (подобное взаимодействие сегодня применяется на уровне Роскомнадзора и органов полиции при выявлении лиц, которые интересуются экстремистскими материалами на запрещенных сайтах);
- постоянный мониторинг общественно опасного поведения человека во внешней среде и в различных социальных сетях, мессенджерах;
- документирование совершенного общественно опасного поведения на определенных внешних облачных платформах для последующего доказательственного закрепления;
- наличие соответствующих функциональных обязанностей у конкретного субъекта правоохранительной системы за сбором, документированием, оценкой и доведением до охраны права совершенного общественно опасного поведения, в том числе на стадиях подготовки и приготовления к деянию;
- разработка документов нормативного, методического, технического характера при подобной форме деятельности;

– анализ предлагаемых системами искусственного интеллекта методов для фактического реагирования субъекта правоохранительной системы.

Право государства на инжиниринг цифрового контроля вступает в противоречие с правом других лиц на защиту персональных данных. Вопросы хранения, сбора и использования подобных сведений вызывают острую полемику и не разрешены до настоящего времени. Кроме того, современное нормативное регулирование так и не определилось с содержанием понятия «общественно опасное поведение физического лица».

Как уже указывалось, инжиниринг цифрового контроля за опасным поведением человека в общественном месте или цифровой социальной среде представляет собой новую технологическую систему, где программы искусственного интеллекта по определенным алгоритмам анализируют поведение конкретного человека, выявляют характерные признаки его общественно опасного поведения и в автоматическом режиме подают сигнал субъектам правоохранительной системы для реагирования и минимизации негативных последствий. При создании подобной системы очень важно не ошибиться с содержанием понятийного аппарата, законодательным регулированием и закреплением особых элементов этой системы, создающих возможности для разработки оптимальных технических решений, которые обеспечат эффективность, надежность и безопасность будущего проекта. Ведь, по сути, инжиниринг – это комплексное предоставление услуг по разработке и реализации решений на уровне инженера в определенной сфере жизнедеятельности, в нашем случае – в общественном месте, интернет-пространстве и социальных сетях. Построение подобной системы реагирования на общественно опасное поведение человека без выявления элементов его содержательного понятия невозможно. Различные аспекты данной формы поведения постоянно привлекали внимание и затрагивались не только в научной, но и в художественной литературе, что свидетельствует о значимости данной проблемы для нашего общества.

В этом отношении выделим классические художественные произведения: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского раскрывает основы мотивов и психологии Родиона Раскольникова при совершении убийства; «Человек в футляре» А.П. Чехова показывает деградацию личности человека при попытке добровольного принятия индивидуальных запретов при игнорировании социальных поведенческих правил поведения; «На дне» М. Горького показывает определенную форму негативной жизнедеятельности людей, лишенных социальных перспектив; «Облако в штанах» В. Маяковского раскрывает проблемы поиска веры в силу человека на основе отрицания традиционных ценностей, где задействованы противопоставление возвышенного и низменного, духовного и телесного.

Таким образом, вопросы объяснения элементов и причин опасного поведения человека всегда волновали общество и вызывали интерес к этому вопросу. Однако если попытаемся найти данное понятие в законодательстве, то исследователя ждет разочарование. В уголовном законодательстве ссылка на подобное понятие дается неоднократно, например, в ст. 6, 14, 15, 37 и 60 УК РФ, где поведение заменено на деяние, которое законодатель считает общественно опасным, но не разъясняет его элементы или признаки. То есть функции, роль и задачи общественной опасности в преступлении и в наказании за его совершение разъяснены, но не раскрывается содержание и структура данного понятия. В административном законодательстве данное понятие и вовсе отсутствует. Административное правонарушение, по мнению законодателей, не является общественно опасным, что не мешает вопросам наказания и создания новой цифровой системы контроля за поведением людей, совершающих такие правонарушения. В частности, системы автоматической идентификации и последующего назначения штрафов за нарушение правил дорожного движения. В развитие данной идеологии на уровне сенаторов проходит обсуждение предложений о необходимости использования системы распознавания лиц для автоматической идентификации и привле-

чения к административной ответственности за переход железнодорожных путей в неположенном месте. «Предполагается, что камера "увидит" гражданина, переходящего пути, затем система распознавания лиц установит его личность и выпишет автоматический штраф»⁷.

В различных правовых системах закладываются основы применения технологий искусственного интеллекта на основе алгоритмов негативного поведения людей, где не человек, а программа будет определять их опасность для общества или других граждан. Но для того чтобы построить указанные алгоритмы, общество должно самостоятельно на уровне нормативного обеспечения определить, какое поведение человека следует считать общественно опасным. Как уже указывалось, содержание данного понятия в законах не раскрывается, поэтому исследователям приходится обращаться к его толкованию в других источниках, чтобы заложить в программу искусственного интеллекта алгоритм анализа негативных действий людей на основе опасности их поведения для общества или для другого человека.

Из-за отсутствия нормативного толкования данного понятия приходится подвергать изучению решения Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П указано, что «федеральный законодатель, внося изменения в регулирование мер уголовно-правовой защиты права собственности, должен исходить из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, что не исключает конституционно оправданную целесообразность при конструировании новых составов преступлений, а также основываться на учете фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан, обеспечивая при этом соразмерность уголовной ответственности защищаемым уголовным законом ценностям при соблюде-

нии конституционных принципов равенства и справедливости. Соответственно, при дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества в зависимости от его стоимости должна учитываться общественная опасность деяния и порожденных им последствий как с точки зрения размера вреда, причиненного собственнику или иному законному владельцу имущества, который оценивается в уголовном законе исходя из того, кому причинен такой вред – физическому или юридическому лицу, так и с точки зрения размера похищенного»⁸. В данном решении общественная опасность деяния в преступлениях против собственности выделена в виде причиненного вреда по размеру похищенного и оценки данного вреда со стороны виновного.

То, что требуется для выявления преступлений против собственности, было дополнено для всей социальной структуры этого понятия в следующем судебном толковании: «согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств деяния, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)»⁹.

8 По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7 Граждан разворачивают лицом к штрафам [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8140374?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A//dzen.ru/news/instory/94260ce8-5115-566e-bf73-75c9dd063ec0 (дата обращения: 24.12.2025).

Подобные судебные толкования снимают проблемные моменты при выявлении признаков преступления в деянии личности, но возникает обоснованный вопрос: каким образом искусственный интеллект будет высчитывать характер и степень общественной опасности поступка физического лица, если этот признак присущ только преступлениям, а не правонарушениям или даже негативным проступкам, которые общественной опасностью не обладают по нормам закона, но являются таковыми по нормам морали или нравственности?

Попробуем обосновать предположение, что не только преступлением, но и проступком или правонарушением могут причиняться или создаваться условия для причинения вреда обществу, государству или отдельной личности, что позволяет определять данное поведение как общественно опасное. В основе нашей концепции лежит постулат: если причиняется вред любому объекту независимо от степени этого вреда, то такое поведение не может быть общественно допустимым или полезным, следовательно, его следует считать общественно опасным. Отсюда возникает необходимость провести оценку научных позиций по данному вопросу.

Известный ученый А.Э. Жалинский указывал, что «к сожалению, реальное значение признака общественной опасности недооценивается как в теории уголовного права, так и, что гораздо важнее, в правоприменительной практике. Практически вопрос об общественной опасности деяния возникает при разграничении преступлений и административных правонарушений либо при предположении о малозначительности деяния, отождествляемой, как правило, с характером преступных последствий или с интенсивностью деяния, прежде всего выраженной в размере вреда. На мой взгляд, такой подход является недостаточным и может деформировать правоприменительную практику» [2, с. 228].

Обозначим идею о том, что понятие общественной опасности вообще не следует раскрывать в содержательном значении, так как различные виды преступных деяний потому и включены в Уголовный кодекс, что они обладают общественной опасностью, признанной

законодателем. «В той группе составов преступлений, где описаны признаки как действия (бездействия), так и вредные последствия, нет необходимости устанавливать опасность соответствующего поступка, выявлять реальность возможного наступления вреда. Все это уже оценено законом и подзаконными актами, на которые ссылается такая статья» [3, с. 145].

Предлагаются и различные законодательные определения общественной опасности: «общественная опасность преступления, а также деяния лица, не подлежащего уголовной ответственности, представляет собой причинение существенного вреда или создание угрозы причинения такого вреда благам (социальным ценностям), предусмотренным в части первой статьи 2» УК РФ [4, с. 14]. Неоднозначное оценочное понятие существенности вреда может создать трудности для правоприменительного реагирования, тем более что автор так и не указывает, каким образом отграничить формы общественно опасного непроступного поведения лица, где грань между существенными и несущественными условиями вреда.

Согласимся и с тем, что «в уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность непроступных деяний исследована гораздо меньше» [5, с. 167].

Более приемлемо для практического применения в создании алгоритма для программ искусственного интеллекта содержание понятия общественно опасного поведения раскрыто с точки зрения психологической науки. «В психологической литературе социальное поведение делят на нормативное и негативное, которое может быть социально неадекватным и социально опасным. Социально неадекватное поведение проявляется в проступках и характеризуется как отклоняющееся от нормы, девиантное поведение. В большинстве исследований социально опасное поведение рассматривается как отклоняющееся от социальных норм, ведущее к социальной дезадаптации, напряженности, конфликтам, неконструктивному поведению, следствие истощенности

освоенных человеком безопасных для себя и окружающих поведенческих стратегий и отсутствие безопасного поведения...» [6, с. 5].

На основе этих и других научных позиций можно сделать вывод, что общественно опасное поведение человека изучается не только представителями уголовно-правовых наук, но и других отраслей знаний, где затрагиваются элементы общественных отношений, а также содержание угроз для интересов личности, общества и государства. Обоснованно полагаем, что при загрузке информации для алгоритмов искусственного интеллекта нельзя основываться только на преступных деяниях и их малозначительности. «Все попытки определить сущность преступления только через понятие общественной опасности ни к чему не приводят, а только запутывают ситуацию. И если преступление онтологически связано с причинением вреда, вопрос лежит в плоскости познания этого вреда, его выявления и измерения» [7, с. 33].

Соглашаясь с тем, что без общественной опасности, согласно современному законодательству, не может быть преступления, тем не менее нельзя однозначно утверждать, что именно это понятие санкционирует ограничение преступного деяния от непроступного, то есть выделить криминализацию и декриминализацию. Научные и доктринальные споры по данному вопросу ни к чему так и не привели и во многом лишь запутывают правоприменителя. Ведь, как указывалось ранее, закрепление в уголовном законодательстве конкретного преступления уже дает основание считать его общественно опасным. Почему же в этом случае закрепление в административном, налоговом, трудовом и иных видах законодательства негативного деяния, причиняющего вред обществу, личности или государству, не следует считать общественно опасным поведением?

Современная цифровая среда позволяет контролировать и давать содержательную оценку общественно опасных форм поведения конкретного человека (как в общественном месте, так и в социальных сетях или при общении в сети Интернет) без признаков конкретного преступного деяния. Сразу выделим тот факт, что нельзя в этом случае применять

термин «деяние», он уже термина «поведение». В основе отграничения лежит комплекс объективных и социальных причин. Поведение состоит из различных форм деяния, где феномен общественной опасности будет заключаться в отклонении от социальных норм общества, по которым развивается личность, и в создании угрозы формирования социальной дезадаптации, возникновения конфликтов и негативной общественной практики.

На основе анализа приведенных и других мнений ученых и практиков, примеров правоприменительной практики и реализации аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» были сделаны следующие предположения для построения концепции инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека в общественном месте или цифровой социальной среде. Общественная опасность должна быть обоснована материальным содержанием угрозы в поведении человека, даже если в таком поведении явно не выявлены признаки какого-либо преступления. Нарушение социальных норм поведения, установленных в обществе и закрепленных в различных нормах законов или в иных документах, образует объективный признак данного понятия, причем сложность в механизме отражения реальной действительности должна повлечь за собой и соответствующий субъективный признак, а именно характеристику поведения личности в социальной среде, где форма поведения основывается на его воле, интересах и мировоззренческой ориентации. В одинаковых социальных условиях люди ведут себя по-разному. Вот почему важно зафиксировать в программе инжиниринга не только нормы права, при нарушении которых сработает предупреждение, а заложить все необходимые алгоритмы социально опасных форм поведения именно для той внешней и цифровой среды, где может находиться человек. В частности, следует разработать критерии аморального, асоциального, антиобщественного, противоправного и других социально опасных форм поведения в общественных местах, которые несут в себе угрозу для другой личности, общества или государства и по своим свойствам не совпадают с нормами и предписаниями права,

закрепляющими общественные ожидания от поведения личности, то есть не только преступного поведения. В интернет-пространстве должна быть технически закреплена автоматическая блокировка или фильтрация контента по категориям запрета (насилие, оружие, наркотики и др.). По коммуникации в мессенджерах, электронной почте и социальных сетях закладывается анализ цифрового следа каждой личности. Полученные результаты будут основаны на том, что при увеличении количества, а также перечня алгоритмов общественно опасного поведения явно видна зависимость быстрого реагирования на угрозу, но также на последующее предотвращение уже преступного деяния на стадии подготовки или покушения. Значительно упрощаются возможности для правоохранительных органов, уменьшаются временные рамки выезда патрульно-постовой службы полиции, возрастает вероятность установления личности потенциального или реального нарушителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При построении алгоритмов определения содержательных признаков негативных форм поведения в концепции инжиниринга цифрового контроля за опасным поведением людей в общественном месте или цифровой социальной среде следует руководствоваться следующими элементами данного понятия:

1) элемент материального фактора угрозы причинения вреда объекту защиты, даже если деяние не является преступным, но нарушает правила социальной среды, установленные и закреплённые законом или другими нормами права;

2) общественная опасность не должна быть только критерием криминализации деяния, если оно способно причинять вред охраняемым другими законами интересам личности, общества и государства;

3) способы и формы проявления общественной опасности от человека, применяемые в алгоритмах искусственного интеллекта, следует расширить до правонарушений и проступков, способных причинять вред личности, обществу и государству (подобное предложение можно реализовать на уровне Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹⁰).

С учетом этих и других подобных данных можно сделать вывод, что инжиниринг цифрового контроля за общественно опасным поведением человека в социальной среде не должен быть исключительно полицейской функцией, в нем должны быть заложены предпосылки использования данной системы с учетом сил и средств охраны объекта, а также форм гражданского реагирования со стороны общества.

¹⁰ Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буданова Е.А. Уличная преступность в современной России: состояние, тенденции и основные проблемы профилактики / Е.А. Буданова, С.А. Буданов, О.С. Иванченко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 3. – С. 163–169 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ulichnaya-prestupnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyaniye-tendentsii-i-osnovnye-problemy-profilaktiki> (дата обращения: 07.11.2025).
2. Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право : монография / А.Э. Жалинский ; отв. ред. О.Л. Дубовик. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 591 с.

REFERENCES

1. Budanova E.A., Budanov S.A., Ivanchenko O.S. Street Crime in Modern Russia: The State, Trends and Main Problems of Prevention. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2024, no. 3, pp. 163–169. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ulichnaya-prestupnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyaniye-tendentsii-i-osnovnye-problemy-profilaktiki>.
2. Zhalinsky A.E.; Dubovik O.L. (ed.). Selected Works. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. Vol. 2. 591 p.
3. Kudryavtsev V.N., Naumov A.V. (eds.). Course of Russian Criminal Law. General Part. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p.

3. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – Москва: Спарк, 2001. – 767 с.
4. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика / Н.А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–18 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-teoriya-zakonodatelstvo-sudebnaya-praktika> (дата обращения: 24.12.2025).
5. Ищенко И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и неправомерных деяний: проблемы понятия и критериев определения / И.В. Ищенко // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 165–179 [Электронный ресурс]. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/346745> (дата обращения: 08.12.2025).
6. Пиркина В.Г. Социально опасное поведение обучающихся как психолого-педагогическое явление / В.Г. Пиркина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/113PSMN620.pdf> (дата обращения: 08.12.2025).
7. Хиллута В.В. Учение о преступлении в историко-правовом аспекте и контуры социальной реальности догматических понятий / В.В. Хиллута // Вестник Югорского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 30–35 [Электронный ресурс]. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/373393> (дата обращения: 08.12.2025).
4. Egorova N.A. Social Danger of a Crime: Theory, Legislation, Judicial Practice. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (48), pp. 8–18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-teoriya-zakonodatelstvo-sudebnaya-praktika>.
5. Ishchenko I.V. The Nature and Degree of Public Danger of Crimes and Non-Criminal Acts: Problems of the Concept and Criteria of Definition. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2023. Vol. 25, no. 1, pp. 165–179. Available at: <https://e.lanbook.com/journal/issue/346745>.
6. Pirkina V.G. Socially Dangerous Behavior of Students as a Psychological and Pedagogical Phenomenon. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, vol. 8, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/113PSMN620.pdf>.
7. Khilyuta V.V. The Doctrine of Crime in the Historical-Legal Perspective and the Contours of the Social Reality of Dogmatic Concepts. *Yugra State University Bulletin*, 2025, no. 3, pp. 30–35. Available at: <https://e.lanbook.com/journal/issue/373393>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желудков Михаил Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Юридического института Тамбовского государственного технического университета; ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zheludkov Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence at the Law Institute of Tambov State Technical University; Leading Researcher at the South West State University.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 16.03.2026. The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.77
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.18

Original article

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Викторовна
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия,
olja_korn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3645-2861>

KOLESNICHENKO Olga Viktorovna
Vladimir Kikot Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

ТРЕНДОВЫЕ ВИДЕО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И НА ВИДЕОХОСТИНГАХ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА С ПОЗИЦИИ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

TRENDING VIDEOS ON SOCIAL NETWORKS AND VIDEO HOSTING PLATFORMS:
PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL REGIME FROM THE PERSPECTIVE
OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Аннотация. Современный этап развития информационного общества характеризуется качественным изменением способов коммуникации между субъектами, стремящимися к ускоренному обмену данными и интерактивному общению в самых разнообразных формах. На этом фоне высокую популярность обрели трендовые видео – короткие вертикальные видеоролики в формате Reels (рилсы), позволяющие доводить до аудитории развлекательный, профессиональный, образовательный и иной контент в яркой, удобной для восприятия форме, с акцентом на экспертность автора. Такие видео широко используются не только создателями для привлечения подписчиков, но и иными пользователями социальных сетей и видеохостингов, чтобы получить вдохновение, обрести мотивацию на создание аналогичного цифрового продукта. Эта особенность вызывает потребность в рассмотрении вопросов о правовой природе трендовых видео и проблемах их охраны средствами права интеллектуальной собственности. Цель: определить правовую природу трендовых видео исходя из актуальных тенденций развития судебной практики и доктрины, обосновать оптимальный правовой режим осуществления и защиты прав на такие объекты с позиций права интеллектуальной собственности. Методы: общеправовые методы исследования (диалектический, материалистиче-

Abstract. The modern stage of information society development is marked by a qualitative change in communication methods among actors seeking accelerated data exchange and interactive communication in various forms. In this context, trending short-form videos (such as Reels – short, vertical video clips) have become highly popular. They offer a dynamic and accessible way to convey entertaining, professional, educational, and other types of content to audiences, highlighting the creators' expertise. Such videos are widely utilized not only by creators to attract followers but also by other social media users and video hosting platforms to find inspiration and motivation for creating similar digital products. This feature raises the necessity to explore the legal nature and challenges of protecting these videos by means of intellectual property law. Purpose: to define the legal nature of trending videos based on current trends in judicial practice and doctrine, and to justify the optimal legal regime for the exercise and protection of rights over such objects from the perspective of intellectual property law. Methods: general philosophical research methods (dialectical, materialistic) enable to characterize the specifics of social relations regarding communication in digital environments using Reels videos and to identify the objectively existing

ский) позволили охарактеризовать специфику общественных отношений по выстраиванию коммуникации в цифровой среде с использованием видео в формате Reels, установить объективно существующие потребности в их правовой регламентации; общенаучные методы (аксиологический, анализа, синтеза, логический, системный) применялись для определения сущностных черт трендового видео, оказывающих непосредственное влияние на определение условий его охраноспособности; с использованием частнонаучных методов (догматического, толкования правовых норм) выявлены и оценены с позиции ясности и полноты правовых предписаний, а также существующих вариантов толкования правовых норм основные подходы к определению правовой природы коротких видео, обнаружены присущие им противоречия и предложены способы их преодоления. Результаты: обосновано, что трендовые видео (короткие видео, рилс, видео в формате Reels) с позиции права интеллектуальной собственности могут быть определены как особая разновидность произведений при условии, что такой контент подготовлен самостоятельно, обнаруживает в себе объективированное личное творческое участие субъекта. Условием охраноспособности рилс при этом является сочетание творческого вклада, вносимого его создателем в подбор элементов и определение последовательности изложения материала, и личного творческого участия в выстраивании взаимосвязей между такими элементами, выборе и применении способов преподнесения информации, аудиовизуальных средств, примеров из собственного опыта и прочих инструментов, позволяющих обеспечить необходимое восприятие конечного результата и самого автора пользовательской аудиторией.

Ключевые слова: короткое видео, тренд, рилс, составное произведение, аудиовизуальное произведение, блогер, цифровой продукт, исключительное право

Для цитирования: Колесниченко О.В. Трендовые видео в социальных сетях и на видеохостингах: проблемы определения правового режима с позиции права интеллектуальной собственности / О.В. Колесниченко. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 155–164.

needs for their legal regulation. General scientific methods (axiological, analysis, synthesis, logical, systemic) are employed to determine the essential features of trending videos that directly influence their protectability. Using specific scientific methods (dogmatic, interpretation of legal norms), the main approaches to defining the legal nature of short videos are identified and evaluated from the perspective of the clarity and completeness of legal provisions, as well as existing interpretations of legal norms. Inherent contradictions are discovered, and ways to overcome them are proposed. Results: the article establishes that trending videos (short-form content and Reels) may be classified under intellectual property law as a distinct type of work provided that such content is created independently and reflects the author's personal creative contribution. For Reels to be protectable, it is essential to combine the creator's artistic input in selecting elements and determining the sequence of material presentation with personal creative engagement in establishing relationships between these elements, choosing and applying methods of presenting information, using audiovisual means, examples from personal experience, and other tools capable of ensuring the necessary perception of the final result and the author by the audience.

Keywords: short video, trend, Reels, composite work, audiovisual production, blogger, digital product, exclusive right

For citation: Kolesnichenko O.V. Trending Videos on Social Networks and Video Hosting Platforms: Problems of Determining the Legal Regime from the Perspective of Intellectual Property Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 155–164. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.18.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях интенсивного развития цифровой среды традиционные формы коммуникации между субъектами постепенно утрачивают значение. Им на смену приходит получение пользователем информации посредством ознакомления с контентом в социальных сетях и на видеохостингах – медиа-

пространстве, изначально предназначенном для досуга и развлечений. Более того, востребованность того или иного узкого специалиста на потребительском рынке определяется не только его знаниями, профессиональными умениями и навыками, но и в значительной степени способностью правильно подать свою экспертность, привлечь внимание аудитории содержательным, ярким и необременитель-

ным (коротким по продолжительности) наполнением персональной страницы или канала.

Одним из средств, активно используемых для этих целей, в настоящее время являются короткие видео (от 15 секунд до 3 минут) в формате Reels¹, соединяющие в себе созданный пользователем видеоряд с музыкальной композицией и (или) аудиосообщением, структура которых соответствует определенной концепции изложения материала (проблемной, ступенчатой, линейной, концентрической или иной). Например, в видео на тему «Пять признаков того, что Ваш ребенок не готов к школе» используется ступенчатая структура, при которой выступление эксперта сопровождается аудиовизуальными эффектами, подчеркивающими переход от одного признака к другому (всплывающие цифры, графические объекты, динамичная музыка на фоне). В рилс «Ваша печень страдает, а Вы не подозреваете об этом» инфлюэнсер² формулирует базовый тезис как парадокс, подчеркивая удивление и опасение, после чего собственная позиция разъясняется в более спокойном ключе, со ссылками на научные исследования и видео-описание популярных ошибок в самодиагностике.

Популярность владельца страницы (а значит, востребованность у рекламодателей и потребителей товаров, работ и услуг) зависит от его способности «создать тренд» – предложить наиболее удачный вариант сочетания личного опыта, собранной им информации и концепции ее изложения, встречающий массовую ответную реакцию пользовательской аудитории (просмотры, лайки). Поскольку сущность рилс заключена не столько в небольшой продолжительности, сколько в обозначенных особенностях структурирования и преподнесения сведений, такие видео следует отличать от иных материалов, распространяемых в Глобальной сети, обозначая их как трендовые видео – особая составляющая пользовательского контента, размещаемого преимущественно в социальных сетях и на видеохостингах.

1 Англ. «reels» в переводе – «катушки». Происходит от глагола to reel, означающего, в частности, разматывание катушек видеопленки при демонстрации фильма.

2 От англ. influencer – влияющий, лидер мнений. В данном контексте используется как синоним слова «блогер», обозначающего владельца страницы в социальной сети или на видеохостинге, который публикует контент по определенной проблематике, имеет собственную аудиторию и стремится к ее расширению.

Трендовые видео используются не только пользователями-разработчиками в целях повышения охвата аудитории. Обладатели иных аккаунтов стремятся наиболее удачно интерпретировать выстроенную разработчиком структуру и (или) содержание контента (на пользовательском языке «закрывать тренд»), что закономерно вызывает вопросы о защите интеллектуальных прав. Судебная практика по соответствующей категории споров находится в стадии формирования, однако уже позволяет проиллюстрировать сложности правовой квалификации рилс с позиции права интеллектуальной собственности.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ РИЛС

Одним из первых судебных актов, указывающих на специфику возникающих отношений и возможности предоставления правовой охраны трендовым видео, стало решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-101804/23. Исковые требования о прекращении незаконного использования аудиовизуального произведения на тему «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и взыскании компенсации за нарушение авторских прав были заявлены индивидуальным предпринимателем к аналогичному по своему статусу субъекту экономической деятельности. В обоснование иска отмечалось, что автором на основании разработанного им сценария было создано аудиовизуальное произведение, исполненное и опубликованное на персональной странице в социальной сети. Под видео в соответствующем посте была указана вся необходимая информация о данном произведении, включая его наименование, сведения о правообладателе. Несмотря на это, ответчик самостоятельно, без обращения к автору за разрешением создал и опубликовал на своей странице в той же социальной сети видеоряд, на котором по заимствованному у истца сценарию и в той же последовательности, с применением схожего иллюстративного материала озвучивал полностью идентичную информацию.

Удовлетворяя иски требования, суд полагал, что трендовое видео является охраняемым объектом авторского права – аудиовизуальным произведением, творческий вклад истца в создание которого заключается в

определении им последовательности и структуры изложения, способа подачи материала, наполнении ролика оригинальным содержанием. Ответчик изготовил и довел до всеобщего сведения собственное видео, используя в неизменном виде все перечисленные компоненты, чем нарушил п. 2 ст. 1270 ГК РФ³.

Нельзя не согласиться с тем, что публикация видеоконтента на странице пользователя в социальной сети или на видеохостинге, независимо от того, осуществляется она в целях извлечения прибыли или без таковой, подпадает под понятие такого способа использования охраняемого объекта, как доведение его до всеобщего сведения. Такие действия, совершенные при отсутствии согласия правообладателя, составляют нарушение исключительного права на произведение, принадлежащего автору или иному правообладателю согласно ст. 1229 ГК РФ. В свою очередь, меры защиты, предпринимаемые в таких случаях, не могут быть ограничены или запрещены к применению в зависимости того, признается ли распространяемый контент имеющим высокую научную, культурную или иную ценность или же, напротив, не предполагает глубокого погружения в проблему, носит просветительский характер, представлен в интегративной развлекательной форме⁴.

Между тем приведенная судом аргументация заслуживает более тщательного рассмотрения, поскольку предполагает одновременное распространение на трендовые видео правового режима, предусмотренного законодательством для аудиовизуальных и составных произведений.

В праве интеллектуальной собственности одной из наиболее сложных проблем

3 Решение Арбитражного суда Московской области от 26.04.2024 по делу № А41-101804/23 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3571:2> (дата обращения: 13.02.2026) ; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2024 № 10АП-10723/24 по делу № А41-101804/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3603:3> (дата обращения: 13.02.2026).

4 В силу п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» новизна, уникальность и оригинальность не являются обязательными критериями для признания результата интеллектуальной деятельности созданным творческим трудом. Творчество, таким образом, предполагает некий личный вклад субъекта, самостоятельность его деятельности и выраженную субъективную окраску полученного результата (он как бы «проходит» через совокупность интеллектуальных процессов конкретного субъекта, имеет на себе отпечаток его личности).

применительно к составным произведениям является поиск критерия для установления творческого характера труда, связанного с подбором, систематизацией и расположением материалов (п. 2 ст. 1260 ГК РФ). Грань между таким трудом и механической обработкой может быть достаточно тонкой, как, например, в случае с расположением нормативных правовых актов в хронологическом порядке (правовая охрана не предоставляется) и в соответствии с определенной тематикой (правовая охрана предоставляется).

Выполнение соответствующего критерия следует констатировать, если озвучиваемая в рилс информация представляет собой не просто цитирование нормативных правовых актов (в нашем примере – регламентирующих действия заемщика при погашении ипотечного кредита), а некий алгоритм, самостоятельно разработанный субъектом пусть и на основе существующих нормативных требований, акцентирующий внимание на наиболее эффективных, по его мнению, вариантах поведения, примеры из личного опыта и т. п. В то же время важно помнить, что составное произведение не становится объектом правовой охраны в собственном смысле. Речь идет об охране прав на творческую компоненту деятельности составителя (авторский подбор и расположение материалов).

Этот подход неоднократно подчеркнут в судебной практике. Отмечается, что создание составного произведения не предполагает поглощения прав на его компоненты правами автора-составителя. Например, признание факта неправомерного включения нескольких научных статей в сборник научных трудов не предполагает лишения самого сборника творческой ценности, однако обязывает автора-составителя выплатить компенсацию за нарушение исключительных прав⁵.

5 Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 22.10.2025 по делу № 33-50698/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3709:5> (дата обращения: 13.02.2026) ; Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2025 по делу № 8Г-5435/2025 [88-6494/2025] [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3719:8> (дата обращения: 13.02.2026) ; Апелляционное определение СК по гражданским делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.10.2024 по делу № 66-3182/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3731:10> (дата обращения: 13.02.2026) и др.

Иной смысл придается аудиовизуальным произведениям (ст. 1263 ГК РФ). В них сочетание нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности обеспечивает качественно новое восприятие итогового продукта (как единого целого, более значимого, чем отдельные компоненты), выход результата интеллектуальной деятельности на «другой культурный уровень» [1, с. 99].

В приведенной выше аргументации суда главным остается вопрос, какая характеристика определяет охраноспособность трендового видео: 1) творческий подход к расположению и определению взаимосвязей между различными элементами составного произведения (музыкой, текстом, визуальными эффектами); 2) создание оригинального аудиовизуального произведения, которому присуща специфическая объективная форма представления; 3) выражение в такой объективной форме информации, подготовленной автором самостоятельно, творчески, отличающейся от иных известных в соответствующей области подходов или решений?

Нетрудно заметить, что в рассматриваемом примере противоречия между этими тремя подходами не вскрываются и не находят разрешения, поскольку факт нарушения исключительных прав становится очевидным вследствие полного заимствования содержательного наполнения первичного видеоматериала. Однако далеко не всегда использование одним пользователем трендового видео, созданного другим автором, совершается столь очевидным способом.

Глубину существующих противоречий удачно иллюстрирует пример из судебной практики, в котором блогером было заявлено требование о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на авторский образовательный курс по организации правильного питания, включавший себя в том числе и рилс. Истцом указывалось на совершение инфлюэнсером, специализирующимся на аналогичной тематике, неправомерных действий по созданию собственных произведений аналогичного формата, частично воспроизводящих информацию, представленную в его курсе. Ответчик при этом полагал, что сведения, использованные им при подготовке коротких видео в трендовом формате, не отвечают признаку оригинальности, поскольку касаются классических методов

определения рациона питания и планирования физической активности (метод ладони, подсчет БЖУ и другие общеизвестные формулы питания). Кроме того, истец не является обладателем авторских прав на сценарий видеоролика либо смежных прав на его постановку (включая использование посредством записи, показа, трансляции).

Отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что для подтверждения факта создания произведения на основе другого путем его переработки (подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) недостаточно демонстрации схожести таких произведений. Подготовка различными субъектами аудиовизуального контента на основе одной и той же исходной информации представляет собой не что иное, как создание обособленных оригинальных объектов авторского права, при условии, что их авторами соблюден критерий творческой самостоятельности. Не может рассматриваться в качестве признака нарушения исключительных прав использование автором более позднего произведения терминов, словосочетаний, отдельных слов и т. п., которым не предоставляется правовая охрана средствами права интеллектуальной собственности⁶.

В приведенном примере значительный интерес представляет попытка определения трендового видео как охраняемого объекта авторского права (аудиовизуального произведения) по признаку творческой самостоятельности. Однако этот подход требует тщательной доктринальной проработки хотя бы потому, что в том же судебном акте обращается внимание на возможность свободного использования при создании рилс не охраняемых авторским правом компонентов (таких как факты, методы, способы решения организационных задач и т. п.). Остается непонятным, как отличить творчески самостоятельный видеоролик от объектов, использование которых не подвержено правовым ограничениям с позиции права интеллектуальной собственности.

6 Решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 03.06.2025 по делу № 2-2827/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3839:4> (дата обращения: 13.02.2026); Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 13.08.2025 по делу № 33-1721/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/3847:7> (дата обращения: 13.02.2026).

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРЕНДОВЫХ ВИДЕО
С ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ**

Примечательно, что в теории сохраняется некоторая неопределенность позиций по вопросу о правовом режиме создания и распространения трендовых видео. Эта проблематика необоснованно выпадает из поля зрения цивилистической науки, поскольку наибольшее внимание здесь уделяется проблемам нарушения авторских прав на музыкальные, текстовые и иные произведения, используемые при подготовке таких видеоматериалов [2, с. 108; 3, с. 558; 4, с. 181].

Одной из немногих последовательно аргументированных в доктринальных источниках является точка зрения, что трендовое видео в целом не может рассматриваться в качестве охраняемого объекта, поскольку представляет собой лишь идею или концепцию, на которую не могут возникать авторские права (п. 5 ст. 1259 ГК РФ) [5, с. 18; 6, с. 18; 7, с. 28]. Отчасти такое мнение связано с попыткой определить рилс как последовательность элементов, не созданных творческим трудом разработчика, а также как выстраивание взаимосвязей между ними и применение аудиовизуальных эффектов в целях привлечения внимания пользовательской аудитории. Однако с этим сложно согласиться, учитывая логику отнесения концепций и идей к не охраняемым объектам. В наиболее традиционном представлении такое решение объясняется признанием в авторском праве принципа приоритета формы над содержанием, распространением особого правового режима не на содержание объекта, а на его внешнее, объективно существующее выражение (форму) [8, с. 33]. В силу данного принципа субъекты гражданских правоотношений свободны в выборе общей идеи или темы для творчества, однако о возникновении объекта правовой охраны (произведения) можно говорить лишь в том случае, если такая идея или тема находит свое воплощение в тексте, музыке, изображении и т. п. [9, с. 163].

Классическим примером, иллюстрирующим эту специфику, является использование общей идеи, не охраняемой авторским правом (например, о принце, спасающем пре-

красную девушку от чудовища), для создания литературного произведения с конкретными героями, сюжетной линией, стилистикой и композицией [10, с. 79]. Однако с той же уверенностью можно говорить о творческом вкладе и в том случае, если абстрактная идея о способах привлечения внимания пользовательской аудитории получает конкретную форму воплощения в трендовом видео с определенной последовательностью изложения информации, авторскими акцентами, призванными просветить, развлечь, удивить, растрогать аудиторию.

В пользу признания рилс особым охраняемым результатом интеллектуальной деятельности приводятся аргументы, что небольшой объем (продолжительность) такого видео не может служить поводом для отказа от признания его произведением [11, с. 95], равно как и само по себе отсутствие новизны, уникальности или оригинальности [12, с. 367]. Ряд авторов справедливо обращают внимание на то, что основные сложности при определении правового режима трендовых видео обнаруживаются именно в части, касающейся определения творческого характера данного объекта [13, с. 119; 14, с. 70; 15, с. 56], однако обозначенная проблема остается неразрешенной. Предлагается учитывать для данных целей комплекс разрозненных факторов: характер контента (рекламный, развлекательный, образовательный и др.), степень преобразования исходных элементов, цель распространения (связанная или не связанная с извлечением прибыли) [16, с. 55]. В качестве альтернативы обосновывается необходимость использования систем искусственного интеллекта для исследования видеоролика на предмет заимствования чужих произведений и иных охраняемых правом объектов интеллектуальной собственности – оставшееся, при его наличии, должно считаться творческим вкладом создателя соответствующего контента [17, с. 69].

В условиях сохраняющейся правовой и доктринальной неопределенности многочисленные сетевые эксперты, активно использующие трендовые видео для привлечения пользовательской аудитории и обучения инфлюэнсеров, высказывают ряд идей о том,

как обеспечить охраноспособность собственных рилс и защититься от притязаний со стороны других пользователей. Например, обращается внимание на недопустимость не только прямого копирования всего или отдельных элементов чужого видео, но и заимствования авторского визуального решения, структуры (раскадровки) ролика⁷. Блогерам, «вдохновившимся» распространенным в сети рилс-контентом, настоятельно рекомендуется осуществлять «творческую» переработку текста или наполнять заимствуемую структуру видеоролика собственным содержанием, использовать свои заголовки и титры, сниматься в разных локациях⁸.

Такое внимание к проблеме обусловлено тем, что трендовые видео пользуются высокой популярностью в сети Интернет, выступая в качестве доступного и эффективного средства выстраивания коммуникации с пользовательской аудиторией в самых разных целях (реализация товаров, работ и услуг, признание своего авторитета и экспертности в определенной сфере, реклама, поиск единомышленников, реализация той или иной социальной миссии и др.). В то же время содержание высказываемых рекомендаций отчетливо указывает на то, что ни в законодательстве, ни в судебной практике к настоящему моменту не определен сущностный признак данного цифрового продукта, позволяющий рассматривать его как творчески самостоятельный, охраняемый объект интеллектуальных прав.

С учетом всего сказанного о природе рилс-контента подходящей для него формой воплощения творческого вклада автора является установленная им последовательность изложения материала. Такая характеристика позволяет обосновать интуитивно напрашивающийся вывод о признании трендового видео разновидностью составного произведения. Впрочем, этот вывод представляется обоснованным лишь на первый взгляд, поскольку, в отличие от составного произведения, для рилс свойственны не только и не

столько авторская подборка и расположение материалов. Данный контент (при условии, что он подготовлен самостоятельно) предполагает возможность обнаружения в нем объективированного личного участия субъекта. Последнее выражается в творчески самостоятельном выстраивании взаимосвязей между элементами трендового видео, расстановке в нем с помощью доступных аудиовизуальных средств, различных способов преподнесения информации и т. п. инструментов акцентов, направленных на обеспечение определенного восприятия пользовательской аудиторией (как самого видеоролика, так и его автора). Так, как уже отмечалось, рилс имеют своей целью повысить охват пользовательской аудитории, воздействуя на эмоциональную составляющую человеческой личности, побуждая к выражению эмоций гнева, страха, удивления, радости и др. В то же время с их помощью блогер формирует и поддерживает мнение о своей экспертности в тех или иных вопросах, приобретает доверие единомышленников, которое в дальнейшем может быть использовано при реализации платного контента, осуществлении рекламной деятельности и в иных целях.

В этой части может быть обнаружено некоторое сходство с условиями охраноспособности исполнения – в той мере, в которой исключительные права на него возникают у лица, уполномоченного на доведение авторского замысла до широкой общественности (п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Творческая самостоятельность исполнения, как следует из ст. 1317 ГК РФ, фиксируется именно в момент воплощения такого замысла при непосредственном участии исполнителя.

Вместе с тем качественную специфику трендового видео составляет сочетание творческого вклада, вносимого его создателем в подбор элементов и определение последовательности изложения материала, и личного творческого участия в выстраивании взаимосвязей между такими элементами, выборе и применении способов преподнесения информации, аудиовизуальных средств, примеров из собственного опыта и т. п., позволяющих обеспечить необходимое восприятие конечного результата и самого автора пользовательской аудиторией. Для целей правовой охраны

⁷ Как снимать видео, чтобы не попасть в суд за «кражу идеи рилс» [Электронный ресурс]. URL: <https://sdelano.media/reelspenalty/> (дата обращения: 13.02.2026).

⁸ Не украл, а вдохновился. Правила игры в социальных сетях. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/sovetsnik/619850/> (дата обращения: 13.02.2026).

данного объекта не должно иметь правового значения, созданы ли его составляющие творческим трудом пользователя, изготовившего и распространившего данный объект в сети Интернет, или заимствованы. К таким составляющим должен применяться правовой режим произведений или иных соответствующих их природе охраняемых результатов интеллектуальной деятельности со всеми вытекающими последствиями (включая возможность заявить о нарушении исключительных прав в случае адаптации в рилс при отсутствии согласия правообладателя).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебная практика демонстрирует попытки применения как минимум трех несовместимых друг с другом подходов к определению условий охраноспособности трендовых видео. Во-первых, рилс охраняется как составное произведение, творческий вклад автора которого заключается в подборе музыки, текста, видеоряда и т. п. и определенном их расположении. Во-вторых, трендовое видео характеризуется как оригинальное аудиовизуальное произведение, которому присуща специфическая объективная форма представления. В-третьих, правовая охрана с позиции права интеллектуальной собственности предоставляется не трендовому видео в целом, а тем его элементам, которые выполнены лицом самостоятельно (текст, который может быть подготовлен на основе общедоступных источников, однако имеет признаки творческого вклада автора, отснятые им видеоматериалы, фотоизображения и т. п.). Преобладающий в доктрине подход, что рилс представляет собой лишь идею или концепцию, в отношении которой не могут возникать авторские права, не выдерживает критики с позиции классического для авторского права принципа приоритета формы над содержанием.

Следует полагать, что надлежащая охрана рассматриваемого результата интел-

лектуальной деятельности не может быть обеспечена в рамках правового режима, предусмотренного для составных произведений. В равной мере доступ к защитным правомочиям не может быть гарантирован при обращении к правовой конструкции аудиовизуального произведения в значении, придаваемом ей действующим законодательством и судебной практикой. Однако важно помнить, что в праве интеллектуальной собственности допустимо отнесение того или иного специфического (непоименованного) результата к числу охраняемых объектов авторского права по признаку создания его творческим трудом. Такое толкование положений ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи содержится в п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

При заданных предпосылках трендовое видео может быть охарактеризовано как особая разновидность произведений, если оно подготовлено самостоятельно, позволяет обнаружить объективированное личное участие субъекта. Правовой режим рилс необходимо выстраивать исходя из того, что качественную специфику такого объекта (а следовательно, и условие его охраноспособности) образует сочетание творческого вклада, вносимого создателем в подбор элементов и определение последовательности изложения материала, и личного творческого участия в выстраивании взаимосвязей между такими элементами, выборе и применении способов преподнесения информации, аудиовизуальных средств, примеров из собственного опыта и прочих инструментов, позволяющих обеспечить необходимое восприятие конечного результата и самого автора пользовательской аудиторией. Этот подход не препятствует применению в отношении отдельных составляющих рилс правового режима произведений или иных соответствующих их природе охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянкин Г.В. Особенности правового статуса авторов аудиовизуального произведения в Российской Федерации / Г.В. Дворянкин // Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2024. – № 1. – С. 98–106.
2. Гринь Е.С. Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики / Е.С. Гринь // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 9 (214). – С. 107–115.
3. Идрисов Х.В. Отдельные вопросы правового регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет: проблемные аспекты и поиск путей решения / Х.В. Идрисов // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6, № 24. – С. 556–566.
4. Щербак Н.В. Ответственность за косвенные нарушения интеллектуальных авторских прав / Н.В. Щербак // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2024. – № 6. – С. 178–201.
5. Ивлиев Г.П. Правовые аспекты использования коротких видеороликов на видео-хостингах (клипы, ТикТоки, рилс, шортс) в контексте интеллектуальной собственности / Г.П. Ивлиев, Б.А. Шахназаров // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 15–24.
6. Карташева А.В. О некоторых проблемах защиты исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности / А.В. Карташева // Юридический аналитический журнал. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 18–27.
7. Ошуева В.В. Судебная практика защиты авторов в соцмедиа: рилсы / В.В. Ошуева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 1. – С. 27–32.
8. Матвеев А.Г. Цифровое и аналоговое авторское право: различны ли принципы? / А.Г. Матвеев // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2022. – № 3 (34). – С. 31–37.
9. Луткова О.В. Системообразующие принципы в общей классификации принципов правового регулирования трансграничных авторских отношений / О.В. Луткова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89). – С. 159–169.
10. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7, № 2. – С. 75–119.
11. Савицкая К.Д. Актуальные проблемы правовой охраны мультимедийных произведений / К.Д. Савицкая // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2025. – № 3. – С. 95–99.
12. Филиппов Д.А. Правовая охрана авторских прав на музыкальные произведения, размещаемые в глобальной сети Интернет / Д.А. Филиппов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 366–368.
13. Борлаков Р.Н. Перспективы совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения / Р.Н. Борлаков // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 2А. – С. 115–127.
14. Киракосян А.Э. Некоторые проблемы нарушения авторских прав в сети интернет / А.Э. Киракосян // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Т. 44, № 1. – С. 68–74.

REFERENCES

1. Dvoryankin G.V. Specifics of the Legal Status of Authors of an Audiovisual Work in the Russian Federation. *Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*, 2024, no. 1, pp. 98–106. (In Russian).
2. Grin E.S. Legal Protection of Copyright Works and Complex Intellectual Property Objects on Social Networks: Court Practice Issues. *Lex russica*, 2024, vol. 77, no. 9 (214), pp. 107–115. (In Russian).
3. Idrisov H.V. Certain Issues of Legal Regulation of the Placement of Intellectual Property Objects on the Internet: Problematic Aspects and Search For Solutions. *Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 556–566. (In Russian).
4. Scherbak N.V. Responsibility for Indirect Infringement of Intellectual Property Rights. *Lomonosov Law Journal*, 2024, no. 6, pp. 178–201. (In Russian).
5. Ivliev G.P., Shakhnazarov B.A. Legal Aspects of the Use of Short Videos on Video Hosting Sites (Clips, TikToks, Reels, Shorts) in the Context of Intellectual Property. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2024, no. 5, pp. 15–24. (In Russian).
6. Kartasheva A.V. About Some Problems of Protection of Exclusive Rights to the Result of Intellectual Activity. *Juridical Analytical Journal*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 18–27. (In Russian).
7. Oshueva V.V. Judicial Practice of Protecting Authors in Social Media: Reels. *Arbitration And Civil Procedure*, 2025, no. 1, pp. 27–32. (In Russian).
8. Matveyev A.G. Digital and Analogue Copyright Law: Are the Principles Different? *Journal of Legal Sciences*, 2022, no. 3 (34), pp. 31–37. (In Russian).
9. Lutkova O.V. Cornerstone Principles in General Classification of Cross-Border Copyright Regulation. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 4 (89), pp. 159–169. (In Russian).
10. Kashanin A.V. Creative Character as a Condition of Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright. *Bulletin of Civil Law*, 2007, vol. 7, no. 2, pp. 75–119. (In Russian).
11. Savitskaya K.D. Current Issues of Legal Protection of Multimedia Works. *Herald of Polotsk State University. Series D: Economic and Law Sciences*, 2025, no. 3, pp. 95–99. (In Russian).
12. Filippov D.A. Legal Protection of Copyrights to Musical Works Posted on the Global Internet. *Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 3. pp. 366–368. (In Russian).
13. Borlakov R.N. Prospects for Improving the Legal Regulation of Copyright Protection for Audiovisual Works. *Matters of Russian and International Law*, 2025, vol. 15, no. 2A, pp. 115–127. (In Russian).
14. Kirakosyan A.E. The Role of Copyright in the Media Industry: The Issues of Copyright Infringement in the Internet. *Works on Intellectual Property*, 2023, vol. 44, no. 1, pp. 68–74. (In Russian).
15. Strizhov A.E. On Some Problems in the Field of Ensuring and Protecting Copyright of Subjects of Civil Law Relations in the Content Market in the Russian Federation (Using the Example of Video, Audio, and Game Products). *Law and State: Theory and Practice*, 2010, no. 6, pp. 54–59. (In Russian).

15. Стрижов А.Е. К вопросу о некоторых проблемах в области обеспечения и защиты авторских прав субъектов гражданско-правовых отношений на рынке контента в Российской Федерации (на примере видео-, аудио- и игровой продукции) / А.Е. Стрижов // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 6. – С. 54–59.

16. Тормозова В.А. Современные проблемы аудиовизуального произведения как объекта авторского права / В.А. Тормозова // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Т. 47, № 4. – С. 54–67.

17. Гаврилов Э. «Формат» аудиовизуального произведения и некоторые вопросы права интеллектуальной собственности / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2016. – № 3 (470). – С. 64–79.

16. Tormozova V.A. Modern Problems of an Audiovisual Work as an Object of Copyright. *Works on Intellectual Property*, 2023, vol. 47, no 4, pp 54–67. (In Russian).

17. Gavrilov E. “Format” of Audiovisual Works and Some Issues of Intellectual Property Law. *Business and Law*, 2016, no. 3 (470), pp. 64–79. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Ольга Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры противодействия преступлению в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnichenko Olga Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 14.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 14.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 340.132.6
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.19

Original article

МОНАСТЫРСКИЙ Юрий Эдуардович
Севастопольский государственный
университет, Севастополь, Россия;
Московский государственный институт
международных отношений МИД России,
Москва, Россия,
monastyrsky@mzs.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>

MONASTYRSKIY Yuriy Eduardovich
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia;
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

СОГЛАСОВАННОЕ ИЗБРАНИЕ ПРИМЕНИМЫХ НОРМ В СУДАХ И АРБИТРАЖЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE AGREED SELECTION OF APPLICABLE LAW IN THE COURTS AND ARBITRATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. При спорах о способах заключения, пределах действия, допустимости оспаривания, регулирующих нормах соглашения о выборе применимого национального права в трансграничном имущественном обороте возникает вопрос о юридической природе и значении такого совместного волеизъявления субъектов. Однако в доктрине преобладающего суждения за многие годы не сложилось, что актуализирует теоретические изыскания на новых концептуальных основаниях. Цель: исследовать юридическое значение формального избрания сторонами применимого права для установления пределов и условий его основания. Методы: дедукции – для осуществления профессиональных умозаключений; индукции – для обобщенных выводов; телеологического толкования – для уяснения смысла анализируемых норм. Анализ проводился с учетом исторического контекста данной правовой возможности, а также в разрезе режима и правовой природы соответствующего соглашения и оговорки в основном договоре. Результаты: свобода соглашений частных лиц избирать нормативную базу своих обязательств, в последнее время получившая большое концептуальное расширение, породила вопросы о новых пределах своего действия, форме реализации собственной автономности. Предпринята попытка рассмотреть этот правовой феномен с позиции судей и третейского сообщества, в соответствии с которой первоочередными правоприменителями являются состав арбитров, рассматривающих спор, постоянно действующие арбитражные учреждения и контролирующие суды. Сделан вывод о различиях в реализации такой автономии воли перед судом и в арбитраже.

Abstract. In disputes concerning the methods of conclusion, the scope of application, the admissibility of challenging, and the governing norms of an agreement on the choice of applicable national law in cross-border property transactions, the issue of the legal nature and significance of such a joint expression of will by the parties comes to the fore. However, no prevailing judgment has been formed in legal doctrine over many years, which highlights theoretical research on new conceptual foundations. Purpose: to investigate the legal significance of the parties' formal selection of applicable law in establishing the scope and conditions of its foundation. Methods: the article employs the following research methods: deduction is used for professional reasoning; induction is used for generalized conclusions; and teleological interpretation is applied for clarifying the meaning of the analyzed norms. The analysis is conducted considering the historical context of this legal possibility, as well as in the context of the regime and the legal nature of the relevant agreement and the clause in the main contract. Results: the freedom of private parties to choose the governing law for their obligations, which has recently seen significant conceptual expansion, has raised questions about the new limits of its scope and the form of its autonomous realization. The article attempts to examine this legal phenomenon from the perspective of judges and the arbitration community, according to which the primary enforcers are the arbitral tribunal hearing the dispute, permanent arbitration institutions, and supervisory courts. It concludes by highlighting the differences in the application of party autonomy in litigation and arbitration.

Ключевые слова: арбитраж, третейский суд, применимое право, соглашение, оговорка

Для цитирования: Монастырский Ю.Э. Согласованное избрание применимых норм в судах и арбитраже Российской Федерации / Ю.Э. Монастырский. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 165–177.

Keywords: arbitration, arbitration court, applicable law, agreement, clause

For citation: Monastyrskiy Yu.E. The Agreed Selection of Applicable Law in the Courts and Arbitration of the Russian Federation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 165–177. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.19.

ВВЕДЕНИЕ

Соглашение сторон о применимом материальном праве как основе регулирования их взаимоотношений получило детальное нормативное закрепление в ГК РФ в 2013 г. Впоследствии его применение было разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – постановление)¹. Законодатель предусмотрел, что определение норм национального права порядка, регулирующего частноправовые отношения сторон, может осуществляться не только посредством прямого указания в договоре, но также вытекать из иных обстоятельств дела, включая контрактные условия, либо быть результатом сочетания правил различных юрисдикций, последующего выбора или даже распространяться на внедоговорные последствия.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, подчеркнул, что неявно выраженный выбор применимого права может быть установлен, в частности, на основе терминологии, использованной сторонами в документах, исковых материалах или связанных договорах, не являющихся предметом непосредственного рассмотрения (п. 27 постановления). Аналогично: такая свобода может проявляться в избрании сторонами принципов и положений негосударственных рекомендательных положений при субсидиарном использовании национальных норм (п. 32 постановления) [1]. Суд также признал авто-

номный характер соглашения о применимом праве, указав, что его действительность и юридическое значение не зависят от основного договора, по аналогии с арбитражной оговоркой (п. 26 постановления).

Особое внимание высшая судебная инстанция уделила случаям односторонней автономии, реализуемой в расширенных временных рамках, которая также проявляется в дискреции субъекта по определению регламентирующего права для односторонней сделки или в возможности выбора пострадавшей стороной наиболее благоприятного национального закона (п. 44 постановления). Более того, Верховный Суд РФ акцентировал, что отсутствие иностранного элемента не препятствует сторонам выбирать в качестве применимого зарубежное право (п. 31 постановления).

Не подлежит сомнению, что судебная практика в Российской Федерации демонстрирует в высшей степени либеральный и расширительный подход к принципу автономии воли сторон в международном частном праве (МЧП), рассматривая его как один из ключевых принципов современного нормотворчества и правоприменения. В этом контексте перед арбитражным сообществом [2, с. 55–57] и учеными встают два фундаментальных вопроса: какова правовая природа соглашения о применимом праве с позиции российской коллизионной доктрины, учитывая интеграцию соответствующих норм в ГК РФ, и в какой мере позиции Верховного Суда РФ обязательны для арбитражных институтов, трибуналов, функционирующих на основании Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) и Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом

¹ С упомянутыми в статье постановлениями и определениями высших судов Российской Федерации, федеральными законами, если не указано иное, можно ознакомиться в СПС «КонсультантПлюс», а с постановлениями и определениями арбитражных судов – в картотеке арбитражных дел: <https://kad.arbitr.ru>.

арбитраже» (далее – Закон о МКА). Актуальность данных пунктов дискурса обуславливает необходимость определения правового режима автономии воли сторон в МЧП, возможности оспаривания этой свободы, а также последствий применения избранного права при судебном контроле за деятельностью арбитражных учреждений и составов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБМЕН

Развитие международного торгового оборота в XIX в. столкнулось с препятствиями, связанными с национальными границами, что послужило стимулом для теоретического и законодательного признания возможности защиты прав, интересов и имущества иностранных лиц в национальных судах. Это проявилось в предоставлении иностранным гражданам и организациям защиты наравне с национальными субъектами [3, с. 286], а также в развитии специализированных торговых судов и правил торговли в «государствах цивилизованных народов», согласно терминологии выдающегося русского правоведа и международного Ф.Ф. Мартенса.

Дальнейшее масштабирование промышленности и увеличение числа личных и имущественных частных контактов на международном уровне обусловили потребность в формировании устойчивых правовых основ экономического оборота. Это включало возможность признания и принудительного исполнения ключевых иностранных правоприменительных актов. В результате были разработаны глобальные конвенции в области арбитража (Нью-Йорк, 1958 г.; Женева, 1961 г.) и осуществлена унификация торговых правил, что на современном этапе выразилось в более детальном регулировании международного коммерческого арбитража при участии международных организаций.

Интенсивное развитие производства и обмена в межгосударственном пространстве в конце XIX – начале XX в. обусловило необходимость разработки коллизионных правил для определения господствующего правопорядка [4, с. 119]. Такие правила способствовали урегулированию споров профессиональными судами не только на основе обычаев, но и с применением норм иностранных правовых систем. Впоследствии на формирование

стандартов коллизионного метода и процедуры альтернативного разрешения споров влияли международные организации, такие как ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли), УНИДРУА (Международный институт унификации частного права) и МТП (Международная торговая палата).

Несмотря на то что система юрисдикционного и посреднического урегулирования трансграничных договорных споров сформировалась давно, долгое время отсутствовало однозначное определение национального права, регулирующего соответствующие обязанности сторон. Исключительное применение норм *lex fori* при разрешении споров часто было неэффективным, учитывая сложный и многоаспектный характер фактических обстоятельств и заинтересованность участников в применении права, отличного от права суда. В связи с этим во всех первых кодификациях (Франция, 1804; Австрия, 1811; Германия, 1896; Швейцария, 1907; Италия, 1865; Россия, 1914 (проект)) стали приниматься разрозненные коллизионные нормы, регламентирующие обязательное обращение к иностранному праву и ограничивающие дискрецию судов в этом вопросе. В зависимости от обстоятельств конкретного дела органу, разрешающему споры, предписывалось применять либо свое национальное право, либо право места заключения договора, причинения вреда или наступления последствий правонарушения и т. д. Попытки унификации подобных положений не увенчались успехом. Однако по мере усложнения международного гражданского оборота и увеличения транснациональных сделок установился универсальный принцип свободы воли сторон, что ознаменовало переход от определения применимого права государства только посредством коллизионных норм к самостоятельному установлению такового самими участниками правоотношений.

ОТ ОГРАНИЧЕНИЙ ДО БОЛЕЕ ПОЛНОЙ СВОБОДЫ ВЫБОРА. СПОРЫ О КВАЛИФИКАЦИЯХ

В российском праве положения о выборе сторонами регулирующего национального

закона впервые были отражены в п. 7 Проекта Гражданского уложения Российской империи², где закреплялась возможность избрания зарубежных материальных правил при условии соблюдения Уложения. Данное положение перешло в ст. 15 Кодекса торгового мореплавания 1929 г.³, допускавшую избрание иностранного права при условии его непротиворечия Кодексу. В дальнейшем развитие автономии воли проявилось в ее закреплении на законодательном уровне и в судебной практике.

Проблема правовой природы выбора национального регулирования остается предметом научной дискуссии. В российской и зарубежной доктрине представлены разные мнения по данному вопросу. Одна группа исследователей рассматривает избрание права как логическое продолжение принципа свободы договора – института, изначально сформировавшегося в коммерческой и частной сферах, признавая его содержание материально-правовым⁴. Согласно другой позиции предоставление сторонам права определять применимый правовой порядок превращает коллизионную привязку в прием, делегирующий отсылку выбору сторон, что делает содержание автономии воли в этом вопросе коллизионно-правовым [5, с. 443]. Однако, как профессионально высказался по этому вопросу профессор А.Л. Маковский: «Коллизионные методы направлены на подчинение соответствующих отношений определенному правовому порядку... Наделение участников возможностью избрать применимый к этому закон преследует цель предотвращения таких коллизий... Так, вопросы квалификации и обратной отсылки не имеют существенного значения для автономии воли» [6, с. 26]. Это воззрение легло в основу будущих формулировок законов о МКА и арбитраже.

С сугубо цивилистической точки зрения выражается мнение, что дискреция относительно применения иностранного права пред-

ставляет собой особое условие, не обладающее гражданско-правовой природой и не порождающее ни имущественных, ни преобразовательных последствий в частноправовой сфере [7, с. 23–30]. В противоположность этому ряд авторов и, что примечательно, судебная практика (п. 32 постановления) квалифицировали такое самоопределение сторон как гражданско-правовую сделку.

Корректная квалификация соглашения о выборе правовых порядков играет фундаментальную роль, поскольку от этого зависит режим его действия. Если подобная клаузула признается контекстом гражданско-правового договора, то существует возможность признания его недействительным, незаключенным, а также возможность перехода обязательств в силу правопреемства. Если же она не обладает цивилистическим содержанием, названные вопросы подлежат самостоятельному разрешению исходя из специфической цели определения регулирующего закона.

Значение принципа автономии воли на современном этапе претерпело изменения. Помимо традиционных мотивов, таких как выбор нейтрального правового порядка на основе равенства суверенов или избегание неблагоприятного правового порядка, появились две значимые причины обращения к автономии воли сторон. Новым стимулом для избрания конкретного материального права сегодня выступает гарантия, связанная с получением защиты сложных договорных конструкций, имеющих большое экономическое значение для сторон и происходящих из определенного правового порядка, например, обеспечительный депозит под условием, так называемая «русская рулетка», позволяющая принудительный выкуп доли друг друга, и т. п. Еще одним доводом в пользу реализации усмотрения является разработанность законов и прогнозируемость юридического исхода для истца от заявления наиболее вероятного требования, то есть легальная ясность, проистекающая из стабильного единообразия судебной практики по известным вопросам, что характерно прежде всего для континентальной правовой системы.

Следует отметить, что обобщение судебной практики Верховного Суда РФ по вопросу правовой природы соглашения о применимом праве не является строго обязательным для

2 Гражданское уложение. Проект высоч. учрежд. Ред. комиссии по составлению Гражданского уложения. (С объяснениями, извлеч. из трудов Ред. комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова ; сост. А.Л. Саатчиан. СПб. : Кн. маг. «Законоведение», 1910. Т. 1. С. 329.

3 Постановление СНК СССР от 14.09.1929. М., 1930. С. 4.

4 Постановление Арбитражного суда РФ Дальневосточного округа от 03.11.2016 № Ф03-4993/2016 по делу № А51-24764/2015 ; Постановление ФАС Уральского округа от 25.12.2013 № Ф09-12926/13 по делу № А60-1623/13.

третейских судов в Российской Федерации, разрешающих спор по законам о МКА. Это обусловлено автономией трибуналов, выражающейся в их предназначении развивать правоприменение и невозможностью ревизовать их решения по существу. Оспаривание выводов арбитражей возможно лишь по ограниченным основаниям, связанным с нарушением арбитражной процедуры по критерию ее неполноты [2, с. 604–605], соображениями публичного порядка (институт, применяемый лишь в строго особых, исключительных случаях и связанный с несовместимостью последствий применения иностранного закона с правовой системой государства суда, а не с отличием по существу регулирования и норм иностранной правовой системы, как предусмотрено ст. 1193 ГК РФ), а также с вопросом недопустимости (неарбитрабельности) спора как такового (ст. II, V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, Нью-Йорк 1958 г.)⁵. В то же время иностранные арбитражные решения на основе отечественного права должны подвергаться более строгому исследованию на предмет соответствия результатам воображаемого российского судебного рассмотрения дела, что вытекает из ст. 1191 ГК РФ [8, с. 63–66].

КОНКУРЕНЦИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ ПРИВЯЗОК, УСЛОВИЯ ОБ ИЗБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНА

Высказывания Верховного Суда РФ о том, что оговорка о применимом праве является гражданско-правовой сделкой, которая хотя и не связана напрямую с возникновением, прекращением или изменением имущественных прав и обязанностей сторон, но посредством которой указанные права и обязанности получают правовую базу и уточняются, породили в правовом дискурсе обсуждение вопросов о праве, применимом к соглашению или оговорке о применимом праве, и о «форме существования» соглашения о применимом праве.

Различные ученые высказываются о проверке выбора применимого права с точки зре-

ния его допустимости, в отличие от действительности самого соглашения на основе особой коллизионной привязки. Как отмечает А. Бриггс, автономия воли должна иметь опорную точку, чтобы обосновать, почему и как свобода сторон или ссылка на нее оправданна [9]. М. Вольф указывает на неизбежность национального регулирования в вопросе определения действительности соглашений о применимом праве как на одно из оснований критики доктрины автономии воли в целом, при этом предлагает исходить из *lex voluntatis* [10, с. 414].

С. Симеонидис выделяет три привязки к правовому полю вопроса о действительности соглашения о выборе: *lex fori*, *lex voluntatis*, *lex causae* [11, с. 208]. Необходимо согласиться, что *lex causae* не способствует привлекательности и эффективности оговорок о применимом праве, поскольку суду потребуются посредством разрешения коллизии определить это *lex causae*, на его основании разрешить вопрос действительности оговорки и только после этого урегулировать спор с применением избранного сторонами материального права. Очевидно, что такая цепочка лишь усложнит правоприменительный процесс, особенно если все три привязки будут различными.

Н.В. Тригубович предлагает подход, в соответствии с которым «действительность в соглашении о выборе права следует из общих принципов международного права» [12, с. 50], однако эта позиция представляется практически неприменимой в силу отсутствия определенности.

Многие полагают, что в вопросе допустимости и действительности требуется разграничение. П.Э. Най прямо указывает на различия между допустимостью (*permissibility*) как аналогом арбитрабельности и действительностью (*validity*) выбора права, отмечая при этом, что коллизионные нормы страны суда определяют как допустимость выбора, так и определение его действительности [13, с. 72]. Л.А. Лунц последовательно анализирует два вопроса: во-первых, соглашение о выборе права как юридический факт, предусмотренный в законе суда, то есть им допускаемый; во-вторых, материально-правовые вопросы действительности соглашения, которые он также подчиняет закону суда [14, с. 498–499].

Теоретики и судебная практика признали, что оговорка может существовать в виде

⁵ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

обмена сообщениями, указания в соответствующих документах, ссылки на нормы национального правопорядка, а также в виде расширенного понимания выбора, когда он не выражается прямо, а выводится из поведения сторон. Дополнительно следует отметить, что соглашение о применимом праве может существовать в устной форме (ст. 158 ГК РФ). Разнообразные запечатлеваемые способы изъявления воли о выборе права относятся к простой письменной форме, если происходит, так или иначе, фиксация совместного волеизъявления сторон любым способом, в том числе видеосъемкой (ст. 160 ГК РФ). Важно понимать, что устные сделки разрешены в российском регулировании, они не становятся ничтожными и не имеют правовых дефектов, если совершаются при их исполнении. Применительно к обсуждаемому соглашению имеется авторитетное подтверждение этой идеи [15].

При обсуждении формы выбора регулирующего права речь может идти лишь об отдельном соглашении, а не об оговорке, которая имеет тот же режим, что и основной договор касательно всех вопросов. Таким образом, проблема почти полностью касается соглашения о применимом праве, а не оговорки.

Согласно российскому коллизионному регулированию форма сделки, а значит и договора, должна соответствовать применимому закону. Однако следует расширение: «сделка не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования страны места совершения сделки» (ст. 1209 ГК РФ). Данная формула перешла из прежних, в том числе иностранных редакций, поскольку вопрос формы сделки имел различное содержание в разных странах. В Греции, например, существует религиозная форма. Реквизитами формы могут считаться обмен сообщениями, участие солиситора, свидетелей, сопровождающая регистрация и пр. В настоящее время, согласно российскому коллизионному подходу, форма означает совершение волеизъявления сторон письменно либо устно. Остальные виды форм других правопорядков не имеют значения. Применение устных договоров ограничено. С точки зрения российского права это все сделки неписьменные и ненотариальные, в том числе сделки при свидетелях.

Следовательно, если бы российская квалификация относительно вопросов формы не ориентировалась на привязку *lex fori*, то рассмотрение дела в российском суде на основании иностранного права, в котором устные сделки не распространены, привело бы суд к выводу о несостоятельности соглашения о применимом праве, если бы это было вопросом существа, регулируемым иностранным правом, а не вопросом формы. Однако поскольку российский коллизионный подход основан на толковании *lex fori* и допустимости устных сделок (ст. 1187 ГК РФ), исполняемых при совершении, такое волеизъявление сторон следует квалифицировать как устную сделку о выборе применимого права.

Представляется, что оговорка в договоре регулируется правом самого договора, поскольку автономность оговорки о применимом праве не выражена в законе, а является лишь суждением высшей судебной инстанции, необязательным для арбитражей. Форма оговорки определяется правом, применимым к основному договору. Правоутверждающее разъяснение Верховного Суда РФ, что оговорка о применимом праве автономна (п. 26 постановления), не уравнивает правовой режим этого положения с арбитражной оговоркой [2, с. 373–375], имеющей законодательную основу в Законе о МКА. Особое правовое значение арбитражной оговорки покоится на концепции альтернативного разрешения споров. Негосударственные органы разрешения споров (арбитражные трибуналы) пользуются известными преференциями, не становясь частью судебной системы. Среди этих преференций: свобода правоприменения, процедуры, санирование соглашения о выборе арбитража при отсутствии в нем недостающих условий (при этом отмечается особая роль арбитров в этом процессе). Подобного не может быть при частном взаимном решении руководствоваться конкретным правопорядком. Коллизионное законодательство является частью Кодекса с неизбежным решением вопросов об обходе закона с противоправной целью (ст. 10 ГК РФ).

Таким образом, мнение Верховного Суда РФ об автономности воли при избрании материального регулирования не может быть равнозначным выбору арбитража. При этом не следует одинаково интерпретировать соглашения о применимом праве и условия дого-

вора об этом. Во втором случае это не сделка, а часть ее, которая может быть отделена от договора с целью признания недействительной, но которую без особого указания невозможно расторгнуть отдельно (ст. 180 ГК РФ), согласно п. 2 ст. 450.1 ГК РФ, что и составляет существенную разницу в режиме обоих волеизъявлений.

ОСОБЕННОСТИ АРБИТРАЖА

В контексте арбитража существует абз. 2 п. 1 ст. 1186 ГК РФ, устанавливающий особенности определения арбитражем применимого права, которое должно устанавливаться Законом о МКА. В ст. 28 этого закона содержится следующее регулирование:

«1. Третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора.

2. Указания на право или правовую систему какого-либо государства должны трактоваться как отсылка к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам.

3. При отсутствии какого-либо указания сторон о праве, подлежащем применению, арбитры разрешают спор в соответствии с коллизионными нормами, которые считают применимыми».

Как видно, регулирование здесь отличается. Выбор права в арбитраже акцентирован, и право должно быть указано. Только при отсутствии такого указания арбитраж обращается к коллизионным нормам. Применение ст. 1210 ГК РФ, которая предусматривает случай выбора посредством условий в договоре, в данном контексте приведет к нарушению, поскольку это будет игнорировать ст. 28, требующую прямо выраженного избрания применимого права⁶.

Пункт 27 постановления Верховного Суда РФ также содержит положения, согласно

которым выбор сторонами постоянно действующего арбитражного учреждения (ПДАУ) или места проведения международного коммерческого арбитража не означает выбора материального права [16]. Данное указание отличается от подхода, принятого в странах общего права, где выбор компетентного суда создает привязку, и в конечном счете делается вывод о тесной связи договора с правом суда, что позволяет в большем количестве случаев разрешать споры с помощью дорогостоящего и длительного правосудия, отягощенного формальностями, в странах англосаксонской правовой семьи. Один из авторитетов по этому вопросу высказался так: «Примечательный факт, который обнаруживается после знакомства с большим числом дел, заключается в большей последовательности, с какой английские суды с помощью различных методов обнаруживают, что стороны избрали именно английское право» [17, с. 547].

Пункт 2 ст. 1210 ГК РФ не содержит положений, из которых следовала бы возможность извлечения гипотетического либо подразумеваемого выбора, поскольку в названных конструкциях может не быть де-факто совпадающего волеизъявления, а лишь голая фантазия судьи или арбитров. Российский ГК говорит о соглашении, о выборе конкретного национального правового порядка, его материальных норм посредством соглашения, явно устанавливаемого из совокупности условий договора или обстоятельств дела, и такое соглашение вообще по концепции ГК РФ (ст. 158) может заключаться путем конклюдентных действий, имеющих тот же результат, что и прямо выраженный договор об определении применимого права. Таким образом, не событие или факты сами по себе образуют названную договоренность, а только поведение, включающее и воздержание от действий. В отличие от соглашения о выборе арбитража или компетентного суда, совпадающие волеизъявления относительно применимого права могут совершаться устно. Пункт 2 ст. 158 ГК РФ гласит: «Сделка, которая может совершаться устно, считается совершенной в том случае, когда поведение сторон явствует их воле совершить сделку». Таким образом, соглашение, устанавливаемое из зафиксированных условий, и обстоятельства в виде поведения есть устная, но не письменная форма сделки о применимом

⁶ Имеется и иная практика. См.: Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 13.09.2017 по делу № М-27/2017; Решения МКАС при ТПП РФ от 12.12.2012 по делу № 53/2012, от 01.06.2012 по делу № 165/2011, от 30.12.2009 по делу № 74/2009; Постановление МКАС при ТПП РФ от 12.03.2008 по делу № 64/2007; Решение МКАС при ТПП РФ от 01.12.2008 по делу № 39/2008 (в решении есть ссылка на п. «е» ст. 11 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»).

праве. Это чрезвычайно важная российская особенность заключения соглашения о применимом праве, а не оговорки.

Верховный Суд РФ сделал разъяснение о силе условия о применимом праве, заключив, что допустимость применимого права должна определяться по *lex fori*, а остальные вопросы – «порока воли», заключенности – по избранному праву (п. 26 постановления). Прежде всего, следует отметить, что нестрогий доктринальный, но не законодательный термин «допустимость выбора» арбитража означал бы арбитрабельность, а применимого права – действительность по основаниям непротиворечия закону (ст. 168, 169 ГК РФ). И этот вопрос, и другие, связанные с юридическим эффектом, к которому стремились стороны, должны разрешаться по *lex fori*, о чем задолго до, в 2019 г., сказал основоположник советского и российского МЧП Л.А. Лунц. Здесь имеются в виду случаи отдельного соглашения и оговорки [14, с. 498–499]. Если в системе коллизионных норм суда есть случай невозможности автономии воли сторон, то выбором применимого права этот запрет изменить нельзя (ст. 1209 ГК РФ). Например, невозможно продать долю в российском ООО, подчинив эту сделку иностранному правопорядку посредством нотариального удостоверения, когда налицо результат устранения императивной процедуры посредством обращения к иностранному правопорядку (ст. 10 п. 2 ГК РФ).

В случае оговорки вопрос заключенности и расторжения, если это предусмотрено договором, ставится и разрешается по *lex causae*, а не по праву, выбранному сторонами, где совпадение более чем вероятно, кроме случая, когда такой выбор может быть признан несостоявшимся. Аналогичный вывод можно сделать, если избрание осуществляется по третьей процедуре в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1186 ГК РФ об особенностях арбитража. Комментаторы здесь выступают за *lex arbitri* [2, с. 790], с чем трудно согласиться. Право места арбитража – это статут, якобы определяющий правовое положение третейского трибунала. Находящаяся в употреблении формула *lex loci arbitri* трансформировалась в *lex arbitri*. Право арбитража (*lex arbitri*) является продуктом западной арбитражной юридической мысли, концептуально проповедующей

вненациональный характер третейского разрешения спора, параметры и характеристика которого либо выбираются самими сторонами, либо (при их отсутствии) устанавливаются регламентом задействованного ПДАУ.

Поскольку самым фундаментальным юридическим положением в западном юридическом дискурсе является тезис о «фикции места арбитража», которое, по сути, избирается сторонами, а при их пассивности – арбитрами, то применяется аргументация о подчинении всех вопросов, в том числе арбитрабельности требования, технических способов совершения юридических и гражданско-правовых действий, праву места арбитража, где даже территориальная локализация якобы вторична. Для важной, значимой, платежеспособной клиентуры создается иллюзия легкой возможности обхода любых формальностей и императивов для удовлетворения своего спорного притязания, успех которого зависит исключительно от голлой юриспрудентской изобретательности и финансирования дорогостоящего арбитража. Эта кажущаяся возможность – призрачна.

Согласно ст. II, V и VI Нью-Йоркской конвенции 1958 г. суд на стадии отказа от собственной юрисдикции и при принудительном исполнении арбитражного решения разрешает вопрос силы оговорки о применимом праве и обхода важного императивного регулирования, руководствуясь *lex fori*, своим правом. Согласно нормам ГК РФ нероссийское право не применяется для решения вопросов ответственности российских лиц, действующих в основном в Российской Федерации иностранных компаний (ст. 1202), к недвижимости в Российской Федерации (ст. 1205), действующих в России простых товариществ (ст. 1211) и т. п. Если в оговорке о применимом праве указывается иностранный закон, государственный суд должен на это реагировать, в частности путем обращения к оговорке о публичном порядке, нормам непосредственного применения (ст. 1192). Поэтому участники внешнеэкономических связей, получившие выгодное арбитражное решение о недвижимости, также получают отказ в содействии в месте ее нахождения. Это один из многочисленных явных примеров. В транслировании этой логики о месте арбитража, правильно понятой, прояв-

ляется доктринальная недобросовестность. Аналогичным образом зависимость вопросов действительности и законности только от *lex arbitri* нереалистична и утопична, и стороны здесь также должны руководствоваться правом суда или, точнее, судов, принудительно исполняющих арбитражное решение. Что же касается базовой коллизионной привязки, то арбитраж, руководствуясь разделом VI ГК РФ, должен к отдельному соглашению о регулирующих материальных нормах применять право, наиболее тесно связанное со страной, чье право применяется, так как для такого случая альтернатива в виде жесткой формулы прикрепления не предусмотрена. Согласно континентальной цивилистической теории существует четыре основания недействительности: неуполномоченность сторон, отсутствие каузы в отношениях, пороки воли и незаконность цели сделки. Последнее подлежит проверке по *lex fori* во избежание конфликта со ст. 1192 ГК РФ.

ФОРМАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСНОВНОГО ДОГОВОРА И СОГЛАШЕНИЯ

Обобщим выводы о различиях между основным договором и соглашением.

1. Расторжимость/нерасторжимость: оговорка является частью сделки или договора, которую нельзя расторгнуть отдельно, что составляет первое отличие.

2. Регулирующее право: оговорка регулируется статутом основного договора; соглашение – по усмотрению: либо выбранным правом, либо тесно с ним (его страной (правом порядком)) связанным.

3. Форма: соглашение, в отличие от своего аналога, определяющего арбитраж, может быть совершено в устной форме как исполняемое непосредственно после совершения. Более того, его заключение может являться из поведения сторон. Вместе с тем выбор, реализуемый позднее, просто успешно доказываемся без ссылки на свидетельские показания и сохраняет силу (ст. 162 ГК РФ). Пункт 2 ст. 1210 ГК РФ при судебном рассмотрении относится как к соглашению, так и к оговорке в основном договоре. Пункт 2 ст. 158 ГК РФ применяется только к соглашению.

4. Сфера действия: соглашение может устанавливать применимое право для еще не

возникших обязательств. Здесь не имеется в виду срок их исполнения и какое-либо отлагательное условие, а обязательства и отношения, характеристики которых не образовались. Это относится к договорам, в которых стороны заранее предусматривают возможность причинения вреда друг другу. Статья же 1223.1 ГК РФ, с более узкой диспозицией, предусматривает возможность делинквента и пострадавшего заменять коллизионные правовые вопросы своим выбором сообразно правовой квалификации профессора А.Л. Маковского, приведенной здесь. Логика от противного (о том, что до момента обязательств такой выбор невозможен) неверна, поскольку с точки зрения принципа свободы договора такое ограничение не имеет никакой утилитарной или полезной основы, а фактор предвидимости обеспечивает возможность формирования надежных правовых прогнозов.

5. Способ заключения: соглашение о применимом праве может, например, состоять в обмене волеизъявлениями. Оговорка же следует форме основного договора – нотариальной или простой письменной.

Впервые положение о том, что условия, касающиеся согласия сторон, определяются избранным правом [18], было включено в Гаагскую конвенцию 1955 г. о праве, применимом в международной купле-продаже товаров (ст. 2)⁷. Заменяющая ее Гаагская конвенция 1986 г.⁸ не вступила в силу, но уточнила указанный подход. В соответствии с ее п. 1 ст. 10 «вопросы, касающиеся наличия и материальной действительности согласия сторон в отношении выбора применимого права... определяются выбранным правом», но только при условии, что выбор является действительным по этому же праву.

Отчет по отношению к Конвенции (п. 102) прямо устанавливает: «Конвенция сама регламентирует вопрос допустимости выбора

⁷ Конвенция о законе, применимом к международной купле-продаже товаров. Гаага, 15.06.1955 // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Нью-Йорк, 1971. Т. 1. С. 5–8 [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/register_texts_vol_i_r.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

⁸ Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров. Гаага, 22.12.1986 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901760972> (дата обращения: 01.10.2025).

права сторонами»⁹. Таким образом, необходимо заключить, что уже Гагская конвенция 1986 г. разграничивала допустимость, однако здесь это определено как наличие согласия (п. 3 ст. 10) и действительность соглашения о применимом праве, подчиняя вторую избранному сторонами праву.

Аналогичная логика повторяется в Регламенте о праве, применимом к договорным обязательствам – «РИМ I», действующем в Европейском союзе¹⁰. В частности, п. 5 ст. 3 совместно с п. 1 ст. 10 Регламента «РИМ I» относит вопрос существования и материальной действительности согласия сторон на выбор применимого права к выбранному сторонами праву и дает исключение, аналогичное исключению в п. 3 ст. 10 Гагской конвенции 1986 г. Вместе с тем право сторон на выбор, установленное непосредственно Регламентом «РИМ I», не требует дополнительных отсылок. Как указывается в литературе, п. 1 ст. 3 Регламента «РИМ I» устанавливает «базовый принцип», согласно которому договор должен регулироваться правом, избранным сторонами. При этом «философия свободы выбора» лежит в основе не только базового принципа, но и некоторых более специальных положений, касающихся выбора (возможно подчинить праву только часть договора и сделать это в любое время, даже после его заключения) [19, с. 690].

Практика свидетельствует, что оговорки и соглашения о регулирующем законе активно толкуются правоприменителем с целью восполнения смысла и содержания волеизъявления, поскольку юридические положения иногда формулируются неясно или двусмысленно. Например, подчинение договора определенному национальному праву обычно понимается как распространяющееся и на вопросы ответственности. Однако стороны могут установить, что выбор права не затрагивает вопросы ответственности. Регулирование же ответственности применимым правом зачастую рассматривается как распространение его действия на весь комплекс отношений

сторон. Термины, обозначающие нормативный корпус, такие как «национальный закон», «право страны», «законодательство», также часто трактуются как выбор применимого права страны в целом, включая ее международные соглашения.

Заслуживает внимания интерпретация *obiter dictum*, когда судьи и арбитры указывают на важность «намерения сторон» подчинить свои взаимоотношения национальному праву или международному договору, исключая при этом процессуальные правила. Однако континентальная правовая логика не может это принять, поскольку высшей ценностью полагает единообразие нормоприменения, путь к которому – буквальное толкование текстов и использование «канонической терминологии».

Соглашаясь с Верховным Судом РФ и большинством авторов, что оговорка о применимом праве является гражданско-правовым положением, имеющим в конечном счете имущественную подоплеку, судьи обязаны руководствоваться ст. 431 ГК РФ, содержащей три принципиальных положения.

Первое: толкуются волеизъявления, а не намерения, как в *common law*. Второе: правоприменители должны исходить из буквального содержания текста, если оно непротиворечиво и ясно, а не, как это предусмотрено Венской конвенцией 1980 г. (ст. 8)¹¹, из того, что стороны не только имели в виду при составлении договорных положений, но и проявляли в своем поведении. Третье: переход к выяснению действительной общей воли, когда волеизъявлением сторон, выраженным в тексте договора, руководствоваться невозможно, происходит лишь в том случае, если текст не позволяет определить содержание договора.

При рассмотрении дел нельзя нарушать эту концепцию, тем более что она носит фундаментальный и, можно даже добавить, воспитательный характер, стимулирует привлечение специалистов, старательность и добросовестность сторон при создании формулировок и при вступлении в договорные отношения. Несоблюдение указанных принципов, выразившееся в неправильном установлении норм, влечет отмену решений (ст. 270 АПК РФ и ст. 330 ГПК РФ).

⁹ Конвенция о законе, применимом к международной купле-продаже товаров. Convention on the Law applicable to contracts for the international Sale of Goods. Explanatory Report by Arthur T. Von Mehren, ed. by the Permanent Bureau of the Conference, 1987. P. 37.

¹⁰ Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («РИМ I») [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Вена, 1980 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010417> (дата обращения: 01.10.2025).

ОСОБЕННОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Следует обобщить различия в подходах к выбору применимого права в суде и арбитраже, которых, как представляется, довольно много.

1. Правовое регулирование: автономия воли сторон регулируется различными правовыми нормами: ст. 1210 ГК РФ, ст. 28 Закона о МКА, ст. 31 Закона об арбитраже. Позиция автора состоит в том, что, применяя ст. 1210 ГК РФ по своему выбору, арбитры не могут руководствоваться положением, противоречащим императивным установлениям ст. 28 Закона о МКА, где сказано о прямо выраженном выборе права, что предполагает иной подход.

2. Выведение выбора из поведения: в суде, в отличие от арбитража, выбор правопорядка может следовать из поведения сторон. Арбитраж в России, руководствующийся по своему выбору любым, а не только российским коллизионным законодательством, должен все же соотносываться с прямо выраженной волей, так как ему прямо адресована названная норма закона, снимающая, согласно А.Л. Маковскому, коллизионный вопрос.

3. Гипотетическое или подразумеваемое волеизъявление: российский суд никогда не может принять ни гипотетическое, ни подразумеваемое волеизъявление либо намерение сторон (ст. 1210 ГК РФ). Арбитраж на основе нероссийской коллизионной системы – может.

4. Основания для отмены решения: неправильное применение или определение применимого права судом является поводом для отмены его решения (ст. 270 АПК РФ и ст. 330 ГПК РФ). Кроме случаев нарушения публичного порядка, предпочтение того или иного права не может быть само по себе поводом для оспаривания решения арбитража, только неправильное применение четко выбранной коллизионной нормы есть повод к оспариванию решения арбитража.

5. Применение коллизионных норм: арбитраж, перед которым состоялся выбор регулирования, не вправе руководствоваться коллизионными нормами этого правопорядка, а только материальными. Суд этим ограничением не связан и должен следовать выбору в формулировке «иностранной правовой системы, включая ее коллизионные нормы».

6. Недействительность, незаключенность соглашения/оговорки: вопросы о не-

действительности, незаключенности соглашения о применимом праве, по квалификации Верховного Суда РФ, должны решаться по *lex voluntatis*, даже если выбор не разрешен, недействителен, не состоялся. Все судьи теперь обязаны поступать именно так (п. 26 постановления). Согласно ст. 28 Закона о МКА арбитраж, обладающий автономией в правоприменении, должен руководствоваться избранными коллизионными нормами, а не собственным выбором национального права. Таким образом, оговорка о применимом праве рассматривается как часть основного договора во всех отношениях, и вопросы ее недействительности, незаключенности или расторжения нужно разрешать в соответствии с правом, применяемым к основному договору. Контроль законности выбора осуществляется правоприменителем по *lex fori*. С арбитражной оговоркой дело обстоит иначе: ее автономность прямо установлена в законе (ст. 7 Закона о МКА), и даже уступаемое требование из основного договора подлежит компетенции арбитража. Относительно оговорки о применимом праве аналогичных положений не имеется.

7. Применимое право к отдельному соглашению: отдельное соглашение (но не оговорка) о применимом праве в соответствующей трактовке Верховного Суда РФ должно в большинстве вопросов оснований недействительности регулироваться избранным правом. Арбитражу, на наш взгляд, если он руководствуется российской коллизионной системой, следует подчинять эти вопросы привязке наиболее тесной связи в соответствии со ст. 1186 ГК РФ. Для первого решения нет нормативной основы.

8. Допустимость выбора: суд в вопросе допустимости выбора, по сути, его законности (ст. 168, 169 ГК РФ) должен руководствоваться *lex fori*; арбитраж обязан в первую очередь ориентироваться на правила регулирования места принудительного исполнения решения, а если их несколько, то на правила каждого из них. Арбитраж вправе, но не обязан также руководствоваться *lex arbitri*.

9. Последующий выбор и выбор нескольких правопорядков: в судах последующий выбор регулирующего права, выбор нескольких правопорядков прямо допустим, и суды должны исходить из законности такого алгоритма (ст. 1210 ГК РФ). В арбитраже эти вопросы зависят от усмотрения арбитров, опирающихся на нероссийскую коллизионную концепцию.

Если она российская, то выбор должен быть только прямо выраженным, как упоминалось.

10. Толкование: суд в Российской Федерации должен толковать оговорки и соглашения о применимом праве строго в соответствии со ст. 431 ГК РФ. Иностранный арбитраж, в силу широкой трактовки ст. 1191 ГК РФ о применении иностранного права в соответствии с его доктриной и практикой применения, должен применять российское материальное право в том виде, в котором оно задействуется на момент разрешения спора [8, с. 62].

Автономия воли сторон имущественных отношений, изначально возникшая в первой половине XX в. как ограниченный различными условиями разрешенный способ определения режима взаимных обязательств и финансовой ответственности, стала важнейшим принципом МЧП в двух измерениях:

1) законотворчество: поскольку новые нормативные решения о выборе правопорядка дают более широкую возможность указать прямо выраженными или конклюдентными действиями на правовую базу взаимоотношений;

2) правоприменение: поскольку при решении вопроса об установлении регулирующего правопорядка учитываются самые многообразные предпочтения сторон при их волеизъявлении.

Вместе с тем форма, содержание выбора применимых норм и его последствия должны осмысливаться не только со ссылками на за-

падный арбитражный дискурс, но и с точки зрения богатейших канонов российской цивилистики, так как МЧП является интегральной частью ГК РФ и гражданского права. Поэтому в настоящей публикации предпринята попытка дать более полное видение обозначенных вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различный правовой режим использования оговорки о применимом праве во взаимных частноправовых отношениях сторон предопределен прежде всего законодательным регулированием, где деятельность третейских судов как в сфере международного коммерческого арбитража, так и во внутренних отношениях регулируется отдельными законами, в которых введено особое отношение к реализации автономии воли, по природе своей стоящей над другими коллизионными привязками и устраняющей коллизионные вопросы, такие как конфликт квалификации, обратная отсылка и т. п. Кроме того, различная природа судопроизводства и альтернативного рассмотрения споров диктует и существенно несовпадающие подходы во многих вопросах свободы выбора сторон, таких как автономность арбитража в вопросе правоприменения и неподлежания влиянию судебных инстанций, большая гибкость в установлении воли сторон и т. д. В настоящей публикации автор обобщил сходства и различия двух правовых режимов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилкова Н.Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву / Н.Г. Вилкова // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сборник статей / под общ. ред. А.С. Комарова. – Москва : Статут, 2016. – С. 43–54.
2. Международный коммерческий арбитраж : учебник / науч. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург ; Москва : АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. – 1005 с.
3. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1882. – 418 с.

REFERENCES

1. Vilkova N.G. From Global Contract Law to Global Applicable Law. In Komarov A.S. (ed.). Current Legal Aspects of Modern Practice of International Commercial Turnover. Collection of Articles. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 43–54. (In Russian).
2. Skvortsov O.Yu., Savransky M.Yu., Sevastyanov G.V. (eds.). International Commercial Arbitration. 3rd ed. Saint Petersburg, Moscow, 2025. 1005 p.
3. Martens F.F. Modern International Law of Civilized Nations. Saint Petersburg, Ministry of Railways Publ., 1882. 418 p.
4. Brun M.I. International Private Law. *Golden Fund of Russian Science of International Law*. Moscow, International Relations Publ., 2009, vol. 2, pp. 103–328. (In Russian).

4. Брун М.И. Международное частное право / М.И. Брун // Золотой фонд российской науки международного права. – Москва : Международные отношения, 2009. – Т. 2. – С. 103–328.
5. Вольф М. Международное частное право / пер. с англ. С.М. Рапопорт ; под ред. и с предисл. проф. Л.А. Лунц. – Москва : Госиноиздат, 1948. – 703 с.
6. Иванов Г.Г. Международное частное морское право / Г.Г. Иванов, А.Л. Маковский. – Ленинград : Судостроение, 1984. – 280 с.
7. Новикова Т.В. Правовое обоснование допустимости соглашения о применимом праве в международном коммерческом арбитраже / Т.В. Новикова // Российское правосудие. – 2020. – № 7. – С. 23–30.
8. Монастырский Ю.Э. Российская гражданско-правовая концепция взаимодействия с иностранными юрисдикциями / Ю.Э. Монастырский // Право между Востоком и Западом. – 2024. – № 4. – С. 56–66.
9. Briggs A. The Conflict of Laws (Clarendon Law Series) / A. Briggs. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 448 p.
10. Wolff M. Private International Law / M. Wolff. – 7d ed. – London : Clarendon Press, 1950. – 631 p.
11. Symeonides S. American Private International Law / S. Symeonides. – Kluwer Law International, 2008. – 376 p.
12. Тригубович Н.В. Автономия воли в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.В. Тригубович. – Саратов, 1999. – 161 с.
13. Nygh P.E. Autonomy in International Contracts / P.E. Nygh. – New York : Oxford University Press, 1999. – 282 p.
14. Курс международного частного права : в 3 т. / А.Б. Альтшулер и др. – Москва : Спарк 2002. – 1007 с.
15. Зыкин И.С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам / И.С. Зыкин // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сборник статей / под общ. ред. А.С. Комарова. – Москва : Статут, 2016. – С. 73–93.
16. Гаврилов В.В. Арбитражная оговорка и определение применимого права в международном коммерческом арбитраже / В.В. Гаврилов // Актуальные проблемы международного гражданского процесса : материалы международной конференции. (Санкт-Петербург, 10–11 октября 2002 г.). – Санкт-Петербург : СКФ «Россия-Нева», 2003. – С. 183–190.
17. Beale J.H. A Treatise on the Conflict of Laws or Private International Law / J.H. Beale. – New York : Baker, Voorhis & Co., 1935. – 2127 p.
18. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. – Москва, 2013 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. Cheshire, North & Fawcett. Private International Law / J.J. Fawcett, J.M. Carruthers, P.M. North. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 1390 p.
5. Wolf M.; Lunts L.A. (ed.). International Private Law. Moscow, Gosinoizdat Publ., 1948. 703 p.
6. Ivanov G.G., Makovsky A.L. International Private Maritime Law. Leningrad, Sudostroenie Publ., 1984. 280 p.
7. Novikova T.V. Legal Ground of Choice of Law Agreement Permissibility in International Commercial Arbitration. *Russian Justice*, 2020, no. 7, pp. 23–30. (In Russian).
8. Monastyrsky Yu.E. Russian Civil Law Concept of Interaction with Foreign Jurisdictions. *Law between East and West*, 2024, no. 4, pp. 56–66. (In Russian).
9. Briggs A. The Conflict of Laws (Clarendon Law Series). Oxford University Press Publ., 2013. 448 p.
10. Wolff M. Private International Law. 7d ed. London, Clarendon Press Publ., 1950. 631 p.
11. Symeonides S. American Private International Law. Kluwer Law International Publ., 2008. 376 p.
12. Trigubovich N.V. Autonomy of Will in Private International Law. *Cand. Diss.* Saratov, 1999. 161 p.
13. Nygh P.E. Autonomy in International Contracts. Oxford University Press Publ., 1999. 282 p.
14. Altshuler A.B. et al. Course of Private International Law. Moscow, Spark Publ., 2002. 1007 p.
15. Zykin I.S. The Hague Principles on the Choice of Law Applicable to International Commercial Contracts. In Komarov A.S. (ed.). *Current Legal Aspects of Modern Practice of International Commercial Turnover. Collection of Articles*. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 73–93. (In Russian).
16. Gavrilov V.V. Arbitration Clause and Determination of Applicable Law in International Commercial Arbitration. *Current Issues of International Civil Procedure. Proceedings of the International Conference (Saint Petersburg, October 10–11, 2002)*. Saint Petersburg, SKF Rossiya-Neva Publ., 2003, pp. 183–190. (In Russian).
17. Beale J.H. A Treatise on the Conflict of Laws or Private International Law. New York, Baker, Voorhis & Co. Publ., 1935. 2127 p.
18. Asoskov A.V. Conflict of Laws Regulation of Contractual Obligations. Moscow, 2013. Available at: <https://www.garant.ru/?ysclid=mnrfozeail937084814>.
19. Cheshire, North & Fawcett: Private International Law. Oxford University Press Publ., 2008. 1390 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Монастырский Юрий Эдуардович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Monastyrskiy Yuriy Eduardovich – Doctor of Laws, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, Sevastopol State University; Professor of the S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 16.03.2026. The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.20

Original article

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия

GRIGORIEV Viktor Nikolaevich
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russia

ПАСТУХОВ Павел Сысоевич
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

PASTUKHOV Pavel Sysoevich
Perm State National Research University,
Perm, Russia

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
aatar@mail.ru

TARASOV Alexandr Alekseevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

О КОНЦЕПЦИИ КАК ФОРМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПРОФЕССОРА О.А. ЗАЙЦЕВА

ON THE CONCEPT AS A FORM FOR PRESENTING THE RESULTS OF SCIENTIFIC
RESEARCH IN PROFESSOR O.A. ZAITSEV'S DOCTORAL DISSERTATION

Аннотация. Формулирование авторской концепции любой научной работы – наиболее сложный, а потому и наиболее важный этап исследования докторского уровня. На примере докторской диссертации профессора О.А. Зайцева, посвященной проблемам обеспечения безопасности участников уголовного процесса, анализируются отдельные аспекты формулирования, обоснования и развития авторской научной концепции. Цель: выявить правила формирования, формулирования и обоснования научной концепции на примере конкретной докторской диссертации. Методы: методы структурно-системного анализа и синтеза позволили рассмотреть элементы единой концепции как порознь, так и в диалектическом единстве; исторический метод использован для демонстрации конкретных условий формирования анализируемой научной концепции и ее значения для более поздних теоретических исследований. Результаты: сформулирован вывод об универсальном значении

Abstract. Formulating author's concept for any scientific work is the most complex and, therefore, the most important stage of research at the doctoral level. Based on the example of Professor O.A. Zaitsev's doctoral dissertation, which addresses the problems of ensuring the safety of participants in criminal proceedings, this study analyzes key aspects of formulating, substantiating, and developing the author's scientific concept. Purpose: to identify the rules for developing, formulating, and substantiating a scientific concept using the example of a specific doctoral dissertation. Methods: structural-systemic analysis and synthesis methods allowed for the examination of the elements of a unified concept both separately and in their dialectical unity. The historical method was used to demonstrate the specific conditions for the formation of the analyzed scientific concept and its significance for later theoretical research. Results: the article concludes that the rules for consolidating distinct elements of

правил концентрирования отдельных элементов авторской научной мысли в единую концепцию для научных исследований любых проблем уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: безопасность участников уголовного судопроизводства, меры государственной защиты участников уголовного процесса, уголовный процесс, докторская диссертация, научная концепция

Для цитирования: Григорьев В.Н. О концепции как форме представления результатов научного исследования в докторской диссертации профессора О.А. Зайцева / В.Н. Григорьев, П.С. Пастухов, А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.20 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 178–184.

the author's scientific ideas into one unified concept are universally applicable to research regarding any problem in criminal proceedings.

Keywords: security of participants in criminal proceedings, measures of state protection of participants in criminal proceedings, criminal proceedings, doctoral dissertation, scientific concept

For citation: Grigoriev V.N., Pastukhov P.S., Tarasov A.A. On the Concept as a Form for Presenting the Results of Scientific Research in Professor O.A. Zaitsev's Doctoral Dissertation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 178–184. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.20.

ВВЕДЕНИЕ

Олег Александрович Зайцев является общепризнанным разработчиком и держателем научного продукта о концепции как форме представления результатов диссертационного исследования. Это его научное достижение имеет предысторию, развитие и успешных последователей. Вот об этом продукте Олега Александровича мы и расскажем в данной статье.

АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ – ОСНОВА ДОКТОРСКОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1990-е годы, обучаясь в докторантуре Академии управления МВД России на кафедре организации расследования преступлений и работая над докторской диссертацией о расследовании преступлений в чрезвычайных условиях, один из авторов этих строк столкнулся с проблемой организации и представления собранного теоретического научного материала. Каких-то четких рекомендаций в юридических изданиях найти не удалось. Обращение к философской литературе также не дало однозначного ответа, хотя навело на некоторые размышления. В результате проделанной работы был сделан вывод, что наиболее удачной в данном случае была бы форма концепции. Все собранные весьма скудные сведения об этой форме организации теоретического

знания были применены в завершенной диссертации. В результате в ней добавилась первая, теоретическая, глава, которая, по сути, и составила основу, придавшую диссертации качество докторской [1, с. 77–97].

На эту технологическую находку обратили внимание коллеги-соискатели из Учебно-научного комплекса «Управление органами внутренних дел в особых условиях», которые рассказали, как они использовали предложенный в диссертации алгоритм организации теоретического материала в собственных исследованиях.

С тех пор подобное понимание этого предмета стало активно распространяться среди учеников и коллег, перед которыми стояла аналогичная задача: квалифицированно организовать (с требующейся, как правило, одновременной «доводкой») результаты своих докторских диссертаций. Подобный подход успешно реализован в ряде исследований по другим научным специальностям, среди которых теория и история государства и права [2; с. 12], конституционное и трудовое право, уголовный процесс и криминалистика [3, с. 12; 4, с. 11] и др.

Обратим внимание, что слово «концепция» ни в одном из названий приведенных здесь диссертаций не используется, как не используется оно и в названиях докторских диссертаций всех соавторов настоящей статьи, защищенных в разное время [1; 5; 6]. Дело, разумеется, не в термине. Латинское сло-

во conception употреблялось в науке в разных, довольно далеких друг от друга значениях: «соединение», «сумма», «система», «совмещение», «формулировка» (применительно к юридическим актам) и «словесное выражение какой-то мысли», а также «резервуар» или «хранилище» и даже «принятие семени» и «зачатие»¹. Но и такое разнообразие переводов и лексических значений не мешает увидеть главное в научном представлении о концепции: путем объединения многих имеющихся в наличии и способных к относительно изолированному существованию объектов создается некая новая сущность, не совпадающая ни с одной из ранее имевшихся. Концепция в юридической науке – это новое знание, ставшее плодом авторской переработки всего (или почти всего) ранее известного о предмете исследования и сформулированное в какой-то емкой и относительно краткой словесной формуле или в систематизированном наборе таких формул.

Наиболее показательным в этом отношении стал опыт представления результатов проведенных исследований в докторской диссертации О.А. Зайцева. Этот опыт, в силу правильности выбора темы, несомненных творческих способностей и организованности автора, настолько удался, что заслуживает отдельного приведения, оценок и комментариев [7, с. 125–134].

Любая концепция является определенным способом понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основной точкой зрения на предмет или явление, руководящей идеей для их систематического освещения². В этом качестве концепция представляет собой одну из возможных форм организации результатов диссертационного исследования.

В целом концепцию того или иного вида деятельности в сфере уголовного судопроизводства можно определить как имеющую важное научное и практическое значение комплексную, целостную теоретическую систему, являющуюся частью теоретической системы большей степени общности о смежных (подобных) видах деятельности и объединяющую совокупность идей и теоретических положений о специфических закономерностях,

которые проявляются в сфере правового обеспечения, организации и методики этого вида деятельности, а также о структуре и содержании самой концепции.

КОНЦЕПЦИЯ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В основе обобщенных положений о защите участников уголовного судопроизводства лежит соответствующая концепция, включающая в свое содержание теоретические положения о возникновении и основных этапах развития соответствующего научного знания, ее объекте, о системе и содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, о задачах дальнейшего научного исследования. Исследуя теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации, О.А. Зайцев представил результаты своего исследования в форме соответствующей концепции, понимая под ней систему научных взглядов на государственную защиту участников уголовного судопроизводства.

Определяя содержание и предпосылки концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства, автор обратился к анализу юридических источников до революционной России, а также СССР, выявил и обобщил сведения о возникновении и основных этапах развития теоретической мысли по данному предмету. В частности, было установлено, что до 1990 г. специальных научных исследований, посвященных непосредственно государственной защите участников уголовного судопроизводства, в нашей стране не осуществлялось. Выглядело это несколько странно, поскольку проблема существовала в практике производства по уголовным делам с незапамятных времен и советские годы исключением из этого правила не были.

Свое развитие концепция государственной защиты субъектов процесса получила только в последнее время в проводимых исследованиях, базирующихся на анализе деятельности следственных подразделений, расследующих дела об организованной преступной деятельности. Первый опыт и результаты работы указанных подразделений нашли отражение в многочисленных публи-

1 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. 2-е изд-е, перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1976. С. 222.

2 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 278.

цистических статьях в периодической печати, информационных и аналитических материалах в юридических журналах.

Захлестнувшая страну волна организованной преступности выявила полную неготовность правоохранительных органов к обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Это побудило к разработке соответствующих методических материалов, изданию справочных пособий, предназначенных для практических работников.

Проведенное О.А. Зайцевым исследование показало, что в современный период противоправное воздействие на свидетелей, потерпевших, судей, следователей и других участников уголовного процесса приобрело характер сложной и многоаспектной социально-правовой проблемы. Это новое явление распространилось практически на все категории уголовных дел. В связи с этим в юридической науке были осуществлены специальные исследования криминологических и уголовно-процессуальных вопросов, связанных с правовым статусом конкретных субъектов уголовно-процессуальных отношений, уголовно-правовых проблем, возникающих в связи с оказанием гражданами содействия правосудию, криминалистических аспектов противодействия преступным посягательствам на лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Были защищены кандидатские диссертации, содержание которых составляют непосредственно вопросы обеспечения безопасности определенных групп участников процесса в конкретных правоохранительных органах.

Опубликованные результаты исследований представляют теоретическую основу для разработки концепции государственной защиты субъектов уголовного судопроизводства.

Однако проблема государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений не нашла своего полного разрешения. В результате О.А. Зайцев предпринял целенаправленную попытку создать на базе опубликованных научных и других работ, а также накопленного практического опыта целостную концепцию государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Потребность в такой концепции

была вызвана необходимостью разрешения комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем государственной защиты субъектов процесса, требующих доктринального толкования в условиях проведения правовой реформы, а также ростом преступности из-за сложившейся экономической и политической ситуации.

В содержание концепции государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности исследователь традиционно включил теоретические положения об объекте концепции, содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, задачах дальнейшего научного исследования [1].

Исходя из того, что объектом теоретической концепции в самом общем виде являются закономерности и тенденции в определенной сфере общественных отношений, содержащих социальное противоречие и порождающих проблемную ситуацию [8, с. 14–29], автор определил, что объектом его теоретической концепции являются закономерности и тенденции деятельности правоохранительных органов по обеспечению государственной защиты участников судопроизводства, особенности расследования преступлений в специфических условиях, вызванных противоправными воздействиями на наиболее уязвимых субъектов процесса.

Как показали проведенные О.А. Зайцевым исследования, важное место в системе концепции занимают научно обоснованные и апробированные на практике принципы и стандарты государственной защиты участников уголовного судопроизводства, выработанные международным сообществом и воспринятые большинством цивилизованных стран.

Особое внимание уделяется выработке и закреплению в соответствующих актах основных правовых гарантий, удовлетворяющих представлениям о справедливом правосудии, включающем достаточно эффективную государственную защиту участников уголовного процесса, подвергаемых насилию, угрозам и другим неправомерным воздействиям. Эта проблема в последние десятилетия стала привлекать все более пристальное внимание большинства государств, поскольку все чаще

объектами посягательств организованной преступности за рубежом становятся сотрудники судебных и правоохранительных органов.

Интеграция нашей страны в систему международных отношений, урегулированных основными международными пактами и конвенциями по правам человека, и особенно вступление в Совет Европы обязывали ее привести законодательство в соответствие с международными и европейскими требованиями в области защиты прав и свобод человека в сфере судопроизводства. Однако имплементация норм в области прав человека, которые соответствуют высшим международным стандартам, включая стандарты Совета Европы, в национальное законодательство должна осуществляться и осуществлялась только с учетом приемлемых форм и методов, особенностей развития правовой системы страны. В современной российской науке достаточно глубоко обоснована потребность тщательного исследования международных принципов и стандартов государственной защиты участников уголовного судопроизводства, их систематизации, определения возможности их имплементации в правовую систему нашей страны. Россия официально прекратила членство в Совете Европы 15–16 марта 2022 г. и перестала быть стороной Европейской конвенции по правам человека с 16 сентября 2022 г.³ Однако это вовсе не означает, что Россия отказалась от идеалов человеческого отношения государства к своим гражданам и обеспечения их безопасности, для чего, по большому счету, никогда не требовалось специальной ориентации на чужой правотворческий и правоприменительный опыт. Именно поэтому концептуальные основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, разработанные на рубеже XX и XXI столетий, сохраняют свою актуальность и едва ли будут подвергнуты сколько-нибудь существенной корректировке в будущем.

Следующим самостоятельным элементом теоретической концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства

производства, приведенным в диссертации О.А. Зайцева, является ее правовое и организационное обеспечение.

Несовершенство и противоречивость действующего законодательства в рассматриваемой области диктуют необходимость создания такой законодательной базы, которая поможет обеспечить надежную защиту государством субъектов уголовно-процессуальной деятельности. До тех пор, пока граждане, содействующие правосудию, следователи, судьи не будут реально обеспечены правовыми гарантиями своей безопасности, они постоянно будут находиться в зоне риска.

К сожалению, государственные органы оказались слабо подготовленными к решительным действиям по защите участников уголовного судопроизводства. В большинстве случаев работники судебных и следственных органов не выясняют причины уклонения участников уголовного процесса от выполнения гражданского долга, не принимают мер к расследованию фактов противоправных воздействий и привлечению к ответственности виновных лиц. Это относится и к системе предварительного расследования, и к судебному разбирательству, и к деятельности органов прокуратуры. Органы уголовной юстиции лишь констатируют ту часть незаконного давления на участников уголовного судопроизводства, которую зарегистрировали, и в действительности борются с его последствиями. Имеет место недооценка роли общественности, профилактической части общих и специальных мер обеспечения безопасности граждан, вовлеченных в сферу правосудия.

Организация государственной защиты участников уголовного судопроизводства включает в себя концептуальные вопросы управленческого характера, ресурсного и информационного обеспечения различных видов государственной защиты, без решения которых невозможна их реализация на практике. Эти вопросы касаются формирования и обеспечения деятельности специальных подразделений, призванных реализовывать меры безопасности; организации взаимодействия этих подразделений с органами дознания, следствия, прокуратуры и суда; функционирования социально-правовой системы защиты участников уголовного судопроизводства

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 11.06.2022 (дата обращения: 21.05.2026).

водства; создания специальных фондов для оказания помощи жертвам противоправных воздействий и других проблем управленческого уровня. Их успешное решение во многом предопределяет успех государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений в целом.

На основе проведенных исследований в диссертации разработан комплекс мер, необходимых к принятию на законодательном, правительственном и ведомственном уровнях в целях совершенствования правового и организационного обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Для этого важно учесть позитивный опыт других государств, в которых уже функционирует достаточно стройная и эффективная система институтов и механизмов, гарантирующих государственную защиту рассматриваемой категории лиц.

Трудно переоценить значение специальных законодательных актов, правительственных программ, планов и рекомендаций помощи жертвам преступлений, свидетелям, а также другим участникам процесса, содействующим правосудию. Под надежной защитой находятся также сотрудники судебных и правоохранительных органов. Все это требует изучения, критического осмысления и использования при разработке и совершенствовании мер правового и организационного обеспечения с учетом различия правовых систем и неодинакового экономического положения стран.

Следующим элементом теоретической концепции О.А. Зайцева являются особенности расследования по уголовным делам, связанным с посягательствами на участников уголовного судопроизводства. Как ни странно, многие противоправные воздействия на рассматриваемую категорию субъектов остаются без внимания сотрудников правоохранительных органов из-за отсутствия научно обоснованных рекомендаций по расследованию этих дел. В этой связи актуальной становится задача разработки новой методики расследования указанных преступлений как комплекса частнометодических криминалистических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов противоправных деяний, совершаемых против

определенной категории лиц. Такая методика должна содержать рекомендации, отражающие специфические особенности расследования по уголовным делам рассматриваемой категории, знание которых позволит эффективно привлекать к ответственности виновных в совершении противоправных воздействий на участников судопроизводства. Основанием выделения этих рекомендаций являются особые условия деятельности правоохранительных органов, обеспечивающих государственную защиту субъектов процесса.

Объединенные одним объектом идеи и теоретические положения о принципах и стандартах государственной защиты, правовом и организационном обеспечении, особенностях расследования по уголовным делам, связанным с посягательствами на субъектов процессуальных отношений, образуют в совокупности целостную теоретическую систему, которая представлена в докторской диссертации О.А. Зайцева как самостоятельная концепция.

Потребность в концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства вызвана современным состоянием криминогенной ситуации, но она не теряет актуальности и по мере возможной стабилизации обстановки в стране, так как общество должно постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к защите своих интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Назначение рассмотренной в настоящей статье концепции представляется более универсальным, чем может показаться на первый взгляд. Она представляет собой конкретный опыт реализации современных научных технологий и в этой связи имеет также конкретное науковедческое значение. Рекомендованная ученикам и коллегам, она позволяет существенно поднять теоретический уровень и научную результативность проводимых исследований. Нам же остается еще раз поблагодарить уважаемого профессора Олега Александровича Зайцева за столь интересный, важный и нужный труд, поздравить его с юбилеем, который мы отмечали 1 июня 2026 г., и пожелать юбиляру новых научных достижений.

Список источников

1. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Н. Григорьев. – Москва, 1993. – 565 с.
2. Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Михайлова. – Москва, 2002. – 52 с.
3. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Зайцев. – Москва, 1999. – 50 с.
4. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.П. Химичева. – Москва, 2003. – 60 с.
5. Тарасов А.А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тарасов. – Самара, 2002. – 417 с.
6. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / П.С. Пастухов. – Москва, 2015. – 454 с.
7. Григорьев В.Н. О концепции как форме представления результатов диссертационных исследований (на примере докторской диссертации О.А. Зайцева) / В.Н. Григорьев // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции. – Москва : МАЭП, 2011. – С. 125–134.
8. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В.А. Ядов. – Москва, 1987. – 328 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса;

Пастухов Павел Сысоевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики;

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensics;

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 10.06.2026. The article was submitted 22.05.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

REFERENCES

1. Grigoriev V.N. Investigation of Crimes in Emergency Conditions (Legal Support, Organization, Methodology). *Doct. Diss.* Moscow, 1993. 565 p.
2. Mikhailova N.V. State and Legal Protection of the Historical and Cultural Heritage of Russia in the Second Half of the Twentieth Century. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 2002. 52 p.
3. Zaitsev O.A. Theoretical and Legal Foundations of State Protection of Participants in Criminal Proceedings in the Russian Federation. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 1999. 50 p.
4. Khimicheva G.P. Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedural Activity. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 2003. 60 p.
5. Tarasov A.A. Legal and Socio-Psychological Problems of Combining Sole and Collegial Principles in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Doct. Diss.* Samara, 2002. 417 p.
6. Pastukhov P.S. Modernization of Criminal Procedural Evidence in the Context of the Information Society. *Doct. Diss.* Moscow, 2015. 454 p.
7. Grigoriev V.N. On the Concept as a Form of Presenting the Results of Dissertation Research (Based on the Doctoral Dissertation of O.A. Zaitsev). *Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in Criminal Proceedings. Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Moscow: MAEP, 2011, pp. 125–134. (In Russian).
8. Yadov V.A. Sociological Research: Methodology, Program, Methods. Moscow, 1987. 328 p.

Научная статья
УДК 344.643
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.21

Original article

КОРСАКОВ Константин Викторович
Институт философии и права Уральского
отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
korsakovekb@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

KORSAKOV Konstantin Viktorovich
Institute of Philosophy and Law of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ) УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА

CHARACTERISTICS (FEATURES) OF CRIMINAL PUNISHMENT AS AN INSTITUTION
OF CRIMINAL LAW

Аннотация. Актуальность научной разработки проблематики свойств уголовного наказания связана с его ключевой ролью в системе мер уголовно-правового воздействия, а равно с их важной конструктивной чертой – способностью отображать государственно-управленческие ориентиры, приоритеты, интересы и нужды в области уголовной политики, уровень правовой культуры и те материальные возможности и ресурсы, которыми располагает общество в сфере противодействия преступности. Сохраняющийся в теории уголовного права научный интерес к этой тематике также опосредован тем, что вариации этих свойств зависят от степени культурного и духовно-нравственного развития того или иного общества. Цели: с позиций современного научного знания об уголовном наказании представить обновленный доктринальный перечень его остированных и стандартизированных признаков, ориентированный на юридическую доктрину России как светского и демократического государства и способный послужить образцом и эталоном в законотворческом процессе. Сформулировать на этой основе предложения по внесению изменений в действующее российское законодательство. Методы: при изучении, описании и критическом анализе доктринальных положений и теоретических взглядов применялись общенаучные методы сравнения и обобщения, при рассмотрении содержания действующих норм права – частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования юридических норм. Результаты: разработан и представлен перечень свойств уголовного наказания, которые разграничивают его со смежными правовыми категориями и институтами и отражают его специфику, предназначение, содержание и сущность; сделаны обладающие новизной и оригинальностью конкретные предложения по совершенствованию норм действующего уголовного законодательства.

Abstract. The relevance of the scientific development of the problematic aspects of the features of criminal punishment is linked to its key role in the system of criminal law enforcement measures, and equally to their important constructive feature, which is the ability to reflect state policy objectives, priorities, interests, and needs in the field of criminal policy, the level of legal culture, and the available material resources that society possesses for crime prevention. The ongoing scientific interest in this topic within criminal law theory is also mediated by the fact that variations in these features depend on the degree of cultural and moral-spiritual development of a given society. Purpose: from the standpoint of modern scientific knowledge about criminal punishment, to present a new doctrinal list of its consolidated and standardized features, focused on the legal doctrine of Russia as a secular and democratic state and capable of serving as a model and benchmark in the legislative process. The article also aims to formulate proposals on amendments to the current Russian legislation on this basis. Methods: in the study, description, and critical analysis of doctrinal provisions and theoretical views, general scientific methods of comparison and generalization are applied. When examining the content of current legal norms, specific scientific methods are used, namely legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article develops and presents a list of characteristics of criminal punishment that distinguish it from related legal categories and institutions and reflect its specificity, purpose, content, and essence. Specific proposals with novelty and originality are made to improve the norms of current criminal legislation.

Ключевые слова: уголовное наказание, свойства наказания, уголовное право, уголовное законодательство, специфика уголовного наказания, сущность уголовного наказания, внутренние и внешние черты уголовного наказания

Для цитирования: Корсаков К.В. Свойства (признаки) уголовного наказания как института уголовного права / К.В. Корсаков. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 185–194.

Keywords: criminal punishment, features of punishment, criminal law, criminal legislation, specifics of criminal punishment, essence of criminal punishment, internal and external characteristics of criminal punishment

For citation: Korsakov K.V. Characteristics (Features) of Criminal Punishment as an Institution of Criminal Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 185–194. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.21.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о релевантных и отличительных признаках уголовного наказания на протяжении многих лет находится в орбите научного поиска ученых-правоведов, представляющих пенологию и уголовно-правовую теорию. Важность выделения в науке уголовного права свойств, характеризующих уголовное наказание, заключается в том, что посредством их можно раскрыть его сущность, форму и смысл как сложного социально-правового явления. В современном отечественном уголовном праве в зависимости от установок и взглядов того или иного ученого выделяется от 3–6 [1, с. 536–543; 2, с. 22] до 18 [3, с. 68–78] признаков уголовного наказания. Свойства, составляющие его специфические и характерные особенности (черты), традиционно выводятся из анализа сущностно-содержательной специфики, природы, назначения, функций и целей уголовного наказания и в юридической литературе обозначаются как его наличные свойства (качества, атрибуты).

Подчеркнем, что совокупность выделяемых нами признаков – это не какая-то вневременная заданность¹, из которой не бывает исключений и отступлений, а прежде всего идеальное (универсальное) и оптимальное сочетание так называемых остероганных и

желательных признаков², ориентированных прежде всего на нашу страну – Российскую Федерацию как правовое, светское, демократическое и культурно развитое государство. Это сочетание призвано служить своего рода образцом, эталоном для государственных деятелей и законодателей.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ) УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Представляется возможным обозначить и дать характеристику 22 признакам современного уголовного наказания.

Общесоциальное значение. Данный важный признак подразумевает, что уголовное наказание применяется для защиты интересов всего общества, а не каких-то частных, партикулярных либо корпоративных интересов (отдельных социальных сословий, классов и групп, органов власти, учреждений, ведомств, заведений, организаций и т. п.).

Государственный характер. На современном этапе государство – единственный

1 На определенных этапах эволюции уголовного наказания мы можем не встретить у него таких признаков, как, например, определенность, делимость, вариативность, экономность, особенно в периоды, когда политическая власть уподобляла его «княжескому буздыгану», размахивая которым направо и налево по малейшему поводу, можно якобы решить все проблемы криминального поведения, равенство всех перед уголовным наказанием (в сословных обществах XX в. оно отсутствовало) и др.

2 Нельзя не согласиться с профессором А.И. Чучаевым, указавшим, что «признак, чтобы отражать свойства предмета – как внутренние, так и внешние – должен быть присущ ему» [4, с. 56]. Однако уголовное наказание суть многогранное, противоречивое, социально и политически обусловленное, эволюционирующее и изменчивое во многих отношениях (с содержательных и формальных сторон) явление. Даже в современном мире признаки наказания в уголовном праве разных стран могут отличаться и не совпадать. Так, в ряде исламских государств уголовное наказание категории «тазир» может назначить не суд, а имам (религиозный лидер) или же мухтасиб (полицейский чиновник), а в Латвийской Республике в результате внесенных в 2005 г. изменений и дополнений в содержание ч. 1 ст. 35 УК Латвии наказание «в предусмотренных законом случаях назначается прокурором с составлением предписания о наказании» (Уголовный кодекс Латвийской Республики от 08.07.1998 // Krimināllikums. Rīga, 2013. L. 11).

субъект уголовного наказания, только оно вправе устанавливать и назначать уголовные наказания (исключение могут составлять лишь существующие во внесударственном состоянии немногочисленные изолированные и неконтактные народы – сентинельцы и др.). В ряде стран (Австралия, Великобритания, Канада, США, Швеция и др.) уголовное наказание вправе исполнять негосударственные организации – частные пенитенциарные учреждения, однако при этом оно не утрачивает государственный характер, так как такое право установлено, санкционировано и делегировано государством, контролирующим и регламентирующим эту деятельность.

Принудительность. Данное часто выделяемое в уголовно-правовой доктрине свойство означает, что уголовное наказание – это разновидность государственного (в догосударственный период – общественного) принуждения, оно всегда принудительно по форме реализации, фактическому проявлению: осуществляется независимо от воли (в подавляющем большинстве случаев – против воли) наказываемого. Даже если раскаивающийся преступник искренне желает по своей собственной воле понести наказание, то его свободное волеизъявление не имеет никакого значения: выбора у него нет, как нет и возможности выбора размера и вида уголовного наказания. М.В. Кирюшкин в своих рассуждениях по данному вопросу пришел к интересному выводу: «в любых случаях, когда человек сам сознательно наказывает себя, в том числе и посредством внешнего вмешательства, для какой-то области его психики такое воздействие оказывается насильственным» [5, с. 33]. Это означает, что принуждение (насилие) в случае наказания имеет место всегда.

Справедливость. Несмотря на то что наличие данного признака, возведенного в законодательстве в руководящую идею-принцип, нередко оспаривается в философской и правоведческой литературе, мы считаем, что современное уголовное наказание не может быть дистанцировано и отрешено от справедливости и этики, от представлений о добре и зле, о должном и соразмерном возмездии преступникам. Уголовное наказание основывается на выработанных в процессе цивилизационного развития общечеловеческих моральных

ценностях, предполагающих его равнозначность, требующих его соответствия качественно-количественным параметрам преступления и личности преступника.

Полезность. Уголовное наказание призвано и должно приносить обществу пользу – удерживать людей от совершения преступлений, исправлять преступников и охранять от криминальных посягательств. В условиях отсутствия угрозы уголовного наказания и реального практического обеспечения этой угрозы преступные деяния совершались бы в очень большом количестве, и социум в итоге стал бы деградировать и перестал существовать.

Целесообразность. Это свойство уголовного наказания обусловлено и тесно связано с предыдущим. Оно подразумевает, что уголовное наказание преследует конкретные, полезные для общества и вполне достижимые цели, которые вытекают из его предназначения, характера, смысла и сущности.

Законность. Уголовное наказание устанавливается только в законе и назначается на основании и в соответствии с действующим законом. Как преступление, так и наказание, как верно подчеркивают ведущие отечественные ученые в сфере уголовного права, отсутствуют за пределами уголовного закона [6, с. 129]. Выражающие уголовную кару и составляющие содержание каждого конкретного уголовного наказания лишения и ограничения прав и свобод наказываемого должны быть четко закреплены и описаны в законодательстве.

Карательный (репрессивный) характер. Данное свойство предполагает, что уголовное наказание в своем содержании заключает кару, в силу чего обладает способностью лишать, ограничивать, умалять и ущемлять личные и имущественные права виновного, тем самым создавая для него определенные тяготы, трудности, невзгоды и лишения и оказывая на него воздействие, способное исключить или подавить желание совершать новые преступные деяния, и сформировать стремление вести законопослушный образ жизни. За счет этого качества также оказывается влияние на остальных членов социума: уголовное наказание предупреждает совершение ими преступлений ввиду их нежелания подвергнуться каре. Среди всех разновидностей правового наказания уголовное наказание об-

ладает наибольшим карательным зарядом. В научной литературе иногда указывается, что отдельные административные наказания (административный арест и пр.) могут превосходить по степени репрессивности некоторые виды уголовного наказания, однако эти две ветви правового наказания следует сравнивать не фрагментарно, а в целом, в совокупности, тогда эта характеристика будет в полной мере верной.

Публичность. Уголовное наказание выражает осуждение (порицание, негативную оценку) совершенного преступления со стороны всего общества, оно применяется государственными органами от имени народа как единственного в нашей стране источника власти (в эпоху Союза ССР суды носили название народных, этим подчеркивалось не только участие народа в отправлении правосудия (посредством института народных заседателей) и избрание народных судей населением, но и публичный (народный) характер их деятельности), назначается гласно, транспарентно и открыто (согласно ст. 241 УПК РФ разбирательство уголовных дел во всех судах открытое). Вступивший в силу приговор суда обязателен для всех представителей общества и государства. Уголовное наказание по генезису и своей изначальной природе публично и удовлетворяет базовую потребность общества в защите. В истории государства и права получил частичное распространение взгляд на кровную месть – предтечу и зачаточную форму уголовного наказания – как некое частноправовое явление, частное (партикулярное) наказание, однако мы считаем, что в этом обычае, в отличие от бытовой (личной) мести, публичного гораздо больше, чем частного – он устанавливается, передается из поколения в поколение, санкционируется и обеспечивается социумом.

Гуманность. Уголовное наказание не направлено на причинение физических страданий, мучений и истязание виновного, а также унижение и оскорбление личности наказываемого, оно не должно быть чрезмерно жестоким, носить позорящий характер и нарушать нравственные нормы. Примечательно, что международный акт, устанавливающий правило, согласно которому никакие обстоятельства не могут служить оправданием для пыток или других жестоких, бесчеловечных

или унижающих достоинство видов наказания, – Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме – содержит следующее важное пояснение: «термин "жесткие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания" должен толковаться таким образом, чтобы обеспечить по возможности наиболее широкую защиту против злоупотреблений физического или психологического характера, включая содержание задержанного или находящегося в заключении лица в условиях, которые лишают его, временно или постоянно, любого из его природных чувств, таких как зрение, слух, пространственная или временная ориентация»³.

Легитимность. На наш взгляд, этот признак, наряду с признаком законности, очень важен: уголовное наказание должно одобряться, восприниматься положительно и поддерживаться обществом, оно не должно вызывать у широких масс населения протест, неприятие, отвращение, брезгливость (как, например, отмененная в Китае лишь в 1905 г. казнь линчи).

Личный (персонифицированный) характер. Уголовное наказание должен нести только виновный, оно не может распространяться на других лиц, должно заканчиваться со смертью виновного и не может переходить на его наследников, в отличие от имеющей гражданско-правовой характер обязанности компенсировать моральный вред⁴. Уголовное наказание тесно связано с личностью преступника, так как мера репрессивного вторжения в сферу его прав, свобод и законных интересов выра-

3 Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988 № 43/173) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в Вене. Нью-Йорк, 2016. С. 48.

4 Согласно постановлению Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» от 29.05.2025 № 24-П на наследников лица, совершившего преступление, уголовное преследование которого прекращено в связи с его смертью, может быть возложена обязанность компенсировать моральный вред потерпевшему от преступления в пределах стоимости наследственного имущества вне зависимости от наличия на момент смерти причинителя вреда вступившего в силу судебного акта, обязывающего его выплатить соответствующую компенсацию (Российская газета. 2025. № 133).

жает общественно-правовую и морально-политическую оценку его личного противоправного поведения. Следует отметить, что данный признак не исключает причинения фактом наказания моральных страданий и других негативных ощущений родственникам, собственникам, друзьям и близким осужденного.

Индивидуальность. Этот признак означает, что уголовное наказание устанавливается в законе, назначается судом и исполняется с учетом индивидуальных особенностей преступника: пола, возраста, состояния здоровья, наличия или отсутствия беременности либо малолетних детей и др. Подчеркнем, что принцип дифференциации и индивидуализации реализуется не только при назначении уголовного наказания, но и при закреплении форм последнего в законе. Например, российское уголовное законодательство не предусматривает пожизненное лишение свободы для женщин, а также закрепляет, что срок лишения свободы для несовершеннолетних не может превышать десяти лет, и т. п.

Равенство всех перед уголовным наказанием. В современном мире перед уголовным наказанием должны быть равны все люди независимо от их социального статуса, происхождения, имущественного и должностного положения, расы, национальности, профессии, гражданства (подданства), пола, вероисповедания, принадлежности к какой-либо политической партии или движению, языка и пр.

Основанием применения уголовного наказания выступает преступление. Уголовное наказание может быть применено только в случае совершения оконченного или неоконченного предусмотренного в законе преступления, иные основания для его применения государством (административные правонарушения, дисциплинарные проступки, гражданско-правовые деликты, аморальные действия, несчастные случаи (казусы) и пр.) недопустимы.

Назначение только при доказанности вины. Уголовное наказание может нести только тот, кто в законном порядке признан виновным в совершении преступления, невиновное причинение вреда не должно влечь за собой уголовное наказание. Уголовное наказание применяется в отношении физических лиц, которые являются вменяемыми и до-

стигли возраста уголовной ответственности. Применение только при наличии вины и доказанности ее в суде – один из главных признаков, отличающих уголовное наказание от мер пресечения и других публично-правовых средств принудительного воздействия (мер социальной защиты, принудительных мер медицинского характера в отношении невменяемых и др.), а также от форм гражданско-правовой ответственности, применяющихся в ряде случаев при отсутствии вины.

Назначение только на основании приговора суда. В современных нам обществах назначение уголовного наказания является прерогативой судебных органов власти, хотя история уголовного права знает попытки его внесудебного назначения (в частности, с 1937 по 1938 г. в СССР действовали республиканские, краевые и областные тройки НКВД СССР – органы внесудебной уголовной репрессии, имевшие право приговаривать обвиняемых к лишению свободы на срок от 8 до 10 лет, а также к расстрелу), а существующая практика содержит отступления от правила, вытекающего из этого свойства наказания. Так, согласно ч. 4 ст. 58 УК РФ изменение вида исправительного учреждения осуществляется только судом, однако на основании ч. 1 и ч. 2 ст. 77 УИК РФ осужденные к лишению свободы в исправительной колонии общего режима могут быть оставлены с их согласия в тюрьме либо СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию решением начальника тюрьмы или СИЗО [7, с. 77–79]. Также этот признак с необходимостью предполагает, что уголовное наказание применяется в особой форме – в процессуальном порядке.

Предложив деление свойств уголовного наказания на сущностные (обязательные) и внешние (желательные)⁵, М.Т. Валеев пишет, что это признак не самого наказания, а порядка его назначения, аргументируя это тем, что «если чисто гипотетически государство завтра делегирует это право иному государственному органу (например, прокуратуре), наказание от этого не потеряет своего существенного значения» [8, с. 106].

С таким доводом трудно согласиться: если данное право в обход императивной нормы

⁵ Мы, в свою очередь, относимся к той части ученых, которая не делит свойства наказания на типы и классы, так как разница между ними весьма условная.

ч. 1 ст. 118 Основного закона России, согласно которой «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», будет передано прокуратуре вместе с полномочиями и функциями суда, то, действительно, ничего не изменится – произойдет лишь смена названий, вывесок. Если же наказание будет назначаться этим органом без соответствующей передачи, то это будет означать внесудебный порядок его назначения, который не может обеспечить рассмотрение дела на началах состязательности, независимости судей (прокуроры действуют на основании обратного принципа – единоначалия, централизации, иерархической (линейной) подчиненности) и с соблюдением иных принципов уголовного судопроизводства и, как следствие, точного установления вины, справедливости и возмездности уголовного наказания. Поэтому во втором случае пострадают те свойства уголовного наказания, которые М.Т. Валеев называет сущностными, оно тогда по сути превратится в меры, именовавшиеся в дореволюционной литературе полицейскими, либо в некое квазинаказание – меры административной (внесудебной) репрессии, применявшиеся вышеупомянутыми «тройками» и сопровождавшиеся «грубыми нарушениями установленных законом процессуальных правил», что привело к ликвидации «троек» (большинство их членов были расстреляны) и к политическому решению «впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов...»⁶. Конечно, в развитии наказания были периоды, когда «судьей» выступал сам потерпевший или его близкое окружение (во времена, когда наказание было неотделимо и неотличимо от мести), когда в догосударственную эпоху община выбирала и исполняла наказания, когда уголовное наказание налагали присваивавшие судебные функции монархи и феодалы, однако на современном этапе эволюции уголовного наказания назначение его только судом – базовый, характерный и существенный признак, обоснованно помещенный законодателем в посвященную понятию наказания ч. 1 ст. 43 УК РФ.

⁶ Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия : постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004. С. 609.

Отсылка в приведенной выше статье к процессуальной форме назначения уголовного наказания – приговору суда – отграничивает уголовное наказание от других видов наказания, на которые распадается его родовое понятие, включая административные наказания, назначаемые посредством постановлений, а не приговоров. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что решение вышестоящего по отношению к первой инстанции суда, в котором изменяется уголовное наказание, может называться определением, а решение суда о замене одного вида наказания на другой в случае злостного уклонения от его отбывания называется постановлением согласно нормам ч. 7 ст. 399 УПК РФ.

Вариативность. Вариативность выражается в использовании разных видов уголовного наказания, позволяющем выбирать наиболее оптимальный для достижения поставленных законодателем целей, а также заменять одно уголовное наказание другим при необходимости.

Определенность. В законе должны быть точно закреплены содержание (в каких лишениях и ограничениях оно выражается) и размеры (в фиксированных значениях и единицах измерения) – качественно-количественные параметры каждого вида уголовного наказания; абсолютно (безусловно) неопределенные санкции и неопределенные приговоры недопустимы.

Г.А. Груничева полагает, что «отличительной чертой российского уголовного законодательства до января 1997 г. было отсутствие в нем норм, допускающих вынесение неопределенных приговоров, относящихся к лишению свободы» [9, с. 30], причисляя пожизненное лишение свободы к категории неопределенных приговоров в связи с возможностью условно-досрочного освобождения от его отбывания по истечении 25 лет. Однако точно такой же момент «неопределенности» и «алеаторности» присущ любому срочному лишению свободы, на которое также распространяются правила об условно-досрочном освобождении с учетом сроков, установленных в ст. 79 УК РФ, и это не может выступать основанием для признания его неопределенным. И срочное, и пожизненное лишения свободы являются определенными видами наказания

(в последнем случае срок лишения свободы определен временем от момента вступления приговора в законную силу до биологической смерти осужденного, поэтому бессрочным его считать нельзя), тогда как неопределенный приговор не содержит фиксированного срока окончания изоляции, он может быть назначен за любое преступление и не соизмеряется с ним на возмездных началах. Его смысл состоит в том, чтобы не освобождать осужденного из пенитенциарного заведения до тех пор, пока он не перестанет быть общественно опасным.

Делимость (гибкость, дробимость).

Для обеспечения соответствия наказаний преступлениям, которые отличаются многообразием, первые должны иметь достаточные пределы между минимумом и максимумом (для учета отягчающих и смягчающих обстоятельств и пр.), санкции должны быть относительно-определенными, а не абсолютно (безусловно) определенными [10, с. 79]. Неделимыми наказаниями являются лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и неквалифицированная (простая) смертная казнь (при наличии вариативных видов квалифицированной смертной казни ее можно считать делимым наказанием).

Экономность. Это свойство проявляется в двух формах: как достижение целей наказания с наименьшими затратами для общества и государства, выбор из нескольких одинаково приводящих к цели мер наказания той, которая менее затратна, то есть как рациональность, бережливость, а также как следование правилу о том, что уголовные наказания не должны быть строже необходимых (принцип «экономии страданий»), то есть как умеренность, воздержанность (согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания»). От данного качества следует отличать принцип экономии мер наказания, заключающийся в том, что там, где без ущерба для правопорядка и вреда интересам социума можно обойтись иными средствами, нежели уголовное наказание, должны быть использованы эти иные средства.

Порождение судимости. В российской юридической литературе данный признак нередко оспаривается. Утверждается, что судимость, как особое правовое состояние, не является признаком уголовного наказания, а относится к его последствиям (хотя корректнее говорить, что это последствие преступления и вступившего в силу приговора суда, а не наказания), то есть находится за рамками его собственных проявлений, что «правовая природа ее значительно отличается от правовой природы уголовного наказания» [11, с. 25] и т. д. Действительно, это так, однако мы полагаем, что поскольку в настоящее время назначение любого уголовного наказания (даже если суд постановит считать назначенное наказание условным или отсрочит его) влечет за собой судимость, а законодательная угроза наказанием одновременно означает угрозу судимостью и всеми связанными с ней отрицательными моментами. Не судимость как таковую (сама она, конечно, не включена в содержание наказания), а порождение судимости как некую особенность, специфическую черту вполне можно отнести к внешним признакам уголовного наказания (в отличие от наказания, как верно заметил Н.В. Азарёнок [12, с. 88], иные меры уголовно-правового характера не влекут судимости, что, в частности, сближает условное осуждение, порождающее таковую, с институтом наказания, а не институтом иных мер уголовно-правового характера, к которому в отечественной уголовно-правовой доктрине нередко относят условное осуждение [13, с. 49]).

Среди признаков уголовного наказания М.С. Елюбаев предлагает выделять целенаправленность [14, с. 380]. Следуя принципу, известному как «брита Оккама»: *Entia non sunt multiplicanda sine necessitate* (не следует умножать сущности без необходимости), делать это, думается, не следует: форма, смысл, содержание, суть и остальные категории, которые отражают разные стороны уголовного наказания, подразумевают и предполагают, что оно является целенаправленным и рациональным актом, к тому же любая сознательная человеческая деятельность целенаправленна (при этом не каждый ее вид является целесообразным).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделенные острированные свойства уголовного наказания, на наш взгляд, не в полной мере отражены в УК РФ, в данной связи нами предлагаются обладающие доктринальной новизной и оригинальностью конкретные рекомендации по совершенствованию действующих уголовно-правовых норм в этой части.

Имманентный наказанию признак справедливости и ставящаяся перед ним в уголовном законе цель восстановления социальной справедливости с необходимостью предполагают и включают в себя стремление общества и государства к неотвратимости наказания за преступление (о приоритете неотвратимости (неизбежности) над устрашением и суровостью уголовного наказания писал еще Ч. Беккариа [15, с. 87]), намерение обеспечить таковое в реальности – без него этот признак и указанная цель утрачивают свое практическое значение, так как без обеспечения неотвратимости уголовного наказания восстановить социальную справедливость невозможно. В данной связи предлагаем дополнить Общую часть УК РФ статьей 6.1 «Принцип неотвратимости наказания», сформулировав ее следующим образом: «Каждое физическое лицо, совершившее преступление, должно подлежать наказанию, предусмотренному соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса». Заметим, что в уголовных кодификациях ряда зарубежных стран (Республика Беларусь, Таджикистан и др.) подобный принцип закреплен. В частности, в ст. 6 УК Республики Таджикистан он сформулирован как «принцип неотвратимости ответственности»⁷, и ряд российских исследователей поддерживают такое нововведение [16].

Признак справедливости наказания также предполагает, помимо элемента, выражающего базовые этические представления о ней социального большинства и государства как о соразмерности и равенстве всех перед наказанием, компонент индивидуальной (личной) справедливости со стороны потерпевшего (жертвы), так как он, во-первых, является частью социума и носителем соответствующих общественных представлений, во-вторых, его права, интересы и, что главное, чувства наи-

большим образом затрагивает совершенное в отношении него преступное деяние. В настоящее время потерпевший обладает правом высказать в суде свое мнение о виде и размере уголовного наказания, однако согласно букве закона это мнение не обязательно для суда. В то же время на практике позиция потерпевшего о назначении более мягкого наказания нередко учитывается судами как обстоятельство, смягчающее наказание, так как перечень данных обстоятельств, согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ, является открытым. Для лучшего и более полного отражения признака справедливости в нормах позитивного права и законодательного подкрепления сложившейся судебной практики, придания ей прочной легальной основы предлагаем внести изменения в ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание» путем дополнения части 1 данной статьи пунктом «м» в следующей редакции: «установленное судом мнение потерпевшего о снисхождении и назначении более мягкого наказания». Данное предложение соответствует гуманности как существенному свойству современного уголовного наказания.

Признак целесообразности, нашедший отражение в положениях ч. 2 ст. 43 УК РФ, означает, что все поставленные законодателем перед уголовным наказанием цели мыслятся реальными, достижимыми, однопорядковыми и равноценными, однако в ст. 60 УК РФ имеется несогласованность, препятствующая последовательной реализации целей восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений: в ч. 1 данной статьи речь идет об обеспечении достижения всех целей наказания при выборе вида наказания, а в ч. 3 – лишь о цели исправления. По этой причине предлагаем изменить ч. 3 ст. 60 УК РФ и сформулировать ее следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного». Подчеркнем, что это предложение соответствует не только доктринальным установкам, согласно которым выделять и устанавливать приоритет какой-либо одной цели наказания недопустимо, но и позиции Конституционного Суда РФ, который в одном из своих

⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан / предисл. А.В. Федорова. СПб., 2001. С. 26.

решений, несмотря на то что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в уголовном законе связывается с достижением цели исправления, указал: «условно-досрочное освобождение осужденного является отказом государства от полной реализации назначенного судом наказания, если его дальнейшее исполнение (с учетом позитивных изменений в поведении и личности осужденного, свидетельствующих о возможности смягчения уголовно-правового принуждения) перестает отвечать *целям восстановления социальной справедливости*, а также исправления осужденного и *предупреждения совершения им новых преступлений* (курсив наш. – К. К.)».

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что сделанные выводы и заключения не претендуют на абсолютную истинность, неопровержимость и всеобщность. Они содержат лишь возможные способы и варианты решения проблемы, вынесенной в заглавие статьи. Предложенные нами решения отнюдь не безальтернативны, не непреложны и, безусловно, нуждаются в дальнейшем развитии – уточнении, пополнении, а потому мы призываем исследователей к продолжению научного поиска, который, как известно, не может иметь окончания, и приращению нового знания в этом направлении развития науки уголовного права и пенологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов А.В. Российское уголовное право : в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 742 с.
2. Сундуков Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф.Р. Сундуков. – Казань : Изд. КГУ, 2005. – 298 с.
3. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Арямов. – Санкт-Петербург, 2004. – 288 с.
4. Чучаев А.И. Наказание в уголовном праве России: антология идей / А.И. Чучаев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 7. – С. 51–78.
5. Кирюшкин М.В. Социальная обусловленность уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Кирюшкин. – Екатеринбург, 1999. – 175 с.
6. Учение о наказании в уголовном праве России / В.С. Комиссаров, А.И. Коробеев, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. – Владивосток : ДФУ, 2011. – 313 с.
7. Корсаков К.В. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах / К.В. Корсаков, И.А. Жилко. – Екатеринбург : Ажур, 2013. – 136 с.
8. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / М.Т. Валеев. – Томск : НТЛ, 2006. – 168 с.
9. Груничева Г.Л. Эффективность наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.Л. Груничева. – Москва, 2004. – 186 с.
10. Корсаков К.В. Повышение эффективности системы уголовных наказаний в современных условиях / К.В. Корсаков // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 78–82.
11. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А.Ф. Мицкевич. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 327 с.
12. Азарёнок Н.В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы / Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург : Изд. УрГЮУ, 2021. – 718 с.

REFERENCES

1. Naumov A.V. Russian Criminal Law. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2011. Vol. 1. 742 p.
2. Sundurov F.R. Punishment and Alternative Measures in Criminal Law. Kazan State University Publ., 2005. 298 p.
3. Aryamov A.A. General Theoretical Foundations of the Doctrine of Criminal Punishment. *Doct. Diss.* Saint Petersburg, 2004. 288 p.
4. Chuchaev A.I. Punishment in the Criminal Law of Russia: An Anthology of Ideas. *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2015, no. 7, pp. 51–78. (In Russian).
5. Kiryushkin M.V. Social Determination of Criminal Punishment. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 1999. 175 p.
6. Komissarov V.S., Korobeev A.I., Rarog A.I., Chuchaev A.I. The Doctrine of Punishment in the Criminal Law of Russia. Far Eastern Federal University Publ., 2011. 313 p.
7. Korsakov K.V., Zhilko I.A. Penitentiary Labor in Pre-Trial Detention Facilities. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2013. 136 p.
8. Valeev M.T. Features of Criminal Punishment in Light of the Theory of Penalization. Tomsk, NTL Publ., 2006. 168 p.
9. Grunicheva G.L. Effectiveness of Punishment in the Form of Imprisonment. *Cand. Diss.* Moscow, 2004. 186 p.
10. Korsakov K.V. Improving the Efficiency of the Criminal Justice System Punishments in Modern Conditions. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 2, pp. 78–82. (In Russian).
11. Mitskevich A.F. Criminal Punishment: Concept, Objectives and Mechanisms of Action. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2005. 327 p.
12. Azarenok N.V. Evolution of National Criminal Procedure as a Continental Form of Production. Ural State Law University Publ., 2021. 718 p.
13. Avdeev V.A. Purposes of Punishment Optimization in the Context of Crime Prevention. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 41–53. (In Russian).

13. Авдеев В.А. Оптимизация целей наказания в контексте предупреждения преступности / В.А. Авдеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 41–53.
14. Елюбаев М.С. Социальная роль наказания / М.С. Елюбаев // Наука и современность. – 2010. – № 6-2. – С. 378–381.
15. Beccaria C. Des délits et des peines / C. Beccaria. – Paris : Guillaumin et Cie, 1856. – 240 p.
16. Стрилец О.В. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права / О.В. Стрилец, Г.М. Семенов, А.Н. Пахомов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2. – С. 36–41.
14. Elyubaev M.S. Social Role of Punishment. *Science and Modernity*, 2010, no. 6-2, pp. 378–381. (In Russian).
15. Beccaria C. Des délits et des peines. Paris, Guillaumin et Cie Publ., 1856. 240 p.
16. Strilets O.V., Semenenko G.M., Pakhomov A.N. Inevitability of Punishment as a Principle of Criminal Law. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 36–41. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корсаков Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korsakov Konstantin Viktorovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Law.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 18.03.2026.
The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 18.03.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.22

Original article

МАШОВЕЦ Асия Океановна
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
okeanovna@me.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

MASHOVETS Asiya Okeanovna
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia

СТАНДАРТЫ ДОКАЗАННОСТИ И ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОБЗОР НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ А.В. СМИРНОВА

STANDARDS OF PROOF AND FORMAL MEANS OF PROVING IN CRIMINAL
PROCEEDINGS: A REVIEW OF A.V. SMIRNOV'S SCIENTIFIC LEGACY

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что российская правоприменительная практика, прежде всего в делах о банкротстве и иных категориях арбитражных споров, все активнее оперирует понятием «стандарт доказывания», тогда как теоретическое осмысление данной категории применительно именно к уголовному процессу остается фрагментарным и не обеспечивает правоприменителя надежным доктринальным инструментарием. В этой связи систематизация и критический анализ концепции А.В. Смирнова – наиболее последовательной отечественной доктрины стандартов доказанности, развиваемой более трех десятилетий, – приобретают особую научную и практическую значимость, поскольку именно его работы образуют тот концептуальный каркас, на основе которого может быть построена адаптированная к российским условиям теория стандартов доказанности в уголовном судопроизводстве. Цели исследования: провести критический обзор наиболее значительных работ А.В. Смирнова, посвященных стандартам доказанности и формальным средствам доказывания в уголовном процессе, выявить концептуальное ядро его доктрины, оценить научную новизну и определить перспективы дальнейшего развития предложенных идей. Методы: исследование построено на методе систематического обзора научной литературы. Такой подход представляется наиболее соответствующим поставленной задаче: обобщить и критически проанализировать работы одного автора в контексте более широкого научного дискурса. Отбор источников осуществляется по трем четким критериям: авторство А.В. Смирнова; непосредственная связь работы с

Abstract. The relevance of this research is determined by the fact that Russian law enforcement practice, particularly in bankruptcy cases and other categories of arbitration disputes, is increasingly applying the concept of “standard of proof”. However, the theoretical understanding of this category in relation to criminal proceedings remains fragmented and fails to provide law enforcers with a reliable doctrinal framework. In this regard, the systematization and critical analysis of A.V. Smirnov’s concept, the most coherent national doctrine of standards of proof, developed over three decades, acquires particular scientific and practical significance, as his works constitute the conceptual framework on which an adapted theory of standards of proof in criminal proceedings can be developed for the Russian context. Research purposes: to critically review A.V. Smirnov’s most significant works dedicated to standards of proof and formal means of proving in criminal proceedings; to identify the core concept of his doctrine; to evaluate its scientific originality, and to determine the prospects for further developing the proposed ideas. Methods: the research is based on the method of a systematic review of scientific literature. This approach is considered the most suitable for the task at hand: to summarize and critically analyze the works of a single author within the context of a broader scientific discourse. Source selection is carried out according to three clear criteria: authorship by A.V. Smirnov; direct relevance of the work to the issues of standards of proof, formal means of proving, burden of proof, or evaluation of evidence in criminal proceedings; publication in peer-reviewed scientific journals or by reputable

проблематикой стандартов доказанности, формальных средств доказывания, бремени доказывания или оценки доказательств в уголовном процессе; публикация в рецензируемых научных изданиях или в авторитетных издательствах. Для контекстуализации анализа применялись сравнительно-правовой (сопоставление с англосаксонской и континентально-европейской доктринами) и историко-правовой (прослеживание генезиса концепции А.В. Смирнова в хронологической перспективе) методы. Кроме того, использовался метод концептуального анализа, позволивший выделить ключевые категории, их определения и внутренние взаимосвязи. Методология, однако, не лишена определенных ограничений. Главное из них – неизбежная субъективность интерпретации. Обзор научного наследия живого и активно работающего ученого всегда имеет риск того, что отдельные аспекты его концепции могут быть акцентированы или, напротив, отодвинуты на второй план в зависимости от исследовательской оптики автора обзора. Результаты: сделан вывод, что научное наследие А.В. Смирнова создает прочный концептуальный каркас для развития доктрины стандартов доказанности, адаптированной к условиям российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: стандарт доказанности, формальные средства доказывания, уголовный процесс, презумпции, бремя доказывания, доказательственное право

Для цитирования: Машовец А.О. Стандарты доказанности и формальные средства доказывания в уголовном процессе: обзор научного наследия А.В. Смирнова / А.О. Машовец. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 195–206.

publishers. For contextualizing the analysis, comparative-legal methods (comparing to Anglo-Saxon and continental European doctrines) and historical-legal methods (tracing the genesis of A.V. Smirnov's concept in a chronological perspective) are applied. Additionally, the method of conceptual analysis is used to identify key categories, their definitions, and internal interrelations. However, the methodology is not without certain limitations. The main one is the inevitable subjectivity of interpretation. A review of the scientific legacy of a living and actively working scholar always carries the risk that certain aspects of his concept may be emphasized or, conversely, relegated to the background depending on the reviewer's research perspective. Results: the article concludes that A.V. Smirnov's scientific legacy creates a solid conceptual framework for advancing a doctrine of standards of proof adapted to the conditions of Russian criminal proceedings.

Keywords: standard of proof, formal means of proving, criminal proceedings, presumptions, burden of proof, law of evidence

For citation: Mashovets A.O. Standards of Proof and Formal Means of Proving in Criminal Proceedings: A Review of A.V. Smirnov's Scientific Legacy. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 195–206. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.22.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема стандартов доказанности относится к числу тех «вечных» проблем юридической науки, которые, казалось бы, давно исчерпаны, но при каждом новом повороте истории неожиданно раскрывают новую глубину. Вопрос о том, какая именно степень убежденности судьи или присяжного достаточно для признания факта установленным, стоит перед правовыми системами с позднеримских времен. Однако в последние два десятилетия он приобрел особую остроту как в международном, так и, пожалуй, в еще большей степени в российском правоведении.

Причины этого интереса многообразны. С одной стороны, глобализация правового дискурса сделала неизбежным сопоставление континентально-европейской концепции «внутреннего убеждения» (intime conviction) с англосаксонской триадой стандартов: «баланс вероятностей» (balance of probabilities/preponderance of evidence), «ясные и убедительные доказательства» (clear and convincing evidence) и «вне разумных сомнений» (beyond reasonable doubt) [1; 2]. С другой стороны, – и это, вероятно, еще важнее – российская судебная практика, особенно арбитражная, начала стихийно, без прямого нормативного основания оперировать понятием «стандарт

доказывания». По сути, это была не столько рецепция чужого института, сколько попытка вербализовать то, что негласно присутствовало в правоприменении всегда [3; 4].

В этом контексте особого внимания заслуживает научное творчество Александра Витальевича Смирнова – доктора юридических наук, профессора, действительного государственного советника юстиции Российской Федерации III класса, заслуженного юриста Российской Федерации, профессора кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. На протяжении многих лет он остается одним из ведущих теоретиков российского уголовно-процессуального права. 13 февраля 2026 г. научное сообщество отметило 70-летний юбилей Александра Витальевича. По этому случаю состоялся круглый стол, на котором юбиляр выступил с докладом по материалам своей новейшей монографии «Судебные доказательства по уголовным делам» [5]. Среди прочего, она посвящена проблеме силы (доказательственного значения) судебных доказательств и стандартам доказанности. Само событие стало ярким свидетельством неослабевающей научной продуктивности ученого и одновременно удобным поводом для системного анализа его вклада в теорию стандартов доказанности.

Выбор работ А.В. Смирнова в качестве объекта обзора обусловлен несколькими вескими причинами. Во-первых, Александр Витальевич, по всей видимости, единственный отечественный исследователь, который последовательно развивает концепцию стандартов доказанности применительно именно к уголовному процессу, в отличие от большинства других исследователей, чьи работы сосредоточены на цивилистическом процессе и банкротном праве. Во-вторых, его подход отличается высокой оригинальностью: стандарты доказанности рассматриваются не изолированно, а в неразрывной связи с формальными средствами доказывания – презумпциями, преюдициями, фикциями и субституциями. В-третьих, – и это, пожалуй, наиболее ценное – концепция А.В. Смирнова опирается на разработанную им типологию уголовного судопроизводства, что позволяет органично вписать

проблему стандартов доказанности в более широкий теоретико-правовой контекст.

Обзор литературы последних лет показывает, что тема стандартов доказывания привлекает все больше исследователей. С.Л. Будылин, раскрывая вопрос о возможной рецепции англосаксонских стандартов, предложил рассматривать «внутреннее убеждение» как функциональный аналог стандарта «баланса вероятностей» [4]. А.А. Смола подробно проанализировала использование термина «стандарт доказывания» в практике Верховного Суда РФ и установила, что оно ограничивается преимущественно делами о банкротстве [3]. А.Г. Карапетов и А.С. Косарев предложили собственную дифференцированную систему стандартов [6]. А.А. Карпова обратилась к немецкому опыту соотношения свободной оценки доказательств и стандартов доказывания и показала сложность адаптации этой концепции в континентальных правовых порядках [7]. С.В. Бурмагин рассмотрел процессуальные стандарты в особых видах уголовного судопроизводства [8], а К.Б. Калиновский еще в 2006 г. сформулировал механизм взаимосвязи стандарта доказанности, презумпций и бремени доказывания, выделив три компонента: «1) юридический факт, подлежащий установлению; 2) стандарт доказанности этого факта, определяющий неисполнение бремени; 3) презумпция, устанавливающая толкование недоказанности против определенного лица» [9, с. 246]. Р.В. Костенко, исследуя состояние доказанности как оценочную категорию, указывает, что «наиболее фундаментально подходит к изучению данной проблематики А.В. Смирнов, который подвергает существенному переосмыслению процесс судебного познания» [10, с. 38]. А.Р. Шарипова убедительно показала, что «разница в стандартах доказанности обуславливает своеобразие институтов доказательственного права каждой из процессуальных отраслей» [11, с. 136]. В.В. Конин, А.В. Кудрявцева и А.В. Петров применили концепцию стандартов к стадии возбуждения уголовного дела [12].

В англоязычной литературе наиболее влиятельными остаются работы Л. Лаудана, который подверг радикальной критике стандарт «вне разумных сомнений» за его нео-

пределенность и смешение эпистемического обоснования с субъективной уверенностью [1; 13; 14]. Значительный вклад в разработку теории стандартов доказывания внесли также Р. Аллен и М. Пардо, предложившие модель «относительного правдоподобия», основанную на инференции к лучшему объяснению [15; 16; 17]. Важные исследования провели Д. Нэнс, изучивший стандарты в контексте общей теории бремени доказывания [2], и Ф. Варс, попытавшийся построить единую теорию стандартов доказывания [18].

При всем богатстве накопленного материала обращает на себя внимание парадокс: вклад А.В. Смирнова в разработку теории стандартов доказанности до сих пор не получил систематического обобщения и критического анализа. Его работы цитируют, но целостная картина концепции, ее генезис, внутренняя логика и место в более широком контексте остаются по существу нераскрытыми. Настоящая статья призвана хотя бы частично восполнить этот пробел.

ГЕНЕЗИС И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯДРО КОНЦЕПЦИИ А.В. СМИРНОВА: ОТ ТИПОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К СИСТЕМЕ СТАНДАРТОВ ДОКАЗАННОСТИ

Концепция стандартов доказанности, которую развивает А.В. Смирнов, уходит корнями в его ранние теоретические работы. Ее истоки отчетливо просматриваются в монографиях «Модели уголовного процесса» [19] и «Состязательный процесс» [20]. В них ученый выделил идеальные типы уголовного судопроизводства – обвинительный, розыскной, состязательный и смешанный. Каждому типу, по его мнению, соответствует своя эпистемологическая установка, свой «горизонт познания».

Уже тогда А.В. Смирнов связывал характер процесса с особенностями доказательственной деятельности. В розыском процессе познавательная задача сводится к достижению объективной (материальной) истины, в состязательном – к достижению формальной (процессуальной, юридической) истины, которая определяется с помощью стандарта доказанности. Это противопоставление, восходящее к дискуссии между М.С. Строговичем и А.Я. Вышинским, у А.В. Смирнова приобрело новое

звучание: стандарт доказанности превратился из технического инструмента в важный индикатор самого типа судопроизводства.

В статье «Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе» ученый сформулировал ключевой тезис: презумпция есть «условное признание юридическим фактом положения, связываемого с наличием другого юридического факта, пока нет доводов в пользу обратного» [21, с. 60]. Именно здесь, в учении о презумпциях как специально-юридическом приеме, опосредующем «юридический уровень доказывания, когда установление искомых фактов происходит не путем их достоверного познания, а конвенционально» [21, с. 60], закладывается будущая связка «презумпция – бремя доказывания – стандарт доказанности».

Монография «Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе» [22], впервые изданная в 2018 г. и затем переизданная, представляет собой теоретически насыщенное изложение концепции А.В. Смирнова.

Во-первых, автор предпринял серьезную попытку переосмыслить само понятие доказывания. Наряду с доказательствами как сведениями о фактах он выделил так называемые формальные средства доказывания: презумпции, преюдиции, юридические фикции и юридические субституции. Хотя отдельные элементы этой классификации не были новыми, именно А.В. Смирнов впервые объединил эти разнородные институты в единую систему и показал их общую функцию – перераспределение бремени доказывания и, как следствие, изменение стандарта доказанности.

Во-вторых, в монографии предложена развернутая градация степеней доказанности. Упрощая, можно выделить начальную степень (достаточные данные, указывающие на признаки преступления, для возбуждения уголовного дела), промежуточные степени (достаточные основания для подозрения, достаточные доказательства для предъявления обвинения) и максимальную степень («доказанность вне разумных сомнений» – для постановления обвинительного приговора). Примечательно, что автор не просто заимствует англосаксонскую терминологию, а стремится органично вписать эти стандарты в ткань российского уголовно-процессу-

ального права, связывая каждый из них с конкретными процессуальными решениями.

В-третьих, А.В. Смирнов отмечает, что формальные средства доказывания не содержат сведений о фактах. Это нормативные конструкции, которые определяют юридические последствия наличия или отсутствия тех или иных доказательств. Так, презумпция невиновности – не доказательство невиновности обвиняемого, а правило, согласно которому при недостижении определенного стандарта доказанности виновности факт невиновности считается установленным. Этот на первый взгляд очевидный тезис имеет далеко идущие последствия для понимания всей структуры доказывания.

В статье «Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания» А.В. Смирнов четко сформулировал соотношение трех ключевых категорий: стандарта доказанности, презумпций и бремени доказывания [23]. Логика рассуждения проста и убедительна: стандарт доказанности определяет, какой объем и качество доказательств необходимы, чтобы факт считался установленным; бремя доказывания показывает, на ком лежит риск непредставления таких доказательств; презумпции же выступают механизмом перераспределения этого бремени. При действии презумпции невиновности бремя доказывания виновности по самому высокому стандарту лежит на обвинении. Если бы гипотетически действовала презумпция виновности, бремя доказывания невиновности легло бы на обвиняемого и, возможно, по более низкому стандарту. Эта логика вполне созвучна выводам К.Б. Калиновского, согласно которым «правила распределения доказательственных обязанностей выявляются не толкованием сомнений, а толкованием последствий недоказанности: какой юридический факт будет считаться установленным при полном отсутствии доказательств» [9, с. 247].

Заслуживает внимания проведенное автором разграничение между стандартом доказанности (*standard of proof*) и стандартом доказывания (*standard of proving*). Хотя в литературе эти термины часто используют как синонимы, для А.В. Смирнова первый характеризует результат – степень убежденности, а второй описывает процесс, включая требования к допустимости доказательств, порядку

их исследования и распределению бремени. Отметим эвристическую ценность указанного разграничения: «первые характеризуют результат (те или иные степени доказанности), вторые – процесс (правовую методику) доказывания» [24, с. 105].

Ученым обосновывается дифференциация стандартов доказанности в зависимости от стадии уголовного процесса. Для обвинительного приговора необходим максимальный стандарт – «вне разумных сомнений». Для возбуждения дела, избрания меры пресечения или утверждения обвинительного заключения вполне допустимы более низкие стандарты: «достаточные данные», «обоснованное подозрение», «достаточные доказательства». Эту линию рассуждения развивают и другие исследователи. Так, В.В. Конин, А.В. Кудрявцева и А.В. Петров, анализируя стадию возбуждения уголовного дела, заключают, что на ней применимы стандарты *prima facie*, «баланс вероятностей» и «разумная степень достоверности», тогда как «в стадии судебного разбирательства применим более высокий стандарт – "достоверность за пределами разумных сомнений"» [12, с. 234]. Практика давно следует этому правилу, однако теоретическое осмысление и тем более нормативное закрепление такой дифференциации до сих пор остаются недостаточными.

Наконец, А.В. Смирнов обращает внимание на асимметрию стандартов для обвинения и защиты. В англосаксонской традиции она хорошо известна: обвинение должно доказать виновность вне разумных сомнений, тогда как защите достаточно создать разумное сомнение. В российском праве аналогичная асимметрия вытекает из презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ и ст. 49 Конституции РФ), но, по убеждению ученого, она недостаточно осознана ни в теории, ни на практике.

Монографию «Судебные доказательства по уголовным делам» можно назвать синтетической работой, в которой идеи предыдущих публикаций сведены воедино и получили дальнейшее развитие. Автор рассматривает доказывание как многоуровневый процесс, выделяя информационный, логический и юридический уровни.

Применительно к стандартам доказанности А.В. Смирнов прямо констатирует: теоретическая рефлексия заметно отстает от прак-

тических потребностей. Долгое время теория требовала от всех процессуальных решений безусловного отражения «объективной истины». Между тем судебное познание, в результате которого принимается множество решений на основе разного объема данных, предполагает различную степень их верификации. Единой универсальной степени доказанности не существует – существует система градуированных стандартов. Разграничение стандартов доказанности (характеризующие результат) и стандартов доказывания (описывающие процесс и, прежде всего, распределение бремени) в монографии приобретает программный характер.

Особый интерес представляет сравнительно-правовой анализ. А.В. Смирнов подробно рассматривает английскую традицию (*prima facie* и *beyond reasonable doubt*), американские и английские гражданско-правовые стандарты, а также немецкую систему градации подозрения, которая фактически образует иерархию стандартов доказанности в континентальном праве. Однако главным вкладом становится оригинальная авторская классификация. А.В. Смирнов впервые привязывает стандарты доказанности не к стадиям процесса и не к степеням подозрения, а к типам презумпций – слабым и сильным.

Для слабых презумпций (отпадающих при простом заявлении противоположной стороны) предусмотрены три стандарта: «простое утверждение», «разумное объяснение», «предпочтительная вероятность». Для сильных презумпций (требующих достоверного опровержения) – два стандарта: *prima facie* и «всесторонняя доказанность» («вне разумных сомнений»). Эта классификация, при ее внешней простоте, составляет ядро всей конструкции. Она наглядно показывает, как презумпции выступают модификаторами стандарта доказанности: «планка» доказанности меняется в зависимости от силы действующей презумпции.

Автор полемизирует с теми, кто сводит стандарт доказанности исключительно к субъективному внутреннему убеждению судьи или к достижению фактической достоверности. Так, И.Л. Петрухин определял стандарты доказанности как «вырабатываемые судебной практикой представления о сово-

купности доказательств, достаточных для вынесения обоснованного обвинительного приговора или другого процессуального акта» [25, с. 53]. А.В. Смирнов подчеркивает: «нельзя ставить знак равенства между доказанностью и достоверностью» [5, с. 152]. Тем самым он полемизирует с А.Г. Карапетовым и А.С. Косаревым, определяющими стандарт доказывания через «минимальную степень субъективной уверенности судьи» [6, с. 7], отвергает и субъективистскую трактовку стандартов, и квантификацию в духе Л. Лаудана (предлагавшего выражать стандарт в терминах вероятности), предпочитая качественно-структурные описания, привязанные к типам презумпций. Это решение обладает концептуальной элегантностью: стандарт задается не числом и не субъективным ощущением, а логической структурой доказывания, которая определяется силой действующей презумпции.

Ученый видит существенный пробел в имеющихся представлениях: понятие доказанности рассматривается абстрактно и односторонне, без учета особенностей распределения бремени доказывания между различными участниками процесса и действия значительного количества различных (часто не осознаваемых теоретически и не регулируемых законодательно) презумпций. Стандарты доказанности, по его убеждению, столь же разнообразны, как и порождающие их презумпции, будучи следствием объективных потребностей правоприменения, которые упрямо пробивают себе дорогу независимо от того, отражает ли действующее законодательство механизмы распределения и перераспределения доказательственного бремени. Это наблюдение коррелирует с тезисом Р.В. Костенко: «в судебно-следственной практике отсутствуют четкие критерии, с помощью которых можно с уверенностью формулировать вывод о том, обосновано ли достаточными доказательствами принимаемое процессуальное решение» [10, с. 39].

Вместе с тем нельзя не заметить определенные проблемные моменты. Отказ от количественной операционализации стандартов и от опоры на субъективную уверенность судьи делает их содержание для промежуточных уровней («разумное объяснение», «предпочтительная вероятность») довольно размы-

тым. Вопрос о том, как именно правоприменитель должен устанавливать достижение того или иного стандарта в конкретном деле, остается открытым.

А.В. Смирнов затрагивает вопрос, который можно считать логическим продолжением его предшествующих исследований: если стандарт доказанности отражает «планку», которую необходимо преодолеть, то сила (доказательственное значение) конкретного доказательства определяет, насколько это доказательство приближается к указанной «планке». Иными словами, стандарт доказанности и сила доказательств – две стороны одной медали; их совместное рассмотрение, предпринятое А.В. Смирновым, представляется методологически оправданным и продуктивным.

В монографии 2026 г. А.В. Смирнов уделяет особое внимание философским основаниям доказывания. В частности, он обращается к понятиям истины и достоверности, рассматривая их не в абстрактно-философском, а в прикладном, процессуально-правовом ключе. Автор подчеркивает, что процессуальное доказывание – это установление фактов, а не только их фактическое подтверждение, что результат этой деятельности зависит в конечном счете от стандарта доказанности, задаваемого системой доказательственных средств и правил. Это положение можно рассматривать как своего рода кредо всей его научной школы: доказанность – не субъективное состояние убежденности, а объективная юридическая категория, поддающаяся рациональному анализу и нормативному регулированию.

Одна из наиболее оригинальных идей А.В. Смирнова заключается в том, что формальные средства доказывания выполняют функцию модификаторов стандарта доказанности. В классической модели стандарт выступает фиксированной «планкой», которую должна преодолеть сторона, несущая бремя доказывания. У А.В. Смирнова эта планка уже не является жесткой: она может повышаться или понижаться в зависимости от действующих формальных средств.

Так, презумпция невиновности не только возлагает бремя доказывания на сторону обвинения, но и устанавливает для этого бремени максимально высокий стандарт – «вне разумных сомнений». Напротив, действие

некоторых других презумпций, например, презумпции знания закона, фактически понижает стандарт: обвинению не требуется доказывать, что обвиняемый знал о противоправности своих действий, это предполагается по умолчанию.

Благодаря такому подходу разрозненные на первый взгляд институты – презумпции, преюдиции, фикции и субституции – объединяются в единую функциональную систему, регулирующую «порог доказанности». Тем не менее при критическом анализе неизбежно возникает вопрос: не является ли эта единая функция скорее результатом авторской концептуальной конструкции, чем имманентным свойством самих институтов? Преюдиция, например, полностью освобождает от доказывания, а не просто понижает стандарт; фикция подменяет один факт другим. А.В. Смирнов, скорее всего, ответил бы, что освобождение от доказывания представляет собой предельный случай понижения стандарта до нуля, а подмена факта – иной, но функционально близкий механизм. Так или иначе, предложенная трактовка открывает новое перспективное направление анализа доказательственного права.

Нельзя обойти вниманием и учебник «Уголовный процесс», написанный А.В. Смирновым в соавторстве с К.Б. Калиновским и выдержавший уже девять изданий [26]. Хотя данный вид издания традиционно не предполагает изложения оригинальных теорий, именно через него идеи ученого о стандартах доказанности и формальных средствах доказывания доходят до самой широкой аудитории – студентов и будущих практиков.

В разделе «Доказательства и доказывание» есть параграф, посвященный формальным средствам доказывания. Он знакомит читателей с этими категориями и формирует у них современный концептуальный аппарат. Примечательно, что вступительную статью к одному из изданий написал Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин – факт, который сам по себе свидетельствует о высоком научном авторитете авторов.

Особого внимания заслуживает содержащееся в учебнике наблюдение, что российские суды на практике нередко снижают стандарты доказанности виновности.

Авторы расценивают это как тревожный симптом, указывающий на деформацию составительных начал уголовного процесса. Такое замечание, высказанное в учебном издании, приобретает дополнительный вес и явно адресуется не только студентам, но и практикующим юристам.

Концепция А.В. Смирнова в ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУРСА

Концепция А.В. Смирнова глубоко укоренена в российской правовой традиции, она обнаруживает немало точек соприкосновения с современным международным дискурсом и в то же время сохраняет принципиальные отличия от него.

Наиболее очевидна параллель с работами Л. Лаудана. Этот автор, пожалуй, радикальнее всех остальных поставил под сомнение осмысленность стандарта «вне разумных сомнений», указав на его крайнюю неопределенность и смешение эпистемического обоснования с субъективной уверенностью [1]. В отличие от Л. Лаудана, А.В. Смирнов не отвергает данный стандарт, а стремится прояснить и институционализировать его содержание с помощью системы формальных средств доказывания. Если Л. Лаудан искал выход в квантификации (хотя и с серьезными оговорками), то А.В. Смирнов ищет его в четкой институциональной структуре – через более точное определение роли презумпций и иных формальных средств.

С моделью «относительного правдоподобия» Р. Аллена и М. Пардо концепцию А.В. Смирнова роднит скептическое отношение к вероятностному пониманию стандартов доказывания [16; 17]. Оба подхода отказываются сводить стандарт «вне разумных сомнений» к достижению определенного процентного порога вероятности. Р. Аллен и М. Пардо предлагают понимать его как отсутствие правдоподобной альтернативной версии событий. А.В. Смирнов близок к этой идее, хотя и выражает ее на языке континентальной юриспруденции, а не через категорию инференции к лучшему объяснению.

Интересное сопоставление возникает с немецкой доктриной, анализировавшей

А.А. Карповой [7]. А.В. Смирнов подробно реконструирует немецкую систему пяти степеней подозрения и использует ее не как готовый образец для рецепции, а как отправную точку для построения собственной классификации. В отличие от немецкого подхода, основанного на градации подозрения, он привязывает стандарты к типам презумпций. Такое решение можно считать промежуточной позицией между англосаксонской и континентально-европейской традициями: признавая ценность свободной оценки доказательств, ученый настаивает на необходимости структурировать ее с помощью качественных, а не количественных стандартов.

Не менее показательно сравнение с французской традицией «внутреннего убеждения» (*l'intime conviction*). Французский Уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. не предлагал каких-либо критериев, по которым судья мог бы определить, достигнуто ли «внутреннее убеждение» в виновности подсудимого; подразумевалось, что профессиональный судья интуитивно знает, когда он убежден, а когда нет [4]. А.В. Смирнов, напротив, стремится внести в оценку доказательств элемент рациональной структурированности. Именно система стандартов доказанности должна, по его замыслу, стать инструментом такой структуризации.

Что касается вероятностного подхода к стандартам, который предлагают некоторые авторы (выражая «вне разумных сомнений» через 90–95 % уверенности) [18; 27], позиция ученого остается ближе к антивероятностному лагерю. Он предпочитает качественные, структурные описания стандартов, что полностью соответствует преобладающей традиции континентально-европейского процессуального права.

В контексте российской дискуссии концепция А.В. Смирнова занимает особое, можно сказать, архитектурное положение. Он не ограничивается обсуждением отдельных стандартов, а выстраивает целостную систему, которая связывает стандарты доказанности с типологией уголовного процесса, формальными средствами доказывания и распределением бремени доказывания. На необходимость именно такого системного подхода указывает и А.Р. Шарипова, она

отмечает, что «сфера влияния стандартов доказанности на отраслевое нормативное регулирование не ограничена доказательственным правом» [11, с. 130].

Особо стоит отметить позицию ученого в споре о целесообразности заимствования англосаксонских стандартов. В.В. Аргунов и М.О. Долова убедительно возражали против механического переноса этих стандартов в российское судопроизводство, ссылаясь на различия правовых традиций и институционального дизайна [28]. А.В. Смирнов занимает здесь иную позицию: он не столько заимствует чужие конструкции, сколько обнаруживает аналогичные механизмы в самой структуре российского уголовного процесса, утверждая, что соответствующие стандарты уже существуют де-факто, хотя и не получили должной вербализации. Такое методологическое решение – экспликация собственного, а не перенос чужого – представляется принципиально важным.

Нельзя обойти вниманием и институциональный контекст российской дискуссии. Статистика обвинительных приговоров, доля которых, по разным оценкам, превышает 99 % (если исключить дела, прекращенные по не реабилитирующим основаниям), неизбежно ставит под сомнение реальное функционирование стандарта «вне разумных сомнений». А.В. Смирнов справедливо указывает на эту проблему. Она порождает два возможных объяснения: либо стандарт применяется лишь номинально, либо качество предварительного расследования позволяет достигать высокого уровня доказанности в подавляющем большинстве случаев. Обе гипотезы требуют серьезной эмпирической проверки.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ научного наследия А.В. Смирнова позволяет выделить несколько особенно перспективных направлений дальнейшей работы.

Наиболее актуальное – эмпирическая верификация предложенной системы стандартов. Каким образом российские судьи и следователи на практике определяют степень доказанности при принятии различных процессуальных решений? При сопоставлении полученных результатов с теоретической мо-

делью А.В. Смирнова возможны любопытные выводы. Не менее значимым представляется сравнительно-правовое исследование функционирования формальных средств доказывания в различных правовых порядках. А.В. Смирнов опирается преимущественно на российский и англосаксонский материал, при этом немецкая, французская и итальянская доктрины способны предложить дополнительные интересные модели. Нельзя исключать влияние цифровизации и искусственного интеллекта на доказательственное право. Хотя в монографии 2026 г. автор пишет о необходимости учитывать электронные доказательства. Более глубокий анализ того, как алгоритмическая обработка данных может изменить стандарты доказанности, еще предстоит провести.

Если предложенная система стандартов будет признана научно обоснованной, следующим логичным шагом могло бы стать обсуждение возможности ее закрепления хотя бы на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка А.В. Смирнова в области стандартов доказанности и формальных средств доказывания представляет собой одну из наиболее целостных и последовательных концепций в современной российской уголовно-процессуальной науке. Его подход отличается тем, что стандарты доказанности рассматриваются не как заимствованный институт, требующий адаптации, а как имманентный элемент процесса доказывания, который можно выявить и систематизировать через анализ формальных средств доказывания – презумпций, преюдиций, фикций и субституций.

Ключевыми вопросами остаются реальное содержание стандартов, их практическая операционализация и возможность нормативного закрепления. Решение их потребует совместных усилий теоретиков и практиков, процессуалистов и философов права, отечественных и зарубежных ученых.

Дальнейшего исследования требует онтологический статус стандартов доказанности. Автор рассматривает их как объективно существующие элементы правовой реальности,

которые нужно обнаружить и описать. Между тем многие современные исследователи видят в стандартах доказанности конвенциональные конструкции, создаваемые и изменяемые правоприменительной практикой. Если эта вторая точка зрения верна, то задачи состоят не только в «открытии» стандартов, но и в предложении оптимальной их конфигурации для конкретного правового порядка.

Восприятие российской правовой системой предложенной классификации требует ее практической операционализации. В отсутствие нормативного закрепления критериев правоприменитель в конечном итоге все равно будет опираться на «внутреннее убеждение» – тот самый критерий, недостаточность которого и побудила обратиться к стандартам доказанности.

70-летний юбилей А.В. Смирнова, отмеченный научным сообществом, стал не только поводом для чествования, но и мощным импульсом к продолжению начатой ученым работы.

Новейшая монография 2026 г. убедительно показывает, что сам юбилей от этой работы не отстывает. Можно предположить, что в ближайшие годы его идеи получат дальнейшее развитие, а возможно, и практическое воплощение.

В более широкой перспективе значение трудов А.В. Смирнова определяется тем, что они ставят перед российской процессуальной наукой фундаментальный вопрос: может ли «внутреннее убеждение» – этот традиционный, но трудноуловимый критерий континентальной традиции – быть дополнено или даже частично заменено системой четко артикулированных, рационально обоснованных стандартов? Ответ ученого осторожно-утвердительный. Путь от теоретической конструкции к рабочему инструменту правоприменения, как известно, долг и извилист. Настоящая статья – попытка сделать на этом пути хотя бы один уверенный шаг: перейти от разрозненного цитирования к целостному осмыслению научного наследия ученого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Laudan L. Truth, Error, and Criminal Law: An Essay in Legal Epistemology / L. Laudan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 228 p.
2. Nance D.A. The Burdens of Proof: Discriminatory Power, Weight of Evidence, and Tenacity of Belief / D.A. Nance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 318 p.
3. Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А.А. Смола // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 8. – С. 129–165.
4. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С.Л. Будылин // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 3. – С. 25–57; № 4. – С. 34–66.
5. Смирнов А.В. Судебные доказательства по уголовным делам : монография / А.В. Смирнов. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2026. – 376 с.
6. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение. – 2019. – № 5. – С. 3–96.
7. Карпова А.А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность / А.А. Карпова // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 6. – С. 138–163.
8. Бурмагин С.В. Процессуальные стандарты доказывания в особых судебно-уголовных производствах / С.В. Бурмагин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 168–177.

REFERENCES

1. Laudan L. Truth, Error, and Criminal Law: An Essay in Legal Epistemology. Cambridge University Press Publ., 2006. 228 p.
2. Nance D.A. The Burdens of Proof: Discriminatory Power, Weight of Evidence, and Tenacity of Belief. Cambridge University Press Publ., 2016. 318 p.
3. Smola A. Standards, Evidence and the Supreme Court. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2018, no. 8, pp. 129–165. (In Russian).
4. Budylin S.L. Inner Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Evidence in Russia and Abroad. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2014, no. 3, pp. 25–57, no. 4, pp. 34–66. (In Russian).
5. Smirnov A.V. Judicial Evidence in Criminal Cases. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2026. 376 p.
6. Karapetov A., Kosarev A. Standards of Proof: Analytical and Empirical Research. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 5, pp. 3–96. (In Russian).
7. Karpova A.A. The Principle of Free Evaluation of Evidence and Standards of Proof: The Provisions of German Doctrine and Law Enforcement Practice and Russian Legal Reality. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2023, no. 6, pp. 138–163. (In Russian).
8. Burmagin S.V. Procedural Standards of Proof in Special Judicial and Criminal Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 168–177. (In Russian).

9. Калиновский К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений / К.Б. Калиновский // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: материалы VII Международной научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – Ч. 1. – С. 245–249.
10. Костенко Р.В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве / Р.В. Костенко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 35–41.
11. Шарипова А.Р. Стандарты доказанности как основания различий в регулировании сходных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса / А.Р. Шарипова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 130–136.
12. Конин В.В. Использование стандартов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Конин, А.В. Кудрявцева, А.В. Петров // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 234–243.
13. Laudan L. Is Reasonable Doubt Reasonable? / L. Laudan // Legal Theory. – 2003. – Vol. 9, № 4. – P. 295–331.
14. Laudan L. The Rules of Trial, Political Morality, and the Costs of Error / L. Laudan // Oxford Studies in Philosophy of Law / ed. by L. Green, B. Leiter. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – Vol. 1. – P. 195–227.
15. Allen R.J. Deadly Dilemmas / R.J. Allen, L. Laudan // Texas Tech Law Review. – 2008. – Vol. 41, № 1. – P. 65–92.
16. Allen R.J. Standards of Proof and the Limits of Legal Analysis / R.J. Allen // Diritto & Questioni Pubbliche. – 2019. – Vol. XIX, № 2. – P. 7–25.
17. Allen R.J. Relative Plausibility and Its Critics / R.J. Allen, M.S. Pardo // International Journal of Evidence & Proof. – 2019. – Vol. 23, № 1-2. – P. 5–59.
18. Vars F.E. Toward a General Theory of Standards of Proof / F.E. Vars // Catholic University Law Review. – 2010. – Vol. 60, № 1. – P. 1–45.
19. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 224 с.
20. Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 320 с.
21. Смирнов А.В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе / А.В. Смирнов // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 60–68.
22. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе : монография / А.В. Смирнов. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2018. – 240 с.
23. Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2021. – № 12 (204). – С. 86–94.
24. Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? / А.О. Машовец // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 104–109.
25. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И.Л. Петрухин ; Институт государства и права Российской академии наук. – Москва : Проспект, 2009. – 140 с.
26. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2025. – 784 с.
9. Kalinovsky K.B. The Burden of Proof in Criminal Proceedings: The Relationship of the Standard of Proof with Presumptions and Legal Interaction of Participants in Legal Relations. *Legal Conditions and Interactions: Historical and Theoretical, Sectoral and Intersectoral Analysis. Proceedings of the VII International Scientific and Theoretical Conference*. Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2006, pt. 1, pp. 245–249. (In Russian).
10. Kostenko R.V. The State of Proof as an Evaluative Category in Criminal Procedure Law. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 35–41. (In Russian).
11. Sharipova A.R. The Standards of Proof as the Basis for Differences in the Regulation of Similar Institutions of Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 130–136. (In Russian).
12. Konin V.V., Kudryavtseva A.V., Petrov A.V. Use of Standards of Proof at the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2025, no. 1 (102), pp. 234–243. (In Russian).
13. Laudan L. Is Reasonable Doubt Reasonable? *Legal Theory*, 2003, vol. 9, no. 4, pp. 295–331.
14. Laudan L. The Rules of Trial, Political Morality, and the Costs of Error. In Green L., Leiter B. (eds.). *Oxford Studies in Philosophy of Law*. Oxford University Press Publ., 2011. Vol. 1, pp. 195–227.
15. Allen R.J., Laudan L. Deadly Dilemmas. *Texas Tech Law Review*, 2008, vol. 41, no. 1, pp. 65–92.
16. Allen R.J. Standards of Proof and the Limits of Legal Analysis. *Diritto & Questioni Pubbliche*, 2019, vol. XIX, no. 2, pp. 7–25.
17. Allen R.J., Pardo M.S. Relative Plausibility and Its Critics. *International Journal of Evidence & Proof*, 2019, vol. 23, no. 1-2, pp. 5–59.
18. Vars F.E. Toward a General Theory of Standards of Proof. *Catholic University Law Review*, 2010, vol. 60, no. 1, pp. 1–45.
19. Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
20. Smirnov A.V. Adversarial Proceedings. Saint Petersburg, Alpha Publ., 2001. 320 p.
21. Smirnov A.V. Presumptions and Distribution of the Burden of Proof in Criminal Proceedings. *State and Law*, 2008, no. 1, pp. 60–68. (In Russian).
22. Smirnov A.V. Formal Means of Proof in Criminal Law and Procedure. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2018. 240 p.
23. Smirnov A.V. Standards of Proof: Relationship with Presumptions and Burden of Proof Distribution. *Criminal Procedure*, 2021, no. 12 (204), ppp. 86–94. (In Russian).
24. Mashovets A.O. Internal Conviction or the Standard of Proof? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 104–109. (In Russian).
25. Petrukhin I.L. Acquittal and the Right to Rehabilitation. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 140 p.
26. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal Procedure. 9th ed. Moscow, Norma Publ., 2025. 784 p.

27. Tillers P. A Collateral Attack on the Legal Maxim That Proof Beyond a Reasonable Doubt is Unquantifiable / P. Tillers, J. Gottfried // *Law, Probability and Risk*. – 2006. – Vol. 5, № 2. – P. 135–157.

28. Аргунов В.В. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству / В.В. Аргунов, М.О. Долова // *Вестник гражданского судопроизводства*. – 2019. – № 2. – С. 76–104.

27. Tillers P., Gottfried J. A Collateral Attack on the Legal Maxim That Proof Beyond a Reasonable Doubt is Unquantifiable. *Law, Probability and Risk*, 2006, vol. 5, no. 2, pp. 135–157.

28. Argunov V.V., Dolova M.O. On the So-Called Standards of Proof in the Context of the Domestic Judicial Procedure. *Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 2, pp. 76–104. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Машовец Асия Океановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mashovets Asiya Okeanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 17.04.2026. The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 17.04.2026.

Научная статья
УДК 343.7
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23

Original article

ПОПОВА Евгения Михайловна
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, Россия,
p_e_m_2013@mail.ru

POPOVA Evgenia Mikhailovna
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF THEFT: DEBATES IN CRIMINAL LAW DOCTRINE
AND THEIR RESOLUTION

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки уголовно-правовой доктриной теоретически зрелых обоснований, касающихся определения статуса цифровых прав как предмета хищения. Анализ научных подходов к решению данного вопроса показал, что ученые разделились на два лагеря: одни приводят аргументы в пользу признания цифровых прав предметом хищения, другие, абсолютизируя вещный признак, отстаивают точку зрения, согласно которой не представляется возможным охватить цифровые права категорией «чужое имущество», и предлагают конструкцию новых составов преступлений. На фоне стремительно растущего рынка цифровых прав и повышения вероятности совершения преступных посягательств на новые цифровые объекты все отчетливее ощущается потребность в урегулировании уголовно-правового статуса цифровых прав в контексте признания их предметом корыстных преступлений против собственности. Цель: проверка гипотезы о признании цифровых прав предметом хищения посредством верификации данного цифрового феномена по трем дифференциальным признакам, выделяемым в теории уголовного права, и предложение авторской позиции, аргументирующей включение цифровых прав в уголовно-правовую категорию имущества. Методы: формально-логический метод позволил осуществить верификацию цифровых прав по трем системообразующим признакам предмета хищения и обосновать вывод о признании их имуществом в уголовно-правовом смысле; юридико-догматический – провести систематический анализ норм гражданского и уголовного законодательства, выявить терминологические расхождения между отраслями права и обосновать возможность признания цифровых прав предметом хищения без внесения изменений в УК РФ; метод правового моделирования использовался при определе-

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to develop theoretically mature criminal law doctrine justifications for determining the status of digital rights as an object of theft. Research into scientific approaches to resolving this issue reveals a division among academics into two main schools of thought: some argue in favor of recognizing digital rights as an object of theft, while others, absolutizing the tangible attribute, defend the viewpoint that it is impossible to encompass digital rights within the category of “another’s property” and propose new criminal offense categories. The rapidly expanding digital rights market and the heightened risk of criminal attacks on new digital assets are making the need for a clear criminal law framework for digital rights, especially concerning their classification as objects of property offenses, increasingly palpable. Purpose: to test the hypothesis of recognizing digital rights as an object of theft by verifying this digital phenomenon according to three differential criteria identified in criminal law theory, and to propose the author’s position arguing for the inclusion of digital rights in the criminal law category of property. Methods: the formal-logical method allows for the verification of digital rights based on three systemic characteristics of the object of theft and substantiates the conclusion about recognizing them as property in the criminal law sense. The legal-dogmatic method is used to conduct a systematic analysis of civil and criminal legislation norms, identify terminological discrepancies between branches of law, and justify the possibility of recognizing digital rights as objects of theft without amending the Criminal Code of the Russian Federation. The legal modeling method is employed to determine the moment of completion of digital rights theft, taking into account the technological features of their issuance and circulation based on smart contracts. Results:

нии момента окончания хищения цифровых прав с учетом технологических особенностей их выпуска и обращения на базе смарт-контрактов. Результаты: систематизированы экономические, правовые и технологические аспекты выпуска и обращения цифровых прав. Исследование подтверждает гипотезу, что цифровые права обладают всеми признаками предмета хищения. Ссылаясь на действующее законодательство, законотворческие инициативы и правоприменительную практику, автор последовательно обосновывает устойчивую тенденцию, состоящую в дистанцировании от вещного признака при квалификации хищения объектов гражданских прав, выпуск и обращение которых осуществляется в форме внесения записей в информационные системы.

Ключевые слова: цифровые права, предмет хищения, блокчейн, информационная система, имущество, доктрина, вещный признак

Для цитирования: Попова Е.М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения / Е.М. Попова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 207–216.

the article systematizes the economic, legal, and technological aspects of the issuance and circulation of digital rights. The study confirms the hypothesis that digital rights possess all the characteristics of an object of theft. Referencing current legislation, legislative initiatives, and law enforcement practice, the author consistently substantiates a stable trend of distancing from the tangible attribute when qualifying the theft of civil rights objects, the issuance and circulation of which are carried out in the form of entries in information systems.

Keywords: digital rights, object of theft, blockchain, information system, property, doctrine, tangible attribute

For citation: Popova E.M. Digital Rights as an Object of Theft: Debates in Criminal Law Doctrine and Their Resolution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 207–216. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые права как новый объект гражданского оборота появились сравнительно недавно, когда в 2019 г. ГК РФ претерпел ряд изменений. В соответствии с Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ст. 128 ГК РФ была дополнена цифровыми правами, а также введена новая статья 141.1, которая обеспечивает рамочную регламентацию порядка обращения цифровых прав. После вступления в законную силу Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в отечественное правовое поле были введены три вида цифровых прав: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Хотя на сегодняшний день

судебная практика, касающаяся привлечения к уголовной ответственности за хищение цифровых прав, отсутствует, представители уголовно-правовой доктрины проявляют высокий интерес к обсуждению вопроса о признании цифровых прав предметом корыстных преступлений против собственности.

Актуальность исследования проблемных вопросов квалификации преступных посягательств на новые цифровые объекты продиктована тем, что уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере оборота цифровых прав имеет социальную обусловленность. Потребность регулирования данной категории общественных отношений уголовно-правовыми средствами во многом объясняется тем, что рынок цифровых прав развивается стремительно и в ближайшей перспективе может стать объектом преступных посягательств.

О том, что российский рынок цифровых прав динамично развивается, свидетельствуют данные Банка России, согласно которым с 2022 по 2025 г. количество выпусков цифровых финансовых активов увеличилось

с 19 до 1321, среднегодовой темп роста объемов размещений составил 1100 %¹. В абсолютных величинах динамику рынка можно описать следующим образом: если в 2022 г. объем финансирования российских компаний посредством размещения цифровых финансовых активов не превышал 740 млн руб., то в 2025 г. более 972 млрд руб. было привлечено через информационные системы. Агрегированные официальные данные, раскрывающие информацию о тенденциях развития рынка утилитарных цифровых прав, не публикуются. Во многом это объясняется более скромными объемами по сравнению с рынком цифровых финансовых активов. Однако сам факт роста спроса на данный цифровой инструмент неоспорим. Например, в сентябре 2025 г. крупное сельскохозяйственное предприятие ООО «Мелькомбинат» осуществило выпуск утилитарных цифровых прав, обеспеченных поставкой пшеницы третьего класса.

Таким образом, на фоне увеличения инвестиционного спроса на цифровые права не вызывает сомнения значимость разработки аргументированных предложений, касающихся определения правового статуса цифровых прав в контексте отнесения их к предмету корыстных преступлений против собственности. Несмотря на то что уголовно-правовой доктриной вырабатываются соответствующие предложения, до сих пор не достигнут консенсус по вопросу обоснованности расширительного толкования предмета хищения и применения при квалификации посягательства на цифровые права традиционных составов хищения либо включения в УК РФ дополнительных составов преступлений, отвечающих требованиям цифровой реальности. Своевременное решение сложных вопросов квалификации преступных посягательств на цифровые права усилиями научного сообщества и обнародование позиции высших судебных инстанций в целях единообразного применения уголовного закона во многом облегчит решение правоприменителем задач в области охраны собственности и позволит гарантировать эффективную защиту прав и интересов владельцев цифровых прав.

¹ Рынок цифровых прав для привлечения финансирования субъектами МСП [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/171874/press_digital.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫПУСКА И ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Феномен цифровых прав представляет собой адекватную реакцию законодателя на токенизацию активов, которая становится неотъемлемым элементом бизнес-процессов в части финансирования инвестиций. Одним из главных аргументов в пользу все большего распространения цифровой инфраструктуры финансового посредничества выступает сокращение транзакционных издержек и повышение уровня безопасности обращения новых цифровых объектов благодаря технологии распределенных реестров (блокчейн). Банк России в своем обзоре основных трендов развития рынка цифровых прав указал, что расходы, связанные с организацией выпуска цифровых финансовых активов, в 28 раз ниже по сравнению с затратами на выпуск классических облигаций. Поскольку учет, выпуск и обращение цифровых активов осуществляется на базе блокчейна посредством реализации криптографических алгоритмов, значительно повышается безопасность транзакций.

Российский законодатель признал объектами гражданских прав только три вида токенов – инвестиционные и долевые, которым соответствуют цифровые финансовые активы, и служебные, которым соответствуют утилитарные цифровые права. Однако перечисленные токены будут иметь статус цифровых прав при условии, если их выпуск удовлетворяет требованиям информационных систем (инвестиционных платформ), операторы которых включены в реестр Банка России.

Для решения сложных вопросов квалификации преступных посягательств на цифровые права принципиальное значение имеет формирование у правоприменителя четкого понимания их экономической сущности. С точки зрения экономической природы цифровые права представляют собой инвестиционный продукт, поскольку основная цель эмитента – привлечение денежных средств для финансирования инвестиционных проектов, а основная цель владельца цифровых прав – получение в будущем прибыли или иного полезного эффекта, который в случае с утилитарными цифровыми права-

ми выражается в предоставлении товаров, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, оказании услуг или выполнении работ. Таким образом, цифровые права – это экономический актив, который есть не что иное, как право требования денежных средств или благ, предъявляемое к их эмитенту.

Исходя из изложенного можно сделать однозначный вывод, что появление в отечественном законодательстве института цифровых прав обусловлено не возникновением новой правовой сущности (это все те же традиционные права требования), а изменением механизма организации их выпуска и обращения. Именно применение технологии распределенных реестров качественно меняет процедуру выпуска, обращения и погашения прав требования, делая их «цифровыми». В связи с этим не совсем понятна позиция И.С. Мочалкиной, которая в своем диссертационном исследовании, раскрывая сущность цифровых прав, пишет, что «цифровое право призвано удостоверить какое-либо другое право» [1, с. 32]. Подобные формулировки способствуют ошибочному пониманию цифровых прав как некой оболочки, своего рода свидетельства для другого права в цифровом мире. Такой подход имеет своим следствием отождествление цифровых прав с документальными ценными бумагами, которые являются сертификатом, удостоверяющим право требования, что в корне неверно.

Подобного рода определения цифровых прав не являются беспочвенными. Хотя далее будет уделено внимание технологическим аспектам выпуска и обращения цифровых прав, считаем своевременным отметить, что по аналогии с эмиссионными ценными бумагами в рамках информационной системы публикуется решение о выпуске цифровых прав, в котором указывается их количество и объем требований в рублях, удостоверяемый одним цифровым финансовым активом. Буквальное толкование данного параметра может служить объяснением того, почему в доктрине цифровое право рассматривается как способ удостоверения другого права. Для того чтобы поставить точку в данном вопросе, аргументированно заявляя, что цифровые права – это не средство закрепления обязательственно-

го права, а непосредственно само обязательственное право, логично сослаться на ст. 141.1 и п. 2 ч. 1 ст. 142 ГК РФ. Согласно последней даже бездокументарные ценные бумаги, которые, как и цифровые права, не имеют материального носителя, определяются не как средство, удостоверяющее обязательственное и иное право, а как обязательственные или иные права, закрепленные в решении о выпуске.

Возвращаясь к последнему выводу, что в случае с цифровыми правами меняется форма, а не содержание, считаем целесообразным кратко описать технологию их выпуска, что будет способствовать формированию адекватного представления о том, почему стандартные для гражданского оборота права требования получили новый статус цифровых прав. Поскольку в настоящее время преобладающая доля отечественного рынка цифровых прав приходится на цифровые финансовые активы, предлагаем рассмотреть особенности выпуска цифровых прав на их примере.

Одно из базовых условий для осуществления выпуска, обращения и погашения цифровых финансовых активов – прохождение процедуры регистрации на информационной платформе (создание личного кабинета) и открытие цифрового кошелька. Для каждого вида цифрового финансового актива и соответствующей сделки с ним разрабатывается свой шаблон смарт-контракта, который применяется только в определенной информационной системе. После того как пользователь заполнит параметры, определенные шаблоном, в информационной системе сформируется готовый смарт-контракт, который в дальнейшем будет обеспечивать алгоритмизированное исполнение сделок без участия человека.

Предположим, некий инвестор планирует приобрести цифровые финансовые активы. Для этого через личный кабинет он создает заявку, которая трансформируется в транзакцию и передается под управление смарт-контракта. Данная транзакция сначала проходит валидацию на соответствие требованиям информационной системы и законодательства, и только после этого смарт-контракт запускает алгоритмизированные проверки на соответствие транзакции условиям выпуска цифровых прав. Если выпуск будет признан состоявшимся, смарт-контракт инициирует

зачисление на цифровой кошелек цифровых финансовых активов первым инвесторам. Таким образом, можно сформулировать следующие технологические особенности выпуска и обращения цифровых прав:

1) наличие специальной инфраструктуры – информационной системы (инвестиционной платформы);

2) автоматическое исполнение сделок на основе смарт-контрактов;

3) выпуск, учет и обращение цифровых прав осуществляется только посредством внесения записей в информационную систему, которая функционирует на базе блокчейна, поэтому вся информация хранится в специальных реестрах;

4) цифровые права, принадлежащие конкретному инвестору, отображаются в цифровом кошельке.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ВОПРОСУ ОТНЕСЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ К ПРЕДМЕТУ ХИЩЕНИЯ

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике укрепилась точка зрения, что предметом хищения может быть только имущество, обладающее вещным, а также совокупностью юридических и экономических признаков. Именно вещный признак оказался в центре научной полемики и стал наиболее дискуссионным. Он подразумевает, что похитить можно только материальный объект, или, как пишет С.М. Кочои, «телесное имущество» [2, с. 111]. Анализ научной литературы показал, что на сегодняшний день отсутствует единство мнений относительно признания цифровых прав предметом хищения, более того, высказываются полярные суждения. С.М. Кочои считает, что цифровые права, в силу своей «бестелесности», не могут быть признаны предметом общих составов преступлений против собственности [2, с. 111]. Его мнение разделяют В.В. Хилута и О.М. Иванова. Они полагают, что более уместным вариантом было бы отнесение имущественных прав к предмету иных корыстных имущественных посягательств, не являющихся хищением [3, с. 125; 4, с. 52]. А.В. Серебренникова, обозначая проблему недостаточной разработанности вопроса об от-

несении цифровых прав к предмету хищения, указывает, что нынешняя редакция составов хищения, где сохраняется разделение предмета преступлений против собственности на имущество (наличие физического признака) и право на имущество, делает невозможным признание цифровых прав предметом хищений, за исключением мошенничества. Проблема отнесения цифровых прав к предмету хищений может разрешиться, если законодатель откажется от разделения предмета хищений на имущество и права на имущество, в основе которого лежит вещный признак [5, с. 39].

Взгляды А.В. Серебренниковой на актуальную необходимость отказа от вещного признака как обязательного признака предмета хищения и изменение представления об исключительно материальной сущности предмета преступлений против собственности поддерживают П.С. Яни, Г.П. Новоселов, Н.А. Лопашенко, обосновывая это неизбежным ростом масштабов перевода экономических процессов в цифровое пространство [6, с. 32; 7, с. 136; 8, с. 62]. Противоположную точку зрения высказывает И.И. Евтушенко, согласно которому текущая редакция составов хищений допускает признание цифровых прав предметом хищения [9, с. 334]. Свою позицию автор объясняет тем, что законодателем уже создан прецедент, когда имущественные права были признаны предметом хищения. Речь идет о включении в ч. 3 ст. 158 УК РФ пункта «г». Согласно действующему законодательству безналичные и электронные денежные средства, наряду с вещами, являются предметом кражи. Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, уголовный закон не изобретает своего собственного определения имущества, а пользуется трактовкой, закрепленной в ст. 128 ГК РФ [8, с. 134]. Данная статья содержит перечень объектов гражданских прав, которые относятся к имущественным правам: безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

Исходя из изложенного следует вполне закономерный вывод: если безналичные денежные средства признаны предметом тайного хищения, то цифровые права, имея такой же легальный статус имущественных прав, должны признаваться предметом кражи по тем

же основаниям. Однако здесь встает вопрос о соблюдении принципа законности, в соответствии с которым применение уголовного закона по аналогии не допускается. На сегодняшний день в УК РФ сохраняется разделение предмета хищения на имущество (вещи) и имущественные права, исключение сделано только для безналичных и электронных денежных средств, которые прямо указаны в качестве предмета кражи.

Особый исследовательский интерес представляет обзор правоприменительной практики. Как было замечено, пока судебная практика привлечения к уголовной ответственности за хищение цифровых прав отсутствует, однако наработана достаточно обширная практика, связанная с хищением цифровой валюты, выпуск и обращение которой также осуществляются на базе блокчейна. В отличие от уголовно-правовой доктрины, судебная практика идет по пути расширительного толкования «чужого имущества» как предмета хищений, отдает приоритет экономическому признаку, не акцентируя внимания на вещном. В качестве примера можно привести определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 (приговор по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ)². Судебная коллегия сочла обоснованным признание цифровой валюты «иным имуществом», поскольку, несмотря на то что цифровая валюта как отдельный объект гражданского оборота в законе не поименована, общеизвестно, что она, как актив, представляет определенную имущественную ценность, возможен ее обмен на фиатные деньги или иные материальные блага в соответствии с правилами соответствующих онлайн-платформ. Признание цифровой валюты «иным имуществом» не противоречит ст. 128 ГК РФ, учитывая, что возможный перечень такого имущества не является закрытым.

И.С. Мочалкина последовательно рассуждает в следующем ключе: поскольку цифровые права не могут приниматься в качестве средства платежа, данный факт указывает на ограничение их оборотоспособности [1, с. 61].

Признать имущество, оборотоспособность которого ограничена, предметом преступлений против собственности невозможно, если у лица отсутствуют законные права на такое имущество. В связи с чем, если цифровые права были похищены у законного собственника, деяние автор предлагает квалифицировать по общим составам хищения, то есть объектом преступления будут отношения собственности (гл. 21 УК РФ). Если цифровые права были похищены у лица, которое их приобрело с нарушением требований законодательства, то в гл. 32 УК РФ следует ввести специальные составы хищения и вымогательства, то есть объектом преступного посягательства будет порядок управления. На наш взгляд, данная точка зрения имеет право на существование, однако идет вразрез с правоприменительной практикой и противоречит общей логике применения уголовно-правовых механизмов защиты общественных отношений.

Возвращаясь к вопросу об имуществе, ограниченном в гражданском обороте, целесообразно привести позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой законность приобретения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств лицом, у которого они были похищены, не является фактором, влияющим на квалификацию преступного деяния³. В любом случае, уголовная ответственность будет наступать по ст. 226 УК РФ, то есть объектом преступного посягательства будет общественная безопасность. Кроме того, как было указано ранее, цифровые права с экономической и юридической точек зрения не являются принципиально новым феноменом, а установленный запрет на их использование в качестве платежного средства не делает цифровые права имуществом, ограниченным в гражданском обороте, в том понимании, которое укоренилось в отечественном уголовном законодательстве.

Даже если лицо приобрело цифровые права в нарушение предусмотренного законодательством запрета на использование их в качестве средства платежа, а впоследствии

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 по делу № 77-1296/2023 (приговор по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

эти цифровые права были у него похищены, учитывая направленность умысла виновного на хищение чужого имущества, объектом преступного посягательства будут все же отношения собственности, а не порядок управления, как предлагает И.С. Мочалкина [1, с. 65].

В завершение обсуждения данного вопроса считаем уместным привести доводы, изложенные в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019⁴. Судебная коллегия указала, что наличие запрета на возможность оплачивать товары, работы и услуги цифровой валютой не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества. То есть, даже если цифровые права были приобретены в обход законодательных требований, они все равно остаются имуществом, следовательно, объектом преступления, состоящего в хищении незаконно приобретенных цифровых прав, будут отношения собственности.

Выводы и рекомендации

Анализ доктринальных позиций по вопросу отнесения цифровых прав к предмету хищения позволил установить, что камнем преткновения в достижении консенсуса в научном сообществе является вещный признак. Одни ученые выступают за сохранение вещного признака как приоритетного критерия отнесения имущества к предмету хищения и конструирование новых составов преступлений, предметом которых будут цифровые объекты. Другие обосновывают назревшую необходимость отказа от принятой в доктрине уголовного права трактовки имущества как вещи, обладающей физическими признаками, в том числе ссылаясь на правоприменительную практику, которая демонстрирует смещение центра тяжести с вещного признака на имущественный критерий. Достаточно распространенным доводом в пользу признания цифровых прав предметом преступлений против собственности является проведение аналогии с безналичными и электронными денежными средствами, хищение которых

образует квалифицированный состав преступлений, предусмотренных ст. 158 и 159.6 УК РФ. Аналогия, построенная на том, что цифровые права, наряду с безналичными денежными средствами, отнесены ГК РФ к иному имуществу, а точнее, к имущественным правам, представляется недостаточным аргументом. Требуются более весомые и теоретически зрелые обоснования, опирающиеся на экономические, правовые и технологические особенности выпуска и обращения цифровых прав.

Поскольку центральной задачей настоящего исследования является доктринальная проверка гипотезы о признании цифровых прав предметом хищения, далее предлагаем провести верификацию данного цифрового феномена по трем системообразующим признакам предмета хищения, выделяемым в теории уголовного права. Результатом такой проверки должна стать комплексная аргументация, легитимизирующая включение цифровых прав в уголовно-правовую категорию имущества. Резюмируя изложенное, можно сделать закономерный вывод, что для отнесения имущества в гражданско-правовом смысле к «чужому имуществу» (предмету хищения) в уголовно-правовом значении необходимо соблюдение трех критериев.

Первый критерий – вещный признак. Снова обращаясь к ст. 128 ГК РФ, становится очевидным, что термин «имущество» не сводится только к вещам, а охватывает также имущественные права, в том числе новые правовые сущности, которые функционируют на основе технологии распределенных реестров. Вещный признак предмета хищения выступает своего рода атавизмом экономической системы, где основным фактором производства был капитал, в то время как сегодня российская экономика развивается по пути цифровизации бизнес-процессов, когда все большую ценность приобретает такой экономический ресурс, как информация. В свою очередь, правовые институты, ключевая задача которых сводится к созданию прозрачных «правил игры», должны быть гибкими и подвергаться трансформации в соответствии с меняющимися экономическими условиями и новым технологическим укладом.

В данном контексте институты уголовного права не являются исключением. Обеспе-

⁴ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чивая уголовно-правовую охрану наиболее важных сфер общественных отношений, данная отрасль законодательства должна быть особенно чувствительной к меняющимся реалиям общественной жизни и своевременно реагировать внесением поправок в действующие правовые нормы. В этой связи принятие Государственной Думой РФ во втором чтении законопроекта «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», согласно которому цифровая валюта признается имуществом, следует расценивать как уверенный шаг в направлении размывания традиционной демаркационной линии между имуществом и имущественными правами как предметом хищения и унификации объемов понятия «имущество» в уголовно-правовом и гражданско-правовом значениях⁵.

Стоит обратить внимание на два ключевых аспекта упомянутого проекта федерального закона. Во-первых, использование законодателем для определения правового статуса цифровой валюты юридического термина «имущество», а не «право на имущество» или «иное имущество», к которому относилась цифровая валюта в рамках вынесенных приговоров. Во-вторых, согласно законопроекту цифровая валюта, в отличие от безналичных и электронных денежных средств, не подвергается криминализации в качестве предмета хищения в рамках отдельных составов преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Это значит, что в случае кражи цифровой валюты данное деяние будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 158 УК РФ при отсутствии квалифицирующих признаков, так как п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ содержит закрытый перечень объектов, которые выступают предметом хищения.

Таким образом, формируются легальные основания для квалификации хищения цифровой валюты как кражи, грабежа или разбоя, что свидетельствует о расширении понятия «чужое имущество» за рамки классического вещного признака. А.В. Грошев и А.В. Шульга,

обосновывая признание бездокументарных ценных бумаг предметом хищения, в качестве главного аргумента своей позиции приводят тот факт, что даже в случае кражи документарных ценных бумаг предметом хищения будет не лист бумаги (вещь), а имущественное право, удостоверяемое этим материальным носителем [10, с. 3]. Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что цифровые права следует признать предметом общих составов хищений, предусмотренных УК РФ, без необходимости конструирования новых составов преступлений.

Второй признак предмета хищения – экономический, подразумевающий наличие стоимости. Согласно ст. 3 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ решение о выпуске цифровых финансовых активов должно содержать цену приобретения или порядок ее определения, или количество вещей, или стоимость имущественных прав, которые необходимо передать для приобретения цифровых финансовых активов. Аналогично, если обратиться к содержанию ст. 13 Федерального закона от 2 августа 2020 г. № 259-ФЗ, инвестирование с использованием инвестиционной платформы может осуществляться только безналичными денежными средствами, из чего прямо следует, что утилитарные цифровые права имеют денежный эквивалент.

Третий признак предмета хищения – юридический. Смысл его заключается в наличии у предмета хищения собственника или иного владельца и отсутствии у виновного прав на имущество. Особенность выпуска и обращения цифровых прав состоит в том, что они не существуют вне привязки к конкретному собственнику. Согласно требованиям информационных систем (инвестиционных платформ), включенных в реестр Банка России, выпуск цифровых прав считается состоявшимся, если достигнут минимальный объем денежных средств, предусмотренный решением о выпуске. Например, при первичном размещении денежные средства потенциального обладателя цифровых финансовых активов изначально поступают на номинальный счет оператора информационной системы и только после достижения заявленного минимума планируемых к привлечению денежных средств выпуск считается состояв-

⁵ О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : законопроект № 902782-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8> (дата обращения: 20.12.2025).

шимся и цифровые финансовые активы будут отображаться в электронном кошельке конкретного лица. Поскольку выпуск и обращение цифровых прав осуществляется в виде записей способами, установленными правилами информационной системы, право собственности на цифровые финансовые активы подтверждается посредством включения лица в реестр пользователей информационной системы как обладателя цифровых финансовых активов. Таким образом, инфраструктура, обслуживающая оборот цифровых прав, обеспечивает прозрачные механизмы для идентификации их владельца.

В заключение рассмотрим такой принципиальный вопрос, как определение момента окончания преступления, состоящего в хищении цифровых прав. Учитывая позицию Верховного Суда РФ, сформулированную в п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, согласно которой хищение безналичных и электронных денежных средств считается оконченным с момента их изъятия с банковского счета или электронного кошелька, можно сделать вывод, что в отношении объектов гражданских прав, существующих в виде записей, наблюдается дистанцирование от концепции «реальной возможности рас-

порядиться похищенным»⁶. Такое толкование момента окончания преступления применимо, когда предметом хищения выступают цифровые права, которые учитываются в информационной системе в виде записей. Однако в случае с хищением цифровых прав есть нюансы, обусловленные технологическими особенностями организации их выпуска и обращения, в том числе перехода права собственности. Предположим, что злоумышленник получил доступ к личному кабинету и цифровому кошельку потерпевшего и тайно совершил сделку по смене обладателя цифровых финансовых активов. Сделки в информационной системе исполняются на основе смарт-контрактов, обеспечивающих алгоритмизированную проверку зарегистрированных транзакций. Поскольку переход цифровых финансовых активов считается состоявшимся с момента внесения записи в информационную систему в виде уникального идентификатора после валидации сделки, следовательно, хищение цифровых прав считается оконченным с момента внесения такой записи, что одновременно отображается в личном кабинете пользователя сменой статуса сделки на «операция исполнена».

6 О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / И.С. Мочалкина. – Москва, 2022. – 240 с.
2. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества / С.М. Кочои // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 6. – С. 108–117.
3. Хиллута В.В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Хиллута. – Минск, 2021. – 595 с.
4. Иванова О.М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.М. Иванова. – Самара, 2020. – 319 с.
5. Серебренникова А.В. Специфика цифровых прав как предмета преступления / А.В. Серебренникова // Colloquium-journal. – 2021. – № 20 (107). – С. 38–40.

REFERENCES

1. Mochalkina I.S. Digital Rights and Digital Currency as a Subject of Economic Crimes. *Cand. Diss.* Moscow, 2022. 240 p.
2. Kochoi S.M. The Doctrine and Legal Positions Developed by the Courts in Theft of Someone's Property Cases. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 6, pp. 108–117. (In Russian).
3. Khilyuta V.V. Crimes against the Circulation of Civil Rights Objects: Conceptual and Theoretical Foundations of Modeling. *Doct. Diss.* Minsk, 2021. 595 p.
4. Ivanova O.M. Theft of Another's Property as a Criminal Law Category. *Cand. Diss.* Samara, 2020. 319 p.
5. Serebrennikova A.V. Specificity of Digital Rights as a Subject of Crime. *Colloquium-journal*, 2021, no. 20 (107), pp. 38–40. (In Russian).
6. Yani P.S. E-payment Fraud. *Zakonnost*, 2019, no. 4, pp. 30–35. (In Russian).

6. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П.С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30–35.

7. Новоселов Г.П. Концепции предмета преступления в отечественной уголовно-правовой науке / Г.П. Новоселов // Актуальные проблемы философии и права : сборник трудов ученых РГППУ. – 2007. – № 1. – С. 134–144 [Электронный ресурс]. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/11469/1/apfp_2007_014.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

8. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. III. Формы хищения : монография / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 264 с.

9. Евтушенко И.И. Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация / И.И. Евтушенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 1. – С. 330–341.

10. Грошев А.В. Бездокументарные ценные бумаги как предмет хищения / А.В. Грошев, А.В. Шульга // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 113. – С. 1–14 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezdokumentarnye-tsennye-bumagi-kak-predmet-hischniya-1> (дата обращения: 12.01.2026).

7. Novoselov G.P. Concepts of the Subject of a Crime in National Criminal Law Science. *Actual Problems of Philosophy and Law. Collection of Works by Scientists of the Russian State Professional Pedagogical University*, 2007, no. 1, pp. 134–144. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/11469/1/apfp_2007_014.pdf.

8. Lopashenko N.A. Crimes against Property. Author's Course. Book 3. Forms of Theft. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 264 p.

9. Evtushenko I.I. Issues of Differentiation of Related Structures of Stealings of Property Rights and Their Qualification. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 330–341. (In Russian).

10. Groshev A.V., Shulga A.V. Uncertificated Securities as a Subject of Theft. *Scientific Journal of KubSAU*, 2015, no. 113, pp. 1–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezdokumentarnye-tsennye-bumagi-kak-predmet-hischniya-1>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgenia Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 18.03.2026. The article was submitted 14.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 347.44
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24

Original article

АЛИМГАФАРОВА Алина Ришатовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
alimgafarova94@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9743-6235>

ALIMGAFAROVA Alina Rishatovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ БАНКРОТНЫХ РИСКОВ

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW CONTRACT REGULATION OF ENTREPRENEURIAL
RELATIONS UNDER THE INFLUENCE OF BANKRUPTCY RISKS

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом количества дел о банкротстве и формированием в 2025–2026 гг. новых подходов Верховного Суда РФ, которые качественно меняют правовую среду для участников предпринимательских отношений. Более того, недавно высшей судебной инстанцией был закреплён институт субординации требований аффилированных кредиторов, что имеет принципиальное значение для гражданско-правового договорного регулирования. Цель: изучение современного состояния гражданско-правового договорного регулирования в условиях возрастающего количества банкротных рисков и обстоятельств, влияющих на его трансформацию. Методы: с использованием системного и формально-логического методов проведено исследование материалов судебной практики, на основании которых при помощи метода обобщения сделаны соответствующие выводы и сформулированы практические рекомендации; с помощью догматического метода изучена природа гражданско-правового договора, гражданско-правового договорного регулирования и выявлены его особенности; с использованием метода юридического прогнозирования определены тенденции и перспективы дальнейшего развития судебной практики, складывающейся в области гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений. Результаты: на основе проведенного исследования пределов свободы договора в предпринимательских правоотно-

Abstract. The relevance of the research is determined by a significant increase in the number of bankruptcy cases and the formation of new approaches by the Supreme Court of the Russian Federation in 2025–2026, which fundamentally alter the legal environment for participants in entrepreneurial relations. Furthermore, the higher judicial authority has recently established the institute of subordination of claims by affiliated creditors, which holds critical significance for civil law contractual regulation. Purpose: to study the current state of civil law contractual regulation in the context of an increasing number of bankruptcy risks and the circumstances influencing its transformation. Methods: utilizing systematic and formal-logical methods, an examination of judicial practice materials is conducted, based on which relevant conclusions are drawn and practical recommendations are formulated using the method of generalization. The nature of civil law contracts and civil law contractual regulation is analyzed using the dogmatic method, revealing its characteristics. Additionally, employing the legal forecasting method, trends and prospects for the further development of judicial practice in the field of civil law contractual regulation of entrepreneurial relations are identified. Results: based on the conducted research on the limits of contractual freedom within entrepreneurial legal relations amid the risk of potential bankruptcy of the counterparty, this article formulates practical

шениях в условиях риска потенциального банкротства контрагента сформулированы практические рекомендации по минимизации рисков оспаривания договоров на каждом этапе договорного процесса.

Ключевые слова: гражданско-правовое договорное регулирование, свобода договора, банкротство, оспаривание сделок, аффилированность, предпочтение, повышенный стандарт доказывания, субординация требований

Для цитирования: Алимгафарова А.Р. Трансформация гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений под влиянием банкротных рисков / А.Р. Алимгафарова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 217–225.

recommendations aimed at minimizing the risks of contesting contracts at each stage of the contractual process.

Keywords: civil law contractual regulation, freedom of contract, bankruptcy, contesting transactions, affiliation, preference, increased standard of proof, subordination of claims

For citation: Alimgafarova A.R. Transformation of Civil Law Contract Regulation of Entrepreneurial Relations under the Influence of Bankruptcy Risks. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 217–225. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24.

ВВЕДЕНИЕ

Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, традиционно рассматривается как фундаментальная основа гражданского оборота. При этом свое максимальное воплощение он находит именно в предпринимательской практике, где субъекты обладают наиболее широкой свободой усмотрения при регламентации собственных отношений.

Очевидно, что договоры, особенно в предпринимательском секторе, не просто фиксируют условия, предписанные императивными или диспозитивными нормами ГК РФ. Они позволяют сторонам самостоятельно выстраивать алгоритм исполнения обязательств, конструировать индивидуальные правовые установления («микронормы») [1, с. 55], призванные упорядочить конкретное правоотношение между контрагентами. Данный процесс охватывается категорией «гражданско-правовое договорное регулирование», под которым понимается разновидность правового регулирования, реализуемого субъектами гражданского оборота посредством заключаемых ими соглашений. Этот феномен в доктрине часто идентифицируется как децентрализованное (автономное, частное) правовое регулирование [2, с. 21].

Если раньше стороны воспринимали свободу договора как возможность максимально самостоятельно выстраивать взаимоотношения в рамках законодательных предписаний (с учетом императивных норм, публичных

интересов, прав третьих лиц и слабой стороны), то сегодня аналогичный подход в предпринимательской сфере может обернуться серьезными рисками.

Развитие института банкротства и формирование обширной судебной практики оспаривания сделок должника существенно трансформируют условия реализации договорной свободы. Гражданско-правовой договор, прежде выступавший наиболее действенным инструментом ведения бизнеса, позволяющим субъектам самостоятельно упорядочивать взаимоотношения, фиксировать существенные условия и определять порядок взаимодействия, приобретает «опасный» характер. Это связано с тем, что его последующий судебный анализ в рамках банкротства контрагента нередко влечет недействительность совершенной сделки.

В настоящее время предприниматель, вступая в договорные отношения, уже на стадии подготовки текста соглашения обязан учитывать вероятность банкротства своего партнера. Игнорирование этого обстоятельства может свести на нет самостоятельно согласованные условия, поскольку в рамках банкротного дела интерпретация договора судом и иными участниками (в частности, кредиторами) претерпевает существенную трансформацию: оценке подвергается не столько реализация сторонами принципа свободы договора, сколько возможная аффилированность участников, их предполагаемый умысел на вывод активов, отклонение условий сделки

от рыночных стандартов и иные обстоятельства, которые в обычной хозяйственной жизни регулируются по усмотрению сторон.

Таким образом, субъект предпринимательства на начальном этапе инициирования договорных связей, принимая во внимание риски ухудшения имущественного положения контрагента, обязан соблюдать дополнительные ограничения свободы договора, как содержательные, так и процедурные.

Аффилированность как ключевой фактор повышенного риска в гражданско-правовом договорном регулировании предпринимательских отношений

Одним из существенных факторов, влияющих на гражданско-правовое договорное регулирование предпринимательских отношений, является подход судов к установлению аффилированности сторон.

Как показывает анализ судебной практики за 2025 г., суды все чаще применяют доктрину «снятия корпоративной вуали», позволяющую признавать лиц аффилированными в отсутствие формальной юридической связи. Данная доктрина, заимствованная из англо-американского права, рассматривается в российском правопорядке как исключительный механизм преодоления принципа ограниченной ответственности юридическое лица в случаях злоупотребления корпоративной формой [3, с. 44].

В этой связи особую значимость приобретают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении № 41¹, которое существенно расширяет традиционное понимание аффилированности как связанности, основанной на формальных критериях (участие в капитале, родственные связи, наличие единого исполнительного органа), переходя к пониманию под ней фактической связанности.

В практике арбитражных судов сложился подход, согласно которому для установления аффилированности достаточно доказать наличие общих экономических интересов, скоординированность действий или подконтрольность единому центру принятия реше-

ний. При этом Верховный Суд неоднократно указывал, что общность экономических интересов может подтверждаться не только юридическими, но и фактическими обстоятельствами, включая заключение сделок на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка, а также данными из открытых источников и мессенджеров².

В настоящее время сформировалась устойчивая судебная практика, направленная на защиту интересов общества как самостоятельного субъекта права, что выразилось в переходе к глубокому, содержательному анализу экономической сущности оспариваемых сделок, мотивов поведения сторон и реальных последствий³.

Существенное значение для гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений имеет и институт субординации (понижения очередности) требований контролирующих должника лиц и аффилированных с ними кредиторов, которые к тому же лишаются права голоса на собрании кредиторов, не могут оспаривать сделки по банкротным основаниям и требовать привлечения иных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Данный подход находит отражение в обобщениях судебной практики, согласно которым заинтересованность лица не является самостоятельным основанием для понижения очередности, однако требование лица, контролирующего должника, подлежит удовлетворению после иных кредиторов, если оно основано на договоре, исполнение по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса⁴. Для участников предпринимательских отношений это означает, что при структурировании договорных связей с аффилированными лицами необходимо осознавать: даже формально корректно оформленные договоры могут быть поставлены под сомнение, а требования по ним – субордини-

² Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Аналитические материалы VEGAS LEX. Судебная практика по корпоративным спорам: тенденции 2025 года. М., 2025.

⁴ Обзор судебной практики Двенадцатого арбитражного апелляционного суда по вопросам установления в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 01.08.2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рованы, если суд установит, что предоставленное финансирование по своей природе являлось компенсационным (направленным на покрытие убытков должника).

Помимо возможной субординации требования, в делах с участием аффилированных лиц активно применяется повышенный стандарт доказывания реальности правоотношений. С одной стороны, суды применяют его к сделкам с аффилированными лицами, требуя от них представления исчерпывающих доказательств реальности правоотношений; с другой – принцип состязательности не позволяет суду принимать на себя выполнение процессуальных функций сторон.

Как разъяснил Верховный Суд, повышенный стандарт доказывания применим в случае аффилированности сторон или невозможности кредитора собрать доказательства. При этом суд не вправе ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, а бремя опровержения доводов о реальности отношений возлагается на аффилированное лицо. Для участников оборота это означает, что при совершении сделок с аффилированными лицами необходимо обеспечить максимально полное документальное подтверждение всех этапов исполнения, включая первичную документацию, акты сверки, переписку сторон. В противном случае даже реально существующее обязательство может быть признано недоказанным.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОСПАРИВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Одним из наиболее существенных рисков для участников предпринимательских отношений является оспаривание платежей, совершенных в период подозрительности, по правилам ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)⁵. Указанная норма закрепляет специальный состав недействительности сделок, совершенных с предпочтением, и выступает важнейшим инструментом обеспечения равенства кредиторов в процедурах банкротства.

⁵ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2025 г. закреплены принципиально важные подходы к решению данного вопроса⁶, способствующие единообразному применению ст. 61.3 Закона о банкротстве. Верховный Суд указал, что оспаривание действий конкурсного управляющего подчиняется не общим нормам ГК РФ, а специальному режиму ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Как справедливо отмечается в доктрине, специальные основания оспаривания сделок в банкротстве имеют приоритет перед общими гражданско-правовыми основаниями, что обусловлено публично-правовой целью процедур несостоятельности – соразмерным удовлетворением требований всех кредиторов [4]. На наш взгляд, это вполне логично и соответствует общему принципу правового регулирования, при котором специальные нормы, регулирующие те или иные отношения, должны иметь приоритет над общими.

Анализируя упомянутое выше определение Верховного Суда, можно сделать вывод, что ситуации, когда один кредитор получил удовлетворение от должника, а другой – нет, уже достаточно, чтобы квалифицировать подобные действия должника по ст. 61.3 Закона о банкротстве. К такому же выводу ранее пришел и Высший Арбитражный Суд РФ, а именно что для признания сделки недействительной по данному основанию достаточно установления любого из условий, свидетельствующих об оказании предпочтения⁷.

В целом в материалах судебной практики предпочтение, как правило, усматривается в двух типичных ситуациях: когда сделка была направлена на обеспечение старого долга перед отдельным кредитором, когда она уже привела (или могла привести) к изменению очередности погашения требований.

По нашему мнению, особый интерес в контексте квалификации предпочтения представляет один из выводов Верховного Суда в вышеуказанном определении, касающийся

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.09.2025 № 305-ЭС18-18386 (8, 9) по делу № А40-239363/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

непринятия расписки о возврате в качестве способа легитимации платежа. Суд подчеркнул, что подобное формальное условие о расписке не только не снимает вопроса о предпочтении, но и дополнительно выдает осведомленность получателя о сомнительности такого платежа. Мы согласны с указанной позицией. Действительно, если есть реальное предпочтение, то любое документальное оформление обязательства теряет смысл. Оно не должно становиться основанием для отказа в иске, иначе принцип пропорциональности при удовлетворении требований кредиторов превратится в фикцию⁸.

Для предпринимательского сообщества данное решение – важный сигнал о том, что прием денег в обход других кредиторов, даже подкрепленный распиской, всегда сопряжен с серьезными рисками. В настоящее время акцент в подобных спорах окончательно сместился в сторону доказывания того, знал ли контрагент о нарушении очередности. Причем законодатель презюмирует, что заинтересованные лица по умолчанию информированы о неплатежеспособности должника, пока не докажут обратное.

Таким образом, эволюция судебных подходов и обновление нормативной базы привели к появлению качественно иного механизма защиты прав кредиторов. Перед нами уже не разрозненные правила, а комплексная система, позволяющая эффективно противодействовать выводу активов и преимущественному удовлетворению требований избранных кредиторов в ущерб остальным участникам дела о банкротстве⁹. Однако, на наш взгляд, последний тезис нуждается в уточнении, особенно в части стандарта поведения добросовестных участников оборота. В литературе и судебной практике последних лет активно обсуждается вопрос, насколько глубокой должна быть проверка контрагента, чтобы впоследствии не попасть под механизмы оспаривания сделок в банкротстве. Четкого и точного ответа на него по-прежнему нет.

⁸ Энциклопедия решений. Оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами (октябрь 2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики по вопросам оспаривания сделок в процедурах банкротства (подготовлен по материалам дел, рассмотренных в 2025 году) // Арбитражные споры. 2026. № 1. С. 45.

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ КАК НОВЫЙ СТАНДАРТ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОТА

Современная судебная практика по оспариванию сделок в банкротстве существенно поменяла «правила игры». Под ее влиянием требования к осмотрительности предпринимателей как при выборе контрагента, так и на стадии заключения договора стали иными. На это давно обратили внимание исследователи, указав, что изменение подхода к понятию «осмотрительность» стала объективной необходимостью, поскольку судам нужно как-то бороться с многочисленными злоупотреблениями со стороны участников гражданского оборота. Однако чем жестче требования, тем острее дискуссия о пределах этой самой должной осмотрительности. Где та грань, за которой проверка контрагента превращается в неисполнимое бремя для обычного участника оборота?

Содержательно стандарт осмотрительности тоже существенно изменился. Раньше под ним, как правило, понимали лишь необходимость соблюсти ряд формальных требований, таких как проверка контрагента в Федеральном реестре сведений о банкротстве, проверка лицензий и т. п.¹⁰ В настоящее время высшие судебные инстанции все чаще дают понять: поверхностная проверка – это не осмотрительность, а ее имитация.

Современная судебная практика требует более глубокого анализа.

В доктрине обоснованно отмечается, что стандарт должной осмотрительности представляет собой объективированную меру поведения, ожидаемую от добросовестного участника оборота, и не ограничивается формальным подтверждением правоспособности контрагента. В настоящее время суды все чаще обращают внимание на наличие у контрагента необходимого штата сотрудников и материально-технической базы для исполнения обязательств, продолжительность опыта работы на рынке, отсутствие признаков фирмы-однодневки (массовый руководитель, массовый учредитель, отсутствие отчетности), экономическую целесообразность сделки и ее связь с основной деятель-

¹⁰ Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 / под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2026. С. 87–88.

ностью сторон¹¹. Высшие судебные инстанции неоднократно подчеркивали, что проявление должной осмотрительности предполагает не только проверку регистрационных данных контрагента, но и оценку его деловой репутации, платежеспособности, ресурсов для исполнения обязательств. Недостаточная осмотрительность при выборе контрагента может повлечь серьезные негативные последствия даже в отсутствие формальных признаков недобросовестности.

Как отмечается в аналитических материалах, налоговые органы при отсутствии должной осмотрительности могут оценивать действия самого субъекта предпринимательской деятельности как направленные на получение необоснованной налоговой выгоды, а деятельность контрагентов, не отвечающих установленным критериям, – как фирмы-однодневки, что влечет доначисление налогов и применение налоговых санкций. Данный подход корреспондирует с правовой позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой представление налогоплательщиком в налоговый орган всех надлежащим образом оформленных документов, предусмотренных законодательством, не является безусловным основанием для получения налоговой выгоды, если налоговым органом доказано, что сведения, содержащиеся в этих документах, неполны, недостоверны и (или) противоречивы¹².

В банкротных спорах недостаточная осмотрительность может быть использована для доказывания осведомленности контрагента о признаках неплатежеспособности должника, что является необходимым элементом для оспаривания сделки по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (сделка с целью причинения вреда).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, для признания сделки недействительной по данному основанию необходимо доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ущемлении интересов

кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При этом, как справедливо отмечается в судебной практике, если контрагент при заключении сделки не проявил должной осмотрительности, которая от него требовалась по условиям оборота, это может свидетельствовать о его осведомленности о финансовом состоянии должника.

Формирование судебной практики, требующей от участников оборота повышенной осмотрительности, вступает в определенное противоречие с принципом свободы договора.

В доктрине гражданского права традиционно подчеркивается, что принцип свободы договора, при всей его значимости, не является абсолютным. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, свобода договора, подразумевая, что стороны действуют по отношению друг к другу на началах равенства и автономии воли и определяют условия договора самостоятельно в своих интересах, не означает, что при его заключении они могут действовать и осуществлять права по своему усмотрению, без учета прав других лиц (своих контрагентов), а также ограничений, установленных Кодексом и другими законами [5, с. 217].

Данная позиция корреспондирует с легально закрепленным в ст. 421 ГК РФ понятием свободы договора, которая, предоставляя сторонам широкие возможности, одновременно ограничивает их пределами, установленными законом, и необходимостью защиты прав третьих лиц.

Однако, как показывает анализ судебной практики последних лет, в условиях банкротства контрагента указанные ограничения приобретают качественно иной характер. Они выходят за рамки явно установленных законом запретов. Стороны фактически вынуждены учитывать не только императивные нормы, но и правовые позиции судов, формирующие новые, зачастую оценочные, пределы договорной свободы. В этой связи обоснованной представляется позиция В.А. Белова, который обращает внимание на негативные последствия такого подхода. По его мнению, «размывание» формальных критериев должной осмотрительности и их замена оценочными категориями создает правовую неопределенность для участников оборота, затрудняет прогнозирование правовых последствий сде-

11 Аналитические материалы: должная осмотрительность как критерий добросовестности налогоплательщика // Налоговые споры: теория и практика. 2025. № 3. С. 23–30.

12 Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лок и может вступать в противоречие с принципом правовой определенности [6, с. 51].

В контексте банкротных рисков данная проблема усугубляется тем, что добросовестный участник, формально соблюдавший все требования закона, может столкнуться с оспариванием сделки по мотивам, которые не были очевидны на момент ее заключения.

Таким образом, стандарт должной осмотрительности в современном российском праве трансформируется из формальной проверки регистрационных данных в комплексную оценку экономической целесообразности сделки и реальной способности контрагента исполнить принятые обязательства. Данная тенденция, с одной стороны, способствует повышению стабильности гражданского оборота и защите прав кредиторов, а с другой – требует выработки сбалансированных подходов, обеспечивающих разумный баланс между необходимостью противодействия злоупотреблениям и сохранением принципа свободы договора.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

На основе анализа судебной практики можно сформулировать следующие рекомендации для участников предпринимательских отношений, направленные на минимизацию рисков, связанных с возможным банкротством контрагента и последующим оспариванием совершенных сделок.

1. На стадии заключения договора от участника оборота сегодня требуется не просто поверхностная проверка контрагента (его регистрационных данных). Нужно оценивать его деловую репутацию, а главное – есть ли у него реальные ресурсы для исполнения. Иначе вся осмотрительность превращается в фикцию.

Важно прямо фиксировать экономическую цель сделки в договоре и сопутствующих документах, показывая связь с хозяйственной деятельностью сторон, поскольку отсутствие четкой фиксации экономического смысла позже может быть истолковано против той стороны, которая ссылается на свою добросовестность. И суды, надо признать, в таких случаях часто встают на сторону, оспаривающую сделку.

Для подтверждения рыночности цены следует заказывать независимую оценку предмета. Однако, как неоднократно подчеркивалось в судебной практике, одного лишь расхождения с рыночной ценой недостаточно для признания сделки недействительной. Суд обязан исследовать весь контекст: техническое состояние объекта, его функциональные характеристики, а лучше – дать несколько независимых оценок. Иными словами, сторона, заинтересованная в сохранении сделки, должна заранее позаботиться о доказательствах обоснованности цены с учетом всех значимых характеристик предмета договора. Иначе потом будет поздно.

Наконец, для подтверждения реальности правоотношений, особенно в сделках между аффилированными лицами, необходимы не просто документы, а их исчерпывающая совокупность: акты приема-передачи, товарные накладные, акты сверки, переписка сторон. На наш взгляд, это объективно необходимо, поскольку в таких спорах применяется повышенный стандарт доказывания.

2. В процессе исполнения договора логика меняется не кардинально, но акценты смещаются.

Во-первых, встречное исполнение необходимо фиксировать документально. Если вы получаете платеж от контрагента, у которого уже есть признаки финансовых затруднений, стоит позаботиться, чтобы в материалах дела были обстоятельства, позволяющие отнести сделку к обычной хозяйственной деятельности (систематичность, соответствие обычным условиям оборота и др.). Без этого в дальнейшем может быть сложно доказать, что в такой ситуации не было предпочтения.

Во-вторых, осведомленность о неплатежеспособности: при получении платежей от проблемного контрагента необходимо четко понимать риск последующего оспаривания.

В-третьих, следует избегать предпочтения, так как в период подозрительности платежей все равно может быть квалифицирован как предпочтительный при условии, что у должника имелись иные неисполненные обязательства перед другими кредиторами.

3. Когда спор о признании сделки недействительной уже возник, сторонам стоит активно использовать исключения, предусмотренные ст. 61.4 Закона о банкротстве. Речь идет о совершении сделки в процессе обычной

хозяйственной деятельности или о получении равноценного встречного исполнения. Однако, как справедливо отмечено в судебной практике, суды могут отказать в применении этого исключения, если аналогичных сделок у должника не было, а приобретение товаров носило разовый характер. Иными словами, ссылаться на «обычную хозяйственную деятельность» можно только тогда, когда есть доказательства систематичности и типичности соответствующих операций именно для этого должника. Абстрактные ссылки здесь не работают.

В спорах о признании сделки недействительной ключевой вопрос – знал ли контрагент о признаках неплатежеспособности должника. Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял: осведомленность может быть установлена через аффилированность сторон или иные обстоятельства, из которых следует, что контрагент знал или должен был знать о финансовых проблемах. При этом важно подчеркнуть, что ключевое значение имеет реальная рыночная стоимость объекта именно на дату совершения сделки с учетом всех значимых характеристик, включая техническое состояние. Следовательно, сторона, отстаивающая действительность сделки, обязана располагать доказательствами обоснованности цены применительно к конкретному объекту и моменту его отчуждения.

Особого внимания заслуживают экспертные заключения. В делах об оспаривании сделок по мотиву неравноценности встречного предоставления заключение эксперта – важнейшее, но не единственное доказательство. Как верно отмечается [7], целесообразно привлекать независимых экспертов для подтверждения рыночности цены и условий сделки. Однако заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, суд оценивает его наряду с другими доказательствами.

Верховный Суд РФ в этой связи указывает: суды должны принимать только те отчеты об оценке, которые построены на прозрачной методологии и актуальных рыночных данных. Если ответчик последовательно указывает на критические ошибки эксперта (скажем, выбор ненадлежащих объектов-аналогов), суды обязаны эти доводы оценить. Нельзя ограничиваться немотивированным принятием экспертного заключения. И если сомнения обо-

снованны – повторная экспертиза не просто право, а, по сути, обязанность суда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт банкротства оказывает существенное влияние на гражданско-правовое договорное регулирование предпринимательских отношений, формируя новые пределы свободы договора. Судебная практика за 2025–2026 гг. демонстрирует тенденцию к сбалансированному подходу: с одной стороны, суды усиливают контроль за сделками, совершаемыми в период подозрительности, особенно с аффилированными лицами, с другой – формируют механизмы защиты добросовестных контрагентов, полагавшихся на формально соблюденные процедуры и получивших равноценное встречное исполнение. Для участников предпринимательских отношений это означает необходимость пересмотра существующих подходов к договорному регулированию. Свобода договора существенно ограничена рисками последующего оспаривания в случае банкротства контрагента.

В то же время формирующиеся подходы Верховного Суда РФ не направлены на полное отрицание свободы договора, а, наоборот, ориентированы на защиту добросовестных участников оборота и создание условий для справедливого распределения конкурсной массы. Совершенно верно отмечается в судебной практике: добросовестный участник, действовавший открыто и разумно, полагавшийся на формально соблюденные процедуры и получивший равноценное встречное исполнение, заслуживает защиты.

Дальнейшее развитие судебной практики, вероятно, будет направлено на уточнение критериев отнесения сделок к обычной хозяйственной деятельности, поиск баланса между защитой прав кредиторов и стабильностью гражданского оборота. Формирующиеся подходы позволяют прогнозировать, что участники оборота, действующие с должной степенью осмотрительности и обеспечивающие документальное подтверждение реальности и экономической целесообразности сделок, будут получать судебную защиту даже в условиях банкротства контрагента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанина Т.В. Соотношение централизованного и децентрализованного регулирования / Т.В. Кашанина // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 54–64.
2. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург, 2008. – 43 с.
3. Артемова А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» и концепция бенефициарной собственности: перспективы применения в России / А.Н. Артемова // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 43–46.
4. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие / В.Ф. Попондопуло. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2025. – 416 с.
5. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2024. – 460 с.
6. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В.А. Белов // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 49–52.
7. Зеленая У. Продавец банкрот. Вашу квартиру могут отобрать через 3 года после покупки / У. Зеленая // Жилищное право. – 2024. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимгафарова Алина Ришатовна – старший преподаватель кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alimgafarova Alina Rishatovna – Senior Lecturer of the Department of Civil Law at the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 14.04.2026. The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 14.04.2026.

REFERENCES

1. Kashanina T.V. The Relationship between Centralized and Decentralized Regulation. *Jurisprudence*, 1991, no. 4, pp. 54–64. (In Russian).
2. Kazantsev M.F. The Concept of Civil Law Contractual Regulation. *Doct. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2008. 43 p.
3. Artemova A.N. The “Piercing the Corporate Veil” Doctrine v. the Beneficial Ownership Concept: Perspectives of Application in Russia. *Civil Law*, 2018, no. 1, pp. 43–46. (In Russian).
4. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal Regulation. 3rd ed. Moscow, Prospect Publ., 2025. 416 p.
5. Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. Moscow, Statut Publ., 2024. 460 p.
6. Belov V.A. Good Faith, Reasonability, and Justice as Principles of Civil Law. *Legislation*, 1998, no. 8, pp. 49–52. (In Russian).
7. Zelenaya U. The Seller is Bankrupt. Your Apartment Can Be Taken Away Three Years After Purchase. *Housing Law*, 2024, no. 6. Available at: <https://www.consultant.ru>.

Научная статья
УДК 34.03
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.25

АНИСИМОВА Александра Сергеевна
Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород, Россия,
alexandrasoldatkina@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0006-0231-6190>

Original article

ANISIMOVA Alexandra Sergeevna
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ГАРАНТ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

LEGAL CERTAINTY AS A GUARANTOR OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS
IN A RULE-OF-LAW STATE

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью выявления проблем правовой системы в условиях интенсивного развития общества и государства, таких как усложнение законодательства, дефекты в нем и нестабильность правоприменительной практики, которые препятствуют реализации личностью своих прав и свобод. Для решения данных проблем необходимо обратиться к феномену «правовая определенность». Цель: обосновать гарантирующую функцию правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека и гражданина. Для достижения цели использованы следующие методы научного познания: с помощью метода анализа исследованы доктринальные подходы к пониманию категории «правовая определенность» и установлено, что ученые рассматривают ее как принцип права, характеристику и требование к содержанию правовой нормы, функциональное предназначение, четкое выражение правового статуса личности, характеристику правовой системы; с помощью метода синтеза предложено авторское определение данной категории; с помощью диалектического метода установлена двусторонняя направленность правовой определенности – как критерия качества работы органов государственной власти и как меры оценки эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина; выявлена взаимосвязь правовой определенности с принципами правового государства: верховенства права, разделения властей, гарантий прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности личности и государства; с помощью формально-юридического метода проанализированы положения Конституции РФ и правоприменительная практика для демонстрации негативных последствий правовой неопределенности. Результаты: сделан вывод, что благодаря правовой определенности закон становится понятным, действия органов государственной власти – предсказуемыми,

Abstract. The relevance of the article is driven by the necessity to identify problems within the legal system amidst the intensive development of society and the state. These problems include the increasing complexity of legislation, its defects, and the instability of law enforcement practice, all of which hinder the realization of individual rights and freedoms. In order to address these issues, it is necessary to turn to the phenomenon of “legal certainty”. Purpose: to establish the importance of legal certainty as a guarantor of the realization of human and civil rights and freedoms. To achieve this purpose, the following methods of scientific cognition are employed: by means of the method of analysis, doctrinal approaches to understanding the category of “legal certainty” are examined, and it is established that scholars consider it as a principle of law, a characteristic and requirement for the content of a legal norm, a functional purpose, a clear expression of an individual’s legal status, and a characteristic of the legal system; by means of the method of synthesis, the author’s definition of this category is proposed; by means of the dialectical method, the twofold direction of legal certainty is established: as a criterion for the quality of state authorities’ work and as a measure of the effectiveness of human and civil rights protection; the interrelation of legal certainty with the principles of the rule of law is revealed: the supremacy of law, separation of powers, guarantees of human and civil rights and freedoms, and the mutual responsibility of the individual and the state; by means of the formal-legal method, the provisions of the Constitution of the Russian Federation and law enforcement practice are analyzed to demonstrate the negative consequences of legal uncertainty. Results: the article concludes that due to legal certainty, the law becomes understandable, the actions of state authorities become predictable, and individuals

а личность получает защищенность; установлено, что правовая определенность выступает основой правовой системы, на которой строится правовое государство. При этом обеспечение права определенностью является задачей органов государственной власти, от ее решения зависит реальное признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью.

Ключевые слова: правовая определенность, права и свободы человека и гражданина, личность, правовое государство, гарантия прав и свобод человека и гражданина

Для цитирования: Анисимова А.С. Правовая определенность как гарант прав и свобод личности в правовом государстве / А.С. Анисимова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.25 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 226–232.

gain protection. The article establishes that legal certainty serves as the foundation of the legal system, upon which a rule-of-law state is built. Furthermore, ensuring the law through certainty is a task for state authorities, and the real recognition of human and civil rights and freedoms as the highest value depends on its implementation.

Keywords: legal certainty, human and civil rights and freedoms, personality, rule-of-law state, guarantee of human and civil rights and freedoms

For citation: Anisimova A.S. Legal Certainty as a Guarantor of Individual Rights and Freedoms in a Rule-of-Law State. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 226–232. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.25.

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В ч. 1 ст. 1 Конституции РФ закреплено, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Данное положение отражает направление развития правовой системы государства. Правовое государство представляет собой организацию политической власти, создающую условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений [1, с. 66]. Одной из идей правового государства является свобода человека и наиболее полное обеспечение его прав [1, с. 65]. Однако лишь обозначения в Основном законе государства правовым – мало. Для того чтобы оно действительно являлось таковым, необходимы конкретные нормы, из которых будут выстроены механизмы, отражающие сущность правового государства. Эффективным средством реализации этого механизма является правовая определенность. С ее помощью личность может беспрепятственно реализовывать свои права, провозглашенные государством.

Актуальность исследования правовой определенности как гаранта прав и сво-

бод человека и гражданина обусловлена рядом проблем:

- 1) усложнение законодательства, затрудняющее ориентацию субъектов права в нем;
- 2) качество законотворчества. Законодатель, используя оценочные понятия, зачастую не задумывается, что в дальнейшем будет необходимо конкретизировать ту или иную правовую норму. Мы согласны с Я.К. Чепенко, которая полагает, что состояние правового регулирования, характеризующегося пробелами, коллизиями, иными дефектами, порождает для субъектов правоотношений юридические и иные риски [2, с. 29];

- 3) правоприменительная практика не всегда единообразна и стабильна, что приводит к административному, судебному и иному произволу.

В совокупности обозначенные проблемы создают правовую неопределенность, при которой личность, наделенная всем объемом конституционных прав, не может предвидеть последствия своих действий, определить законность действий органов государственной власти, строить долгосрочные планы.

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Считаем целесообразным уточнить содержание категории «правовая определенность».

Проведя анализ юридической литературы, мы пришли к выводу, что единого подхода к пониманию правовой определенности нет. Различные авторы рассматривают ее как принцип права [3, с. 319], характеристику и требование к содержанию правовой нормы [4, с. 80], функциональное предназначение [5, с. 73], четкое выражение правового статуса личности [6], характеристику правовой системы [7]. Представляется, что данные подходы к определению категории «правовая определенность» являются взаимодополняемыми и позволяют сформировать наиболее полное представление о ее сущности. Мы, в свою очередь, предлагаем следующее определение правовой определенности: это качество правовой системы, характеризующееся стабильностью, ясностью, непротиворечивостью правовых норм и предсказуемостью их применения, что позволяет субъектам уверенно ориентироваться в правовом поле, планировать свои действия, имея представление о том, что последует за неисполнением какой-либо нормы.

Правовая определенность предполагает конкретность правовой нормы и характеризуется ясностью и четкостью формулировок, стабильностью правовых норм, общедоступностью и непротиворечивостью. Обратим внимание, что в словарном понимании «общедоступность» означает «вполне понятный, простой к изложению»¹. Закон должен быть сформулирован таким образом, чтобы он был понятен адресату. Ю.В. Романец верно отмечает, что возможность иметь точное представление о своем юридическом статусе является одним из естественных прав человека, имеющим нравственную природу и выражающим уважение к достоинству человека, способствующее его нравственному совершенствованию².

Важно также отметить, что правовая определенность имеет двустороннюю направленность. С одной стороны, она определяет качество работы органов государственной власти – то, насколько точно они действуют в рамках своих полномочий, а с другой стороны, является мерой оценки эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина.

1 Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17922> (дата обращения: 09.02.2026).

2 Романец Ю.В. Правовая определенность или безразказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 6.

МЕСТО ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Правовое государство – сложная форма организации политической власти, включающая в себя ряд взаимосвязанных принципов: верховенство права, разделение властей, гарантии прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность личности и государства. Следовательно, можно констатировать, что правовая определенность играет роль механизма реализации этих принципов.

Далее рассмотрим взаимосвязь правовой определенности с перечисленными выше принципами.

1. Верховенство права означает верховенство Конституции РФ и законов Российской Федерации, а также то, что органы власти, должностные лица, граждане и их объединения обязаны их соблюдать [8, с. 113]. Само право должно отвечать определенным требованиям, чтобы быть основным регулятором правоотношений. Ведь если его содержание неопределенно, оно не будет являться таковым. Наделение права определенностью позволяет сохранить его главенствующую роль в государстве.

2. Разделение властей заключается в разделении государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из ветвей власти независима и самостоятельна в реализации своих полномочий, а также не может осуществлять функции другой ветви власти. Данный принцип теряет свое значение в условиях правовой неопределенности. Если в законе отсутствует ясность, то законодательная ветвь власти фактически передает свою функцию судебной власти, которая через толкование вносит в норму содержание, изначально в ней отсутствовавшее. Поэтому благодаря правовой определенности органы всех ветвей власти получают возможность эффективно реализовывать свои функции.

3. Гарантии прав и свобод человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина могут считаться гарантированными, только когда их содержание полностью определено, существует непротиворечивый порядок их реализации, доступный и эффективный механизм защиты.

4. Взаимная ответственность личности и государства. Ответственность предполагает знание требований, за нарушение которых она наступает. Возникает вопрос: как можно требовать от гражданина соблюдения нормы права, содержание которой ему либо недоступно, либо допускает множественное толкование, либо имеет пробел? Так, в 2019 г. гражданин Дудинов Н.Е. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.7 «Нарушение правил благоустройства территорий поселений» Кодекса Волгоградской области об административной ответственности от 11 июня 2008 г. № 1693-ОД. После обращения гражданина Дудинова Н.Е. с жалобой в Волгоградский областной суд было установлено, что «...п. 4.11.3 Правил благоустройства, обеспечения чистоты и порядка на территории Оленьевского сельского поселения Дубровского муниципального района Волгоградской области, требования которого Дудиновым Н.Е. нарушены, не содержит ни четкого определения субъекта ответственности, на которого возлагается обязанность выполнения требования, содержащегося в названном пункте Правил благоустройства, ни конкретно определенного правила поведения»³. Таким образом, наделение права определенностью обеспечивает реальную возможность исполнения обязанностей, что является основой для справедливого привлечения к ответственности за их неисполнение.

Согласимся с позицией Н.И. Полищука, заключающейся в том, что недостатки правовой определенности причиняют вред не только конкретному человеку, группе лиц или обществу в целом, но и государству, так как низкая эффективность принимаемых правовых норм препятствует решению поставленных задач, подрывает доверие к государственной власти со стороны общества, наносит вред экономической составляющей государства и влечет за собой пренебрежительное отношение к праву как к одному из важнейших регу-

ляторов общественных отношений [9, с. 120]. Личность, столкнувшаяся с неясной нормой закона и противоречивой судебной практикой, утрачивает веру в способность права на защиту ее прав и интересов. Отсюда и появляется нигилистическое отношение, выражающееся в отрицании любых форм морали и права, поскольку они считаются иллюзорными и не имеющими смысла.

Отсутствие правовой определенности влечет за собой ненадлежащее правоприменение, что в дальнейшем влияет на состояние защищенности личности в государстве. Следовательно, укрепление правовой определенности является одной из задач государственной политики и юридической необходимостью, нацеленной на защиту от произвольного вмешательства государственных органов и иных лиц в жизнь граждан.

РОЛЬ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ГАРАНТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Для того чтобы разобраться, как правовая определенность выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина, необходимо обратиться к исходному началу отношений личности и государства. Таковым выступает конституционно-правовой статус личности [10, с. 58] – закрепленное конституционно-правовыми нормами положение человека в обществе. Основы правового статуса личности закреплены в гл. 2 Конституции РФ. Обратим внимание на элемент правового статуса «права и свободы личности» – установленные правовыми нормами меры возможного поведения лица, которые лежат в основе общеправового статуса человека и гражданина. Важно отметить, что в ст. 2 Конституции РФ закреплена обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Отнесение правовой определенности к гаранту прав и свобод личности обусловлено следующим. Во-первых, она выступает отправной точкой осознанной реализации права – совершения действий (либо воздержания от их совершения), направленных на удовлетворение законного интереса. Для того чтобы их совершить, личность должна понимать и

³ Решение по делу об административных правонарушениях – жалобы на вступившие в законную силу решения, постановления [Электронный ресурс] // Волгоградский областной суд : сайт. URL: https://oblsud-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1795682&delo_id=2550001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.02.2026).

представлять содержание принадлежащего ей права (в чем состоит, границы дозволенного, способы реализации, кто может содействовать в его реализации). Отсутствие такого понимания создает препятствие для реализации права, то есть делает ее затруднительной либо невозможной.

Во-вторых, правовая определенность является основой эффективной защиты права. Если право нарушено, оно нуждается в восстановлении. Но механизм судебной защиты работает лишь в том случае, когда заявитель может указать, какая именно норма и каким образом была нарушена. Если содержание права размыто и обязанности неконкретны, то доказывание факта нарушения становится сложным, а решение суда – непредсказуемым.

В-третьих, правовая определенность обеспечивает правовую безопасность личности. По мнению О.П. Сауляка, стабильность правопорядка предполагает устойчивость юридических норм, которые придают субъектам права уверенность в стабильности существующих правил «игры» [11, с. 177]. Согласимся с данным подходом, поскольку личность должна быть уверена, что государство, которое провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, не изменит свое отношение к ее интересам.

Далее рассмотрим правовую определенность как гарант прав и свобод человека исходя из их деления на личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурно-творческие.

Личные (гражданские) права и свободы являются естественными, неотчуждаемыми и принадлежат человеку от рождения независимо от гражданства: право на жизнь (ч. 1 ст. 20), на достоинство (ч. 1 ст. 21), на безопасность (ч. 2 ст. 21), на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23), на неприкосновенность жилища (ст. 25), на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы (ч. 2 ст. 24), на определение и указание своей национальной принадлежности (ч. 1 ст. 26), на свободу

передвижения, выбор места пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27) и др. С помощью правовой определенности обеспечивается защита личности от произвольного вмешательства в ее частную жизнь, так как в законе закреплены вполне понятные процедуры ограничения свободы и неприкосновенности. Правовая определенность придает личности уверенность в неизблемости своих естественных прав.

Политические права и свободы отражают позицию личности по отношению к государственной власти, ее политической свободе и возможность участия в политических процессах. К ним относятся: право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (ст. 30); право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 31); участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32); избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32); право на участие в референдуме (ч. 2 ст. 32); на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32); право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32) и др. Правовая определенность выступает основой реализации данных прав и свобод, устанавливая ясные и заранее известные процедуры участия в управлении делами государства, обеспечивает равные для всех условия.

Экономические права и свободы определяют возможности человека в экономической сфере. К ним относятся: право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34); право частной собственности; право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 1 ст. 35); право наследования (ч. 4 ст. 35); право иметь в частной собственности землю (ч. 1 ст. 36); право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37); право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37); право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискрими-

нации и не ниже установленного минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37) и др. В рамках данной группы прав и свобод с помощью правовой определенности устанавливаются основания возникновения и прекращения права собственности, исчерпывающий перечень требований к осуществлению предпринимательской деятельности и т. д. Тем самым создается основа для устойчивого экономического развития, при котором личность может свободно реализовать свои права в данной области.

Социальные права и свободы отражают возможности личности пользоваться материальными и духовными благами для удовлетворения своих потребностей. К таковым относятся: право на отдых (ч. 5 ст. 37); на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39); на жилище (ст. 40); на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); на благоприятную окружающую среду (ст. 42); на образование (ст. 43). С помощью правовой определенности устанавливается круг лиц, которым положены какие-либо социальные выплаты, критерии и порядок их получения. Можно сказать, она играет роль защиты наиболее уязвимых категорий граждан от ухудшения их положения в государстве.

Культурно-творческие права и свободы: право интеллектуальной собственности (ч. 1 ст. 44); на участие в культурной жизни (ч. 2 ст. 44); на пользование учреждениями культуры (ч. 2 ст. 44); на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44); свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1 ст. 44); свобода преподавания (ч. 1 ст. 44). Здесь правовая определенность создает баланс между свободой творческого выражения и необходимостью защиты других значимых ценностей, требуя полноты изложения норм права по установлению ограничений. Также эта группа прав гарантирует доступность объектов культурного наследия, устанавливая понятные правила пользования ими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая статью, сформулируем итоговые тезисы, имеющие значение в рамках проведенного исследования.

1. Правовая определенность – фундаментальное качество правовой системы, обеспечивающее стабильность, ясность, непротиворечивость правовых норм и предсказуемость их применения.

2. Правовая определенность одновременно выступает критерием качества работы органов государственной власти и мерой оценки эффективности защиты прав и свобод личности.

3. Гарантирующая функция правовой определенности является необходимым условием для реализации прав и свобод личности: для личных (гражданских) прав и свобод – выступает главным инструментом защиты от произвольного вмешательства государства в частную жизнь, устанавливая четкие границы дозволенного; для политических прав и свобод – создает основу легитимности, обеспечивая ясные и заранее известные правила и процедуры участия в политической жизни государства; для экономических прав и свобод – создает условия устойчивого развития личности; для социальных прав и свобод – выполняет защитную функцию по отношению к наиболее уязвимым категориям граждан; для культурно-творческих прав и свобод – обеспечивает баланс между свободой самовыражения и необходимостью защиты иных значимых ценностей.

В правовом государстве личность должна доверять праву. Благодаря правовой определенности закон становится понятным для субъектов правоотношений, действия органов государственной власти – предсказуемыми, а личность получает защищенность. Именно правовая определенность выступает основой правовой системы, на которой строится правовое государство. Поэтому обеспечение права определенностью является задачей органов государственной власти, от ее решения зависит реальное признание прав и свобод человека высшей ценностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 245 с.
2. Чепенко Я.К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного Суда РФ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Я.К. Чепенко. – Санкт-Петербург, 2017. – 172 с.
3. Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Илюхина. – Москва, 2024. – 618 с.
4. Малько А.В. Правовая политика как средство устранения неопределенности в правовой системе общества / А.В. Малько // Государственно-правовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 78–85.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 279 с.
6. Велиева Д.С. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 302–309.
7. Бабаев В.К. Формальная определенность и возможности формализации законодательства / В.К. Бабаев // Советское государство и право. – 1978. – № 4. – С. 44–51.
8. Трусов Н.А. Конституционное право России: в схемах, определениях, цифрах и фактах : учебное наглядное пособие / Н.А. Трусов. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. – 469 с.
9. Полищук Н.И. Функциональная ценность принципа правовой определенности в нормотворческой политике государства / Н.И. Полищук // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 4 (50). – С. 115–120.
10. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва : Городец, 1999. – 382 с.
11. Сауляк О.П. Парадигма правопорядка: современное прочтение / О.П. Сауляк // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3 (266). – С. 166–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Александра Сергеевна – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Alexandra Sergeevna – Postgraduate Student at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 16.03.2026. The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

REFERENCES

1. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law. Moscow, Yurist Publ., 2004. 245 p.
2. Chepenko Ya.K. Legal Gaps in the Mechanism of Constitutional Support of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation (in Light of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2017. 172 p.
3. Ilyukhina V.A. Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (A Comparative Legal Study). *Doct. Diss.* Moscow, 2024. 618 p.
4. Malko A.V. Legal Policy as a Means of Eliminating Uncertainty in the Legal System of Society. *State Legal Research*, 2021, no. 4, pp. 78–85. (In Russian).
5. Leist O.E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 279 p.
6. Veliyeva D.S., Presnyakov M.V. Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 302–309. (In Russian).
7. Babaev V.K. Formal Certainty and Possibilities of Formalization of Legislation. *Soviet State and Law*, 1978, no. 4, pp. 44–51. (In Russian).
8. Trusov N.A. Constitutional Law of Russia: in Diagrams, Definitions, Figures, and Facts. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2022. 469 p.
9. Polishchuk N.I. Functional Value of the Principle of Legal Definiteness in Rule-Making Policy of the State. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, no. 4 (50), pp. 115–120. (In Russian).
10. Tikhomirov Yu.A. (ed.). Constitutional Legislation of Russia. Moscow, Gorodets Publ., 1999. 382 p.
11. Saulyak P. Paradigm of Legal Order: Up-to-Date Interpretation. *News of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2006, no. 3 (266), pp. 166–179. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.26

Original article

ЗИМАСОВА Алина Ахатовна
Уфимский университет науки и технологий;
Коллегия адвокатов «АртЛекс»,
Уфа, Россия,
zimasova.alina@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6042-8971>

ZIMASOVA Alina Akhatovna
Ufa University of Science and Technology;
ArtLex Bar Association,
Ufa, Russia

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ ИЛИ ПРОДЛЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE FORMATION OF A JUDGE'S INNER BELIEF WHEN DECIDING ON THE
APPLICATION OR EXTENSION OF PRE-TRIAL MEASURES OF RESTRAINT

Аннотация. Отсутствие в законе прямого запрета на рассмотрение дела по существу судьей, принимавшим в досудебном производстве решение о мере пресечения, делает проблему сохранения беспристрастности такого судьи особенно значимой. С одной стороны, постановление о применении меры пресечения не может содержать суждений, которые предопределяют вывод о виновности лица; с другой стороны, суд обязан мотивировать избрание конкретной меры пресечения, поскольку без достаточных оснований, установленных судом, ограничение передвижения и свободы недопустимо. При этом формальные критерии (соответствие судебного решения требованиям закона) не свидетельствуют о сохранении судьей беспристрастного отношения к подсудковому. Цели: выявить ключевые факторы, влияющие на беспристрастность судьи при избрании меры пресечения, определить связанные с этим проблемы в существующей процедуре судебного контроля. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации использовались для сопоставления и характеристики беспристрастности судьи при рассмотрении дела по существу и осуществлении судебного контроля при избрании меры пресечения; формально-логический позволил отследить, каким образом процедура избрания меры пресечения приобретает ревизионный характер; юридико-догматический и толкования правовых норм использовались при анализе и сопоставлении норм УПК РФ, позиций Верховного и Конституционного судов РФ, судебной практики, а также доктринальных источников. В результате установлено, что повышение требований к обоснованности избрания мер пресечения приводит к стиранию различий между подозрением лица в причастности к преступлению и окончательным выводом о его виновности.

Abstract. The fact that the law does not explicitly prohibit a judge who previously ruled on a pre-trial measure of restraint from presiding over the same case on its merits renders the problem of ensuring that judicial impartiality especially crucial. On the one hand, the ruling on the imposition of a measure of restraint must not contain statements that prejudice the issue of the accused's guilt; on the other hand, the court is obliged to justify the choice of a specific measure of restraint, as any restriction on movement and liberty is impermissible without sufficient grounds established by the court. At the same time, formal criteria (the compliance of a court decision with legal requirements) do not necessarily indicate that the judge remains impartial towards the accused. Purposes: to identify the key factors influencing judicial impartiality during the selection of a measure of restraint and to address the related challenges in the existing judicial review procedure. Methods: empirical methods of comparison, description, and interpretation were employed to assess and characterize judicial impartiality in the examination of a case on its merits and during judicial review in the imposition of measures of restraint. The formal-logical method demonstrated how the procedure for selecting measures of restraint assumes a revisionary nature. Legal-dogmatic analysis and interpretations of legal norms were applied to evaluate and compare the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the positions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial practice, and doctrinal sources. As a result, the article establishes that rising requirements for justification in the selection of measures of restraint lead to blurring the distinctions between suspicion of an individual's involvement in a crime and the ultimate conclusion of his guilt.

© Зимасова А.А., 2026

Ключевые слова: уголовный процесс, судебный контроль, мера пресечения, независимость судей, беспристрастность, отвод, виновность

Для цитирования: Зимасова А.А. К вопросу о формировании внутреннего убеждения судьи при принятии решения об избрании или продлении меры пресечения в досудебном производстве / А.А. Зимасова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.26 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 233–241.

Keywords: criminal procedure, judicial review, measure of restraint, judicial independence, impartiality, recusal, guilt

For citation: Zimasova A.A. On the Formation of a Judge's Inner Belief when Deciding on the Application or Extension of Pre-Trial Measures of Restraint. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 233–241. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.26.

ВВЕДЕНИЕ

Объем полномочий, которыми наделены судья, прокурор и руководитель следственного органа в современном уголовном процессе, различается в зависимости от реализуемой ими функции: судебного контроля, прокурорского надзора и внутриведомственного контроля соответственно. При этом судебный контроль на этапе досудебного производства носит ограниченный характер – в компетенцию суда входят лишь наиболее значимые вопросы, связанные с обеспечением конституционных прав и свобод (в том числе избрание и продление некоторых мер пресечения). Эффективность судебного контроля напрямую зависит от соблюдения принципа независимости судей, поэтому суду на этапе досудебного производства запрещается предрешать вопрос о виновности того или иного лица, принимать сторону обвинения или защиты, придавать своим промежуточным решениям преюдициальную силу. При этом исходя из позиций Верховного и Конституционного судов РФ, презюмирующих объективность и беспристрастность судей, которые ранее не рассматривали уголовное дело по существу, но осуществляли судебный контроль по этому же уголовному делу в досудебном производстве, не стоит полностью исключать фактор судейской корпоративности.

Больше всего вопросов возникает относительно беспристрастности судьи при рассмотрении дела по существу, если данным судьей еще в ходе досудебного производства в отношении лица избиралась и (или) продлевалась мера пресечения, особенно в виде заключения под стражу.

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ ИЗБРАНИИ И ПРОДЛЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В рамках данного исследования принципиально важно определить, какие фактические обстоятельства и в каком процессуальном порядке должны быть подтверждены в судебном заседании, чтобы постановление суда о мере пресечения соответствовало критериям законности и обоснованности.

Принимая решение об избрании меры пресечения, суд обязан мотивировать его конкретными фактическими данными, исследованными в ходе судебного заседания (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Судья должен проверить и оценить ходатайство и приложенные к нему материалы на наличие в них сведений о причастности к преступлению конкретного лица (абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ¹; далее – ППВС РФ № 41). После установления причастности для избрания меры пресечения нужно исследовать данные о наличии потенциальной возможности лица воспрепятствовать расследованию и дальнейшему разбирательству в суде (п. 3 ППВС РФ № 41). Также суд должен обосновать причину выбора конкретной меры пресечения, так как судья вправе по своему усмотрению назначить менее строгую меру, чем та, о которой ходатайствует сторона обвинения.

А.В. Смирнов считает, что «достаточная обоснованность подозрения в совершении ли-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8379/?ysclid=mbz5j4vs7012486101> (дата обращения: 20.01.2026).

цом преступления является необходимым условием применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу» [1, с. 40]. По его мнению, суд, решая вопрос о мере пресечения, обязан проверить, имелись ли объективные основания полагать, что лицо могло совершить вменяемое деяние, поскольку именно на судебную власть возлагается ответственность за определение степени обоснованности избираемых ограничений. А.В. Смирнов отмечает: «вывод суда о причастности лица к совершению преступления имеет характер предварительный и делается под условием, что представленные стороной обвинения доказательства найдут подтверждение в будущем, то есть в ходе судебного разбирательства данного дела по существу» [1, с. 43].

ГРАНЬ МЕЖДУ ПРОВЕРКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕМ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ ЛИЦА

Согласимся с утверждением А.А. Тарасова: «дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления означает не что иное, как согласиться с выводом ходатаев о причастности подозреваемого к совершению преступления еще до рассмотрения его дела по существу, т. е. вопреки презумпции невиновности» [2, с. 39–40]. Таким образом, у судьи формируется внутреннее убеждение, что обоснованное ограничение прав в виде принудительных мер было применено к надлежащему субъекту.

Запрет на обсуждение вопроса о виновности лица в ходе судебного заседания и на указание в решении суда на виновность (абз. 4 п. 2 и абз. 3 п. 29 ППВС РФ № 41) не является формальностью. Связанные с этим ошибки позволяют стороне защиты заявить отвод судье при рассмотрении дела по существу тем же судьей, который осуществлял судебный контроль за досудебным производством по уголовному делу, а также могут привести к отмене приговора.

Как уже указывалось, судья имеет право избирать и продлевать меру пресечения подозреваемому на этапе предварительного расследования, а потом рассматривать в отношении того же лица уголовное дело по существу. Закон в данном случае не устанавливает оснований для отвода. Однако использование в постановлении о мере пресечения формулировок, констатирующих виновность лица,

является проявлением предвзятости судьи. Подобное обстоятельство может служить основанием для ходатайства защиты об отводе судьи в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 61, ст. 64 УПК РФ), а в случае рассмотрения дела тем же судьей это приведет к отмене приговора, так как будет считаться, что приговор был вынесен незаконным составом суда (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ОТВОДУ СУДЕЙ

Рассмотрим ситуации на примере практики вышестоящих судов: какие формулировки в постановлении об избрании меры пресечения могут стать основанием для отвода судьи в первой инстанции и отмены приговора на стадии его обжалования, если судья не самоустранился от участия в производстве по делу, когда должен был, так как допустил формулировку, свидетельствующую о предположении виновности лица, которому была избрана мера пресечения.

Пример 1. Кассационная инстанция признала существенным нарушением тот факт, что судья, заключая П. под стражу, не только сослался на материалы дела, но и прямо указал на причастность его к инкриминируемому деянию. Как отметил Пятый кассационный суд общей юрисдикции, впоследствии, при рассмотрении уголовного дела по существу, этот же судья оказался связан ранее изложенными выводами относительно события преступления и собственной оценкой доказательств. Тем самым, по мнению кассационной инстанции, судья поставил под сомнение собственную объективность и беспристрастность. Именно формулировка, что «причастность П. к преступлению материалами уголовного дела подтверждена», послужила основанием для отмены приговора и апелляционного определения с направлением дела на новое рассмотрение².

Пример 2. Аналогичное решение было вынесено Шестым кассационным судом общей юрисдикции: уголовное дело рассматривалось по существу составом суда, который принимал решение в отношении Г. на досудебной стадии. Допущенные судьей формулировки

² Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2021 по делу № 77-631/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://5kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

свидетельствуют о выходе за пределы обычного подозрения: «10 июня 2020 года в неустановленное время Г. незаконно сбыл С.И.П. наркотическое средство массой 0,64 грамма, что является значительным размером», а также «12 июня 2020 года в период времени с 12 до 18 часов Г. незаконно сбыл С.И.П., действовавшему в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия "Проверочная закупка", наркотическое средство массой 1,30 грамма, что является крупным размером»³.

Пример 3. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции указал, что судом был сделан вывод о виновности еще на этапе досудебного производства. Обосновывая продление меры пресечения, судья указал: «совершенное обвиняемым Ж. преступление относится к категории особо тяжких, направлено против личности, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде длительного лишения свободы». Судья также сослался на протоколы явки с повинной, осмотра места происшествия, проверки показаний на месте, показания потерпевшего и самого Ж.⁴

Пример 4. Второй кассационный суд общей юрисдикции обнаружил однозначное суждение судьи о виновности Х. и И. при избрании и продлении заключения их под стражу. Судья допустил следующую формулировку: «И., Х. могут продолжить заниматься преступной деятельностью, оказать давление на участников уголовного судопроизводства, так как совершили особо тяжкое преступление, что свидетельствует о повышенной социальной опасности их личности, осознавая правовые последствия привлечения к уголовной ответственности и тяжесть совершенного преступления, могут скрыться от органов следствия и суда»⁵.

Пример 5. Второй кассационный суд общей юрисдикции выявил аналогичную недопустимую формулировку: «Б., осознавая правовые последствия совершенного им деяния, может скрыться от органов следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголов-

ному делу, а также продолжить заниматься преступной деятельностью»⁶.

Пример 6. Такая же позиция была выражена Первым кассационным судом общей юрисдикции, который выявил нарушения, допущенные при вынесении постановления о мере пресечения: «доказательствами, подтверждающими вину подозреваемого К., являются: рапорт об обнаружении признаков преступления КУСП № от ДД.ММ.ГГГГ, рапорт об обнаружении признаков преступления КУСП № от ДД.ММ.ГГГГ, заявление ФИО10, протокол личного досмотра ФИО10, протокол осмотра, пометки и вручения денежных средств; протокол добровольной выдачи предметов; протокол личного досмотра К.; протокол осмотра места происшествия по адресу: <адрес>; справки об исследовании №, № от ДД.ММ.ГГГГ; показания свидетеля ФИО11, показания подозреваемого К.»⁷.

Пример 7. Апелляционная инстанция вынесла такое же решение, как и во всех приведенных примерах: «суд указал в постановлении, что из представленных в обоснование ходатайства материалов усматривается, что орган предварительного расследования получил по делу достаточные данные, указывающие на событие преступления и причастность Кубанычбека у.Ж. к совершению расследуемого деяния, позволяющие сначала задержать его в качестве подозреваемого при наличии предусмотренных законом оснований, а затем с соблюдением процедуры, регламентированной главой 23 УПК РФ, предъявить обвинение». Согласно определению Московского городского суда судья первой инстанции должен был устраниваться от рассмотрения данного дела⁸.

Во всех перечисленных примерах суды вышестоящей инстанции отменили приговоры и вернули дела на новое разбирательство в суды первой инстанции, но в ином составе. При этом они руководствовались правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой судебные акты, принятые на досудебном производстве, не могут содержать су-

3 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 по делу № 77-3807/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://6kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

4 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 по делу № 77-4190/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://8kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

5 Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 по делу № 77-365/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://2kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

6 Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2019 по делу № 7У-428/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://2kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

7 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 по делу № 77-1672/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://1kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

8 Апелляционное определение Московского городского суда от 21.05.2020 по делу № 10-8134/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs> (дата обращения: 20.01.2026).

ждения, которые впоследствии ограничивают усмотрение судьи при постановлении итогового решения. К числу таких суждений относятся выводы о том, имело ли место преступное событие, доказана ли вина конкретного лица, обладают ли собранные доказательства достаточной достоверностью и полнотой, а также разрешение иных вопросов, способных в дальнейшем стать предметом судебного рассмотрения. Если судья вышел за пределы рассматриваемого вопроса в досудебном производстве, то его дальнейшее участие в разрешении дела по существу ставит под угрозу законность и обоснованность итогового судебного акта⁹.

В случае, когда ни одна из сторон не воспользовалась правом заявить отвод, мотивируя его тем, что при избрании меры пресечения судья уже выразил суждение о виновности лица, на первый взгляд, можно допустить, что участники согласны, чтобы данное уголовное дело было рассмотрено при участии данного судьи. Однако стороны не могут определять, надлежащий ли субъект рассматривает дело (это не зависит от их воли). Как известно, существенные нарушения влекут отмену приговора, а ненадлежащий субъект, рассматривающий дело, – это существенное нарушение. Судебная практика идет по пути оценки незаявления отвода в рассматриваемом случае как нарушения права подсудимого на рассмотрение дела законным составом суда, а не как «технической ошибки». Такая позиция в свое время была сформулирована Конституционным Судом РФ под влиянием позиций Европейского суда, согласно которой судье не следует подвергать сомнению собственные решения, равно как и пересматривать их¹⁰.

9 См., например: По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авериевича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 № 733-О-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

10 Европейский суд по правам человека к числу обстоятельств, достаточных для объективно обоснованного сомнения в беспристрастности судьи, относит рассмотрение судьями вопросов, о которых им ранее уже выносились соответствующие решения, так как судья не должен подвергать критике принятые им же решения либо осуществлять их пересмотр (см. постановления от 01.10.1982 по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии», от 24.02.1993 по делу «Фей (Feu) против Австрии», от 10.06.1996 по делу «Томанн (Thomann) против Швейцарии», от 29.07.2004 по делу «Сан Леонард Бэнд Клуб (San Leonard Band Club) против Мальты» и др.). Постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Практика знает случаи (особенно это применимо к отмене приговоров, вынесенных на основании суда присяжных), когда вышестоящие инстанции не признают определенные нарушения существенными для отмены судебного решения по конкретному делу¹¹. Некоторыми представителями адвокатского сообщества и процессуалистами такой выборочный подход оценивается отрицательно. Во-первых, потому, что это не соответствует правовой определенности, ставится в зависимость от оценки, данной вышестоящим судом; во-вторых, судебная практика складывается асимметрично – в пользу стороны обвинения, когда оправдательные приговоры в большей степени отменяются из-за «процедурных» нарушений¹².

Отсутствие четких критериев и расширение в этой части пределов судейского усмотрения судей вышестоящих инстанций нами также оценивается негативно.

ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫМ СУДОМ

Примеры судебной практики не исключают правильность мнения Е.В. Ежовой, что в ряде случаев речь идет лишь о формально корректных формулировках, содержащихся в процессуальных документах, что фактически не гарантирует отсутствия у судьи предубеждения о виновности лица, в отношении которого применяется мера пресечения [3, с. 54]. Проблема даже не в игре слов, к которой приходится прибегать судье при подготовке промежуточных судебных решений, она гораздо глубже.

Л.В. Головкин не без иронии отмечает, что полицейская деятельность является «ущербной» в отличие от «подлинно процессуальной судебной деятельности» [4, с. 23]. Из этого следует, что следователь должен сам стать частью судебной системы или иное лицо, носитель судебной ветви власти, должен в конечном итоге проверить и легализовать его действия,

11 См., например: Апелляционное определение Московского областного суда от 12.12.2019 по делу № 22-8132/2019 и апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2025 по делу № 10-13517/25.

12 Например, С.А. Насонов указал, что к негативным тенденциям можно отнести проявлявшееся отсутствие единообразия в практике производства в суде присяжных применительно к оценке тождественных нарушений УПК. Эта оценка варьировалась в зависимости от вида приговора – обвинительного или оправдательного (Насонов С.А. Суд присяжных: итоги 2025 года и прогноз на 2026-й [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2025-goda-i-prognoz-na-2026-y/> (дата обращения: 16.03.2026)).

придав им законную силу. Л.В. Головки указывает: «Кто может аргументированно доказать, что судья *a priori* (в силу одной своей профессии) более либерален или склонен к защите прав человека, нежели полицейский или прокурор? Единственный аргумент известен – судья независим, но независимость отнюдь не всегда является гарантией "либерального поведения" в духе защиты прав человека» [4, с. 22–23]. Мы согласны с Л.В. Головки в том, что появление следственного судьи (или судебного следователя) вместо существующей процедуры судебного контроля существенно не изменит сложившуюся судебную практику. Как ни перераспределяй полномочия между властными субъектами с контрольно-надзорными полномочиями, все равно произойдет адаптация под сложившуюся правовую действительность.

Не вдаваясь в подробности, в рамках данной работы все же отметим, что решение указанных проблем требует концептуального переосмысления подхода к судебному контролю в целом, а не только при избрании мер пресечения. Если мы идем по пути расширения пределов контроля за предварительным расследованием, наделяем суд большим объемом полномочий, то судья, понимая, что потенциально он может рассматривать данное уголовное дело по существу, не всегда может оставаться беспристрастным, поскольку он уже в досудебном производстве проверил законность и обоснованность уголовного преследования¹³.

Ни введение следственных судей, ни добавление нового основания для отвода не решают проблему в полной мере. Дело в том, что судебный акт, вступивший в законную силу (независимо от того, принят он обычным судьей или следственным), содержащий выводы об обоснованности обвинения, доказанности причастности конкретного лица к преступлению либо сходные по смыслу формулировки, игнорировать при последующем разбирательстве по существу невозможно. Вместе с тем, ес-

ли не проверять законность возбуждения уголовного дела и обоснованности подозрения в причастности лица, существует опасность, что факт незаконного уголовного преследования не будет своевременно выявлен. Это требует комплексного подхода с учетом правового положения следователя как независимого лица, а также с учетом полномочий прокурорского надзора в этой сфере, который также выступает гарантом законности (хотя прокурор и является стороной обвинения).

Не стоит идеализировать ни один из вариантов контроля за предварительным расследованием, в том числе при избрании меры пресечения, когда лицо, вне зависимости от итогового решения по делу, уже начинает претерпевать уголовно-процессуальное воздействие, принуждение в виде, например, помещения в следственный изолятор. Прокурор, следственный судья или «ординарный» судья не могут абсолютно гарантировать, что принятые ими решения не будут «влиять» на итоговое решение по делу. Суд, рассматривающий дело по существу и процессуально не связанный с ранее избранными мерами пресечения вне зависимости от того, кем они были избраны, в любом случае может назначить наказание исходя из «логики» ранее избранной меры. Законность и обоснованность заключения под стражу требуют от суда мотивированного указания на конкретные обстоятельства, в том числе характеризующие личность обвиняемого, из которых следует возможность назначения ему наказания в виде реального лишения свободы. Кроме того, избираемая мера пресечения призвана обеспечивать последующее исполнение приговора. Однако не всегда потребность в изоляции лица для целей дальнейшего расследования (чтобы оно не скрылось, не угрожало участникам процесса и т. д.) обуславливает назначенное ему наказание (вид наказания) в дальнейшем при постановлении обвинительного приговора.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ «продолжительность содержания под стражей не может предопределять вид и размер назначаемого судом наказания как меры уголовной ответственности ... при постановлении приговора суд, определяя вид и размер наказания, обязан назначить справедливое наказание, которое может быть мягче, чем лишение свободы, а при назначении лишения свободы – меньше срока содержания под стра-

¹³ «Сам вопрос о причастности лица к совершению конкретного преступления, думается, нельзя признать совершенно не связанным с выводом о его виновности» [5, с. 105–113]. «Общая проблема недостаточного обеспечения независимости судей и их беспристрастности при рассмотрении в том числе ходатайств органов уголовного преследования, которая проявляется в культивировании в правосознании судей сопричастности (ответственности) за качество и результаты предварительного расследования при осуществлении судебного контроля» [6, с. 261].

жей, отбытого в качестве меры пресечения»¹⁴. При этом Конституционный Суд РФ указал, что арест, задержание, заключение под стражу, несмотря на процессуальные различия, по сути являются лишением свободы. Поэтому подозреваемый, обвиняемый (до вступления в законную силу обвинительного приговора) не должны подвергаться ограничениям, которые в своей совокупности сопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием и тем более превышают его¹⁵.

УЧЕТ СУДОМ КВАЛИФИКАЦИИ СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ ДЕЯНИЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Согласно п. 21 ППВС РФ № 41 на первоначальном этапе производства по делу применение меры пресечения в виде заключения под стражу требует установления лишь обоснованности подозрения в совершении преступления соответствующей категории. Достаточным обоснованием для избрания меры пресечения служат указание на тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения реального лишения свободы на длительный срок, так как эти факторы указывают на риск того, что лицо попытается скрыться от дознания или предварительного следствия.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что, хотя обстоятельства, подтвержденные судами при избрании меры пресечения, имеют предварительный характер, суды тем не менее должны принимать во внимание «признаки наличия отягчающих наказание обстоятельств», в особенности если эти обстоятельства влекут возможность назначения наказания, связанного с изоляцией от общества. Дословно Конституционный Суд РФ в своем постановлении указал: «на должностное лицо возлагается обязанность пред-

ставить достаточные, убедительные *prima facie* (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, а равно сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости, сведения о том, совершено ли инкриминируемое преступление в сфере предпринимательской деятельности, о наличии или отсутствии тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей (ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 110 УПК РФ), и другие имеющие значение для решения вопроса о мере пресечения сведения, которые, включая обоснованность подозрения, проверяются судом, не входя в обсуждение вопроса о виновности»¹⁶.

Согласно п. 10 ППВС РФ № 41 судам также необходимо обращать внимание на нормы УК РФ относительно ограничений по назначению лишения свободы определенным категориям лиц. Например, в отношении несовершеннолетних ч. 6 ст. 88 УК РФ установлены ограничения, которые зависят как от категории совершенного преступления, так и от возраста лица.

В ч. 2 ст. 108 УПК РФ установлено исключение, позволяющее применять заключение под стражу в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, женщин с малолетними детьми, мужчин – единственных родителей малолетних детей, усыновителей, опекунов малолетних детей и детей-инвалидов, если они подозреваются или обвиняются в совершении преступления средней тяжести, сопряженного с насилием или угрозой его применения¹⁷. В связи с этим суд, следуя ранее выраженной позиции Конституционного Суда РФ, должен удостовериться, что инкриминируемое преступление относится к категории средней тяжести и в обвинении содержатся данные, что лицом было применено

14 По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

15 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2021 № 2121-О [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

16 По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

17 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.01.2026).

насилие или угроза его применения (и это подтверждается исследованными материалами).

ОТСУТСТВИЕ ГАРАНТИИ СОХРАНЕНИЯ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ СУДЬИ ПРИ ЗАПРЕТЕ ПРЕДРЕШАТЬ ВИНОВНОСТЬ ЛИЦА

Конституционный Суд РФ расширил предмет судебного контроля при принятии решения об избрании меры пресечения, руководствуясь принципами справедливости и соразмерности ограничений, налагаемых судом. Единственным компенсаторным механизмом по обеспечению независимости и объективности судьи остается указание, что он не вправе обсуждать вопрос о виновности лица.

На наш взгляд, этого недостаточно для сохранения беспристрастности: судья в досудебном производстве уже установил наличие события преступления, правильность квалификации деяния, причастность подозреваемого и тяжесть преступления, в совершении которого лицо подозревается. В случае, когда установленные в ходе предварительного следствия (дознания) обстоятельства, положенные в основу постановления об избрании меры пресечения, кардинально не изменились, не было выявлено новых обстоятельств, судья повторно оценит те же обстоятельства в ходе судебного разбирательства.

П.А. Лупинская также указывала, что такие завышенные требования к обоснованию заключения лица под стражу вынуждают суд преждевременно оценивать обстоятельства уголовного дела, производство по которому еще не завершено. Это сказывается на формировании обвинительного уклона, что негативно влияет и на дальнейшую судебную оценку при принятии иных решений по делу [7, с. 148–149].

В попытках не допустить произвольное принятие решения судом данная процедура начинает приобретать ревизионный характер, когда суд должен проверить законность возбуждения уголовного дела, задержания лица, предъявления ему обвинения и законность иных процессуальных действий. При этом судебный контроль не сводится исключительно к оценке соблюдения установленной процедуры со стороны органов уголовного преследования, он также предполагает анализ уголовно-правовых норм, подлежащих применению для решения вопроса о

назначении наказания в последующем, и углубленное изучение обстоятельств дела.

Выводы

1. Избирая меру пресечения, суд обязан убедиться в наличии фактических обстоятельств, обосновывающих ее применение к конкретному лицу. В ходе проверки обоснованности подозрения судья, с одной стороны, не должен формально изучать приложенные к ходатайству материалы, а с другой – не должен предрешать виновность лица. Суд в постановлении должен мотивировать свой выбор конкретной меры пресечения, так как у него есть право по своему усмотрению назначить более мягкую меру, чем та, о которой ходатайствуют стороны.

2. Несмотря на то что меры пресечения носят обеспечительный характер для исполнения приговора в дальнейшем (ч. 2 ст. 97 УПК РФ), судебный контроль за их избранием не должен становиться ревизионным. Попытка законодателя и высших судов страны обязать суды более детально подходить к рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения приводит к негативным последствиям (нивелированию границы), когда судья вынужден констатировать, что лицо причастно к установленному преступлению, не предрешая вопрос о его виновности. Достижение идеального баланса между защитой прав и интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и сохранением судом беспристрастности в уголовном процессе представляется невозможным. В таком случае судья, осуществляющий судебный контроль, оказывается перед выбором: либо проверять законность уголовного преследования, либо оставаться в пределах ходатайства, заявленного следователем. Введение следственного судьи данную проблему не решит.

3. По общему правилу, один и тот же судья может избрать и продлить меру пресечения, а затем рассмотреть дело в отношении этого же лица по существу и постановить приговор. Однако если будет установлено, что судья при избрании и (или) продлении меры пресечения утратил объективность, то он подлежит отводу; если судья все-таки вынес итоговое решение по делу, то приговор подлежит отмене, а дело должно быть рассмотрено заново судом первой инстанции в ином составе (так

как дело первоначально было рассмотрено незаконным составом суда). Проблема заключается в том, что фактически индикатором утраты беспристрастности судьей признаются формулировки, содержащиеся в обосновании избрания меры пресечения. Наличие или отсутствие указаний на совершение лицом преступления не является абсолютно точным показателем утраты или сохранения объективности судьей. Предложить оставлять на

усмотрение суда вышестоящей инстанции вопрос о том, была ли утрачена судом объективность в связи с использованием в решении об избрании меры пресечения формулировок о виновности лица, мы не рискуем в силу приверженности принципу правовой определенности. Законность состава суда не должна быть связана с последующим процессуальным поведением судей и иметь оценочный характер, что усложнило бы правоприменение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А.В. К вопросу о правомерности судебного обжалования первоначального обвинения в ходе предварительного расследования / А.В. Смирнов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 36–44.
2. Тарасов А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности / А.А. Тарасов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 37–42.
3. Ежова Е.В. Объективность суда при осуществлении контроля за производством предварительного расследования / Е.В. Ежова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 50–56.
4. Головки Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления / Л.В. Головки // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 17–32.
5. Прошляков А.Д. О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу / А.Д. Прошляков, Л.А. Александрова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 6. – С. 105–113.
6. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2026. – 556 с.
7. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, Инфра-М, 2010. – 240 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зимасова Алина Ахатовна – ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права; адвокат.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zimasova Alina Akhatovna – Teaching Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law; Lawyer.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 30.04.2026. The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

Научная статья
УДК 347.232
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.27

Original article

СТУПИН Павел Александрович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
stupin-pavel@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-8413-2216>

STUPIN Pavel Aleksandrovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕКВИЗИТА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

THE TRANSFORMATION OF THE CRITERION OF GOOD FAITH IN ACQUISITIVE
PRESCRIPTION IN JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. В последнее время в судах рассматривается большое количество дел, в рамках которых истцы просят признать их право собственности на имущество в силу приобретательной давности. Несмотря на то что данный институт хорошо известен гражданскому праву, правоприменители зачастую испытывают трудности при разрешении подобных споров. В частности, сложность вызывает понимание реквизита добросовестности в рамках приобретательной давности. Цель: определить подходы в судебной практике к юридическому содержанию реквизита добросовестности в спорах о признании права собственности в рамках приобретательной давности. Методы: комплексного анализа судебной практики – для выявления закономерностей в подходах судов к реквизиту добросовестности в приобретательной давности; моделирования – для определения добросовестного поведения в различных ситуациях; исторический – при изучении истории формирования подходов к пониманию приобретательной давности. Результаты: выявлены изменения подходов в судебной практике к пониманию добросовестности в рамках приобретательной давности. Суды начинают исходить из того, что добросовестным является владение, возникшее на основании сделки с намерением передать свои права владельца на недвижимое имущество, не повлекшей соответствующих правовых последствий. Тем не менее в правоприменительной практике отсутствует единообразие и не редки случаи, когда при схожих фактических обстоятельствах суды выносят разные решения, не совпадающие с позицией высших судов.

Ключевые слова: приобретательная давность, добросовестность, недвижимость, земельный участок, владелец, собственник, право собственности

Для цитирования: Ступин П.А. Трансформация реквизита добросовестности в приобретательной давности в судебной практике / П.А. Ступин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.27 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 242–249.

Abstract. Recently, courts have been dealing with a large number of cases in which plaintiffs are seeking to establish their ownership rights to property on acquisitive prescription. Although this institution is well-known in civil law, law enforcers often encounter difficulties in resolving such disputes. In particular, understanding the criterion of good faith within the framework of acquisitive prescription poses a challenge. Purpose: to identify approaches in judicial practice regarding the legal content of the good faith criterion in disputes over recognition of ownership rights based on acquisitive prescription. Methods: comprehensive analysis of judicial practice is used to identify patterns in courts' approaches to the criterion of good faith in acquisitive prescription; modeling is employed to determine good faith behavior in various situations; the historical method is applied for studying the history of the development of approaches to the understanding of acquisitive prescription. Results: the article reveals changes in judicial practice approaches to the understanding of good faith within the framework of acquisitive prescription. Courts are increasingly recognizing possession as bona fide when it arises from a transaction aimed at transferring ownership rights to real estate, even if such a transaction did not lead to the proper legal consequences. However, law enforcement practice lacks consistency, and it is not uncommon for courts to reach divergent decisions in similar factual circumstances, which do not align with the position of higher courts.

Keywords: acquisitive prescription, good faith, real estate, land plot, owner, proprietor, property right

For citation: Stupin P.A. The Transformation of the Criterion of Good Faith in Acquisitive Prescription in Judicial Practice. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 242–249. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.27.

ВВЕДЕНИЕ

Глава 14 ГК РФ посвящена основаниям приобретения права собственности. Одно из них – приобретательная давность. Этот институт известен еще со времен римского права и направлен в первую очередь на введение вещей в гражданский оборот.

В дореволюционном российском праве институту приобретательной давности была присуща добросовестность. Б.Б. Черепяхин отмечал, что не во всех государствах законодательство предъявляет такое требование, как добросовестное владение. Правовед обращал внимание, что во французском праве необходимым условием является только добросовестное приобретение, без предъявления требования к добросовестному владению на весь его протяжении, однако в других странах закреплено положение о добросовестности на весь период владения. В советском праве ученый предлагал «признать, что добросовестность владельца должна иметь место во все время владения. При этом в момент приобретения мы должны проявлять особую строгость к давностному приобретателю» [1, с. 163].

Нельзя не отметить, что ученые-цивилисты спорят о наличии института приобретательной давности в советском гражданском праве. Н.В. Карлова и Л.Ю. Михеева полагают, что в советском законодательстве не было норм о приобретательной давности в первую очередь из-за отсутствия права частной собственности на землю [2].

В.Е. Карнушин считает, что предпосылки к появлению приобретательной давности в советский период содержались в ст. 59 ГК РСФСР 1922 г., в соответствии с положениями которой устанавливался запрет на истребование бывшими собственниками имущества, экспроприированного на основании революционного права или перешедшего во владение трудящихся до 22 мая 1922 г. В то же время ученый отмечает, что данная норма скорее закрепляет погасительную давность, а не приобретательную [3].

Согласно ст. 234 ГК РФ для приобретения права собственности владелец должен доказать, что он открыто, непрерывно и добросовестно владеет вещью. В результате сравнения первоначальной и ныне действующей

редакций ГК РФ можно сделать вывод, что нормы о приобретательной давности в части добросовестного владения не претерпели изменений. В то же время в правоприменительной практике происходит изменение подхода к понятию добросовестности в спорах о признании права собственности в порядке приобретательной давности. А.Д. Рудоквас указывает, что российское законодательство в норме о приобретательной давности опирается не на римско-правовое значение данного института, согласно которому он необходим для окончания спора, а на дореволюционное российское понимание о необходимости легализации неформального приобретения, то есть, по сути, для придания законности недействительным сделкам [4, с. 96].

Нельзя не отметить, что в 2009 г. была высказана точка зрения о необходимости отказа от добросовестности как реквизита приобретательной давности¹. Однако данное предложение законодателем воспринято не было.

К.И. Скловский полагает, что «добросовестность возможна именно в силу получения вещи по сделке о приобретении/отчуждении» [5, с. 487].

Е.А. Суханов указывает на ряд условий, при которых возможно приобретение права собственности по приобретательной давности, среди них отдельно упоминается добросовестное владение: «под добросовестностью в этом смысле следует понимать "субъективную добросовестность", т. е. извинительное незнание об отсутствии права собственности (титула) на вещь у ее отчуждателя (п. 1 ст. 302 ГК РФ), а не "объективную добросовестность" как отсутствие злого умысла» [6, с. 210].

Позиция Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с за-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щитой права собственности и других вещных прав»² (далее – постановление № 10/22) – один из первых судебных актов, который на уровне высших судов дает разъяснения по вопросам добросовестности применительно к приобретательной давности. До этого момента судебная практика не акцентировала внимание на данном вопросе. Суды отмечают, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Эта правовая позиция стала широко распространенной в правоприменительной практике.

Так, Верховный Суд Республики Башкортостан, рассмотрев дело, в апелляционном определении указал, что основанием для отказа в удовлетворении иска о признании права собственности на квартиру в порядке приобретательной давности является отсутствие добросовестного владения³. Фактические обстоятельства дела заключались в том, что истец долгое время проживал в квартире, вселение в которую произошло с согласия собственника, на момент рассмотрения спора – покойного. Фактический владелец квартиры имел регистрацию по месту жительства, вместе с ним проживала и его дочь. Отказывая в удовлетворении исковых требований, Верховный Суд Республики Башкортостан отметил: истец достоверно знал, что квартира ему не принадлежит на праве собственности, между ним и собственником сложились фактические отношения по предоставлению помещения по договору найма, сами по себе факты нахождения спорного имущества в пользовании, несение бремени расходов на его содержание не свидетельствуют о добросовестности владения.

В данной ситуации любопытен вопрос, можно ли считать владение дочери истца добросовестным для применения института приобретательной давности. Добросовест-

ность в институте приобретательной давности, как это было указано, является субъективной, а не объективной. Для поиска ответа на заданный вопрос можно логически продолжить развитие событий. Предположим, дочь полагает, что собственником является ее отец, которому отказали в удовлетворении его иска, о чем она не знает. После смерти отца дочь думает, что она фактически вступила в наследство, поэтому продолжает проживать в квартире, неся бремя содержания имущества и считая его своим.

В приведенном примере, с одной стороны, требование о добросовестности в рамках приобретательной давности формально соблюдено. С другой стороны, возможно злоупотребление правом, когда лица искусственно создают условия, при которых есть лицо, не знающее, что имущество не принадлежит пользователю на законном праве.

Однако, на наш взгляд, нельзя утверждать, что во всех таких случаях владение не является добросовестным. Полагаем, что суд не только может, но и должен установить добросовестность владельца, заявляющего соответствующее требование. Более того, не последнюю роль в таких спорах должно играть отсутствие правопритязаний иных лиц на спорное имущество, а также необходимость его ввода в гражданский оборот.

Еще более сложной является ситуация о добросовестности владения земельным участком. В п. 2 ст. 214 ГК РФ указано, что если земельные участки не находятся в частной либо муниципальной собственности, то они относятся к государственной собственности. Соответственно, законодатель закрепляет презумпцию государственной собственности на земельные участки.

В п. 16 постановления № 10/22 указано, что приобретательная давность может быть применена к бесхозным земельным участкам, а в отношении публичных участков применяются нормы земельного законодательства.

В производстве Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан находилось дело по иску гражданина о признании права собственности на земельный участок в порядке приобретательной давности. В обоснование своей позиции он указал, что проживает и зарегистрирован в индивидуальном жилом доме более 15 лет, данный дом постро-

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 (в ред. от 23.06.2015 № 25, от 12.12.2023 № 44) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8097/> (дата обращения: 14.03.2026).

³ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 13.10.2015 № 33-17738/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ен его дедом, имеет все необходимые разрешения и расположен на спорном земельном участке. Пользователи соседних земельных участков не возражают против признания за истцом права собственности. Суд отказал в удовлетворении требований, сославшись на то, что материалы дела не содержат доказательств предоставления земельного участка истцу, в связи с чем отсутствует совокупность обстоятельств, предусмотренных положениями ст. 234 ГК РФ⁴. Апелляционным определением Верховного Суда Республики Башкортостан от 17 сентября 2015 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения⁵.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции в своем определении от 30 июня 2025 г. по делу № 88-10557/2025 указал, что в отношении земельных участков применение приобретательной давности имеет специфику. Она состоит в том, что приобретательная давность может быть применена только к частным земельным участкам либо бесхозным, а все остальные участки являются публичными и не могут быть предоставлены в частную собственность по такому основанию⁶.

Таким образом, судебная практика на протяжении долгого времени исходит из того, что пользование публичным земельным участком не может быть добросовестным и право собственности на основании приобретательной давности в отношении таких земельных участков возникнуть не может.

В юридической литературе высказывается критика сложившейся ситуации. В качестве обоснования ошибочности отказа в применении приобретательной давности к публичным земельным участкам приводятся следующие аргументы: 1) правоподтверждающие

документы на земельные участки могут быть утеряны; 2) необходимость платы за пользование землей; 3) возможность включения земель сельскохозяйственного назначения в гражданский оборот для обеспечения продовольственной безопасности государства; 4) борьба с фактически бесхозными земельными участками [7].

Полагаем, что согласиться со всеми аргументами невозможно. Платность пользования землей может быть обеспечена подачей исков о взыскании денежных средств за фактическое пользование земельными участками. Такая практика распространена и реализуется уполномоченными органами⁷. Введение земельных участков в гражданский оборот и борьба с бесхозными участками возможна путем организации торгов и соблюдения всех необходимых процедур, предусмотренных действующим законодательством. Заслуживает внимания довод о невозможности предоставления документов, подтверждающих выделение земельного участка, в силу невысокой правовой культуры граждан и существенных изменений в общественно-политической жизни, связанных с появлением частной собственности и нового законодательства.

Еще одним ключевым судебным актом, разъясняющим критерий добросовестности в приобретательной давности, является определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3. В нем указано: добросовестность означает, что начало владения спорной вещью основано на внешне законных действиях и не было противоправным. Отдельно отмечается, что добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности положениями ст. 234 ГК РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательной давности. Верховный Суд РФ, напротив, делает акцент на том, что давностный владелец должен осознавать, что у него отсутству-

4 Решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 14.05.2015 по делу № 2-679/2015 [Электронный ресурс] // Ленинский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан : сайт. URL: https://leninsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=53026395&case_uid=a0f097e7-ac05-4508-9b4a-ba7a8a1e1842&delo_id=1540005 (дата обращения: 14.03.2026).

5 Решение Верховного Суда Республики Башкортостан от 17.09.2015 по делу № 33-16125/2015 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Башкортостан : сайт. URL: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=49467438&case_uid=470027af-d2f7-48f7-b9dc-cf50b110e4f1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.03.2026).

6 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2025 по делу № 88-10557/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.11.2025 № Ф09-3370/25 по делу № А60-31912/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2025 № Ф05-4015/2025 по делу № А41-29389/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет право на вещь⁸. Данная позиция и в дальнейшем высказывалась Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ⁹.

Несмотря на наличие достаточного количества разъяснений о добросовестности применительно к приобретательной давности, в судебной практике отсутствует единообразный подход. В качестве примера можно привести дело, которое было предметом рассмотрения в Шестом кассационном суде общей юрисдикции. Фактические обстоятельства заключались в том, что физическому лицу на время его работы было предоставлено помещение, после прекращения трудовых отношений истец продолжил проживать в данном помещении, был там зарегистрирован, нес бремя содержания и открыто владел. Шестой кассационный суд общей юрисдикции поддержал выводы нижестоящих судов, что действия истца не отвечают добросовестному владению, поскольку на момент вселения физическое лицо знало об основаниях своего пользования спорным помещением. Суд не принял ссылку на определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3, в обоснование указал: «вынесение Верховным Судом Российской Федерации определения по конкретному делу с участием иных лиц и с иными обстоятельствами дела основанием для отмены оспариваемых судебных постановлений не является»¹⁰.

Любопытным представляется и такое обстоятельство, как отказ в удовлетворении встречных исковых требований титульного собственника о признании не приобретшим право пользования жилым помещением, выселении без предоставления другого жилого помещения физическому лицу в рамках этого дела. Суд первой инстанции при рассмотре-

нии дела установил, что между сторонами сложились фактические отношения по договору социального найма¹¹.

Еще одним примером может служить определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции. В рамках дела истец просил признать право собственности в порядке приобретательной давности на квартиру, в которой он проживал, был зарегистрирован, вселился на основании договора с собственником. После смерти собственника истец продолжил жить в спорном помещении. Ответчиком, как и в первом примере, было подано встречное исковое заявление, но о признании права собственности за органом местного самоуправления, поскольку имущество является выморочным. При рассмотрении дела суд кассационной инстанции указал, что наличие договорных отношений между истцом и собственником жилого помещения не может служить единственным основанием для отказа в иске. Более того, судом дана правовая оценка невозможности истребования спорного помещения в связи с пропуском исковой давности публично-правовым образованием¹².

Анализ двух судебных актов показывает, что суды по-разному оценивают схожие фактические обстоятельства и принимают разные решения. Также нельзя не отметить, что в приведенном ранее в качестве примера деле, рассмотренном Верховным Судом Республики Башкортостан в 2015 г., и в деле, рассмотренном Третьим кассационным судом общей юрисдикции в 2023 г., при идентичных фактах результат рассмотрения диаметрально противоположный.

Позиция Конституционного Суда РФ

Существенные изменения в содержание понятия добросовестности в рамках приобре-

8 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 № 5-КГ18-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 78-КГ19-29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 № 4-КГ19-55 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.06.2020 № 4-КГ20-16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 № 88-15651/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29.01.2025 по делу №2-459/2025 [Электронный ресурс] // Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл : сайт. URL: https://yoshkarolinsky--mari.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=19041666&case_uid=9fd1ef50-9a12-430e-8af0-0a2fe1b8dab2&delo_id=1540005 (дата обращения: 14.03.2026).

12 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2023 № 88-16045/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тательной давности внес Конституционный Суд РФ в 2020 г. В своем постановлении от 26 ноября 2020 г. № 48-П (далее – постановление № 48-П) он выявил конституционно-правовой смысл п. 1 ст. 234 ГК РФ, в соответствии с которым признается добросовестным владельцем земельного участка лицо, владеющее данным участком на основании сделки с бывшим владельцем, имевшим намерение передать свои права владельца, однако сделка не повлекла соответствующих правовых последствий¹³.

Г.А. Гаджиев и А.П. Ревякин отмечают отказ Конституционного Суда РФ от формулировки признаков добросовестности применительно к приобретательной давности [8]. В то же время в постановлении № 48-П указывается на различия в понимании добросовестности для приобретательной давности и для защиты добросовестного приобретателя имущества. Конституционный Суд РФ ссылается на различные функции виндикационного иска и института приобретательной давности. Последний направлен на защиту как частных, так и публичных интересов, поскольку помимо приобретения права собственности истцом последствием возникновения такого права будет являться достижение правовой определенности, возвращение имущества в гражданский оборот, реализация фискальных целей.

Данное постановление интересно еще и тем, что предыдущему владельцу земельный участок принадлежал не на праве собственности, а на праве пожизненного наследуемого владения. Согласно ст. 267 ГК РФ распоряжение земельным участком, находящимся в пожизненном наследуемом владении, допускается только по наследству, а исходя из ст. 265 ГК РФ следует, что такие участки находятся в публичной собственности. В доктрине указывается на невозможность гражданского оборота земельных участков, предоставленных на праве пожизненного наследуемого владения [9]. Также отмечается, что и собственник лишен права заключать гражданско-правовые договоры, направленные на отчуждение такого участка [10].

¹³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова : постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, возникает противоречие, поскольку ранее указывалось, что в отношении публичных земельных участков институт приобретательной давности в ЗК РФ не закреплен. Такой же позиции придерживается судебная практика, которая датирована позднее выхода постановления № 48-П. Важно отметить, что законодатель до 30 декабря 2021 г. (то есть до принятия постановления № 48-П) предусматривал право гражданина зарегистрировать право собственности на земельный участок, принадлежащий ему на праве пожизненного наследуемого владения и предоставленный до дня введения ЗК РФ, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность¹⁴. Однако в последующей редакции формулировка нормы изменилась и на данный момент закон устанавливает, что если участок был предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения до введения ЗК РФ, то он считается предоставленным гражданину на праве собственности, кроме случаев, когда земельный участок ограничен в обороте.

Конституционный Суд РФ указал, что сама по себе презумпция государственной собственности на землю не может доказывать недобросовестное владение давностного владельца по причине нарушения принципа равенства субъектов гражданского права, а также противоречия статьям Конституции РФ о равном признании и защите разных форм собственности и равенства перед законом и судом.

На наш взгляд, данный вывод может быть подвергнут критике. Во-первых, отношения по распоряжению публичными земельными участками регулируются нормами земельного права, которое является публичным и имеет приоритет перед гражданским в вопросах распоряжения государственными землями (ч. 3 ст. 3 ЗК РФ).

Во-вторых, стоит отметить, что существование презумпций в праве обусловлено необходимостью направить судебное решение в

¹⁴ О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (в ред. от 05.04.2021 № 79-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.03.2026).

определенную сторону. С.А. Муромцев указывал, что отказ от презумпций значил бы «освободить притязания тяжущихся от их гармонии с природою юридических отношений и внести в суд господство произвола и злоупотреблений со стороны личных стремлений» [11, с. 154]. В постановлении № 48-П Конституционный Суд РФ фактически отошел от двух презумпций: презумпции государственной собственности на землю и презумпции знания закона.

В-третьих, распространение норм о приобретательной давности в отношении публичных земельных участков может привести к увеличению случаев злоупотребления правом. Действующее земельное законодательство предусматривает в подавляющем числе ситуаций предоставление земельных участков на торгах, то есть таким образом пополняется бюджет. Наличие возможности «занять» государственный земельный участок, а затем ввести его в гражданский оборот через институт приобретательной давности может привести к росту подобных действий, что негативно скажется и на гражданском обороте таких участков, которые будут исключены из него на 15 лет, и на фискальной политике государства. На наш взгляд, в отношении публичных земельных участков нельзя говорить о добросовестном владении.

Представляется более верной в постановлении № 48-П ссылка на фактическое приравнивание в действующем законодательстве права собственности и права пожизненного наследуемого владения, без критики презумпции государственной собственности на землю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт приобретательной давности известен еще со времен римского права, где он претерпевал изменения. Неудивительно, что в российском праве после закрепления такого способа приобретения права собственности, как приобретательная давность, она также подвержена трансформации. В доктрине

гражданского права добросовестность как реквизит давностного владения характеризуется по-разному. Некоторыми учеными высказывается мысль о необходимости отказа от определения добросовестности при давностном владении в контексте приобретательной давности. Такой же точки зрения придерживается Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

В судебной практике понятие добросовестности в институте приобретательной давности также является проблемным. Несмотря на довольно большое количество разъяснений Верховного и Конституционного судов РФ, нижестоящие суды выносят разные решения при схожих фактических обстоятельствах. Отсутствие единообразия в судебной практике – негативный фактор в развитии гражданских отношений, поскольку имеется правовая неопределенность, не позволяющая субъектам гражданского права предусмотреть, какое их поведение правомерно.

Стоит отметить, что в правоприменительной практике происходят изменения в понимании добросовестного владения, в первую очередь они связаны с тем, что в последних судебных актах Конституционного Суда РФ указывается на добросовестность владения, возникшего на основании сделки с намерением передать свои права владельца на недвижимое имущество, не повлекшей соответствующих правовых последствий. Позиция Конституционного Суда РФ соотносится с традицией дореволюционного российского права об устранении порока в сделке, последствием которого является приобретение права собственности по недействительной сделке. Подобные изменения могут позитивно повлиять на возможность введения имущества в гражданский оборот, однако кажется неверным распространение добросовестного владения в отношении публичных земельных участков, поскольку это противоречит презумпции государственной собственности на землю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б.Черепакхин. – 2-е изд. – Москва : Статут, 2020. – 479 с.
2. Карлова Н.В. Приобретательная давность и правила ее применения / Н.В. Карлова, Л.Ю. Михеева [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mq69ox1y47241508116> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Карнушин В.Е. Беститульное владение и его защита / В.Е. Карнушин. – Москва : Статут, 2015. – 176 с.
4. Рудоквас А.Д. Приобретательная давность и защита добросовестного приобретателя в Концепции развития законодательства о вещном праве / А.Д. Рудоквас // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 7. – С. 94–113.
5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – Москва : Статут, 2010. – 893 с.
6. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2024. – 626 с.
7. Анисимов А.П. К вопросу о признании права на земельный участок / А.П. Анисимов, Л.А. Резванова, Е.В. Смирнская // Современное право. – 2023. – № 3. – С. 74–80.
8. Гаджиев Г.А. О толковании добросовестности в институте приобретательной давности применительно к владению земельным участком / Г.А. Гаджиев, А.П. Ревякин // Экологическое право. – 2021. – № 2. – С. 21–27.
9. Леонова А.А. Эластичность как характеристика права собственности / А.А. Леонова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 12. – С. 54–83.
10. Шереметьева Н.В. К вопросу отказа от ограниченных вещных прав на земельные участки / Н.В. Шереметьева // Российская юстиция. – 2021. – № 2. – С. 17–19.
11. Муромцев С.А. Избранное / С.А. Муромцев. – Москва : Статут, 2015. – 446 с.

REFERENCES

1. Cherepakhin B.B. Works on Civil Law. Moscow, Statut Publ., 2020. 479 p.
2. Karlova N.V., Mikheeva L.Yu. Acquisitive Prescription and the Rules for Its Application. Available at: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mq69ox1y47241508116>.
3. Karnushin V.E. Non-titled Possession and Its Protection. Moscow, Statut Publ., 2015/ 176 p.
4. Rudokvas A.D. Acquisitive Prescription and the Protection of a Bona Fide Purchaser in the Concept for the Development of Legislation on Property Law. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2009, no. 7, pp. 94–113. (In Russian).
5. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. 5th ed. Moscow, Statute Publ., 2010. 893 p.
6. Sukhanov E.A. Property Law: Scientific and Educational Essay. 3rd ed. Moscow, Statute Publ., 2024. 626 p.
7. Anisimov A.P., Rezvanova L.A., Smirenskaya E.V. On the Issue of Recognizing the Right to a Land Plot. *Modern Law*, 2023, no. 3, pp. 74–80. (In Russian).
8. Gadzhiev G.A., Revyakin A.P. On the Interpretation of Good Faith in the Institute of Acquisitive Prescription as Applied to Ownership of a Land Plot. *Environmental Law*, 2021, no. 2, pp. 21–27. (In Russian).
9. Leonova A.A. Elasticity as a Characteristic of Property Rights. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2022, no. 12, pp. 54–83. (In Russian).
10. Sheremetyeva N.V. To the Question of Refusal of Restricted Real Rights to Land Plots. *Russian Justice*, 2021, no. 2, pp. 17–19. (In Russian).
11. Muromtsev S.A. Selected Works. Moscow, Statute Publ., 2015. 446 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ступин Павел Александрович – ассистент, аспирант кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stupin Pavel Aleksandrovich – Teaching Assistant, Postgraduate Student of the Department of Civil Law at the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 18.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 14.04.2026. The article was submitted 18.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 14.04.2026.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2026

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 2 (84) 2026.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 22.06.2026 г. Вышел в свет 30.06.2026 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 29,1. Уч. изд. л. 17,1. Тираж 75. Заказ 145.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12

